

зарождении ислама, мусульмане были невежественны, они не знали науки и задачи, что возникали перед ними были относительно несложными. Они еще не были в состоянии постичь мудрость Божию в полной ее глубине и постичь Бога, как это должно и необходимо. И Аллах, понимавший это, установил для них очень простые предписания, соответствующие уровню их тогдашнего понимания. Сегодня проходит восьмой век со дня хиджры (т.е., начала мусульманского летоисчисления, 16 июля 622 г., дата переселения пророка Мухаммада из Мекки в Медину) и в мире исламской науки за это время созданы тысячи различных книг, даже одной из подобных книг не существовало во времена хиджры. Тем не менее и сегодня обязанности простого мусульманина остались такими же, что были и в годы, когда ислам только зарождался, и Бог не требует от него чего-либо более того. Однако тот, кто обладает знанием и читает книги, должен идти дальше, постигая Бога более глубоко, чем это делает рядовой мусульманин. Именно такими людьми и являются арефы.»

Я обратил лицо к Сабахуддину Юсуфу Сумбули, известному под псевдонимом «Ареф» и спросил: «Согласен ли ты со всем тем, что сказал здесь Вамег?» Он ответил: «Да, о эмир.» Я сказал: «Тогда, отчего же вы, арефы, не изложите эту тему более просто и понятно, и не дадите необходимых в таких случаях толкований и разъяснений? Люди, обладающие знаниями должны в большей мере, чем простые мусульмане стремиться к постижению Бога, тогда почему вы употребляете такие слова, как «капище идолов» и т. д.?» Сабахуддин Юсуф Сумбули ответил: «О эмир, существуют две причины, не позволяющие арефам излагать эти темы на простом и понятном для всех языке и вместо этого, вынуждающие их прибегать к иносказательности и специальным терминам при изложении своих целей. Первая – заключена в том, что массы не в состоянии понять взглядов арефан. Вторая причина в том, что улемы (т.е. официальные богословы), боясь утратить свой вес и авторитет среди масс, настроены к арефам враждебно, они понимают, что если простые люди станут достаточно зрячими, чтобы узнать Бога в подлинном его смысле, они перестанут покорно следовать за улемами, подобно мотылькам, слепо кружащимся вокруг свечи. В этом случае, базар улемов придет в упадок и расстройство, их товар не будет более пользоваться спросом, а самим им придется закрыть свою лавку. И Мансур Халладж и Эйн-уль-Кузат Хамадани были убиты именно потому, что пытались простым языком, не обращаясь к специальным иносказательным терминам арефов, открыть глаза простым людям. Так, например, Мансур Халладж говорил: «Инна-аль-Хакк!» (т.е. я - есть истина) и пояснял, что: «поскольку Бог пребывает повсюду и нет места, где бы он не пребывал, поэтому он пребывает так же и во мне.» Его обвинили в том, что он притязает на то, чтобы считаться Богом, тогда как ни он, ни Эйн-уль-Кузат Хамедани, не имели таких притязаний. Они лишь говорили, что Господь, пребывающий повсюду, присутствует также и в них. И сегодня, если кто-то провозгласит «Инна-аль-Хакк», или, что Господь пребывает в

нем, будет обвинен в ереси и казнен. И пока «эрфан» (в словаре: 1- мистика, познание Бога, 2-знание, познание) не овладеет всем миром, положение останется прежним и арёфы, не имея возможность излагать свои идеалы открыто, простым и понятным языком, вынуждены прибегать к инносказательности и особой терминологии.»

Я чувствовал, что, как и утверждал Шейх Хасан-бен-Курбат, арёфы на самом деле обладают большими знаниями чем улемы и излагают вещи, которые приемлет разум. Кроме того, в ходе той встречи с арёфами Ширази, содержание которой я излагаю здесь вкратце и воздерживаюсь от каких-либо собственных замечаний, я понял, что эти люди, в отличие от улемов Ширази, хорошо знают Коран и при каждом подходящем случае делают ссылки на его аяты.

Во время беседы с арёфан, я спросил Шамсуддина Мухаммада Ширази, «Не твои ли стихи это?»

«Сокенон-э харам-э сатру аффоф-э малкут
ба ман-э рахнэшин бадэ-йе мастонэ заданд»
(Обитатели закрытого храма царства чистоты и целомудрия
Вместе со мною, сидящим у дороги нищим, пили пьянящее вино)

Хафиз ответил: «О эмир, глаза мои ослабли и я не вижу тебя так уж ясно, однако голос твой слышу хорошо. Да, это мои стихи.»

Я сказал: « Ты в этих стихах богохульствуешь, ибо представляешь Господа таким образом, будто у него есть некая обитель, храм. Кроме того, ты кощунствуешь, утверждая, что божьи девы, покинув его обитель-храм и присоединившись к тебе, стоящему у края пути, стали пить с тобою вино и впали в состояние опьянения.» Хафиз ответил: «О эмир, я не богохульствовал и не кощунствовал перед Богом. В первой строке этого бейта я говорил об обитателях закрытого и чистого храма и эти два слова «закрытый» и «чистый» доказывают, что понятие Божьего храма нельзя толковать в понимании обычного храма, храм Божий - это понятие скрытое, тайное, загадочное, его тайна не постижима для людей, и что там царят чистота и целомудрие. Я не утверждал, что в храме - обители Бога есть женщины, в моем стихе не упоминается название «женщина» или «дева». «Обитатели храма», но не «женщины храма». Так же не следует толковать храм в его обычном понимании, «храм» здесь - это место настолько святое, что туда нет входа для чужого. Я сложил эти стихи ранним весенним утром, стояла прекрасная погода, в воздухе носился аромат ширазских роз, сердце мое наполнила радость, я слышал пение соловьев и был настолько сильно охвачен волнением и радостью, что мне казалось - я участник во всем сущем бескрайней Вселенной, что в моем существе обитают ангелы, а я растворен в

существо тех ангелов, от преисполненности той радостью и появились эти строки.»

Я спросил: «Почему во второй строке ты пишешь, что «обитатели закрытого и чистого храма», т. е. ангелы, распивали с тобою вино и впадали в состояние опьянения, разве ты не знаешь, что вино нечисто и запрещено.» Хафиз ответил: «О эмир, винопитие - это иносказательный термин в «эрфана» (в словаре: 1-мистика, познание Бога, 2-знание, познание), его не следует толковать в прямом смысле, как употребление хмельного напитка, а в смысле обретения сокровенного знания от людей, обладающих совершенством. Подобно тому, как обычное вино, считающееся запретным, пьянит обычного человека, перенимающий истинное знание от обладателя совершенства, впадает в хмельное состояние. И каба́к, согласно терминологии «эрфана» - это место, где можно испытать такого вина, то есть, обрести истинное знание. В то весеннее утро я был охвачен такой великой радостью, что казалось, ангелы снизошли и ведут беседу со мной, раскрывая мне различные тайны, потому я и употребил слова «они пили со мною вино.»

Я сказал: «Какие же тайны поведали тебе, расскажи мне о них.» Хафиз ответил: «О эмир, в то утро грезилось мне, что ангелы раскрыли предо мной все тайны творения, то, что я ощущал было мечтой, фантазией и я не мог выразить это на обычном языке, разве что, вложив ее в сердцевину стихотворной формы. Каждый арэф, погружаясь в раздумье, испытывает при этом различные ощущения, которые невозможно передать словами, их невозможно вложить в словесную форму: ни в стихотворную, ни в прозаическую. Мы не можем описать те ощущения, как могли бы описать ощущения холода или тепла, мягкости или твердости так, чтобы каждый слушатель мог понять, о чем мы говорим. Слушатель не поймет, что мы имеем в виду. Я думаю, что всякий, независимо от того, арэф он или обычный человек, ранним весенним утром, вдыхая чистый воздух, полный аромата цветов, слыша пение соловья, утренний азан (т.е., призыв к молитве), ощущает некое состояние, которое никто не в силах описать. Поэтому я не в силах рассказать, о чем рассказывали (в моем воображении) ангелы, в чем состояла суть тайн творения, о которых они поведали мне, иначе я бы поместил в самое сердце стиха все то, о чем они мне рассказали.»

Я сказал : «О, сладкоречивый муж, ты сказал много прекрасных слов, которые убедили меня. Правда ли то, что ты знаешь наизусть всё содержание Корана?» Он ответил: «Да, о эмир.» Я сказал: «Начни читать аяты суры «Арафат» с самого конца ее, аят за аятом.» Хафиз сказал: «О эмир, ты хочешь, чтобы я начал читать суру с ее конца и излагать ее в обратном порядке?» Я сказал: «Если ты Хафиз (т.е. человек, знающий наизусть содержание Корана), то тебе должно быть под силу изложить аяты в обратном порядке, иными словами, начав читать их с конца.» Хафиз сказал, что это ему не под силу, и я сказал: «А теперь ты испытывай меня, назови

любую суру из Корана, чтобы я прочел все ее аяты с конца, в обратном порядке.» Хафиз ответил: «О эмир, я не смею подвергнуть испытанию такого человека, как ты.» Я сказал: «Я сам разрешаю тебе подвергнуть меня тому испытанию.» Хафиз назвал суру «Бакара» и я начал читать аяты той суры в обратном порядке, от конца и до начала. После седьмого по счету аята, Хафиз и остальные арёфы выразили свое восхищение. Хафиз сказал: «О эмир, я признаю, что по сравнению с таким ученым человеком, как ты, я не могу считаться Хафизом (т.е. знающим наизусть содержание) Корана!»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Поход на землю Лурестан.

Хотелось более частых встреч с арефами Ширази, бесед с ними, испытать ещё больше наслаждений от их высказываний, однако мне передали, что атабек Афрасиаб-бен-Юсуф шах, султан Луристана, во время следования через его земли одного из моих конных отрядов, вздумал требовать с них дань и, поскольку они не захотели платить ту дань, он всех их, а их было сто пятьдесят человек, перебил. Услышав ту весть, я, пожаловав каждому из арефов, собравшихся в моей резиденции, по тысяче золотых динаров, а шейху Хусейну бен Курбату я пожаловал пятьсот золотых динаров сверх той тысячи, что он ранее уже получал от меня, поручил своему сыну Миран-Шаху править Фарсом в мое отсутствие. При этом я сказал: «Никого в Фарсе не смещай с занимаемых ими должностей, и пусть все, кто до этого занимал какую-либо должность в Фарсе, остаются на своих местах и продолжают заниматься своим делом. Ибо остающиеся на занимаемой должности будут верными тебе, а если кого-то отстранишь, то будучи местным, он может заняться интригами и доставит немало хлопот.» Затем я разделил свое войско на три части, одну оставил в Фарсе в распоряжении сына, а с двумя другими я отправился в сторону Лурестана.

Идя на Лурестан, во время каждой стоянки, я собирал сведения о том крае. Все отговаривали меня от похода в тот край, говоря, что ставка Афросиаба-бен-Юсуф шаха расположена за горой, в местности, в которой гибнет любое войско, вступившее в неё. Мол местность та состоит из гор, вершины которых достигают небес, а так же ущелий, таких глубоких, что не увидишь их дна. А тебе, мол придется идти через те ущелья, где всего одна сотня воинов атабека Афросиаба будет в состоянии уничтожить сотню тысяч твоих воинов. Там, мол, текут реки, такие, как Симрэ, через которую не сможет переправиться никакое войско. Говорили, что в Лурестане живут люди, рост которых превышает два заръа и когда они издают рев, то даже огромные камни лавиной сыпятся с гор. Они живут сто пятьдесят лет, а женщины в горах Лурестана рожают детей вплоть до восьмидесятилетнего возраста.

Люди мне говорили: «О эмир, откажись от возмездия за кровь ста пятидесяти своих воинов, пролитую атабеком Афросиабом, и не доводи себя до гибели в Лурестане, особенно в горной местности.» Те, кто отговаривал меня от похода на Лурестан, говорили: «Если Афросиаб-бен-Юсуф шах, правитель Лурестана окажется в Хусейн-абаде, своей столице и не покинет ее, вряд ли тебе удастся сразиться с ним, потому что твои всадники не смогут преодолеть те горы, ущелья и реки, чтобы дойти до Хусейн-абада. В некоторых местах лес

настолько густой, что идя через него днем, приходится зажигать факелы, иначе из-за сплошного мрака там не пройти.» О многих еще других удивительных вещах рассказывали мне, приводили имена великих завоевателей прошлого и говорили: «Уже если сам Александр Македонский не сумел пробраться в Лурестан, как же ты хочешь попасть туда, чтобы сразиться с атабеком Афросиабом?» Люди, которые отговаривали меня от похода на Лурестан, были из простонародья и не знали истории. Они не знали, что Александру Македонскому не было дела до Лурестана, как и мне не было бы до него дела и я бы не стал искать сражения с его правителем, не погуби он моих воинов. Еще в Мавераннахре я собрал достаточно сведений о том крае. Причиной было то, что вначале я намеревался идти из Междуречья на Фарс именно через Лурестан. Но узнал, что на западе того края расположена горная цепь, протяженностью в шестьдесят фарсангов. Она считалась непроходимой и потому до той поры ни одно войско не пыталось войти в Лурестан с западного направления.

Однако с востока можно было попасть в Лурестан и я читал в исторических трудах, что с того направления чужеземные войска не раз вторгались в тот край, причем им удавалось захватить не только город Мал-э Амир, но и сам Хусейн-Абад.

Когда я выступил из Шираза, стояла середина лета, и если бы не пришлось принять решение о походе на Лурестан, то двинулся бы назад, в Мавераннахар. Как упоминалось, следуя из Мавераннахра в Астрабад, а затем, в Мазендаран, я всюду, где было возможно создал посты голубиной почты для того, чтобы регулярно получать сведения из тех краев, которые подпали под мое владычество. Между мною и сыном моим Шейхом Умаром, находившимся в Мавераннахре, действовала постоянная связь и если бы не события в Лурестане, я бы направил в Фарс Шейха Умара, сделав его правителем того края, а Миран Шаха взял бы с собой в Мавераннахр, однако упомянутые события заставили меня повременить с тем решением.

По пути в Лурестан, следуя заведенному правилу, я создал пост голубиной почты, чтобы не прерывалась связь со всеми подвластными мне землями. Вступив в Лурестан, мое войско шло боевым маршем, впереди, по бокам и позади его двигались разведочные дозоры, с тем, чтобы никому не удалось застать нас врасплох. На закате одного из дней мы достигли местности, за которой, как я знал, располагалось ущелье, требующее особой осторожности при прохождении через него. В той местности было несколько ветхих домиков и одна мельница, на холмах паслись немногочисленные стада овец и коз. Появился старик, высокий, крепкого сложения, с длинной белой бородой, с высокой шапкой на голове. Вокруг шапки был обернут кусок ткани, который делал ее похожей на огромную чалму. Я велел подвести старика ко мне и он

приблизился ко мне, высокий как прямая жердь. Обычно, приближаясь ко мне, люди испытывают робость, особенно, если я облачен в боевые доспехи. Однако тот старик не испытывал страха, находясь предо мной, на диалекте, который я понял с трудом, он спросил, что мне надобно?

Я сказал: «Вначале скажи, как называется эта местность?» Он ответил: «Асийаб-э (т.е. мельница) Айезэ.» Я сказал: «Я слышал, что Айзэ - это второе название города Мал-э Амир.» Старик показав куда-то за гору, сказал: «Мал-э Амир находится там, его также называют Айезэ, но здешнее место называется Асийаб-э Айезэ.»

Я спросил: «Старец, чем ты здесь занимаешься?» Старик на том же диалекте, труднопонятном для меня ответил: «Я – мельник.» Я спросил: «С каких пор ты являешься здешним мельником?» Старик ответил, что вот уже пятьдесят лет как он здешний мельник. Я спросил, сколько ему лет. Он ответил, что ему сто двадцать лет. Подумав, что неверно понял его, я повторил свой вопрос. Он снова подтвердил, что ему сто двадцать лет. Я сказал: «Подойди ближе» и когда он подошел, велел ему открыть рот, чтобы посмотреть на его зубы.

Мои слова рассердили старика и он сказал: «Разве я лошадь, чтобы ты разглядывал мои зубы?» Я ответил, что хочу увидеть его зубы, чтобы узнать, сколько их у него осталось. Старик открыл рот и я с удивлением увидел два ряда жемчужно-белых крепких зубов, среди которых не было ни одного выпавшего.

Я спросил: «Что за воду ты пьешь, что даже в ста двадцатилетнем возрасте твои зубы остались такими белыми и среди них нет ни одного выпавшего?» Старик показал на реку и сказал: «Я пью эту воду, что течет с той горы.» Я спросил: «Пятьдесят лет назад, до того, как ты стал мельником, чем ты занимался?» Старик показал на горы и сказал: «Я жил там, между нами и племенем Биранванд возникла ссора и я не смог оставаться далее в тех горах, переселился сюда и стал мельником.» Я спросил: «А сам ты из какого племени?» Он ответил, что из племени Равэнд. Я спросил, знает ли он атабека Афросиаба, правителя Лурестана. На лице старика появилось выражение ненависти и он сказал: «Я знаю этого, Чужака.»

Я спросил: «Так ты считаешь чужаками атабека Афросиаба и его предков, которые уже сто шестьдесят лет правят этим краем?» Он ответил: «Атабек Афросиаб, как и его предки - не лурестанцы, они явились сюда из других мест.» Старик говорил правду, атабеки не были уроженцами Лурестана. За сто шестьдесят лет до моего прихода в Лурестан, первый из них по имени Атабек абу Тахир вторгся в Лурестан из Хуза (т.е. Хузестана.-Марсель Брион) и тем

самым расширил свои владения. После него правителем стал его сын Атабек Хазарасп, которого сменил на престоле Атабек Тэклэ. До моего вступления в Лурестан, на его престоле уже побывало девять представителей той династии и Атабек Афрасиаб-бен-Юсуф шах был последним из них.

Старик продолжил: «Сто шестьдесят лет тому назад, когда сюда пришел Атабек Абу Тахир, мой отец, видевший его, говорил, что тот был настолько мал ростом, что его можно было принять за ребенка. Жаль, что мой отец уже некоторое время не встает с места и не может передвигаться, не то я бы привел его с собой и он рассказал бы тебе как Абу Тахир пришел в Лурестан и что он здесь творил.» Я спросил: «Разве отец твой, видевший Абу Тахира, все еще жив?» Старик ответил утвердительно. Я спросил с удивлением, сколько же лет в таком случае его отцу? Он ответил, что тому сто семьдесят лет. Я сказал, что обязательно должен увидеть его отца, просто необходимо увидеть человека, дожившего до ста семьдесяти лет. *(Даже сегодня, в районе горного Лурестана средний возраст жителей составляет сто лет-Марсель Брион).*

Я встал и пошел в сопровождении нескольких из своих военачальников, следуя за тем стариком. Старик ввел нас в одну из лачуг, внутри её я увидел другого старика, который сидел на земле, привалившись спиной к стене и вытянув перед собой ноги. Он был без шапки, волосы его выпали, а борода была длинной и совершенно белой.

Приведший нас мужчина, говоря по лурски, представил меня своему отцу и тот дряхлый старик начал говорить и я понял, что у него нет зубов. Через сына я спросил его, в самом ли деле он видал Атабека Абу Тахира, когда тот пришел в Лурестан? Старик ответил утвердительно. Он сказал: «Я видал его, его сына Хазараспа, внука Тэклэ и всех других потомков, пока жил там, за горным хребтом, но с той поры как переселился сюда, никого из них больше не видал и не ведаю, чем они занимаются.» Я спросил: «О старец, сколько же годов жизни Господь даровал тебе?» Он ответил: «Сто семьдесят.»

Я спросил: «Ведь ты не грамотен и нет у тебя календаря. Как же ты сосчитал годы своей жизни?» Старик-лур ответил мне через сына: «Ежегодно, как только выпадает первый снег в горах, я делаю зарубку кинжалом на стволе дуба. Когда я покинул горы и спустился сюда, на стволе дуба насчитывалось сто двадцать зарубок. Переехав сюда, я нанес сто двадцать зарубок на стволе дуба, что растет на холме с тем, чтобы не потерять счет прожитым годам и с той поры опять, как только выпадает первый снег, я делаю очередную зарубку. Если пройдешь к тому дереву, то увидишь, что на его стволе насчитывается сто семьдесят зарубок.» Я спросил, какой он веры? Он ответил, что его вера - это вера в Бога. Я сказал: «Бог есть у множества верований, какому из них ты следуешь?» Он

ответил: «У Бога нет множества верований, Бог един и вера в него одна.» Я спросил, есть ли у него какое-нибудь желание. Он ответил, что у него нет никаких желаний. Я спросил, не боится ли он смерти. Старец рассмеялся и сказал: «Юноша, разве смерть представляет собою нечто, чего следует бояться?»

Я сказал: «О старец, повидавший мир, я – путник и должен идти дальше, не будь этого, я бы остался здесь и просил бы тебя побольше рассказать мне обо всем, что ты видел, потому что глаза твои в течении ста семидесяти лет, что ты жил, должно быть видели очень многое.» Старец сказал в ответ: «О путник, не теряй времени со мною, мои глаза не видели ничего, кроме гор, ущелий, дубовых лесов и стад горных овец.» Услышав те слова, я спросил про себя, неужто условием долгой жизни человека является необходимость того, чтобы он как можно меньше знал?

Выйдя из лачуги старца, я спросил его двадцатилетнего сына: «Как тебя зовут?» Тот ответил: «Гив.» Я сказал: «Я иду на Хусейн-Абад, готов ли ты быть моим проводником?» Гив ответил: «Если избереешь этот путь, тебе придется расстаться с лошадьми, потому что вряд ли вы сумеете, двигаясь верхом, преодолеть перевал, что расположен впереди, твоим воинам придется идти пешком. Но есть другой путь, более длинный, на том пути имеется одна большая преграда - река Симрз, но она имеет брод и ты можешь переправить через неё своё войско.»

Я спросил: «Если идти тем путем, сколько времени уйдет, чтобы добраться до Хусейн-абада?» Гив ответил: «Хороший наездник доскачет за десять дней, поскольку у тебя целое войско, то должно уйти пятнадцать дней.» Я спросил, где пролегает дорога, о которой он говорил. Гив, показав на юго-запад, сказал: «Хусейн-абад там, если идти пешком, дойдешь за три дня. Но если не хочешь, чтобы войско расставалось с лошадьми, тогда надо идти вот этой дорогой,» произнося эти слова, он очертил, указывая пальцем направление в виде дуги, идущей с севера, через северо-запад, на запад, а затем на юго-запад. При этом, как я понял, пришлось бы обойти часть горного хребта.

До вступления в Лурестан я знал о существовании той дороги, однако ее немалая протяженность вызвала у меня колебания, какую из двух дорог всё же выбрать, и поскольку обе они шли через Асийаб-э Айезз, я решил, что приму окончательное решение, как только доберемся до того места. К нам вернулась часть передового дозора, который доложил, что путь настолько узок и опасен, что всаднику по нему не проехать. Ширина пути не превышала нескольких ваджабов (т.е., пядей), а кое-где и того меньше, на такой тропе лошадь легко подскользнувшись, улетит в пропасть. Я был уверен в правильности суждений

старших воинов дозора, они были достаточно зоркими и все, что они говорили обычно подтверждалось впоследствии. Старшему дозора я передал, чтобы остановился и оставался настороже на случай внезапного нападения врага и на рассвете вернулся к войску, которое, как решили, пойдет на Хусейн-абад другой дорогой, и пусть на обратном пути этот дозор пойдет замыкающим в колонне войска. На рассвете следующего дня, Гив, поручивший уход за своим отцом одному из своих односельчан, явился ко мне и сказал, что готов отправиться со мною в путь.

Я питал доверие к этому ста двадцатилетнему человеку, чувствовал, что он искреннен и не мыслит о том, чтобы обмануть нас и заманить во вражеский капкан. Выслав вперед дозор, я велел дать Гиву коня и выступать. Сто двадцатилетний человек, показав на свои ноги, сказал: «Вот мои кони, на них я скачу достаточно быстро.» Гив не соврал, с самого первого дня, когда мы выступили из Асийаб-э Айедэ, он шел наравне со всадниками без признаков малейшей усталости. Дорога, которой мы шли, была горной, но в то же время и пригодной для передвижения по ней конников, как и всякий горный путь, местами она шла по краю глубокой пропасти. В некоторых местах нам встречались группы луров, шедших навстречу. Я же велел не допускать, чтобы кто-либо нас обгонял в пути, чтобы не дать атабеку Лурестана возможности преждевременно узнать о нашем приближении.

Однажды к вечеру я услышал вдали некий грохот. Спросив Гива, я узнал, что это водопады на реке Симрэ. Мы шли вперед и грохот горного потока становился все громче. И хотя в темноте мы остановились, как уверял нас Гив, на расстоянии целых пол – фарсанга от реки, ее грохот, усиленный горным эхом, оглушал, словно мы стояли рядом с тем самым водопадом. Наши кони, закаленные в боях и приученные к различным звукам, не боявшиеся даже грохота взрывов от пороховых зарядов, поначалу проявили сильное беспокойство, и долго не принимались за корм, ибо оглушительный грохот горного водопада был внове для них. Постепенно и они к нему привыкли и принялись поедать свой корм как обычно.

На моей родине текут большие реки Сейхун и Джейхун, но на них нет водопадов, и по ним налажено судоходство. Река Симрэ, что в Лурестане, из-за ее быстрого течения, порогов и водопадов не пригодна для судоходства. Шум ее водопадов оказался для нас невиданным до той поры явлением, до того времени я и не слышал, чтобы вода могла производить столь оглушающий грохот.

На следующее утро мы двинулись дальше и приблизились к самому водопаду. Я слез с коня, чтобы лучше разглядеть его. Ступив на землю, я почувствовал, что

и она содрогается от той силы с которой падала вода. Гив, чтобы иметь возможность переговариваться со мной, громко кричал, рассказывая, что в настоящее время воды в реке мало, а вот весной, она становится полноводной и тогда от ее шума падают камни с гор. При этом он показал на горы по обе стороны реки и я видел, что действительно, часть из камней скатилась вниз. Он добавил, что на этой реке есть еще несколько водопадов, однако ни один из них не был столь велик как этот, на глаз я прикинул, что его высота составляла примерно тридцать зарьов.

Осмотрев водопад, я вернулся назад, потому что нигде рядом не было пути для перехода реки. Гив все так же шёл пешком и вел нас к месту, где располагался брод. Он оказался очень широким, полагаю, что-то около четырехсот зарьов в ширину. И хотя я понимал, что глубина его должна быть небольшой, я все же проявил осмотрительность: прежде, чем пустить по нему войско, отправил вперед несколько своих всадников проверить глубину и убедиться, что на дне нет каких-либо ям. Такое часто встречается на реке Джейхун: человек переходя ее вброд и полагая, что всюду так же мелко может, дойдя до середины, где чаще всего бывают такие ямы, провалиться в одну из них и утонуть. На дне реки Симрэ ям не было и войско благополучно перешло ту реку, которая, по словам Гива, была самой большой в Лурестане.

Перейдя реку, я вновь направил вперед дозоры. И хотя Гив говорил, что впереди нас встретятся еще реки, тем не менее проявляя осмотрительность, я наказал дозору обращать внимание на водные источники, чтобы войско не осталось без воды. Многие реки, полные водой в весеннюю пору, могут высыхать к осени и, хотя, Гиву можно было верить, ошибка с его стороны не исключалась и войско могло попасть в местность, где невозможно будет найти воду. В один из дней дозорные донесли, что подошли к месту, где не пройти всаднику. Я спросил Гива, нет ли впереди какой-либо непроходимой горы? Он ответил, что впереди расположен горный дубовый лес, чтобы пройти его и спуститься вниз, моим воинам надо будет спешиться и вести своих коней взяв под уздцы.

Мы дошли до того леса и увидели, что он гуще, чем леса в Астрабаде, Гиляне и Мазендаране, кроме дубов, в нем не виднелось деревьев других пород. Гив, показывая мне некоторые из них, говорил, что их возраст превышает тысячу лет. Мы взяли под уздцы своих коней и медленно направились в гору заросшую тем лесом. Поверхность горы была песчаной, копыта коней скользили по ней, иногда попадались медведи, обитавшие в том лесу, которые, завидев нас, убегали в чащу, не было видно, чтобы здесь когда-либо проходили караваны, было похоже, что мы являемся первыми путниками, когда либо проходившими через тот лес. Гив сказал, что в Хусейн-абад нельзя попасть, не пройдя через

тот лес, и предупредил, что спуск под гору по тому лесу будет ещё труднее, чем подъем.

К полудню мы дошли до вершины горы, затем начали спуск, идя через лесную чащу. Склон горы, покрытый густым лесом был настолько крутым, что наши кони обязательно скатились бы по нему, если бы мы не догадались подвязать их веревками. Я велел подвязать веревку к луке седла каждого коня, после чего воины, стоя позади и удерживая веревку за другой ее конец, осторожно направляли животное вниз. Воины всем телом упирались в стволы деревьев, чтобы удержать спускаемых вниз животных. Под горой текла речка, мы видели ее сверху, однако наверху у нас не было воды и лошади мучались от жажды, и мы не могли напоить их, пока не окажемся внизу.

К вечеру половина моих воинов еще оставалась на вершине, но ночью светила полная луна - был четырнадцатый день месяца, мы воспользовались этим благоприятным обстоятельством и продолжали спускать своих лошадей вниз. Хотя мы и действовали очень осторожно, все же около пятидесяти из наших животных сорвались с горы, разбившись насмерть или сломав себе ноги. Около сотни моих воинов получили ушибы, к счастью, погибших среди них не было. Когда я сам достиг подножия горы, звезды на небе показывали полночь, несмотря на усталость, спать не хотелось, и я занялся устройством лагеря. Когда забрезжил рассвет, совершив утренний намаз и побеседовав недолго с Гивом, я постарался немного отдохнуть.

Гив сказал, что до Хусейн-абада остался один день пути, однако надо было двигаться таким образом, чтобы оказаться там на рассвете. Убедившись, что с лагерем все в порядке, я лег спать. Не проспал я и часа, как звуки боевой трубы разбудили меня, как принято в боевом походе я спал одетым, проснувшись я встал, вышел из шатра и спросил, нет ли каких-либо новостей. Мне доложили, что передовой дозор донес о движении в нашу сторону некоего пешего войска, похоже, что оно шло из Хусейн-абада.

Я спросил Гива, как он думает, чье это войско? Гив ответил, что в этих краях войска нет ни у кого, кроме атабека Лурестана. Я спросил, как мог Афросиаб-бен-Юсуф шах узнать о моем выступлении в Хасан-абад? Гив ответил: «В Ассийаб-э Айезэ все видели твое войско и поняли, что ты намерен идти на Хусейн-абад, а когда ты поменял направление, поняли также, каким путем ты решил воспользоваться для этого. Узнав обо всем этом, луристанский атабек поспешил выступить навстречу тебе со своим войском.» Я спросил его мнение о возможной численности вражеского войска. Гив ответил, что давно не имел сведений о положении в войске атабека, однако полагает, что при необходимости, тот может поднять все племя Биранвенд, однако, все они

пешие, безлошадные воины. Гив был прав, весть о моем выступлении на Хусейн-абад достигла до ушей атабека, который зная местные условия, понял, по какой дороге идет враждебное ему войско. Выступив навстречу, атабек просчитался, ибо покинул свой укрепленный горный район, да еще с пешим войском. Там, где я разбил лагерь, от реки до подножия горы простиралась ровная долина и я мог передвигать по ней своих конников в любом направлении. Останься атабек в своем горном районе, мне бы пришлось идти ему навстречу и там я бы не сумел использовать конное войско. Поистине, как писал Фирдоуси, атабек собственными ногами двигался к своей могиле.

До появления вражеского войска, мы свернули лагерь и войско выстроилось в боевой порядок, возвратившийся дозор, присоединился к основной части воинов. Я разбил войско на четыре части, три из которых расположил в центре и по флангам, четвертая же часть составила резерв. В это время, вдали показалось войско атабека, вышедшее из узкого ущелья, расположенного у подножия горы. Насколько можно было различить издали, я не увидел копий в руках у воинов атабека, мне стало ясно, что они вооружены лишь оружием для ближнего боя. Но численность войска была огромной, по моим подсчетам, что-то около восьмидесяти тысяч человек, которые шли в нашу сторону просто толпой, без каких либо признаков боевого построения. Все воины атабека были рослые, длиннорослые, некоторые даже седобородые. Шли они без боязни, подойдя ближе, стали осыпать нас камнями из пращи.

Моему войску было не впервой иметь дело с сыпавшимся на него градом камней. Такое мы встречали много раз, в том числе и в битве за Сабзевар, когда войско Али Сайфиддина осыпало нас камнями, имелись у них и копья, однако нас все это не испугало и мы победили. В бою, когда противник применяет пращу, надо стремительно нападать, чтобы избежать потерь от града камней. Я дал сигнал общей атаки и сказал Гиву-проводнику, чтобы тот отошел назад, дабы не быть убитым в битве. Он согласился и занял место в расположении резервного войска.

Я взял в левую руку секиру с длинной рукоятью, правой решил держать узду и направлять ход коня, и мы поскакали навстречу вражескому войску. Мои воины знали, что находясь под обстрелом пращников им следует нестись, пригнувшись к спинам своих лошадей, для того, чтобы представлять собой мишень как можно меньших размеров. Вы наверно спросите, почему в ответ на стрелы и камни врага, я не отдал приказа своим воинам ответить тем же самым и доставить ему немало хлопот? Я мог бы велеть своим начать ответный обстрел из стрел и камней в сторону лурестанцев. Но с точки зрения конечного результата боя, это было бесполезным делом. Биться - означает добиваться

победы, а значит, не следует терять время на дела, малополезные с точки зрения конечного результата.

Оба войска, мое и атабека, могли бы хоть десять дней осыпать друг друга камнями и стрелами, при этом ни одна сторона не добила бы ощутимого перевеса. В то же время стремительная атака с моей стороны могла подорвать устойчивость позиций вражеского войска и положить начало его поражению. Все мои конники, включая меня самого, стремительно понеслись галопом навстречу противнику. Неслись мы, пригнувшись к спинам лошадей, лишь изредка поднимая голову, чтобы видеть местность перед собой. Я несся в первом ряду, всем своим видом показывая своим воинам, что на поле боя я не считаю свою собственную жизнь ценнее жизни любого из них, что соответствовало действительности. Будучи правителем и Востока и Запада Вселенной, тем не менее, в бою, я оцениваю свою жизнь не выше жизни рядового воина, может, именно поэтому смерть до сих пор не брала меня. Я думаю те, кто боится смерти, неизбежно находят ее, и естественно, терпят поражение. Именно эти слова я высказал Йилдырыму Баязиду, правителю Рума, подчеркнув, что если бы он не боялся погибнуть, то не потерпел бы поражения (в соответствующей главе я поведаю о войне с Йилдиримом Баязидом подробнее). Как я рассказывал, при осаде крепости, я располагаюсь позади войска, на поле же боя, если бой тот имеет хоть какое-то значение, я неизменно занимаю свое место в первом ряду и никогда мне не пришлось жалеть о том. Потому что мой личный пример побуждал воинов и их начальников драться еще более отчаянно и самоотверженно.

Я знал, что прежде, чем мы успеем сойтись с войском атабека, мы потеряем часть воинов и, в особенности лошадей. Однако в ходе каждой атаки такие потери неизбежно приходится переносить, без них невозможно войти в соприкосновение с врагом. В момент соприкосновения мои воины издали боевой клич, я тоже подхватил его. Я не хотел, чтобы мои воины в момент боя издавали рев, им я этого пожелания не высказывал, однако заметил, что и сам не могу удержаться от того, чтобы не издать воинственный клич. Если сам я не могу удержаться и издаю торжествующий рев, как я могу требовать от других не делать этого? Кроме того, доблестного воина нельзя ограничивать в чем либо, если сделаешь такое, скажешь, дерись молча, не реви в бою, не гони своего коня слишком быстро, и т. д., в ответ он будет вести себя нерешительно и все это скажется на его боевых качествах.

Приближаясь к передним рядам пехотинцев атабека, я закинул уздечку, которую до того удерживал в правой руке, себе за голову, правая была свободна, ею я выдернул из ножен саблю. Воины лурестинского атабека были вооружены саблями, секирами и булавами, они умели биться и было видно, что

вовсе не боялись нас. Еще вначале схватки я обратил внимание, что если бы атабек вооружил своих воинов еще и длинными копьями, я был бы вынужден отступить. В этом случае, им бы удалось вывести из строя наших коней, вынудить нас биться пешими с вражескими воинами, превосходящих наших ростом и физической мощью. Слева от меня воин-лур ударом булавы завалил лошадь одного из моих конников и, прежде, чем я подоспел на выручку, он убил и всадника. Моя секира опустилась на его хребет, он ужасно заорал и через мгновение его труп скрылся под копытами наших коней. С правой стороны мне грозили нанести удар саблей, но я опередил, нанеся удар своим клинком по руке врага и хотя рука не была отсечена лур, не в состоянии драться дальше, опустился наземь, по нему так же пронеслась лавина моих конников.

И хотя командующие обоими флангами моего войска знали возложенную на них задачу, тем не менее я направил к ним гонцов, через которых я еще раз подчеркнул, что враг проявляет стойкость и отвагу, что следует как можно скорее обойти его с флангов и нанести удар с тыла. В ходе битвы я время от времени окидывал взглядом окрестности, надеясь обнаружить присутствие атабека Афросиаба-бен-Юсуфа. Однако это не удавалось сделать, так как не было тому каких-либо отличительных знаков. На лурских воинах не было надето ни шлемов, ни лат, ни кольчуг, вместо шлемов на их головах были войлочные шапки, черного или коричневого цвета, которые были большими и по форме напоминали котел. Они не могли защитить голову от удара секирой, однако могли смягчать удар саблей. Все мои воины носили шлемы, латы, кольчуги или по крайней мере так называемый кэж-аканд (*боевой кафтан, набитый крученым шелком, предназначенный защищать от ударов саблей-Автор*).

Изготовление доспехов, шлемов, кольчуг дело хлопотное и дорогостоящее, обычно правители стараются не нести таких расходов, поэтому нередко воины идут на битву без оных. Я тоже был таким в молодые годы, видя, что воины, идущие на битву, не имеют надлежащих доспехов, не стремился устранить тот недостаток. Потому что изготовление боевой одежды воинов обходится дорого, а я в то время не располагал достаточными средствами.

По мере расширения моих владений и роста своего боевого опыта, я все больше придавал значение боевой одежде в сражении, приходил к убеждению о том, что если правитель хочет иметь сильное войско, он должен за счет собственной казны заботиться об обеспечении воинов боевыми доспехами, так же исправно, как выплачивает им денежное пособие. Поняв значимость боевых доспехов, я велел лучшим мастерам Керенда, Исфагана, Рея и Ташкента, изготовить для моих воинов в различных количествах латы, кольчуги, шлемы. С того дня и по нынешний, оружейники Мавераннахра и Ирана постоянно изготавливают

боевые облачения для моего войска. И сегодня, все мои воины и их начальники выходят на битву, полностью облаченными в боевые доспехи, в результате, вражеские стрелы, копья и клинки наносят им меньше вреда.

В битве с атабеком Лурестана, несмотря на то, что многие из моих конников не имели на теле других защитных доспехов, кроме «кэж-аканда», тем не менее чувствовалось их превосходство над лурами. Луры, получив ранение, валились наземь, тогда как мои конники выходили из строя только в случае получения действительно серьезной и тяжелой раны. Атабек Лурестана не имел резервного войска, что указывало на то, что он не сведущ в военном деле. И еще то, что атабек, которого пока что мне не удалось высмотреть, не отступил, также изобличало его незнание военной науки. Ибо, если бы Афросиаб-ибн-Юсуф шах знал военную науку, он бы понимал, что когда живой силе войска грозит окружение и тому невозможно воспрепятствовать, в этом случае следует отступать. Отступив, он мог бы, используя особенности местности, закрепиться на новых позициях и продолжать оказывать сопротивление. Но если он не отступит, то непременно будет окружен и разбит. Если бы атабек приказал в тот день своему войску отойти на исходные позиции, у меня бы возникли трудности с его окончательным разгромом. Потому что победа над многочисленным войском врага в условиях горной местности, да еще таким, как войско атабека, состоящим из воинов, не испытывавших страха, была трудной задачей и мне, возможно, пришлось бы вернуться назад, так и не одержав победы и вместо этого понеся тяжелые потери. Затем я узнал, что луры считают для себя позором отступать, и в бою никогда не прибегают к отступлению (как к маневру), на том же месте, где сошлись с противником, они остаются и оказывают сопротивление, пока не погибнут или не одолеют противника. Хотя я и узнал, что луры считают позором отступление в бою, тем не менее я утвердился во мнении о том, что будучи невежей в военном деле, атабек не понимал выгоду отступления, если бы это было не так, он бы в тот же день увел свое войско из долины в горы и расставил своих воинов на высотах, чтобы те осыпали нас камнями. В этом случае, желая пройти через гору, мы бы все до последнего погибли от обрушающихся на нас камней, а если бы нам и удалось окружить ту гору, то и это было бы бесполезным, поскольку на ней росло множество дубовых деревьев, и луры могли питаться, превращая в муку желуди и выпекая из той муки хлеб, тем более, что воды там было предостаточно.

Несмотря оказываемое лурами сопротивление, наши фланги сумели прорваться вперед, обогнуть с обеих сторон войско атабека и выйти навстречу друг другу в его тылу. Когда войско атабека было полностью окружено, мне незамедлительно донесли об этом, и я, находясь в центре войска, усилил свой нажим, а мои фланги начали атаку врага с тыла. Вдруг я заметил человека, с длинной черной бородой, с булавой в руке, в высокой войлочной черной шапке,

обмотанной шелковой тканью, скачущего верхом и оравшего: «Кто из вас Тимур-шах?» Я крикнул: «Что за дело у тебя к Тимур-шаху?» Он ответил: «Я хочу биться с ним!» Я спросил: «Кто ты есть?» Он в ответ крикнул: «Я - атабек Луристана, Афрасиаб!» По виду того человека было похоже, что он говорит правду. Потому что, помимо почтения, с которым луры обращались с ним, на нем были роскошные одеяния, а на поясе висел кинжал, ножны которого были отделаны драгоценными камнями. Я крикнул: «Я готов сразиться с тобой! Вели своим воинам очистить место для поединка!» Тот человек что-то сказал своим воинам, те отошли назад, очистив место.

Я велел своим сделать то же самое, чтобы создать пространство для ожидаемой схватки. На других участках поля битвы продолжался яростный бой. Мои воины, звавшие о том, что противник окружен, старались пробить бреши в его рядах и раздробить его на мелкие группы, которые легче было уничтожать и брать в плен. Но на том месте, где лицом к лицу стояли я и атабек, битва временно утихла и воцарилась тишина. Я слышал, что правящие атабеки Лурестана не происходят из коренного населения того края, что они пришлые. В тот же миг, когда атабек Афросиаб приготовился к схватке со мной, хотя он и был верхом, я по длине его туловища и ног понял, что он не такой рослый, как его луры.

Атабек Музаффар крикнул: «Эй, Тимур-шах, у тебя оружие в обеих руках, тогда как у меня - лишь в одной. Положи наземь оружие из одной из рук, чтобы мы бились в равных.» Я ответил: «Эй, атабек Афросиаб! Господь дал человеку две руки, чтобы он пользовался ими обеими. Если бы он хотел, чтобы человек пользовался лишь одной рукой, он ему дал бы лишь одну руку. Поэтому оставлять в бездействии левую руку равносильно святотатству в ответ на милость, которой Господь наделил человека. Тем не менее, ради того, чтобы мы были на равных, я отложу в сторону оружие, до того находившееся в одной из моих рук, и ты сам назови, от какого вида оружия я должен отказаться.» Атабек сказал: «От того, что ты держишь в правой руке.» Я сказал: «Итак, я вложу в ножны свою саблю и буду драться секирой, которую держу в левой руке.» Атабек потому настоял, чтобы я отложил оружие своей правой руки, что полагал, будто я, подобно ему, умею хорошо владеть лишь ею. Он не знал, что с того дня, как была ранена моя правая, я пользуюсь в основном левой рукой и, что хотя я умею фехтовать правой, писать ею не могу, тогда как левой я могу также и писать. После того, как я вложил саблю в ножны, атабек погнал своего коня вперед и в тот день я понял, что луры из всех видов оружия, больше предпочитают булаву, потому что управляются ею лучше, чем с другими видами. Атабек по этой причине выбрал для себя булаву, резко натянув поводья, он, описывая огромную дугу, понесся на меня.

Всюду слышался шум битвы, но здесь царила тишина, как мои конники, так и луры затаили дыхание. Все ждали, чем кончится поединок между мной и атабеком Лурестана. Атабек, поравнявшись со мной, замахнулся булавой, намереваясь обрушить ее на мою голову. Я так же привел в движение своего коня в сторону от линии атаки атабека. Я поднял своего коня на дыбы и булава, нацеленная на мою голову, не коснувшись даже шлема, скользнув вдоль моего корпуса, угодила в левую ногу. Пользуясь тем, что мой конь встал на дыбы, я ударил секирой, рукоятка, которая имела изрядную длину, одновременно с моментом, когда мой конь стал опускаться на свои передние ноги.

Я уже однажды упоминал, что когда конь поднимается на дыбы, следует замахнуться саблей или секирой, чтобы когда животное под тобой начнет опускаться на передние ноги, сила твоего удара и движение коня слились и дополнили друг друга, в результате получится слитный и мощный удар, сокрушающий врага. Когда моя секира опустилась на бедро атабека, удар был настолько сильным, что разрубил его бедренную кость и я увидел, как Афросиаб-бен-Юсуф шах, уронив голову на луку седла, выронил булаву из рук.

Я знал, что теперь луры бросятся на нас, поэтому, выхватив из ножен саблю, я крикнул своим воинам, чтобы приступили к атаке. И в этот момент между моими воинами и лурами завязалась яростная схватка вокруг казавшегося безжизненным тела атабека. Лурам хотелось быстро вынести атабека из сражения, тогда, как мои воины стремились захватить его в плен, и в конце-концов им это удалось.

Я знал, что моя секира разрубила бедренную кость атабека и велел нескольким из своих воинов перенести его в тыл нашего войска и поместить в спокойном месте, а так же сказать, чтобы перевязали его рану. В тот же миг, я велел передать своим военачальникам, бившимся в различных местах того сражения, чтобы они дали понять, стоявшим против них лурам, что я пришел в их места только с целью наказать атабека Афросиаба за убийство ста пятидесяти моих воинов и не хочу воевать с самими лурами. Теперь, когда атабек ранен и стал моим пленником, я не намерен дальше биться с ними, поэтому они могут сложить оружие и сдаваться в полной уверенности, что им не будет причинено никакого вреда. Однако луры продолжали драться, не обращая никакого внимания на призывы наших «джарчи» (т.е. глашатаев).

Я подумал, что, возможно, луры не понимают языка наших джарчи, и велел привести Гива-проводника, до того находившегося в тылу войска, чтобы он разъяснил лурам, что я не намерен дальше драться с ними и пленив атабека Лурестана, хотел бы считать войну оконченной. Этого ста двадцатилетнего человека посадили на лошадь, чтобы луры могли лучше разглядеть его, и он

начал говорить с ними на их языке и разъяснил им, чего я от них хочу. Однако, я увидел, что невзирая на все эти разъяснения, луры не прекращают сопротивляться и требуют возвратить им пленного атабека.

Я сказал Гиву-проводнику: «Передай лурам, у меня были счета только с атабеком Афросиабом-бен-Юсуф шахом, потому, что он умертвил моих воинов, которые ему ничего плохого не делали, я не собирался воевать с лурами Пушт-э Куха, но они составляли войско атабека, и дрались за него и только поэтому между ними и нами произошло сражение, и теперь, когда атабек мой пленник, я им его не отдам и они не сумеют отнять его у меня. Даже если допустить невероятную мысль о том, что у них достаточно сил отнять его у меня, в этом случае я убью его и они получат от меня лишь его труп. Самым разумным для них будет сложить оружие и уйти, ибо я не собираюсь ни брать их в плен, ни взывать с них выкупа. Но если они продолжают сопротивление, в результате чего погибнет еще дополнительное количество моих воинов, то одержав над ними победу, я поступлю согласно законов войны и не освобожу пленных пока не получу выкупа и те, кто не будет в состоянии уплатить его - будут умерщвлены или проданы в рабство, если конечно выпадет такая возможность!»

Гив-проводник передал лурам мои слова и они начали советоваться друг с другом, было видно, что сказанное мною оказало на них воздействие, но один из них с седой бородой, переговорив с окружающими его людьми, сказал, обращаясь ко мне, что-то такое, чего я не понял. Гив пояснил: «Этот человек готов вместе с другими девятью лицами предложить себя в пленники вместо атабека и ты будешь волен казнить их всех при условии, что взамен отпустишь на волю атабека.» Я ответил Гиву: «Скажи им, что даже если вместо десяти, окажется тысяча человек из их числа, готовых добровольно принять смерть и отдать себя в мое распоряжение для того, чтобы я казнил их в обмен на свободу атабека, и тогда я не дам ему свободы. В настоящее время атабек серьезно ранен и если он от этого умрет, я выдам им его тело, и они смогут похоронить его, где захотят. Но если он выживет, тогда я увезу его с собой и предам казни в том месте, где он умертвил сто пятьдесят моих воинов, и велю закопать его труп там же, рядом с их могилами, с тем, чтобы души убиенных обрели покой, зная, что они отомщены.» После чего я велел Гиву закончить те переговоры, чтобы я знал, то ли они считают разумным сложить оружие и отправляться по своим делам, то ли мне следует истребить их всех до единого.

Луры все колебались, однако видя, что они полностью окружены и нет возможности спастись бегством, а их дальнейшее сопротивление не спасет атабека, сложили оружие и сдались, и я сказал своим военачальникам: «Пропустите их и пусть они идут по домам.» Луры отправились домой, в свои горы, война была окончена. Тот осенний день был коротким, вечер наступил

быстро и хотя война считалась завершившейся, я назначил дозоры и организовал лагерь таким образом, чтобы нас не застала врасплох какая-либо ночная атака. Я не исключал возможности, что луры, сложившие оружие и отправившиеся восвояси, могут вернуться с оружием в руках.

После захода солнца с гор подул прохладный ветер и несмотря на то, что моя правая нога, как упоминалось, была ушиблена в ходе схватки того дня, я вышел из шатра и подставил свое тело потокам того ветра. Спустя немного времени, появилась полная пятнадцатидневная луна, осветившая поле битвы, которое было усеяно тысячами тел павших людей и животных. Поле битвы в лунном свете казалось бесконечным, при таком освещении число трупов выглядело большим чем на самом деле. Иногда в обширной степи шевелилась тень и я знал, что это двигаются ноги или голова какого-либо раненного и все еще не умершего коня. Такого шевеления не было среди человеческих тел, все они были мертвы, ибо раненных уже унесли с поля боя.

На следующий день мы погребли своих павших в той степи, луры же делали то же самое после нашего ухода, так степь очистилась от людских останков, но не от лошадиных трупов, кости которых будут видны десятки лет спустя, проезжая по той местности люди будут знать, что здесь когда-то произошло большое сражение. Видя тысячи трупов, освещенных лунным светом, я испытал гордость, ибо все убиенные в той битве, в тот день и в той степи, нашли свою гибель по моей воле, не будь на то моя воля, они бы не погибали.

Я считал себя могучим до такой степени, что мог подобно Богу предавать смерти массу людей, вместе с тем я не был в силах подобно Творцу небес и земли, оживить их вновь. *(Тимурленг несмотря на то, что был ученым человеком и хорошо разбирался в стихах, тем не менее, поэтическими чувствами видимо не обладал и поэтому вид множества погибших на поле брани в ту лунную ночь, ничего другого, кроме чувства гордости за свою силу, в нем не вызывал, также примечательно, что эта личность ни на одно мгновение не испытала сожаления при виде тысяч трупов, лежащих на поле брани, так, словно это были камни в степи.-Марсель Брион).*

В то время, как я обозревал поле битвы, ветер донес звук, напоминающий вой, издаваемый хором. Я вызвал Гива-проводника и сказал: «Еще не так уж холодно, чтобы волки были ночами, а этот звук, это явно вой, неужели его издают волки?» Гив ответил: «Нет, о человеке, это горестный плач луров, в нем содержится их мольба.» Я спросил: «О чем та мольба?» Гив ответил: «Они собрались у подножия горы, ибо не знают с каким лицом возвращаться им в свои дома и шатры, ибо их спросят, что же случилось с атабеком. Если погиб, то почему не принесли его останки? Поэтому они молят, испытывая крайнюю

безнадежность.» Я сказал: «Луры сегодня так доблестно сражались, просто удивительно то, что они так плачут.» Гив сказал: « Луры, то есть луры – мужчины не плачут, кроме случаев, когда теряют своего вождя, и потому льют слезы, что потеряли своего атабека.» Я сказал Гиву: «Сходи, посмотри каково состояние атабека.»

Старик ушел, вернувшись, он сообщил, что состояние атабека крайне тяжелое, как ни стараются лекари, им не удастся остановить обильное кровотечение из его раны. Я сказал: «Кровотечение не прекращается потому, что полностью разрублена его бедренная кость, и лекарь сделал все, что мог, соединив и крепко привязав два обрубка той кости. Но лекарь сказал для того, чтобы кость срослась и прекратилось кровотечение, атабека нельзя двигать с места по крайней мере в течении месяца. Между тем, атабека уже сегодня несколько раз перемещали с места на место. А завтра, похоронив погибших и снявшись отсюда, мы опять же заберем его с собой.»

Гив сказал: «Если так, то он неизбежно умрет.» Я ответил: «Сам он виноват в своей смерти, он убил моих воинов, а сегодня так же сам потребовал поединка со мной, в результате чего удар моей секиры разрубил его бедренную кость.» Какое-то время в ночи еще раздавался плач и стенания луров, затем я уснул. Наутро мы занялись погребением останков погибших и подготовкой войска к обратному пути, и я знал, что нам опять придется взбираться наверх по той лесистой горе, с которой мы спустились. Пока мы хоронили мертвых, вдали виднелась темная масса луров, они стояли на противоположной стороне долины, у подножия горы и явно не собирались возвращаться в свои шатры и дома.

К полудню мне доложили, что атабек впал в предсмертную агонию. Я прошел к нему и убедился, что это правда, и что тот человек вскоре должен умереть и еще до захода солнца Афрасиаб-бен-Юсуф шах, атабек Лурестана покинул этот мир, и я велел пердать лурам его останки.

Несколько моих конников вместе с Гивом-проводником направились к лурам и через него передали им, что атабек умер и что они могут придти чтобы забрать и унести его тело. Луры так обрадовались той вести, как если бы получили радостную весть об одержанной ими победе. Получив тело атабека, они ушли. В лурестанской битве мои воины не поживились какой-либо добычей, причем немалое число их погибло. По двум причинам мои солдаты не могли получить достойных трофеев. Во-первых, все богатство Лурестана состояло из бараньих стад, от которых им никакой пользы не было, не могли же они гнать те стада через горы в города, чтобы там продать их. У луров не было ни драгоценных камней, ни золота, ни серебра, в районе Пушт-э Куха не было других городов,

кроме маленького Хусейн-абада, которые можно было бы подвергнуть разграблению. Второй причиной было наступление осени и я не мог оставаться в Пушт-э Кухе на зиму, войско мое бы погибло. Добыча, которую можно было бы наскрести в Хусейн-абаде и захват овечьих стад не стоила сохранности моего войска, которое я рисковал потерять, останься я там на зиму. Целью моего похода было лишь примерно наказать атабека Лурестана, мне это удалось сделать собственноручно и теперь была пора идти назад.

На рассвете шестнадцатого дня того месяца, мы начали подъем на лесистую гору, мы возвращались той же трудной дорогой, что и пришли. Я оставался у подножия горы, пока все мои конники не добрались до ее вершины, решив, что покину эти места вместе с последними воинами. Я понимал, что при возвращении на нас неожиданно могут напасть луры: увидев, что часть нашего войска находится на вершине горы, они могли осмелев атаковать нас, поэтому одновременно следя за отходом войска, я не упускал из виду задачу предупредить возможную атаку со стороны луров. Однако, как я узнал об этом позже, луры, озабоченные доставкой останков атабека в Хусейн-абад, ни о чем другом не думали, кроме как о том, чтобы скорее добраться до него, передать тело близким, доказав тем самым, что они доставили домой, как требовал того обычай, тело своего погибшего правителя..

Мы не могли вести своих лошадей прямо в гору, потому я велел устроить узкую наклонную дорогу, достигавшую до середины горы, по которой вполне могла пройти одна лошадь, а от середины горы к вершине животных уже тащили, обязав веревками. Шестнадцатый, семнадцатый и восемнадцатый дни месяца ушли на устройство той наклонной и извилистой дороги, по которой лошадей доводили до середины высоты той горы. Затем люди, находившиеся на вершине, тащили веревку, привязанную к лошади, а та, поддерживаемая таким образом, перебирая ногами, поднималась дальше наверх.

В войске нашем имелось определенное количество мулов, и хотя их тоже пришлось доставлять на вершину с помощью веревок, с ними пришлось легче, потому что это животное быстро передвигается по неровной местности, чего не умеют лошади, кроме того, при подъеме в гору, кони быстро выдыхаются, тогда как у мула или осла дыхание остается ровным, поэтому для провоза груза в горах лучшее вьючное животное - это мул.

Три дня длилось восхождение на ту гору, за это время двести человек из нашего войска сорвались вниз, гибли или получали ранения от этого, таким же образом мы лишились и части из своих лошадей, но в конце-концов достигли вершины. Я взошел на ту вершину в составе последнего отряда, а затем начался спуск с нее. К тому времени похолодало, а когда мы перешли по броду реку Симрз,

начал лить осенней дожди, которые продолжались без перерыва в течении трех суток и прекратились лишь тогда, когда добрались до Асийаб-э Айезз, родного села Гива.

Часть моих воинов, целых три дня проведенных под дождем, заболела, поэтому добравшись до Асийаб-э Айезз, я велел нарубить деревьев, построить из бревен помещение, в котором больные воины могли бы получить лечение, а остальные-укрыться от холода и отдохнуть. Перед выступлением в Фарс я сказал Гиву: «В этом походе ты здорово помог мне, благодаря такому проводнику как ты, я сумел одержать победу над атабеком Лурестана. Скажи, какой награды ты бы пожелал?» Гив сказал: «О эмир! Луры Пушт-э Куха, из племени Биранвенд видели меня в качестве твоего проводника, проводшего тебя в ту местность. После твоего ухода меня непременно убьют, такая же участь наверняка постигнет моего старого отца и моих детей.» Я сказал: «Если ты переедешь отсюда в Фарс, никто не будет стараться убить тебя.» Гив сказал: «Если переезжать в Фарс, то что делать с этой мельницей, на создание которой я потратил так много труда?» Я посоветовал продать ее, на что Гив ответил, что нет на нее хорошего покупателя.

Я сказал: «Оставь все и переезжай в Фарс вместе с отцом и детьми, там я тебя наделю хорошей пахотной землей, мельницей, средствами для земледелия, чтобы ты мог жить в довольстве.»

Гив и его семья, последовав моему совету, оставили мельницу в Асийаб-э Айезз и отправились со мною в Фарс, где я наделил их хорошей землей, а также пожаловал ему две тысячи золотых динаров. Когда я расставался с ним, он сказал: «О эмир, есть у меня к тебе еще одна просьба.» Я спросил, в чем она заключается. Он сказал: «Хочу расцеловаться с тобой.» Я сказал: «Что же, можешь поцеловать меня.» Старик приблизился ко мне, поцеловал в щеки и в лоб. Так я расстался с ним и больше мне не довелось увидеть его, но знаю, что в настоящее время, когда я пишу эту историю моей жизни, он все еще жив, однако его отец скончался в возрасте ста семидесяти лет.

Через несколько дней, после прибытия в Фарс я получил от Шейха Умара, моего сына, письмо, отправленное голубиной почтой, в котором сообщалось, что в Самарканд прибыло посольство из Китая. В связи с этим он хотел знать, как скоро я вернусь домой. Шейх Умар сообщал, что посольство то привезло с собой богатые дары и что глава посольства передал желание китайского правителя крепить дружественные отношения с Амиром Тимуром. Я отправил Шейху Умару свой ответ, в котором сообщал, что я завершил все свои дела в Фарсе и Лурестане, и что скоро я возвращусь в Мавераннахр, и велел оказать

достойный прием посольству из Китая, ещё раз подчеркнув, что скоро буду в Самарканде.

Если бы я отправился в Самарканд через Исфаган и Рей, получился бы долгий путь через пустыню Кевир в сторону Хорасана. Когда я описывал свою поездку в Забулестан, я рассказывал о пустыне Кевир, надо сказать, что войску пытаться пересечь ее летом - это чистейшее безумие, однако в ту пору стояла осень, погода была прохладной и я со всем своим войском благополучно дошел до Бирдженда, без каких-либо особых происшествий.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О том, кем был Эбдал Гильзайи и где он правил.

Выступив из Бирдженда, на первой же стоянке, как обычно, я ожидал получить очередные сообщения от дозорных, однако этого не произошло. Было ясно, что дозорные либо заблудились, либо что-то им помешало отправить донесение о себе. Я снарядил вторую дозорную группу, чтобы она отыскала первую и выяснила, почему те не передают сведений. Второй дозор вскоре сообщил, что все воины первого найдены убитыми, что с них снято все, что могло представить какую либо ценность. Место, где я сделал привал, называлось Хатрак, от него до Бирдженда был всего один переход.

Я велел доставить к себе правителя Бирдженда и когда его привели, я стал расспрашивать его о тех, кто могли быть убийцами моих воинов. Он ответил: «О эмир, в этой местности нет таких, кто осмелились бы напасть на воинов такого человека, как ты. Нет сомнений, те, кто напали и убили твоих воинов - не из местных, не думаю, чтобы они были хорасанцами и если ты разрешишь мне взглянуть на убитых, я смог бы сказать, кто является их убийцами.» Правитель Бирдженда, в сопровождении нескольких моих военачальников отправился на место, где было совершено убийство и вскоре, возвратившись, сказал: «О эмир, твои воины убиты людьми из племени Гильзайи.» Я спросил, что это за племя. Он ответил, что живут они в стране Гур, это большая страна, протянувшаяся от Герата до Кабула и что в настоящее время правителем Гура является Эбдал Гильзайи. *(Примечание - страна Гур была расположена на территории современного Афганистана и как заметил правитель Бирдженда, на западе она простиралась до Кабула. Были и такие периоды, когда правителям Гура удавалось расширить свои владения, вплоть до земель Индии -Марсель Брион).*

Я спросил: «Чтобы попасть в Гур, какой путь я должен выбрать, ибо если я пойду отсюда через Герат, путь окажется длинным, ведь наверняка люди племени Гильзайи, убившие моих воинов, пришли сюда какой-то короткой дорогой?» Правитель Бирдженда ответил: «О эмир, отсюда ты можешь следовать прямо в Искандер, затем, повернув на север, ты попадешь в страну Гур.» *(Город Искандер-это сегодняшний Кандагар, город в Афганистане, построенный в свое время Александром Македонским.-Марсель Брион).* «Но советую тебе воздержаться от такого похода, это будет опасным, ибо гильзайи, которые правят той страной, люди дерзкие и бесстрашные.» Я спросил правителя Бирдженда: «Из чего ты заключил, что люди, убившие моих воинов, именно из племени Гильзайи?» Он ответил: «Редко случается, чтобы на месте схватки нападавшие не оставили каких-либо следов. На месте убийства я видел «тулвар», из чего я заключил, что нападавшие были из племени Гильзайи, ибо

это их традиционное оружие (*«тулвар»-тяжелый клинок, напоминающий большой тесак, считавшийся традиционным оружием Гильзайи.-Марсель Брион*).

Я спросил, долог ли путь отсюда до Искандера и оттуда до Гура? Правитель Бирдженда ответил: «Отсюда до Искандера - семьдесят фарсангов, а оттуда до Фируз-абада, столицы Эбдала Гильзайи - шестьдесят фарсангов пути.» Я спросил, что собою представляет Фируз-абад. Он ответил: «Это большой город, окруженный прочной стеной, которую сложили из камней предки Эбдала Гильзайи и ты можешь вести осаду того города хоть десять лет, его все равно не взять.»

Я спросил: «Что за люди эти гильзайи?» Он ответил: «Гильзайи - рослые и отважные люди, в бою они не перестают биться, пока не уничтожат вражеских воинов всех до последнего, именно так они поступили с твоими воинами, и в Гуре есть горы, в которых встречается золото и серебро.»

Я выступил из селения Хангара, чтобы самому взглянуть на место убийства. Они убили двести пятьдесят моих воинов дозорного отряда и увели все, включая их лошадей. Обстановка на том месте показала, что моих воинов захватили врасплох, что само по себе было необычным, ибо дозорных и высылают для того, чтобы они собирали нужные сведения и тщательно осматривали местность, с целью выявления вражеской засады, чтобы своевременно предупредить своих о наличии таковых.

Дозор не должен попадать в засаду, а если такое случилось, значит враг был хитер и ловок, знал как застать врасплох целый отряд воинов. Я сказал правителю Бирдженда, чтобы предоставил в мое распоряжение нескольких опытных следопытов, чтобы я смог пойти по следу врага. Хорасанские следопыты славятся своим умением, даже на песке они могут отыскать след верблюда, не говоря уже о следах, оставшихся после целого отряда воинов.

Гильзайи, напавшие на моих воинов, были верхом на своих конях, кроме того, они увели и наших животных, поэтому следопытам не составляло труда идти по их следу, ибо копыта лошадей оставляют на земле своеобразный отпечаток.

Следопыты, предоставленные в мое распоряжение правителем Бирдженда, шли по следу гильзайи целых двадцать пять фарсангов, после чего заметили, что те направляются не в Искандер, а прямо в сторону Фируз-абада и путь их пролегал через местность, где была вода и поэтому их коням не угрожала жажда. Узнав об этом, я снова посоветовался с правителем Бирдженда, который сказал: «Всадники, что уничтожили твоих воинов, получили на то прямое указание

Эбдала Гильзайи, и нет сомнений в том, что он сам возглавлял тот отряд убийц.»

Я не мог следовать далее, оставив безнаказанным дерзость и оскорбление, нанесенное мне Эбдалом Гильзайи. Я никогда не обижал того, кто покорно склонял свою голову предо мною. Я могу поклясться, что никогда в жизни я не причинил вреда кому-либо предумышленно. Но и не оставлял без ответа нанесенного мне оскорбления и проявленной в отношении меня дерзости, и поэтому должен был достойно наказать Эбдала Гильзайи за его деяние. Вместе с тем, мне не давала покоя мысль о том, как же все-таки гильзайи удалось застать врасплох моих дозорных и уничтожить их до последнего человека? Правитель Бирдженда высказал мнение: «Гильзайи пришли туда с целью напасть на какой-нибудь караван, и будучи от природы грубыми и дерзкими, завидев твой дозорный отряд, не колеблясь напали на него, чтобы захватить добычу в виде оружия и одежды твоих воинов.»

Вступив в Искандер, я вошел в пределы вражеской земли, где на каждом фарсанге следовало ожидать нападения. Я не имел сведений об этом крае, вступив в Искандер, я увидел множество людей высокого роста, голубоглазых и светловолосых, их одежда состояла из широкого и длинного куска ткани, обернутой вокруг тела или наброшенной на плечи, мне сказали, что это люди из племени патанов. Они населяли обширную горную местность, расположенную неподалеку и время от времени приходили в город за необходимыми покупками.

Там я нанял новых проводников, часть которых я выслал вперед вместе с небольшим отрядом для заготовок запасов продовольствия и фуража для войска. Я видел - надвигается зима и необходимо было обеспечить людей теплой войлочной одеждой. Поэтому я велел заготовителям фуража и продовольствия закупать всюду, где возможно войлочную и меховую одежду, потому как мы находимся в стране, где в большом количестве можно было достать войлок и мех. Проводники разъяснили мне, что Фируз-абад, столица Эбдала Гильзайи, расположен в районе с суровым и холодным климатом, достигнув которого я могу попасть в снегопад, вследствие чего мои воины будут сильно страдать от холода. Я ответил, что я разожгу такие костры, что мои воины не будут мучиться от холода. Проводники с изумлением взирали на меня, полагая, что под кострами я имею ввиду разжечь большое количество дров, не ведая, что я подразумеваю нечто другое. Выступив из Искандера, я не спешил, ибо не желал утомлять своих воинов и их лошадей, я умышленно двигался медленно, чтобы к нам успело присоединиться войско Шейха Умара. Путь, по которому я шел на север был тем, по которому в свое время проследовал султан Махмуд Газневи, чтобы попасть в Хиндустан и покорить

Сумнат. (Сумнат-был великим храмом индусов, находившимся в сегодняшнем Бомбее. Султан Махмуд Газневи захватил тот храм, разбил и уничтожил все находящиеся там статуи божеств.-Марсель Брион).

На каждом фарсанге того пути встречались памятники и строения, напоминавшие о походах Махмуда Газневи, а также о походах военачальников моего предка Чингиз-хана в Хиндустан. Иногда, на вершине какой-нибудь горы можно было видеть замок неизвестно кем и когда построенный, и неведомо было, кто в нем обитал. Однажды мы достигли места, которое как разъяснили проводники, назывался Бамийан, которое в старину было крупнейшим буддийским храмом, до сих пор там виднелись остатки огромных статуй. Эти статуи, высеченные из камня, были столь огромными, что их разбивали в течении долгого времени. В те времена, когда я оказался в Бамийане, буддизм уже не существовал там, однако статуи сохранились. Тем не менее, у меня не было ни времени, ни желания крушить остатки тех буддийских статуй в Бамийане.

Я всегда сражался с живыми людьми и никогда не воевал с неодушевленными телами, и считаю ниже своего достоинства драться с камнями. Я повергал в прах сотни тысяч живых людей, однако никогда не воевал с мертвыми, не вскрывал ничьей могилы, чтобы сжечь погребенное в нем тело и считаю такие вещи недостойными настоящего мужчины.

После Бамийана дорога повернула в сторону и мы вошли в холодный край. Все мои воины имели тулупы из меха, поэтому мороз им не был страшен, где бы мы не останавливались, мы сооружали из толстого войлока теплые убежища-стойла для лошадей. Продовольствия и корма также было предостаточно, лишь мороз доставлял нам некоторые неудобства и я надеялся, что дойдя до Фируз-абада, мы проживем немного в самом городе и отогреемся.

Ранее, я отправил послание своему сыну, Шейху Умару, известив его о том, что из-за происшествия, связанного с нападением Эбдала Гильзайи на меня в Хорасане, я не скоро вернусь в Мавераннахр, и сказал, чтобы передали от моего имени послу китайского императора, если может, пусть подождет несколько месяцев до моего возвращения и встречи с ним. Я наказал Шейху Умару оказать китайскому послу самые пышные почести независимо от того, захочет ли тот возвратиться в Китай или остаться в Самарканде. Ибо уважительное отношение к послу означает уважительное отношение к его правителю, чем больше уважения выказывает и оказывает властитель по отношению к главе другого государства, тем в большей степени он доказывает свое благородство и величие. Я сказал Шейху Умару, чтобы он прислал по меньшей мере двадцатитысячное войско, направив его через Бадахшан в Кабулистан с тем, чтобы оно могло

соединиться с моим войском в пределах страны Гур. Я знал, что правитель Бадахшана дружелюбно настроен по отношению ко мне и прохождение нашего войска через тот край не будет сопряжено с трудностями, но в Кабулистане оно вероятно столкнется с сопротивлением, способности и талант командующего тем войском должны были одолеть все трудности.

Путь, по которому гильзайи шли в Фируз-абад, вел через места, где в достатке была вода и там можно было найти незначительное количество корма. Для отряда Гильзайи то количество корма и продовольствия может и могло быть достаточным, а вот мое войско, если бы последовало за ними по тому же пути, осталось бы голодным, ибо источники продовольствия и корма (тем более в осеннюю пору) были слишком скудными, чтобы удовлетворить нужды моих воинов и их коней.

Тогда как, следуя в Фируз-абад через Искандер, я шел бы через места, где достаточно имелось продовольствия для воинов и корма для животных. Правитель Бирдженда до последнего часа отговаривал меня от похода на Гур, повторяя, что отправляясь туда, я подвергаю свое войско серьезной опасности, а я отвечал, что пока человек не встретится с опасностью, он не достигнет успеха.

Путь, по которому я шел, пролегал через степь, чтобы пройти по ней, я взял с собой проводника из Бирдженда. На протяжении того пути, длиною в семьдесят фарсангов, имелось всего лишь одиннадцать источников воды и если бы я следовал по нему летом, существовала бы опасность потерь среди воинов и коней вследствие жажды. Но, следуя тем путем осенью, когда в степи стояла прохладная погода, люди и животные не испытывали страданий от жажды. Я выслал вперед два дозорных разведочных отряда, сказав их старшим, чтобы извлекли урок из участи их товарищей, павших от рук гильзайи и держали глаза и уши раскрытыми, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Назначил я также и арьергард, чтобы на войско не напали внезапно с тыла.

Караван, двигаясь медленно, способен покрыть расстояние в семьдесят фарсангов, проходя в день по пять фарсангов. Я же прошел тот путь за четыре ночи и пять дней и попал в Искандер.

Город Искандер не имел отношения к славе Александра Македонского и я увидел там подобие небольшого селения, а от крепости, которую Александр Македонский возвел в свое время в том городе, не осталось и следа. Если бы Искандер не был расположен на пути в Хиндустан, он бы давно исчез с лица земли, благодаря такому месторасположению, караваны, идущие в Индию из Мавераннахра, Кабулистана и те, что следуют из Хиндустана, неизменно проходят через тот город, и потому он благоустраивался и развивался.

Когда вдаль показался Фируз-абад, я обратил внимание на то, что город тот был построен с военной целью, поскольку в его строении были воплощены все особенности чисто военной крепости. Город был построен на холме и всякий, кто захотел бы попасть в него, должен был вначале как-то взобраться на тот холм, дорога наверх представляла трудность для детей и стариков. Городская стена была сложена из камня и облицована тесанными плитами. Край изобиловал камнями и жители Гура могли использовать для строительства зданий несколько его видов, для этого существовало множество каменотесов, а обработка камня входила в число традиционных ремесел той местности, которые передавались из поколения к поколению, видно те, кто высекал статуи идолов в Бамийане, передали свое ремесло последующим поколениям.

Когда вдаль показался Фируз-абад, погода была очень холодной, но на земле не было снега. Чтобы разглядеть тот город, я поднялся на высокий холм, защищенный каменным валом, и задумался. Задумался потому как предвидел, что осада Фируз-абада затянется надолго, а разрушить городскую стену будет невозможно. Мысль о том, как попасть на вершину холма, занимала меня, поскольку видно было, что подъем на тот холм связан с трудностями. Вдруг я заметил некий отряд воинов, стоявший у подножия холма, и понял, что это Эбдал Гильзайи ждет меня там, изготовившись к схватке.

Мне рассказывали, что гильзайский тулвар является весьма опасным оружием, что он настолько тяжел и остр, что каждый удар им валит с ног одного из противников, всякий, кто будет ранен этим оружием, выходит из строя основательно. Мои воины не привыкли пользоваться в схватке тулваром, но им в этом случае лучше было использовать копье. Мое войско имело одно большое преимущество перед войском Эбдала Гильзайи - мы были верхом на конях, у воинов же правителя Гура их не было и они должны были биться пешими.

Чтобы обезвредить войско правителя Гура, я задумал, чтобы мои воины атаковали противника пуская в ход копья, тем самым затрудняя им возможность применить свои тулвары. Велев воинам вооружиться копьями, я разбив войско на три части-центр и два фланга, велел, чтобы атака велась волнообразно - каждый отряд атакует и уходит, освобождая место для следующего. Военачальникам я сказал, что исход битвы должен определиться, - уже сегодня войско, стоящее перед нами должно быть разгромлено. Если враг сумеет уйти в город и укрыться за его каменной стеной, нам не удастся одержать победу, разве что после годичной или двухгодичной осады. Я напомнил своим военачальникам, что Фируз-абад находится в зоне холодов, а это значит, что его жители перед надвигающейся зимой успели запастись продовольствием и топливом в достаточном количестве, и если нам придется

вести осаду города, его жители, обеспеченные всем необходимым, не скоро сломятся. Поэтому не следует позволить гильзайи покинуть поле, где состоится сражение, иначе тому удастся укрыться в городе и потому невзирая на любые потери надо будет закончить бой именно сегодня.

Как и все остальные, я вооружился копьем и дал команду к атаке и мы понеслись в сторону гильзайи. Гильзайи же выстроились в кольцо и было видно, что они следуют военной тактике, которую в свое время применяли воины пророка *(Тимурленг здесь допускает неточность, ибо традиция выстраиваться в виде круга или четырехугольника было присуще македонскому войску. Первым применил эту тактику отец Александра Великого, Филипп, по гречески этот вид построения называется «фаланга» - Марсель Брион).*

Гильзайи расположились таким образом, что в любом случае, с какой бы стороны их не атаквали, они оказывались лицом к противнику и спиной к своим.

Моим конникам, применявшим копья в ходе атаки, приходилось следить за тем, чтобы успевать выдернуть их из тела врага всякий раз после нанесения удара. Воин, не успевший сделать это, т. е. стремительно выдернуть свое копье из груди или живота противника, рисковал остаться без оружия. В этой связи было бы, конечно, разумным дать каждому из воинов по нескольку копий. Но таскать с собой запасные копья нелегко, вдобавок, это замедляет скорость движений воина, поэтому в некоторых битвах, при наличии подходящих дорог, я нагружал множеством запасных копий арбы, которые следовали за войском. Однако, никогда мне не удавалось вывести те арбы, груженные копьями, на само поле боя вслед за войском, и в тот день каждый из моих воинов был вооружен лишь одним копьем, в случае потери которого он рисковал остаться безоружным перед срашными тулварами гильзайи.

Несясь в сторону противника, я ожидал, что вот-вот нас начнут обстреливать стрелами или комнями и поскольку ни того ни другого не происходило, стало ясно, что Эбдаль Гильзайи, падишах Гура не имеет представления о преимуществах предварительного обстрела врага стрелами и камнями.

До приближения к врагу мы передвигались медленно, достигнув же места, откуда до войска гильзайи оставалось не более пятидесяти зарьов, мы пустили своих лошадей вскачь и понеслись словно птицы. При таких обстоятельствах наши копья пронизывали врагов насквозь, вонзаясь в их тела с одной и выходя наружу с другой стороны, так как силу удара всадников дополняла сила несущейся во весь опор лошади, в результате возникал удар необычайной мощи. Я нацелился на одного из вражеских воинов, оказавшегося передо мной,

и уже собирался ударить его копьем в грудь, когда произошло нечто неожиданное - я увидел, что в мою сторону летит какой-то предмет. Тот предмет ударился о мои латы, издав металлический лязг и скользнул вниз к моим ногам, мое же копье вонзилось в грудь человека, метнувшего в меня тот предмет. Я быстро выдернул копье и готовясь нанести новый удар, я заметил, что часть моих воинов выбита из седел, и с ужасом увидел, что гильзайи бросают в моих воинов нечто, что сбивает их с лошадей наземь.

Вначале я подумал, что это должно быть аркан, затем убедился, что это некий крюк, привязанный к тонкой цепи, конец которой находился в руках у гильзайи. Эти воины-гильзайи настолько были искусны в бросании тех крюков, что те глубоко вонзились в тела моих воинов, позволяя стаскивать их рывком цепи с седла наземь, чтобы затем приканчивать их ударом тулвара, при этом некоторые из тех ударов были настолько сильны, что рассекали моих воинов надвое.

Чтобы увидеть и уяснить все, что я описал выше, понадобилось лишь мгновение. В следующий миг я решил, что необходимо отступить. Потому, что оружие, которое применил против нас правитель Гура, было неожиданностью для нас, и мы не знали, как ему следует противодействовать. Против того оружия наши копья были бесполезны, потому, что еще до того как мы могли достать противника, он пускал в ход свой крюк, стаскивая им наших воинов с их седел наземь. Вероятнее всего, именно таким образом и удалось застать врасплох двести пятьдесят воинов нашего разведочного дозора в окрестностях Бирдженда, потому погибших, что не сумели найти способ защиты от неожиданного и невиданного доселе оружия. Я так же должен был погибнуть, однако на мне был панцирь, благодаря чему, брошенный в меня крюк лишь скользнул по нему и упал наземь, в противном случае, он вонзился бы в мое тело и меня стащили бы с лошади и прикончили ударом тулвара. Рев карнаев и взмахи вымпелов дали понять моим воинам, что следует отступить. Центр войска вместе с флангами отошёл назад и пока мы пятились оставаясь лицом к противнику, я еще раз решил, что всех своих воинов непременно облачу в железные доспехи, которые помимо всех прочих выгод, не позволили бы крюкам гильзайи впиваться в их тела.

Я увидел, что все мои воины, которых гильзайи сумели стащить с их лошадей, были убиты ими. Понял я так же, что правитель Гура и его воины придерживались правила не брать пленных, считая, что врага надо убивать сразу же и на месте, потому, что неизвестно, как сложится обстановка через час и не обретет ли враг возможность отомстить. Убитого врага незачем больше бояться, во всей стране Гур, от Кабулестана до Герата бытует такая пословица «Отрезанной голове нечего сказать», в том смысле, что «мертвого врага

опасаться незачем.» Я же не убивал пленных, разве, что в случаях, когда они проявляли непокорность, обычно же, я создаю возможность, чтобы пленного выкупили его близкие, а если этого не происходит, то продаю его в рабство.

Отступив, я заметил, что воины гильзайи, стоявшие в позиции круговой обороны, так и сохранили ее, словно хотели сказать: «Если вы намерены атаковать нас вновь, давайте, нападайте, мы готовы достойно встретить вас.»

Я собрал своих военачальников обсудить, как быть с оружием гильзайи. Я сказал: «Мои воины не испытывают страха и если бы я их не остановил, они бы продолжая атаку погибли бы все, до последнего человека, но такой героизм не принес бы нам пользы. Хотя, сегодня, до начала битвы, я и говорил, что следует сражаться, невзирая ни на какие потери и завершить битву, не позднее сегодняшнего вечера, я имел ввиду бой, а не бессмысленную бойню, в результате которой моих воинов одного за другим уносит ангел смерти Азраил. До атаки мы полагали, что нам удастся уничтожить или рассеять гильзайи и захватить город Фируз-абад. Сейчас я понял, что добыть нам победу будет нелегко. Каждый, кто имеет хоть какие-то соображения о том, как избежать опасности, исходящей от смертоносных крюков гильзайи, пусть выскажется, чтобы среди множества мнений мы смогли отыскать верный путь борьбы с этой опасностью.»

Среди моих военачальников был один по имени Латиф Чулак, сказавший: «О эмир, ведь у тебя имеется порох, почему бы не пустить его в ход, чтобы покончить с той опасностью?» Я ответил: «Порох полезен при осаде крепости. Если бы нам удалось окружить Фируз-абад, мы бы устроили подкоп под его стены, заложив туда пороховой заряд и устроив взрыв. Тогда мы бы разрушили крепостную стену. Однако, невозможно с помощью пороха истреблять воинов-гильзайи с их крюками.» Латиф Чулак, который был еще молод - его возраст едва достигал сорока лет, сказал: «О эмир, на твоём месте я бы поджег порох под ногами гильзайи.» Я сказал: «Перестань рассуждать как малое дитя. Ты же знаешь, что здесь не устроить подкопа и подобраться к воинам-гильзайи снизу. Если они не отойдут в город и не запрутся за его стенами, то постоянно будут менять свое расположение в степи и завтра расположатся в каком-нибудь другом месте.»

Латиф Чулак сказал: «О эмир, я и не имел ввиду устраивать подкоп. Всякому ясно, что невозможно устроить подкоп, чтобы расположить заряд под ногами гильзайи и взорвать его. Однако можно метать в сторону воинов-гильзайи мешки, кувшины или меха, набитые порохом и снабженные горящим фитилем.» Еще с того дня когда я впервые применил порох в ходе ведения осады для разрушения крепостных стен, я не раз задумывался о возможности его

использования на поле боя, в открытом сражении. Однако мне не удавалось отыскать способ применения порохового заряда в условиях боя на открытой местности, такое мне и в голову не приходило. Способ, предложенный Латифом Чулаком заинтересовал меня и я подумал: «Надо попробовать, даже если это окажется бесполезным, по крайней мере, вреда от этого не будет.» Взяли небольшой кожаный мешок, набили его порохом и подсоединили фитиль. Латиф Чулак поджег фитиль и пока он горел, бросил тот мешок в сторону, сказав: «Представим, что там расположилось войско гильзайи.» Мешок, шлепнувшись о землю, воспламенился, одновременно раздался грохот. Латиф Чулак сказал: «Если нам удастся забросать гильзайских воинов большим числом таких мешков, мы их одолеем, часть их будет уничтожена в результате пороховых взрывов, остальных же охватит страх и растерянность, их боевой порядок расстроится. Мы же в это время будем теснить и уничтожать их.»

Я приказал срочно шить кожаные мешки и заготавливать фитили с тем, чтобы еще до захода солнца мы могли атаковать войско повелителя Гура. В тот же день, в бою против воинов Эбдала Гильзайи, мы пустили в ход мешки, набитые порохом. Наши воины поджигали фитили, соединенные с порохом в мешках, которые затем метали в толпу гильзайи. Иногда, вследствие того, что фитиль был слишком коротким или по какой либо другой причине, мешки взрывались преждевременно и тогда в пламени погибал наш воин.

В то время я еще не знал, что порох можно насыпать в кувшины, вперемежку с мелкими камнями, с тем, чтобы взорвав такой кувшин, можно было насмерть поражать теми камнями воинов противника. В то время у меня была возможность применять взрыв порохового заряда лишь с целью воспламенить или напугать вражеского воина. Полученный от этого результат превзошел все мои ожидания.

Я полагал, что взрывы пороховых зарядов напугают воинов гильзайи, а мы, воспользовавшись их страхом, атакуем, лишим их возможности пустить в ход свои смертоносные крюки и разорвём тот обширный круг, в который они выстроились словно живая стена. Однако взрывы привели их в такой неописуемый ужас, что их круговая оборона распалась, я, видя это, незамедлительно приказал атаковать, сказав военачальникам, среди которых был и Латиф Чулак, предложивший применить порох, что уже сегодня бой нужно завершить и взять город. Потому что, оставшись ночью вне пределов города, мы бы погибли от холода, даже если и удалось бы выжить, наша участь не намного была бы лучше участи мертвых, ибо утром, окоченев от холода, мы не были бы в состоянии сражаться.

Воины Эбдала Гильзайи пока держали круговую оборону, считались неуязвимыми. Однако, как только их построение нарушилось, они попали в

плачевное положение, и я заметил, что не у всех из них имеются крюки, т. е. метатели того оружия составляли особую группу воинов. Мои воины, зная, как следует управляться с пехотой врага, применяя копье и саблю, налетели на воинов Эбдала Гильзайи, убивая их или нанося им ранения. Временами, какой-либо из метателей крюков пытался метнуть свое оружие в сторону моего воина, но не имея возможности сделать это достаточно метко, погибал от рук наших конников, или же его бросок был неудачным, в результате чего моего воина не удавалось стащить с коня наземь.

Для меня лично провести ночь под стенами Фируз-абада и дожидаться наступления следующего дня не представляло особой трудности. В моем распоряжении имелся шатер из плотного войлока и при плотно закрытом входе, мне было бы в нем тепло, словно летом. Однако полководцу подобает прежде всего проявлять заботу о своих рядовых воинах, не думая о собственных удобствах, ибо командующий без войска, и тем более оказавшийся на вражеской земле, неминуемо погибнет.

Поэтому, пока шло сражение между моими конниками и пехотой Эбдала Гильзайи, я устремился в сторону города во главе одного из отрядов своих воинов, прихвативших с собой мешки с порохом. Из степи наверх, в сторону города вела дорога, я и мои всадники неслись по ней во весь опор, к моменту, когда мы достигли вершины, лошади уже выбились из сил. Никто не оборонял город, однако, завидев нас, население успело запереть ворота.

Я предвидел, что подойдя к городу мы, возможно, обнаружим его ворота запертыми. Для того мы и прихватили с собой порох, чтобы с его помощью сжечь те ворота и тем самым открыть для себя дорогу внутрь города. У подножия холма мои воины так зажали войско гильзайи, что видя наш прорыв в сторону города, их командующий не имел возможности отправить на перехват какой-либо из своих отрядов. Все это, как и то, что Эбдал Гильзайи решил дать сражение, выйдя за пределы города, было следствием его незнания основ военной науки.

Я утверждаю, что отвага в бою является важным условием победы и отвага не связана лишь с физической мощью, помимо нее у воина должно быть могучее сердце. Однако, помимо отваги военачальнику необходимы ум и военные знания. Если бы Эбдал Гильзайи запер перед нами ворота Фируз-абада и вынудил нас вести длительную осаду города, войско мое в течении нескольких дней погибло бы от страшного зимнего холода, обычного для тех краёв. Он же, понадеявшись на своих метателей крюков и тулвары своих воинов, вышел за стены города и подставил себя под удары моих конников, и хотя, вначале ему казалось бы, сопутствовал успех, однако мы придумали средство против его

смертоносных крюков и сумели расстроить боевые порядки его воинов и прорваться в сторону города.

Добравшись до стен города, я разделил конников, бывших со мной, на три группы. Одной я велел спешиться и срочно откопать несколько ям у ворот города. Второй группе поручил наблюдать за крепостной стеной и разить стрелами всякого, кто вздумает сбрасывать камни на наших воинов. Третьей группе было поручено следить за обстановкой позади нас, ибо несомненно Эбдал Гильзайи, увидев наш прорыв в сторону города, постарается отправить вслед за нами часть своего войска для того, чтобы попытаться уничтожить нас.

Несколько человек, показавшихся на гребне стены, были поражены стрелами моих воинов. Было видно, что наше появление перед воротами Фируз-абада явилось полной неожиданностью, они полагали, что падишах Гура надежно преградил нам путь у подножия холма, потому что видя нас, стоявших у их городских ворот, они явно растерялись и не знали, что же предпринять. Тем не менее я предвидел, что наше вступление в город будет сопровождаться ожесточенной схваткой между его населением и моими воинами. Потому, что воины-гильзайи, ещё недавно разрубавшие моих воинов надвое своими тулварами, были из числа его жителей, часть тех воинов все еще находилась внутри города и они могли создать нам трудности.

Я отправил одного из старших воинов к Латифу Чулаку, чтобы он, заслышав звуки боевых труб, незамедлительно отправлялся в сторону города с тем, чтобы к началу штурма я располагал свежими силами.

Своим воинам я велел, чтобы вступив в город, они громко выкрикивали слова азана, потому что для гильзайи призыв к молитве означает мир. А нескольким моим воинам была поручена роль джарчи-глашатаев, попав внутрь города, они должны были громкими голосами возвещать о том, что жизни, имуществу и чести жителей ничто не угрожает и если они не окажут сопротивления, никто не будет их обижать.

Воины уложили принесенные мешки с порохом в углубления, устроенные под городскими воротами и подожгли фитили. Раздался ужасающий грохот, от которого содрогнулся весь холм, разбитые в щепки ворота рухнули и мои воины вступили в город, выкрикивая слова азана.

Наши джарчи начали громко вещать, что Фируз-абад считается мирным городом и к его населению до того времени не оказывавшему нам сопротивления и не причинявшему нам какого-либо вреда, нет особых претензий, и потому - жизни, имущество и честь жителей объявляются

неприкосновенными. Слова азана и объявления джарчи возымели действие и люди, обнажившие было свои тулвары чтобы биться с нами, вложили их в ножны. Мои воины, вступившие в город, должны были захватить арк (т.е. городскую цитадель) и занять все строения, где можно было бы устроить ночлег для войска.

Сам я не вступил в город, так как у подножия холма бой все еще продолжался и несмотря на то, что с каждой минутой воинов-гильзайи становилось все меньше, они не желали сдаваться. Если бы этими храбрыми воинами страны Гур командовал способный полководец, вряд ли я сумел бы одержать над ними победу. Отсутствие способностей у Эбдала Гильзайи стало причиной их поражения. С наступлением темноты битва у подножия холма прекратилась, почти все воины Эбдала Гильзайи погибли, и к нам в плен попало не более четырехсот человек.

Убедившись, что сражение окончено, я вошел в город и проследовал в арк-цитадель. Жен и детей Эбдала Гильзайи уже препроводили из арка в один из домов города, и их там никто не беспокоил, ибо я объявил неприкосновенными жизни, имущество и честь тех, кто оставался в пределах города. Осмотрев арк, я велел разжечь в нем костер для отогрева и освещения, затем я вышел в город посмотреть в каких условиях устроились на ночлег мои воины.

Я выделил для размещения воинов, среди которых было немало раненных, большую городскую мечеть и несколько больших домов, позаботился о том, чтобы для обогрева тех строений доставили необходимое количество топлива, накормили войско горячей пищей. Убедившись, что войско обеспечено теплым ночлегом и раненные получают необходимое лечение, а лошадям отведены стойла и достаточный корм, я возвратился в арк и сел в его зале приемов.

В центре располагался большой мангал, полный горящих углей и несколько стеклянных ламп «марданчи» освещали тот зал. *(Марданчи состояла из фонаря, по форме напоминающего большой тюльпан, в середине которого плавал в масле горящий фитиль, который накрывался цилиндром из прозрачного стекла. В Иране так же, вплоть до начала правления Наср-эд-дин-шаха, т. е. 1206 года хиджры, в некоторых домах Тегерана так же можно было встретить марданчи.-Переводчик.)*

Привели ко мне Эбдала Гильзайи. Он был ранен в лицо и левую руку и был связан. Мне сказали, что его ранили копьем. Несмотря на свою рану, этот человек, когда его ввели в зал, спросил сердитым голосом, для чего мол ты велел привести меня сюда? Я ответил: «Хотел увидеть, каков из себя человек, погубивший двести пятьдесят моих конников.»

Эбдал Гильзайи сердито ответил: «Я и есть тот человек, и если бы ты сегодня не пустил в ход огонь, я бы перебил всех твоих воинов и сейчас твоя отрубленная голова находилась бы предо мною.»

Я сказал: «Ты смел и обладаешь сердцем льва, однако ты глупец и невежа, и подобные высказывания с твоей стороны – ещё одно подтверждение тому. Если бы ты обладал достаточным умом, то не стал бы произносить таких слов предо мною, человеком, которому достаточно одного жеста, чтобы уничтожить тебя.» Эбдал Гильзайи ответил: «Я говорю эти слова для того, чтобы ты понял, что несмотря на поражение, плен и раны, я все равно не боюсь тебя и если не веришь, вызови пару своих людей и пусть они изрубят меня тулварами на мелкие куски, чтобы ты знал - я не стану просить тебя отказаться от намерения казнить меня.» Я сказал: «Я вижу, что ты смелый человек, однако если бы ты не напал и не уничтожил моих двести пятьдесят всадников, мне не было бы до тебя никакого дела и не стал бы я тащиться целых сто тридцать фарсангов от Бирдженда досюда, чтобы наказать тебя. И на самом деле, зачем ты поубивал моих воинов? Против тебя они ничего не имели, шли своей дорогой. Ты что, ядовитый скорпион, который жалит без разбора всех подряд, не имея на то никаких оснований?»

В ответ на мои слова Эбдал Гильзайи, несмотря на свою рану и положение пленника расхохотался, показав свои ослепительно белые зубы и сказал: «Хотел узнать, что это за наслаждение, когда убиваешь воинов человека, называемого Амир Тимур.» Я ответил: «Эй Эбдал, я сегодня одержал победу над твоим городом, однако я не стал устраивать в нем резню и грабеж, более того, предостерег всех, что жизни, имущество и честь жителей Фируз-абада неприкосновенны.» Эбдал Гильзайи с презрением и ненавистью ответил: «Нечего осыпать меня упреками. Если бы ты захотел устроить резню и грабеж в этом городе, та часть мужчин-гильзайи, что осталась в нем, перебили бы всех твоих воинов.» Я сказал: «Согласно законам шариата и обычаям войны, ты должен получить возмездие. Убив двести пятьдесят моих воинов, не причинивших тебе и малейшего вреда, ты заслужил казнь. Но я готов сохранить твою жизнь при одном условии. Ты мог бы стать моим данником, отныне и впредь быть мне покорным, велеть своим гильзайи служить в моем войске, потому, как я желал бы иметь в нем побольше храбрых воинов из числа отважных жителей Гура. Если примешь эти условия - останешься живым, и не только живым, но и попрежнему ты будешь править обширной страной Гур, после тебя трон наследует твой сын. Откажешься от моего предложения - значит будешь казнен.»

Эбдал Гильзайи ответил: «Убей меня поскорее, потому, как я не приемлю твоих условий, и никогда гильзайские правители не станут чьими-либо данниками.»

Я сказал: «Не стану я казнить тебя сию же минуту, дам отсрочку и продлю твою жизнь до утра. Но если после восхода солнца я не получу твой положительный ответ, ты будешь обезглавлен.» Эбдал Гильзайи ответил: «Можешь дать отсрочку хоть в тысячу лет, положительного ответа от меня не дождёшься, я не стану твоим данником, не буду покорным тебе, страна Гур не состоит из одного лишь Фируз-абада, на этой земле имеются племена, которые съедят заживо твое войско и отомстят тебе за мою смерть, если конечно ты не убежишь, а останешься здесь.»

Наутро стоял такой мороз, что когда один из слуг коснулся железного предмета, его рука тут же примерзла к нему. Если бы мое войско не вошло в Фируз-абад прошлой ночью, оно несомненно замерзло бы насмерть. Когда совсем посветлело, я велел привести Эбдала Гильзайи, который провел минувшую ночь в теплом помещении. Я спросил: «Ну, подумал как следует о своей участи?» Повелитель Гура ответил: «Я все обдумал и высказал тебе еще вчера ночью, а именно: казни меня, но я не буду твоим данником, и не буду покорным тебе.» Я сказал: «Жаль убивать такого человека как ты, имеющего под своим началом множество храбрых воинов. В следующем году, или же через пару лет, я намерен идти походом на Хиндустан и полагаю, путь мой тогда будет пролегать через твою страну, в Индию лучше идти через страну Гур, нежели Хорасан или Забулестан. Если обяжешься быть мне другом и окажешь мне помощь, когда буду идти на Хиндустан, я не стану казнить тебя и после победы над Хиндустаном ты так же получишь часть военной добычи.»

Эбдал Гильзайи ответил: «Я не стану твоим данником и не проявлю покорности, однако могу быть в дружбе с тобою.» Я сказал: «Ты должно быть знаешь, что требованием дружбы является, чтобы ты никогда не нападал на меня и мое войско, и в нужный момент без промедления оказал мне помощь.» Правитель Гура ответил: «Я сделаю так.» Я сказал: «Я настолько верю твоему обещанию, что не потребую от тебя васики (т.е. гарантий). Будь на твоём месте другой, я бы взял в заложники его сыновей, и в случае нарушения им своих обязательств, умертвил бы их. Но ты из тех, кто твердо соблюдает обещанное, поэтому с таких как ты васики не требуют.» Эбдал Гильзайи сказал: «Раз ты стал моим другом, вели в таком случае выпустить моих воинов, захваченных тобою в плен.» Я незамедлительно велел, чтобы пленных выпустили на волю, потом спросил, каким путем лучше всего попасть отсюда в Самарканд. Правитель Гура ответил: «С началом морозов все перевалы, ведущие из Гура и Кабулестана в Бадахшан, обледелели и закрыты. Если ты спешишь, то отправляйся в Герат, а оттуда через Хорасан следуй в Самарканд, ибо зимой невозможно попасть в Бадахшан, а оттуда в Самарканд через перевалы Кабулестана и Гура.»

Я ответил: «Со мною большое войско, и если останусь здесь, то возникнут затруднения с кормом и продовольствием.» Правитель Гура ответил: «В таком случае, следуй через Герат в Хорасан, там найдёшь много корма и продовольствия.» Я сказал: «О отважный муж, раз уж мы отныне друзья, скажи своим воинам, пусть те научат моих умению забрасывать и цеплять крюками врага.» Эбдал Гильзайи ответил: «Если ты научишь моих воинов способам применения огня, я велю им обучить твое войско как управляться с боевыми крюками.» Я сказал: «Я не могу обучать твое войско применению огня (*имеется ввиду порох-Марсель Брион*), поэтому пусть будет ни от тебя, ни от меня (в том смысле, что воздержимся от подобного обмена опытом). Поскольку мы друзья, велю ка я своему табибу полечить тебя.» Эбдал Гильзайи ответил: «Наши табибы лучше ваших умеют врачевать раны и если только они не смертельны, выздоровление будет несомненно достигнуто.»

В тот день в Фируз-абад прибыл гонец и мне сообщили, что входя в город, он передвигался в обуви в виде больших досок, что позволяло ему с меньшими затруднениями передвигаться по снегу. Я не поверил тому сообщению, пока своими глазами не увидел того человека. Он был из племени горцев страны Гур, высокого роста, темнолицый и когда я встретился с ним, он держал в руках свою деревянную обувь. Эта обувь представляла собою две прямоугольные доски, каждую из которых он крепил к ноге, чтобы не проваливаться в глубокий снег, а в некоторых местах он с их помощью скользил по снегу, и до того я не видал подобной обуви. Эбдал Гильзайи разъяснил мне, что с помощью именно такой обуви передвигаются по снегу люди, живущие в горах Гура в зимнюю погоду, когда снег делает передвижения затруднительными.

Гонец принес послание для Эбдала Гильзайи, из которого явствовало, что сын мой, шейх Умар, вместе с двадцатью тысячами всадниками, застрял в заснеженных горах Гура. Послание было адресовано падишаху Гура одним из местных правителей и вероятнее всего, Шейх Умар не ведал о том, что я нахожусь в районе Фируз-абада. Я сказал Эбдалу Гильзайи: «Эти двадцать тысяч всадников под командой моего сына, Шейха Умара, являются частью моего войска. Я сам велел Шейху Умару вступить в страну с войском и идти ко мне на помощь. Теперь же он застрял в снегах, находясь в стране, население которой смотрит на него косо и считает его чужеземцем. Если хочешь быть моим другом, ты должен сейчас проявить свое дружеское отношение тем, что спасешь моего сына.»

Падишах Гура ответил: «Как ты видишь, я ранен и не могу передвигаться, и не в состоянии лично отправиться выручать из беды твоего сына и его войско, но передам указание тамошнему правителю, чтобы сделал все, что может для спасения твоего сына и его войска.» Я сказал: «Особо подчеркни в своем

послании, чтобы правитель той местности обеспечил войско моего сына продовольствием, кормом и топливом. Я так же полагаю, что воины ШейхаУмара должны испытывать острую нужду в палатках, войлоке и мехах».

Вызвали писца и Эбдал Гильзайи продиктовал послание правителю местности, в котором говорилось, что Шейх Умар и его воины - его друзья и для их спасения следует приложить все необходимые усилия, и что все расходы, могущие возникнуть при этом, будучи возмещены Амиром Тимуром, что гарантируется падишахом Гура. Я так же написал послание Шейху Умару, где описал происшедшие события и создавшуюся обстановку, сказал, что после кровавой битвы, мы и Эбдал Гильзайи стали друзьями, чтобы он знал, что находится в дружественной стране и дружески отнесся к местным жителям, и чтобы как можно скорее попал в Герат, куда я направлялся.

Тому же самому высоченному гонцу, с деревянной обувью, было велено доставить по назначению оба наших послания. Гонец отправился в путь и падишах Гура сказал, что он будет на месте через четыре – пять дней.

Эбдал Гильзайи, став моим другом, пригласил меня в качестве своего гостя и в знак дружбы подарил мне клинок. Его состояние позволяло надеяться, что несмотря на тяжелые раны, он непременно выздоровит. Я не мог дальше оставаться в Фируз-абаде, потому что там нельзя было достать продовольствие и корм в требуемом количестве и через пять дней, когда мороз несколько уменьшился, мы выступили из того города, взяв с собой двух проводников, которые должны были провести нас через теплую местность. Проводники выбрали более длинный путь, шедший через обширную степь для того, чтобы мои воины меньше страдали от холода, и мы, без особых трудностей дошли до окрестностей Герата.

Ранее я послал письмо правителю Герата, известив, что собираюсь провести в том городе несколько дней, пока не подтянется шедшее за мной войско и ожидаю, что он, пока я буду находиться в его городе, заготовит продовольствие и корм для моего войска и продаст их мне по разумной цене. Правитель Герата убил моего гонца и не удосужился прислать ответ.

Я расположился в полном переходе от Герата, не подозревая о гибели своего гонца. Я знал, что Герат является одним из наиболее благоустроенных городов той местности, обладает благоприятным климатом, в течении всего лета здесь дует северный ветер, способствующий тому, что в тех местах стоит приятная прохлада, виноград и дыни здесь созревают в конце лета и пользуются широкой известностью. Когда я подошел к Герату, солнце вступило в созвездие Хут

(Рыбы), установилась мягкая погода и мои воины в некоторые из ночей даже костров не разжигали.

Оттуда, где я остановился на привал, была видна гора, расположенная к северу от Герата, я знал, что на ее вершине имеется храм огня, построенный зороастрийцами и никто из мобедов (жрецов) не знал, когда был построен тот храм, и говорят, что огонь в его алтаре погас в тот день, когда родился наш пророк (да благословит Аллах его и его род!).

(Тимурленг допускает здесь неточность, храм, в котором в момент рождения нашего пророка погас огонь, находился в Фарсе, тогда как в гератском храме, называвшемся Аршак или Саршак, огонь продолжал гореть вплоть до четвертого века хиджры - Марсель Брион)

Тем не менее, здание самого храма сохранилось и является столь прочным, что гератцы, время от времени посещающие те места, даже с помощью кирки не могут отколоть от его стен кирпичи или камни.

Я ждал ответа на свое письмо со стороны правителя Герата, так и не получив его, я написал повторное послание и отправил его с еще одним гонцом. И опять правитель, вопреки законам истинного благородства, умертвил моего гонца, не имевшего иной вины, кроме той, что принес он ему мое послание.

Не получив ответа на свое вторичное послание и не дождавшись возвращения второго гонца, я понял, что правитель Герата настроен против меня враждебно, не хочет, чтобы я останавливался на отдых в его городе. В Герате, до его завоевания моим дедом Чингиз-ханом, насчитывалось шесть тысяч караван-сараев, бань и мельниц, триста пятьдесят девять медресе и ханака (приют для паломников) и сорок четыре тысячи домов. *(Эти цифры выглядят преувеличенными, но чтобы отразить точку зрения Тимурленга, мы приводим их дословно - Марсель Брион).*

В Герате похоронены некоторые из выдающихся деятелей ислама, в том числе Пир Герата *(т. е. Ходжа Абдулла Ансари - Марсель Брион)*, имам Фахр Рази, ходжа Муххамад Абу аль-Валид. Поскольку тогдашний правитель Герата оказал сопротивление моему прадеду Чингиз-хану, город был разрушен, позже он был восстановлен и в те времена, когда я подходил к нему, это был вполне благоустроенный город, хоть и не такой обширный, как прежде, тем не менее он был в числе лучших городов. Убедившись во враждебном настрое правителя Герата, я двинулся вперед вместе с войском, чтобы выяснить, будет ли этот человек биться со мной в открытом поле или укроется за стенами города.

Выяснилось, что правитель Герата воздерживается от битвы в открытой местности и предпочитает оставаться под защитой городских стен.

Если бы я ранее не велел Шейху Умару присоединиться ко мне в Герате, я бы не отдыхая обошел тот город стороной и проследовал в Хорасан, но, поскольку Герат был местом встречи с Шейхом Умаром, мне поневоле надо было остановиться там, а столкнувшись с враждебным отношением его правителя, мне тем более ничего другого не ставалось, кроме как взять его. Потому, что если не брать его и обойдя стороной уйти, мой сын Шейх Умар будет уничтожен вместе со своим войском, когда придет сюда в надежде встретиться со мною. В тяжелой битве под Фируз-абадом погибла немалая часть моего войска, поэтому к Герату я пришел с силами, которых явно не хватало для того, чтобы сразу же взять его. По этой причине я решил набраться терпения и стоять под стенами города, пока не подойдет мой сын, Шейх Умар со своим войском.

Герат омывает река Гери-руд, один из её рукавов проходил через южную часть города. Чтобы создать недостаток воды для осажденных, я велел воинам рыть отводящий канал от того рукава Гери-руда, что снабжал город водой. Воины начали работу, которую после некоторого времени пришлось бросить по двум причинам: во - первых подошел Шейх Умар со своим войском, и мы приступили к штурму города, для чего мы сняли воинов с земляных работ, во вторых - я узнал, что в Герате, как и во многих других городах Хорасана, имеется много хранилищ (амбаров) воды, помимо того, что каждый дом имел такое хранилище, было множество амбаров для общего пользования, построенных в свое время предками гератцев и воду оттуда все могли брать в любое время и причем бесплатно. Все хранилища воды являются вакуфной собственностью (т.е. собственностью религиозных учреждений), к каждому из них прикреплено должностное лицо-мутавали, который ответственен за его содержание, ремонт и очистку от ила и грязи один раз в году-осенью. Поэтому отвод воды из рукава Гери-руда, учитывая такую обеспеченность гератцев водой, не принес бы желаемого результата, т.е. у них не возникло бы затруднений из за нехватки воды.

Шейх Умар подошел с шестнадцатью тысячами воинов, четыре тысячи человек погибли вследствие холода и болезней, или остались в Фируз-абаде. Шейх Умар сказал, что повеление падишаха Гура местным жителям помочь ему выбраться из снегов здорово помогло, если бы не это указание, следуя которому местное население оказало помощь и обеспечило войско топливом, палатками, войлоком, мехом и едою, все наши люди и животные погибли бы.

После того как он соединился со мной, самому Шейху Умару не пришлось участвовать в осаде Герата, так как я сразу же отправил его в Шираз во главе

трех тысяч всадников править тем краем, сменив на том посту моего другого сына, Миран-Шаха, которого я вызвал к себе. Две причины заставили меня вызвать Миран Шаха и назначить на его место Шейха Умара. Во-первых, Миран Шах был моложе Шейха Умара и не обладал достаточным опытом. Во-вторых, я хотел взять с собой Миран-Шаха в поход на Хиндустан.

Погода в Герате с каждым днем становилась все мягче, приближалась весна. После убийства в Фарс Шейха Умара с трехтысячным войском, я решил начать штурм, ибо тринадцать тысяч воинов Шейха Умара, влившиеся в мое войско, были солидным подкреплением. Самым легким способом сломить сопротивление правителя Герата, которого звали Малик Мухаммад Зашки, было бы разрушить его крепостную стену при помощи пороховых зарядов. Но значительную часть пороховых припасов мы израсходовали в битве под Фируз-абадом, оставшееся количество было столь незначительным, что нечего было и думать о том, чтобы разрушить стены с его помощью. Если бы удалось достать материалы, необходимые для производства пороха, мы бы смогли заготовить его на месте и разрушить с его помощью крепостные стены Герата. Поскольку таких материалов в том краю не было, я принял решение брать город штурмом, напрямую сломить сопротивление Малика Мухаммада Зашки.

В течении времени, пока ожидали подхода войск Шейха Умара, мои воины не теряли его даром, с утра и до вечера они рубили деревья, что росли вокруг Герата и с помощью мастеров-плотников изготавливали метательные машины и лестницы, которые должны были пригодиться во время взятия приступом города.

Я назначил штурм Герата на первый день месяца Хаммаль. В тот день два отряда моих воинов, облаченных в шлемы и доспехи, получили приказ приступить к штурму стен города с восточного и западного направлений. Всем своим искусным стрелкам я велел занять удобные позиции для поражения защитников города, видневшихся на крепостной стене. Так же я повелел ответственным за метательные машины обрушить на город град камней. Я подчеркнул, что для обороняющихся, что находились на гребне стены, нужно создать невыносимые условия, осыпая их таким плотным дождем стрел, чтобы лишить их возможности успешно противостоять тем из наших воинов, что взбирались на стены.

Малик Мухаммад Зашки в первый день применил в качестве защитного средства кипящее масло, которое лили на головы штурмующих, часть которых, несмотря на надетые на них шлемы и доспехи всё же серьезно пострадали. Защитники Герата подняли и установили на гребнях крепостной стены огромные котлы с ручками, наполнили маслом и развели под ними огонь и

доведя до кипения масло, наполняли им огромные черпаки и выливали его на головы моих воинов. От невыносимых ожогов, штурмующие валились с лестниц, некоторые из них гибли. Оставшиеся в живых, не были в состоянии участвовать в бою, а невыносимая боль от ожогов не давала им ни минуты покоя.

Я находился среди лучников и вместе с ними вел прицельную сдельбу, дважды мои стрелы нашли свою цель, поразив двух человек на гребне стены, которые лили кипящее масло на головы моих воинов. Они выронили ковши из рук и, полагаю, сами получили ожоги от кипящего масла. Мы полагали, что в течении короткого времени нам удастся закрепиться на крепостной стене, что дало бы возможность дальнейшего развития успеха. Наконец, после того как полторы тысячи моих воинов были убиты, обожжены и вышли из строя, нам удалось закрепиться на одном из участков восточной части крепостной стены и через тот, уже контролируемый нами участок я непрерывно направлял свежие силы, чтобы осуществить прорыв внутрь города. Чтобы поднять боевой дух воинов, я велел Шахруху, войдя в город, крушить и жечь дома, чтобы осажденные были лишены возможности сопротивляться, укрывшись за их стенами, превращая каждое жилище в военное укрепление.

Для Шахруха я специально подчеркнул: «В бою всякое проявление жалости и мягкотелости оканчивается поражением, следует убивать, разрушать и жечь до тех пор, пока враг не будет сломлен или сдаться в плен. Возможно и такое, что стремясь обмануть тебя, враг выставит впереди своих женщин и детей, в этом случае ты должен безжалостно перерезать всех тех женщин и детей. Но после того, как враг сдался, сложил оружие, его не убивай, потому что убивать сдавшегося на твою милость врага неблагородно и против законов шарията, исключая случаи, когда он сам заслуживает это.»

Шахрух отправился в город, спустя короткое время, над городом поднялись столбы дыма и я понял, что мои воины с помощью горящих факелов начали поджигать дома. Я прислушивался к звукам, раздающимся в том городе и испытал наслаждение, когда до моих ушей стали доноситься яростные вопли дерущихся, вопли и стенания женщин и детские крики, грохот рушащихся домов.

Для моего слуха никакая мелодия не может звучать слаще, чем музыка боя и по этой причине я никогда не испытывал наслаждения от мелодий чанга, уда, гануна (род гуслей). Я поражаюсь тому, что люди вместо того, чтобы избрать своим ремеслом войну, становятся земледельцами, ткачами или седельщиками, почему они не поймут, что самое лучшее и самое приятное занятие - это

военное ремесло и никакой человек как в этой, так и в загробной жизни не в состоянии испытать тех приятных ощущений, которые испытывает воитель.

Если желаешь быть великим, быть властителем этого мира - избери военное ремесло. Если желаешь, чтобы твои сыновья после тебя достигли величия и власти - обучи их военному ремеслу. Поэт из Туса (Фирдоуси), могилу которого я обустроил и установил на ней надгробье, пишет:

«Дабирй аст аз пешахо арзманд Аз он мард афканда гардад баланд.
(Писательство – ценнейшее из ремёсел, возносящее человека на высоты величия).

Но ученый писатель, каким бы высшим не считалось его ремесло, никогда не достигнет положения Властителя Вселенной, разве, что если займется военным ремеслом. Я почитаю ученых и всякий раз, завоевывая очередной город, не убиваю и не обижаю людей науки, тем не менее считаю, что положение ученого и связанный с этим почет, никогда не перерастёт пределов моральной, духовной ценности, если конечно он, подобно мне, не является мастером клинка и не изберет своим основным ремеслом войну. Воитель, подобный мне, повелевает сотней тысяч писателей и ученых, тогда как величайший из ученых мира, подобный ибн Халдуну (о нём и о встрече с ним в стране Шам я подробнее расскажу позднее) не имеет иного выбора, кроме как проявлять покорность воителю, подобному мне.

Я думаю личность, являющаяся воином, хоть раз увидевшая панораму битвы, слышавшая боевой клич доблестных богатырей, вопли женщин и заложников, лязг оружия, грохот от копыт скачущих коней, никогда не испытает удовольствия от нежной музыки и заигрываний кравчего, потому что из всех наслаждений мира высшим для воителя является наслаждение, которое он обретает на поле сражения.

Сражение внутри города стало более яростным и часть защитников, находившихся на гребне стены, была вынуждена покинуть свои места, чтобы поспешить на помощь согражданам, сражавшимся внутри города. Отправляя воинов перелезать через стены, я бы не успел до захода солнца обеспечить необходимую подмогу своим и поэтому приказал устроить брешу в крепостной стене, чтобы войску легче было ворваться в город и выйти из него. Когда солнце первого дня месяца Хаммаль достигло зенита, мои воины, пользуясь уменьшившимся числом и ослаблением защитников, сумели пробить пять обширных проломов в крепостной стене. К тому времени из города вышли и направились в мою сторону несколько человек, и видно было, что они несут кого-то на носилках. Когда они приблизились, я увидел, что на носилках лежит

мой сын Шахрух, осмотрев его, я понял, что он еще жив, даже если бы оказалось, что он убит, я бы не был опечален. Таким же образом, когда был убит Шейх Умар (о чем я поведаю далее), это происшествие не оказало на меня и малейшего отрицательного воздействия.

Потому что в сражении жизнь командующего и рядового воина обладают одинаковой ценой, единственное, что делает жизнь командующего ценнее жизни рядового солдата - это его способности, позволяющие управлять ходом сражения, тогда как простому воину сие не дано.

Выяснилось, что Шахрух получил тяжелую рану правого бедра вследствие сильного сабельного удара и потому не в силах стоять на ногах. Я велел отнести его в его шатер, перевязать рану и велел ему находиться там, пока не станет лучше. Ко времени вечернего намаза по всему Герату стоял дым, мои воины насколько могли, разрушили и подожгли как можно больше домов. Когда я завершил свой вечерний намаз и вышел из мечети, мне сообщили о том, что схвачены Малик Мухаммад Зашки вместе с двумя сыновьями. *(Мечеть, о которой упоминает здесь Амир Тимур – это его походная, разборная мечеть, о которой рассказывалось в начале повествования.-Марсель Брион)*

Сражение в городе продолжалось и воины-гератцы не желали сдаваться. И я не желал вступать в какие-либо переговоры с Маликом Мухаммадом Зашки. Ибо вследствие оказанного им сопротивления было убито и ранено множество моих воинов. Поэтому я велел отсечь ему голову, насадить ее на копье и показать осажденным, разъяснив, что с гибелью их правителя, их дальнейшее сопротивление теряет смысл. Военачальникам своим я велел, чтобы обороняющимся было передано - если они не прекратят сопротивления, сыновья Малика Мухаммада Зашки будут так же умерщвлены, а их головы отрезаны и насажены на копья. Зрелище отсеченной головы правителя поколебало боевой дух защитников и все они сдались еще до захода солнца и мои воины взяв их в плен, вывели за пределы города. Поскольку город пал и стал моим, я велел больше не ломать и не жечь дома и дал разрешение воинам и их старшим считать город законной военной добычей и обойтись с ним соответственно.

В ту ночь наше время полностью ушло на вывод пленных за пределы города и заботу о раненных. На следующий день мы заставили гератцев хоронить своих мертвых сограждан, после чего я велел привлечь жителей прилегающих к Герату сел, слить их в одну группу с жителями Герата и заставить их ломать городскую стену. Разрушение стены заняло пятнадцать дней. Когда крепостная стена перестала существовать, я велел привести сыновей Малика Мухаммада Зашки. Старшему было восемнадцать лет, а младшему пятнадцать. Я сказал им:

«Ваш отец поступил со мной неблагородно и умертвил двух моих посланников, за свои такие деяния он и получил свое. Я не стану проливать вашу кровь, ибо вы не проявили ко мне враждебного отношения, и если вы будете покорными мне, я позволю старшему из вас править Гератом, если же откажетесь выполнить мою волю, будете казнены как и ваш отец.»

Старший сын Малика Мухаммада Зашки по имени Махмуд сказал: «О эмир, мы подчиняемся твоему повелению.» Я в ответ сказал: «Согласно моего повеления ты отныне - повелитель Герата, можешь так же возложить на своего брата правление одним из областей Герата. Я не хотел, чтобы Герат был разрушен, к этому меня вынудили поступки и спесивость твоего отца, я вынужден был сражаться, в результате чего город пострадал. И ты постарайся после меня восстановить его, однако воздержись от возведения городской стены. Потому что если отстроишь ту стену вновь, я буду считать тебя замыслившим поднять мятеж, тогда я поневоле вынужден буду подвергнуть тебя наказанию.» Махмуд сказал: «О эмир, я обещаю никогда не восставать против тебя.»

Я сказал: «Убив твоего отца, я не могу рассчитывать на то, что ты будешь искренне служить мне. Однако твое поведение может быть таким, что жизни твоей и имуществу не будет грозить опасность, и твои дети смогут дальше править этой страной. И поскольку - ты мой ставленник, всякий раз, когда на тебя нападут, можешь рассчитывать на мою помощь, и я тебя защищу.»

Битвы в Фируз-абаде и Герате так ослабили мое войско, что было опасно оставаться далее в тех краях, ибо если бы поняли, что я ослаблен и напали на нас, поражение было бы неминуемым. По этой причине я не стал дожидаться прибытия Миран-Шаха из Фарса и с оставшейся частью войска пустился в путь, чтобы через Тус и Кучан выйти из Ирана и попасть в Мавераннахр. Я мог бы двинуться из Герата прямо на север, но при этом пришлось бы следовать через земли, правители которых возможно захотели бы напасть на меня. Тогда как путь через Тус и Кучан в то время считался безопасным для моего войска. Когда мы дошли до Туса, солнце переместилось в созвездие Тельца и погода была значительно теплее.

Я не стал останавливаться в Тусе больше, чем на два дня, да и то ради того, чтобы лошади отдохнули. На второй день я посетил могилу Фирдоуси, чтобы убедиться, в каком она состоянии, и увидел, что в саду, где была могила поэта, на кустах роз раскрылись красные и желтые цветы. Через два дня пребывания в Тусе, я пустился в дорогу и дошел до Кучана, где еще раз увидел тамошних мужчин и женщин, которые все были светловолосыми и голубоглазыми. Я еще раз предложил кучанским мужчинам вступить в мое войско, и опять они не приняли моего предложения. Погода была хорошей, воды было достаточно, и

мы проходили через места, изобиловавшие кормом и продовольствием, и без каких-либо происшествий, достойных упоминания, мы возвратились на родину. Прежде, чем вступить в Самарканд, я направился в город Кеш, место, где я родился. До того я велел так обустроить его, чтобы стал он красивейшим городом мира, теперь же я хотел проверить, как выполняется то мое указание.

С того дня, как я начал завоевывать Вселенную, как упоминалось, я сохранял жизнь искусным мастерам различных ремесел и многих из них перемещал в Мавераннахр, чтобы там они применили свое умение и обучали ему местных юношей, которые впоследствии продолжили бы их дело. К тому времени, когда я велел расширить строительство в городе Кеш, в Мавераннахре собрали лучших мастеров из Багдада и Ирана. Я велел для строительства в Кеше применить горный камень из Бадахшана и привести яшмовый камень из Хорасана для колонн дворца, возводимого для меня в этом городе.

Я велел доставить из Фарса в Мавераннахр мрамор для отделки стен и пола того дворца. Я обязал лучших мастеров облицовки изразцом из Исфагана выполнить ту работу - облицевать плитами мой дворец в Кеше. В Мавераннахре было двое зодчих из Багдада, обучившиеся своему мастерству в Руме и умевшие создавать арочные своды в стиле того края. Я велел им устроить в румском стиле все арочные своды моего дворца в Кеше, потому как румский арочный свод, выстроенный из хорошего строительного материала, будет стоять тысячу лет и не разрушится, разве что если простоят дольше того срока или, если пострадает от землетрясения. *(Удивительно то, что город Кеш, вместе со дворцом Амира Тимура, построенным в нем, были разрушены землетрясением. - Марсель Брион)*

Увидев в Ширазе деревья, высаженные вдоль пешеходных дорог, я велел сделать то же самое и в Кеше, ибо идя по такой городской аллее, человек ощущает, будто находится в огромном саду. Еще в начале повествования о своей жизни, я упоминал, что первым моим учителем был старец по имени Мулла Алибек, у которого не было зубов и который обучал детей чтению и письму в мечети одной из кварталов Кеша. Так же я упоминал, что в семилетнем возрасте я окончил ту школу и стал посещать школу на дому Шейха Шамсуддина. К тому времени, когда я затеял строительство в Кеше, эти двое уже несколько лет как отошли в мир иной. Дети Шейха Шамсуддина жили в достатке, тогда как потомки Муллы Али Бека испытывали нужду, и я велел, чтобы для каждого из его детей выстроили отдельный дом и учредил для них денежное содержание.

Строя дома для потомков Муллы Али Бека, я еще не ведал того, что позднее было высказано устами Ибн Халдуна во время встречи с ним в Шаме, а именно:

«Высочайшее благо, даримое Господом человеку помимо жизни и здоровья, заключается в дружбе с могущественным лицом, потому что близость к такому лицу делает возможным осуществление всех возможных желаний и обладание могуществом и роскошью.» И хотя к тому времени я еще не слышал того высказывания Ибн Халдуна, все же сам пришел к мысли о том, что являясь повелителем Вселенной, я не должен допускать, чтобы жили в нужде дети тех, кто в свое время верно служили мне и имели предо мной заслуги, и если их жизнь и быт проходят в нужде, то такое должно быть мне в укор.

По окончании строительства домов для детей Муллы Али Бека, мне пришла в голову мысль и я сказал себе: «Город Кеш - место моего рождения, в этом городе я вступил в этот мир и жил в нем некоторое время после рождения и поэтому я обязан моим согражданам, в той же степени, что и своим учителям. Разве достойно, чтобы мужчина или женщина, будучи земляками завоевателя Вселенной, жили в нужде и не знали, как будут завтра добывать себе хлеб насущный.»

Поэтому я решил для всех неимущих жителей города Кеш учредить денежное содержание с тем, чтобы никто из них не вешал головы в горестном раздумье о том, как добыть себе хлеб насущный. *(Поистине Тимурленг был удивительной личностью, и человек не знает, как судить о нём со всеми проявлениями его жестокости и кровожадности, с одной стороны, и благородства, отваги и великодушия – с другой. – Марсель Брион)*

Я не думаю, чтобы в мире существовал город, красивее чем Кеш. Центральная улица моего города настолько широка, что от одного его края до другого насчитывается пятьдесят зарьов и по ней плечом к плечу может проехать одновременно двадцать пять всадников. Несмотря на то, что в мире нет города, так же красивого как Кеш, несмотря на мой тамошний дворец, красивейший в мире, я не оставался в нем дольше, чем на неделю, потому что не хотел нарушать свой обет и впасть в праздность и покой. Я знал, что если предам себя праздности и покою, найдется личность, которая победит меня так же, как я побеждал многочисленных правителей, ставших рабами покоя и утех. Жизнь устроена так, что всякий, кто возлюбил покой и посвящает все свое время утехам и наслаждению, будет повержен и испытает горечь и унижение. По этой причине, пробыв две недели в Кеше я, покинув его, двинулся в степь, проводя свое дальнейшее время в военном лагере, среди воинов и их начальников, осуществляя меры по подготовке войска к походу на Хиндустан.

В Хиндустан я мог попасть по одной из двух дорог: одна вела через Хорасан и Забулестан, другая - через Кабулестан и Гур. Дорога через Хорасан и Забулестан была маловодной, пройдя дальше Бирдженда, войско столкнулось

бы с полным отсутствием воды. Тогда как путь через Кабулестан и Гур изобилует водой и нигде войску не грозила нехватка воды. Я уже упоминал, что конное войско в большей степени, чем пешее, нуждается в воде, потому что один конь способен выпить воду, в количестве, которого хватило-бы на тридцать – сорок человек.

Путь через Забулестан и Хорасан пролегал по плоской равнинной местности и мои конники могли бы быстро покрыть его, тогда как путь через Кабулестан в некоторых местностях из-за наличия гор выглядел труднопроходимым.

Тем не менее я предпочел путь через Кабулестан, поскольку знал, что идя по нему, я не буду испытывать нужду в воде и был намерен дойдя до Гура, взять с собой в поход на Хиндустан Эбдала Гильзайи и часть его войска.

называемую Рабат-э Хан, который был на нашем пути последним поселением, где ещё можно было достать воду в большом количестве. Рабат-э Хан был небольшим поселком, где имелся большой караван-сарай. Караван-сарай был построен как военная крепость, потому что Рабат-э Хан располагался в местности, где орудовали разбойники, которые часто заглядывали в Рабат-э Хан для пополнения своих запасов воды и редко отказывались от возможности пограбить тамошнее население.

По этой причине население Рабат-э Хана вечно жило в готовности к сражению и если разбойников оказывалось много, жители перемещались в караван-сарай, запирались в нем и оказывали сопротивление, словно находясь в военной крепости. Вступив в Рабат-э Хан, я пригласил нескольких местных старейшин, чтобы посоветоваться о моем дальнейшем пути. Кетхуда (т.е., староста) селения, мужчина с седой бородой, сказал: «О эмир, впереди тебя ждет пустыня, протяженностью в пятьдесят фарсангов. В той пустыне нет воды, не растет трава, там не найти и сухого кустика, чтобы пожевать. Бог не создавал второй такой пустыни и ты не сможешь, имея такое большое войско пересечь ее, на второй же день оно погибнет, мучаясь от жажды. Пустыню можно только пересечь, едучи на верблюде, всадник же верхом на лошади не пройдет через пустыню, протянувшуюся на целых шестьдесят фарсангов. Даже следующий верхом на верблюде должен захватить с собой воду, чтобы животное хоть один раз попило воды, следуя через ту пустыню. По этой же причине путник не может идти через нее в одиночку, нужно чтобы это был целый караван, состоящий из верблюдов, чтобы на некоторых из них ехали люди, а часть верблюдов была нагружена запасом воды.» После этих слов кетхуда назвал имена нескольких известных людей, которые в одиночку или небольшими группами пытались пересечь ту пустыню, но погибли в ней от жажды и их тела стали добычей для хищников, а кости их до сих пор белеют под солнцем. Я сказал: «Однажды я уже ходил из Хорасана в Забулестан и из Фарса в Хорасан, и в ходе тех поездок мне приходилось пересекать безводную пустыню.» Кетхуда ответил: «В тех пустынях, что ты проходил, имелась вода, особенно в весеннюю пору воду можно встретить в них в изобилии, тогда как именно в этой пустыне, которую ты намерен сейчас пересечь, совсем нет воды, если бы твое войско шествовало на верблюдах, ты мог бы часть из них нагрузить мехами с водой и пересечь ее. Твое конное войско не сможет пересечь ту пустыню.» Я сказал: «Выходит, что пройдя такой путь, я должен повернуть назад, только потому что впереди - безводная пустыня, которую не пройти?» Старик-кетхуда показал на восток и сказал: «Если отсюда ты пойдешь направо, то через два дня увидишь гору, простершуюся с севера на юг, ведя свое войско вдоль ее подножия, ты не испытаеть недостатка в воде, потому что на склонах той горы текут множество ручейков. Пройдя подножие той горы ты придешь к месту, где оканчивается шестидесятифарсанговая протяженность той пустыни.

В этом случае можно следовать дальше, оставив склоны той горы и воды в той местности будет достаточно.» Я спросил: «О пребывающий в преклонных годах человек, знаешь ли ты достаточно хорошо эти места?» Он ответил: « Да, о эмир!» Я сказал: «Согласен ли ты стать моим проводником?» Он ответил: « О эмир, я и мой сын будем твоими проводниками и доведем тебя до подножия той горы, после которой поведем тебя дальше, в сторону пустыни.» Я сказал: «Если ты сумеешь провести мое войско через пустыню, получишь от меня хорошую награду.» Старик-кетхуда ответил: «Долг мой и моего сына заключается в служении, и все, что на наших силах, мы исполним с полным старанием.»

Я велел дать старику и его сыну коней, чтобы они могли следовать впереди войска и он стал рассказывать мне о той пустыне, которую я намеревался перейти: «Это и есть та знаменитая пустыня, о которой рассказывают в легендах, что в ней погибли войска Салма и Тура и если бы ты последовал через неё, тогда и твое войско погибло бы в ней, подобно войскам Салма и Тура.»

Старик повел нас прямо на восток, когда достигли склона той горы, я спросил: «Сами вы так же пользуетесь этой дорогой, следуя в Фарс?» Старец ответил: «О эмир, мы не смеем проходить через эти места в одиночку, потому что здесь свирепствуют разбойники. Ты же следуешь через них с многочисленным войском и никто не осмелится напасть на тебя. Но если человек едет один, или в сопровождении небольшого каравана, он обязательно подвергнется нападению. Разбойники заберут твое имущество, а самого тебя убьют.» Я спросил: «А что, в этих местах нет правителя, который принял бы соответствующие меры против разбойников?» Старец ответил: «Сколько я себя помню, никто не предпринимал ничего такого, чтобы обуздать разбойников. Нижний склон этой горы примыкает к Забулестану, а противоположный - к стране Гур и Кабулистан, а здешние места, располагась посередине, не имеют хозяина и всякий, путешествуя здесь в одиночку, рискует оказаться убитым и ограбленным.»

Наш путь вдоль склона был связан с местами, изобиловавшими водой и мы двигались так, чтобы можно было устраивать привалы вблизи источников. И хотя старец говорил о том, что он не осмеливался ходить в одиночку в этих местах, тем не менее, он хорошо знал их. Я спросил: «Ты же не ходил в этих местах, откуда, в таком случае, ты их так хорошо знаешь?» Старец ответил: «О эмир, в детстве и юности я был чабаном и пас своих овец на склонах этой горы.» Я спросил: «В те времена здесь было безопасно? Если нет, то как же ты пас своих овец?» Старец ответил: «О эмир, в те времена Бирдженд и Каьин имели своих правителей, да таких могущественных и смелых, что никто не смел сделать моих овец своей добычей и разбойники знали, что стада, которые я здесь пасу, принадлежат правителям Бирдженда и Каьина.»

Однажды к полудню мы подошли к реке, текущей вниз по склону горы, и воины мои расположились на привал у ее берега. Я отошел, совершил намаз неподалёку от реки и затем проследовал в свой шатер собираясь немного отдохнуть, как вдруг там наткнулся на змею и, прежде чем я успел убить ту смертоносную тварь, её удалось таки ужалить меня. Змея ужалила меня в верхнюю часть щиколотки и прежде чем сумела скрыться, я ногой перебил ей хребет, а мои слуги добили ее. Укус змеи я ощутил как укол иглой или колючки и боль была незначительной в сравнении с ранами, которые я претерпевал на поле боя. Тем не менее я вызвал старца-проводника и показав мертвую змею спросил: «Эта тварь ужалила меня, скажи, не опасна ли она?» Старец пришел в ужас увидев ту змею и сказал: «О эмир, эта змея из породы «кябчэ» (т.е. вид кобры, очковая змея) и ужаленный ею, если быстро не разрезать рану и не отсосать кровь, вскоре может умереть.»

Я сказал: «Значит пришла моя смерть и здесь я должен распрощаться с жизнью.» Старец вскричал: «Скорее несите сюда кусок веревки!» Принесли кусок веревки и старец туго перевязав середину моей голени, сказал: «Для того я туго перетянул твою ногу, чтобы яд не дошел до сердца.» Затем взяв мой кинжал, он расширил рану от укуса змеи и приложив к ней губы, стал усиленно отсасывать кровь. Время от времени он сплевывал накопившуюся во рту сгустки отсосанной крови и я спросил, зачем он это делает. Он ответил: « Чтобы удалить яд из твоего тела.» С полудня, когда я был ужален змеей и до самой вечерней молитвы старец продолжал отсасывать кровь из моей раны и сплевывать ее изо рта. К тому времени я почувствовав жар, спросил: «Испытывает ли жар укушенный змеей?» Старик ответил: « Да, о эмир, и человек умирает, продолжая испытывать такой жар.» Я сказал: « Я не боюсь смерти и глядел ей в лицо много раз.» Старец сказал: «Поскольку я туго перевязал твою ногу и яд не должен достичь сердца, к тому же расширив рану отсасывал кровь, ты не должен умереть, оставайся здесь и не двигайся, пока тебе не станет лучше.» Затем старец добавил: «Сегодня, войдя в твой шатер и увидев тело змеи «кябчэ», я пришел в ужас, и удивление потому, что в такую жаркую погоду эта тварь не выползает из своей норы. На этой горе водится множество змей «кябчэ», однако они не покидают своих нор в жаркую погоду. Эта змея настолько нежна, что гибнет под летним солнцем в степи, и я не знаю, как объяснить то, каким образом ужалившая тебя змея могла попасть в твой шатер.»

Три дня я оставался в том месте, где меня ужалила змея, на третий жар спал, но левая нога распухла, словно мех с водой, однако вскоре и та опухоль рассосалась настолько, что я смог взобраться на коня и следовать дальше.

Старец говорил, что змея «кябчэ» откладывает яйца, из которых вылупливается от пяти до тридцати змеенышей и поэтому на той горе змей этой породы

больше, чем муравьев. После того случая, всякий раз, входя в шатер, я внимательно оглядывал все углы, чтобы не оказаться ещё раз ужаленным змеей, старец же продолжал выполнять обязанности проводника.

Горы, вдоль подножия которых мы шли, были разного цвета, одни были зелеными, другие - желтыми, третьи - оранжевыми. Ни на одной из них я не видел деревьев, тогда как в горах Астрабада, Мазандарана и Гиляна деревья произрастают во множестве. Хотя на этих горах и не росло деревьев, воды было много, многочисленные ручейки сбегали вниз, широко разливаясь и затем терялись, высыхая в пустыне. Однажды вечером, расположившись на привал у берега одной из таких речек, я заметил на дне ее какие-то желтые камушки и подумал, не золото ли это? Старец –проводник развеял мое заблуждение, сказав, что камушки те позолочены, но это не золото, однако в тех горах, вдоль склона которых мы шли, существует золото.

Миновав склоны тех гор мы, ведомые старцем-проводником и его сыном, достигли южной оконечности невозделанной, бесплодной и непроходимой пустыни. Там старец-проводник сказал мне: «Теперь ты, о эмир, находишься в месте, откуда через пустыню можешь двигаться в Фарс без риска потерять своих лошадей.» Я спросил, намерен ли он возвращаться той же дорогой, что привел нас. Он ответил: «О эмир, я не осмелюсь возвращаться тем же путем, ибо разбойники непременно убьют меня с сыном и если бы помог мне, я бы возвратился в Рабат-э Хан перейдя ту бесплодную пустыню.»

Я спросил, удастся ли ему пересечь ту пустыню, чтобы попасть к себе домой. Он ответил: «Да, о эмир, ибо мы будем следовать верхом на верблюде, верблюду достаточно будет один раз напиться воды в пути через пустыню, а я захвачу с собой воду.» Я дал тому верному старцу и его сыну несколько верблюдов, вручил им денежное вознаграждение и продолжил свой путь в Фарс.

С того дня и далее мне не пришлось столкнуться с нехваткой воды, поскольку через каждые несколько фарсангов нас ожидали источники и мы могли досыта поить своих коней. Продовольствие и корм мы также находили в достаточном количестве и так обстояли дела до самого Фарса.

Там ко мне пришел калантар и изложил подробности о гибели моего сына Шейха Умара. Он сказал: «Убийцами твоего сына являются люди племени Буюр, которые после совершения того гнусного злодеяния возвратились в свой край. Их край покрыт густыми лесами, каждый воин племени Буюр - настоящий богатырь и никто не в силах противостоять им и победить. Движимый беспокойностью о твоём благополучии скажу, что если отправишься в их

края, то погубишь свое войско, никто не справится с племенами Буюр, воюя на их земле.» Я сказал, что обдумаю все, что он сообщил и сообщу о своём мнении.

Я отправился в Шираз, чтобы там разобраться, соответствует ли действительности то, что мне поведал калантар. Могло иметь место и такое, что человек, замыслив уничтожить своих врагов, обвиняет их в убийстве, и я считал нужным основательно проверить все, что поведал мне калантар Ширази прежде чем предпринять какие-либо шаги в отношении племени Буюр. Проверка подтвердила правдивость изложенного калантаром: Шейха Умара действительно убили люди из племени Буюр, оставив его тело в Долине нарциссов, чтобы я сам мог решить где его похоронить.

Хотя прошло совсем немного времени после моего последнего посещения Ширази, несколько его арефов-мудрецов в течении этого периода ушли в мир иной. В их числе ушел так же из жизни Мухаммад Ширази Шамсуддин, известный как Хафиз, который в отличие от меня, как я уже рассказывал, не сумел прочесть наизусть аяты Корана в обратном порядке, начиная с их конца.

Не было и среди живых и Сабах-эд-дина Юсуфа Сумбули. Но были живы шейх Хасан бен Курбат, Закария Фарси, известный как Вамэг, они посетили меня и я одарил их золотом, однако не выразил желания как в прошлый раз провести собрание арефов, чтобы побеседовать и поспорить с ними.

В Ширазе я стал готовиться к походу на земли племени Буюр. Мне рассказали, что земли, где обитает то племя, состоят из горных цепей большой протяженности и ширины, где растут такие густые леса, что местами солнечные лучи не могут пробиться под кроны деревьев. Мне сказали, что в тех местах течет множество ручьев и рек, и если бы племя Буюр занялось земледелием, оно бы стало могучим и процветающим. Но племя это не желает заниматься земледелием, предпочитая совершать небег на окрестные земли, тем самым добывая себе средства для существования. Мой сын, Шейх Умар стал жертвой одного из таких разбойных нападений: люди племени Буюр вознамерились сделать своей добычей и отнять все, что тот имел с собой, но поскольку мой сын был не из тех, кто сдается и вступил с ними в бой, они убили его.

И еще мне сказали, что в край племени Буюр ведут две дороги и туда можно попасть только по одной из них. Упомянутый край опоясан горами и те две дороги очень узки. Если небольшой отряд того племени поставит заслон на этих двух дорогах, чужому войску вряд ли удастся пробиться на их земли и победить их.

Каждый из сведующих людей, рассказывавших мне о стране племени Буюр, отговаривал меня от того, чтобы идти туда, уверяя, что тем самым я лишь погублю свое войско, да и это будет зависеть от того, сумею ли я ещё попасть в те края. По этой причине я решил придумать какой-либо способ, чтобы перехитрить людей племени Буюр. Через своих воинов и жителей Шираза я распространил слух о том, что намереваюсь отправить в Афганистан свои деньги и драгоценности, а сам останусь в Фарсе. Слух распространили столь искусно, что ему поверили даже мои воины, не говоря уже о самих ширазцах.

Затем я отправил в дорогу караван из пятисот коней и верблюдов и путь его был определен таким образом, что проходил поблизости от края племени Буюр, с тем, чтобы его люди могли легко напасть на него. Караван я снарядил таким образом, что при нем не было множества воинов, я назначил всего нескольких из них для сопровождения только лишь для того, чтобы люди племени Буюр не удивлялись, отчего это караван с золотом и драгоценностями идет без какой-либо охраны вообще.

После того как все было готово к отправке каравана, я поставил задачу перед лучшими из своих отрядов быстро окружить людей племени Буюр как только те нападут на караван и попытаются его ограбить. При этом я запретил проливать кровь, желал захватить буюров живыми, чтобы использовать их в предстоящем походе на их земли. План мой был введен в действие, как и предвиделось, около тысячи пеших буюров напали на караван и вознамерились увести лошадей и мулов с грузом, когда их неожиданно взяли в кольцо и захватили в плен мои всадники. А караван, который якобы должен был следовать в Исфаган, вернулся обратно в Шираз.

Я велел хорошенько допросить пленных и выяснить существуют ли какие-либо другие пути, помимо известных нам двух, которые ведут в земли племени Буюр. После тех допросов выяснилось, что такие дороги действительно есть, но по существу - это козьи тропки, по которым человеку не пройти без риска свалиться в пропасть и погибнуть, поэтому разумнее воспользоваться одной из тех двух единственных дорог, о которых уже говорилось ранее.

И еще стоит упомянуть, что я велел наладить производство «снадобья» в Фарсе (*В старину порох зачастую называли «дару» - т.е. лекарством, снадобьем.- Марсель Брион*). Я знал, для того чтобы попасть на землю Буюров необходимо будет применить два средства - пленников и «снадобье». Я был уверен, что воины-буюры не отважнее воинов падишаха страны Гур, которые несмотря на всю свою отвагу потерпели поражение когда против них был применен порох. В Фарсе имелось все необходимое для приготовления «снадобья» и после того, как его изготовили, я велел наполнить им небольшие кожаные мешочки, к

каждому из которых прикрепили фитиль, представляющий собой тонкую веревку, пропитанную пороховым составом, чтобы обеспечить легкое возгорание и последующий взрыв, когда пламя, пробежав по фитилю, коснется самого содержимого мешка.

Часть своих конников я расположил за пределами земли племени Буюр, другой части велел спешиться, передать коней своим товарищам. Мои военачальники, учитывая, что на территорию буюров ведут два пути, предлагали использовать оба чтобы тем самым вынудить обороняющихся раздробить свои силы и ослабить их сопротивление. Но я не хотел, чтобы мои воины зря гибли, поэтому сказал, что для наступления я воспользуюсь лишь одним из двух существовавших путей, это будет пробой, если результаты такой попытки окажутся отрицательными, будет лучше продолжить использование того из двух существовавших путей, который позволит сократить вероятность потерь среди моих воинов. В то же время если наступление по одной из дорог окажется успешным, с этой же целью можно будет задействовать и вторую.

После завершения подготовительных мер к наступлению, я приказал выставить впереди войска пленных буюров, чтобы заслонить моих воинов от стрел их соплеменников, за ними следовали мои конники, держа наготове мешки с порохом, готовые по команде поджигать фитили и швырять заряды в сторону противника, чтобы убрать его с пути, по которому нам предстояло ворваться в тот край. Сам я, чтобы лучше владеть обстановкой, шел вместе с первым из отрядов которому предстояло вступить на землю буюров.

Конечно, можно было следить за обстановкой на поле сражения опираясь на донесения военачальников, но я из собственного опыта знал, что лучше видеть самому, чем домысливать на основе сообщений от других, ибо когда смотришь своими глазами, можно увидеть и уразуметь вещи, на которые не обратили внимание твои подчиненные, или же заметили, но не поняли их значения. Воины передового отряда, шедшего в атаку, имели на себе шлемы и доспехи, благодаря которым их наступление не должно было быть остановлено стрелами буюров. Мы двинулись пешком по относительно ровной, ведущей наверх дороге и как только мы дошли до устья, ведущего на территорию буюров, на нас обрушился дождь стрел. Если бы не шлемы, латы и кольчуги мы бы погибли, воины-буюры без всякой жалости к своим соотечественникам, шедшим впереди нас, посылали тучи стрел, в результате многие из пленных были убиты и ранены, падали, будучи не в силах больше встать.

Однако, невзирая на тучи стрел, мы упорно шли вперед, перед нами я никого не видел, ни одного лучника, я заметил, что стрелки обстреливают нас, взобравшись на деревья и спрятавшись среди густой листвы. Укрывшись в

кронах деревьев, чувствуя себя в полной безопасности, буюры спокойно обстреливали нас из своих луков, при таких обстоятельствах имевшиеся у нас мешки с порохом оказались временно бесполезными, потому что не видя противника, не знаешь куда метнуть пороховой заряд.

Как я говорил, донесения военачальников не обладают той ценностью, которую имеет личное видение поля сражения. Какими точными бы не были те донесения, их не сравнить с глубокими выводами и озарениями, на которые способен твой собственный ум. Если бы в то время меня самого не было на поле боя и сам я не наблюдал складывающуюся обстановку, я бы не сумел выдумать достаточно действенного средства, чтобы обезвредить вражеских лучников. Когда я увидел их, укрывшихся среди густых ветвей деревьев и мечущих в нас свои смертоносные стрелы, я спросил себя: «В чем разница между вражеским лучником, укрывшимся в густой кроне дерева и тем, кто спрятался за гребнем крепостной стены? Если мы обрушим крепостную стену, мы сбросим вниз вражеского воина, в любом случае, мы выведем из строя его руки, до того наносившие нам ущерб. Если же нам удастся повалить деревья, мы пошибаем на землю стрелков-буюров, и дорога для войска будет расчищена.» Я подумал, что же является более прочным и стойким - крепостная стена или же деревья, что росли в том лесу. Глядя на деревья, я видел, что это дикорастущий лес, не выращенный руками человека, и мне не было ясно, удастся или нет нам повалить те деревья с помощью взрыва пороховых зарядов.

Я велел метателям пороховых зарядов зажечь фитили и бросать мешки с порохом в сторону деревьев, надеясь, что деревья будут от этого валиться и мы таким образом избавимся от помех, чинимых вражескими стрелками. Воины зажгли фитили и побросали мешки с порохом, один за другим, в сторону деревьев, раздались громкие взрывы, густым дымом заволокло все вокруг, стало трудно дышать. Я закашлял, однако подувший ветерок развеял дым и я с удивлением увидел, что деревья охвачены языками пламени.

Кроме некоторых тонкоствольных, все деревья остались стоять на месте, однако все они горели и было видно, что они были из породы маслянистых, содержали в себе жиры и потому так легко горели в результате взрыва пороха. Мы были настолько поражены тем неожиданным событием, что застыв изумленно взирали как горит лес.

Пожар мешал стрелять буюрам, некоторые из них, спрыгнув с деревьев бежали. Пожар постепенно ширился, жар от него усилился настолько, что мы вынуждены были отступить.

Вдруг я заметил, что и справа и слева, насколько мог охватить взор, все деревья воспламенились, высота огня в средней его части достигла тридцати зарьов. От того ужасающего пожара валил такой густой дым, что он заслонил солнце, вокруг стало темно и я в тот день своими глазами узрел адское пламя. Ни одна птица не могла пролететь сквозь тот огонь, не говоря о людях, не было средства потушить тот адский огонь. Пожар вынудил прекратить сражение и я, несмотря на все свое удивление от того пожара, все же заметил, что на каждом из участков леса, где росли маслянистые деревья, можно с помощью огня проложить путь, и пусть при этом хоть сто тысяч вражеских воинов укроются среди тех деревьев, с началом пожара у них не будет иного выбора, кроме как отступить, в противном случае они сгорят заживо.

Десять дней длилась война на земле буюров и все это время этот край, расположенный выше, чем все остальные районы Фарса, полыхал в огне. Через десять дней, когда сгорели и были уничтожены все маслянистые деревья, огонь потух, но еще десять дней земля исторгала жар, и мое войско не могло идти по ней. Затем, в силу той причины, что земля буюров расположена выше остальных областей Фарса и поэтому здесь чаще выпадают осадки, полил дождь, охладивший пепел, оставшийся от пожара и мы смогли наступать на землю буюров, шагая по огромному пепелищу.

Никто не преграждал нам путь, потому что больше не существовало укрытий, за которыми могли бы спрятаться лучники-буюры, чтобы разить стрелами наших воинов. До войны с племенем Буюр я слышал, что их край - это рай земной, и вступив в него мы поняли: все, что говорили о его красоте и прелести, являлось истиной.

Пройдя через горы пепла, мы вступили в местность сплошь покрытую клевером и поняли, что перед нами одно из пастбищ, созданных самой природой.

У нас на берегах Джейхуна также встречаются естественные пастбища, луга и выгоны, на которых постоянно пасутся табуны лошадей, стада овец, а иногда и коров. Пастбище, встретившееся нам на земле буюров, имело протяженность в целый фарсанг и я не видел в нем ни единой овцы, лошади или коровы. Стало ясно, что племя Буюр либо не знает животноводства или же проведая о нашем наступлении, увело всех своих животных с того пастбища. Дойдя до того пастбища, я поручил Кара-хану, одному из моих отважных военачальников, отправиться вниз и привести лошадей, которых мы оставили в долине у подножия гор. Мы вначале оставили их там из-за того, что предстояло подниматься вверх через препятствия, теперь же, когда полностью сгорел лес, путь стал сравнительно более легким и поэтому оставлять коней в той низине дальше было неразумным с военной точки зрения, ибо впереди теперь

расстилась ровная местность, по которой выгоднее всего было следовать верхом и вести боевые действия силами конного войска.

Кара-хану я также поручил доставить снизу корм для лошадей, хотя и обнаружили мы пастбище на земле Буюров, я не хотел, чтобы наши кони насыщались их свежей травой. Потому что в военном походе и боевой обстановке лошадям надо давать сухой корм, в противном случае им раздует животы и они выйдут из строя.

После того как наших коней доставили наверх, мы имея возможность двигаться быстрее, постепенно вышли на плоскую равнину, сплошь покрытую зеленым клевером. Я чувствовал, что воины племени буюр не станут нападать на нас на этой плоской равнине, ибо ведают, что сделав это, они погибнут. Я предвидел, что они изберут для боя лесистую, либо гористую местность. Через два дня похода по земле буюров мы достигли берега полноводной реки. Поскольку дело было не весной, разлива на той реке не наблюдалось, мы спокойно перешли ее вброд, вода достигала брюха лошадей и я заметил, что в весеннюю пору, в период волнения, ее не пересечь вброд, понадобится лодка.

Мне сказали, что в том крае есть еще две реки, такие же полноводные как и эта. Хотя воды ее свободно достигали дальних берегов, я не видел вблизи ничего похожего на поля или фруктовые сады и было сказано, что жители земли Буюр не знают земледелия и никогда не пользовались ни плугом, ни лопатой и никому из правителей Фарса не удавалось заставить их заняться сельским хозяйством. Мне тоже не было интереса заставлять племена буюр заняться земледелием, ведь я пришел лишь для того, чтобы достойно наказать их за содеянное ими зло.

В тот день, когда показалась полноводная река, которую мы пересекли, передовой дозор передал, что они добрались до гористой местности, о которой им пока не известно - проходима она или нет. Еще через час дозор сообщил, что гору нельзя перейти напрямую и он надеется обойти ее. Еще одно донесение уведомляло, что к востоку от той горы обнаружена тропа, но на ней стоит заслон из воинов-буюров, этот заслон нельзя пройти, поскольку буюры расположились на возвышенностях и возможно начнут сбрасывать камни сверху и в результате, могут уничтожить всех воинов дозора.

Я велел передать дозорным, чтобы оставались вблизи той тропы и направил туда Кара-хана с двумя тысячами воинов, чтобы изучил обстановку вокруг той тропы и выяснил, проходима она или нет. Когда вражеские воины занимают господствующие высоты вокруг горной дороги и готовы сбрасывать с них камни на головы наступающих, прежде всего их следует выбить с тех высот.

Для чего окружается весь район и засевавший наверху враг должен погибнуть от голода и жажды. Сопровождавшие меня уроженцы Фарса сказали, что в горах бесполезно устраивать окружение. Потому что в тех местах достаточно воды и дичи, а кроме того растут дубы, плоды которых буюры растерев с помощью двух камней, превращают в муку, из которой пекут хлеб. Одна из основных причин того, почему буюры не занимаются земледелием, заключается так же и в том, что они не испытывают тяги к пшеничному хлебу, чтобы заняться земледелием и на их вкус хлеб, выпеченный из муки дубовых плодов не уступает пшеничному.

Кара-хан сказал: «О эмир, если прикажешь, я прорвусь по той дороге со своими воинами.» Я ответил: «Я не сомневаюсь в твоей отваге, знаю что ты смел, как и все твои воины, но я не желаю их терять понапрасну, ибо в этом случае допущу не только их гибель, но и то, чтобы был перекрыт путь для движения вперед. Потому как камни, сброшенные сверху вместе с трупами людей и животных образуют такую преграду на нашем пути. И потому необходимо что-то придумать.»

Глядя вверх, мы не видели ни одного буюра. Они прятались за камнями и готовились обрушить их на наши головы. Они настолько хорошо укрылись, что Кара-хан засомневался в их присутствии. Я напомнил, что до этого дозорные передавали сообщения об их присутствии. Кара-хан сказал: «О эмир, дозволю мне пройти по этой тропе с двадцатью добровольцами. Если на нас начнут сбрасывать камни, станет ясно, что они засели на вершине, если нет, то ты будешь знать, что можешь спокойно пройти здесь со своим войском.»

Я сказал: «Карахан, эти люди прожили в этой стране сотни лет и знают особенности здешних мест лучше чем ты и я. Возможно, что уже пятьдесят раз перед этой тропой появлялось чужое войско и всякий раз буюрам удавалось перехитрить их командующих.» Карахан спросил: «О эмир, а каким образом им могло это удасться?» Я ответил: «Когда по тропе шло небольшое количество вражеских воинов, камней на их головы не обрушивали, тем самым создавая у вражеского полководца ложную надежду о том, что на вершине никого нет, после чего всё войско смело ступало на ту тропу. В этот момент на головы обрушиваются заранее приготовленные камни, и все войско гибнет. Я не говорю, что так было всякий раз, но нет сомнений в том, что буюры пускали в ход эту хитрость не один раз и не одно чужеземное войско на этом самом месте становилось жертвой той хитроумной уловки.»

Кара-хан сказал: «О эмир, Господь наделил тебя проницательностью и способностями, которых лишены обычные люди. Потому тебе и удастся предвидеть всякую вероятность. Но я считаю, что ни одному из чужеземных

войск до сей поры не удавалось добираться до этой горы, чтобы быть осыпанным камнями со стороны буюров. Всякий раз буюрам удавалось остановить врага в том лесу, что сгорел.» Я ответил: «Такое предположение вполне вероятно однако, поскольку буюры не сумели остановить нас в том лесу, а пожар уничтожил его, они непременно попытаются сделать это здесь.» Кара-хан сказал: «О эмир, дай мне все же пройти по этой тропе с двадцатью добровольцами - произойдет одно из двух- либо на нас обрушатся камни и мы погибнем, либо мы пройдем по этой тропе благополучно. Даже если буюры попытаются перехитрить нас, воздержавшись от того, чтобы обрушить на нас камни, то и в этом случае, по крайней мере двадцати твоим воинам удастся добраться до противоположного конца тропы.»

После этого Кара-хан, показав на тропу пальцем, сказал: «О эмир, если бы в прошлом по этой дороге шли войска и на головы пришельцев обрушивались камни, то бросились бы в глаза кости погибших, тогда как мы не видим здесь ни одной.» Я сказал: «Несомненно, их нетрудно убрать отсюда.» Затем я дал согласие, чтобы Кара-хан во главе двадцати добровольцев прошел по той тропе, чтобы выяснить, обрушатся на их головы камни или нет.

Кара-хан был способным военачальником и мне не хотелось подвергать его опасности ради той цели, не содержащей в себе особой военной ценности, но я знал, что если он сам не встанет во главе той группы и не поведет ее лично, сами воины, в страхе перед могущими обрушиться камнями, побоятся ступить на ту тропу. Кара-хан прокричал: «Мне нужны двадцать добровольцев, готовых рискнуть жизнью, чтобы пройти по тропе вместе со мною.» И он стал считать каждого, кто отделялся, выступая из рядов конного войска, когда число достигло двадцати, он остановился.

Затем он велел крепче ввязать коней и быть готовыми стремительно проскочить по той тропе. Затем Кара-хан пустил своего коня вскачь, за ним ринулись двадцать остальных всадников. Я не смотрел на них, а оглядывал вершины, чтобы узреть действия врага в ответ на прорыв моих конников. Кара-хан, мчавшийся впереди, а за ним и шестнадцать конников, проскочили тропу благополучно. Отряд скакал группами по четыре всадника в каждой, и когда оставалось проскочить последней, раздался грохот падающих камней. Склоны не были отвесными, а имели крутой уклон, по которому, набирая скорость катились камни и если бы у меня была возможность докричаться до оставшихся четырех всадников, я бы их предупредил, чтобы они резко натянули поводья и остановились, однако ужасающий грохот падающих камней был настолько громким, что заглушал все. Четыре воина со своими конями погибли под огромными валунами.

Стало ясно, что дозорные оказались правы, утверждая, что в скалах засели буюры. Также прояснилось, что враг не столь уж хитер, как я предполагал. Потому что на их месте, я бы не стал сбрасывать камни на тех двадцать всадников, вместо этого я позволил бы им пройти целыми и невредимыми, тем самым введя в заблуждение командующего вражеским войском, который велел бы двинуться вперед всему остальному войску. И только тогда я бы обрушил на него камни, чтобы уничтожить войско врага целиком.

Тропа, по которой проскочил Кара-хан вместе с шестнадцатью всадниками, была узкой и четверо погибших со своими конями почти полностью загромождали ее, если бы мы захотели идти по той тропе, необходимо было бы вначале убрать их с дороги. Я отобрал еще десять конников, которым велел вступив на тропу, подобраться поближе к тем трупам, и не двигаться дальше, потому что я заметил, что расположение горной местности было таковым, что буюры могли обрушать камни лишь в том определенном месте, не имея возможности поражать участки в начале и конце тропы.

Десять всадников рванули вперед по тропе, я видел, что они опасаясь камней задирали головы вверх, чтобы вовремя увидеть падают на них валуны или нет. Они подъехали к валявшимся трупам и не стали двигаться дальше и в тот момент раздался ужасный грохот падающих камней. Всадники отступили назад, насколько это было возможно, но я увидел, что камни и валуны поразили лишь то место, где находились трупы. Стало ясно, что защитники имеют возможность поразить камнями моих воинов только на том определенном участке. Этот вопрос казался бы не выглядел столь уж важным, однако в бою чем лучше знаешь позиции, занятыми противником, тем большую пользу извлечёшь для себя. Я задумался над тем, как же расчистить тропу, открыть путь и уберечь свое войско от смертоносных камней, когда заметил, что вершины одной из гор, которая была относительно плоской, мне машет рукой какой-то человек, с удивлением я узнал в нем Кара-хана. Убедившись в том, что я все же заметил его, Кара-хан начал энергично махать рукой куда-то вправо от себя, одновременно приложив палец к губам. Я понял, он полагает, что враг находится справа от него и мне не следует подавать голос, как и ему, иначе это привлечет внимание буюров.

Стало ясно, что Кара-хан, проскочив тропу, оставил своего коня, нашел тропу, чтобы взобраться на вершину той горы и та тропа была расположена таким образом, что не просматривалась с того места, где засели буюры. Не видя Кара-хана, тем не менее, они видели нас, и если бы мы вздумали подавать знаки Кара-хану, это привлекло бы внимание врага и он понял бы, что отряд наших воинов оказался где-то рядом с ним. Я велел своим военачальникам передать всем воинам, чтобы те не делали никаких жестов, могущих привлечь внимание

врага к Кара-хану, вообще не глядеть на ту скалу, чтобы противник не догадался о нахождении на ней отряда наших воинов. Рядом с Кара-ханом показалось еще несколько человек из тех, кому посчастливилось проскакать вместе с ним через ту тропу и уцелеть. Затем Кара-хан показал налево от себя, подсказывая, чтобы шли к нему именно с той стороны. Сознывая, что враг наблюдает за мной, я велел одному из своих военачальников сходить и выяснить, что же хочет сказать Кара-хан. Если это не удастся, тогда надо выпустить в его сторону стрелу из лука с привязанной к ней тонкой бечевкой, к которой в свою очередь привяжут толстую веревку и он поймет, что к нему хотят направить от нас человека.

Итак, с помощью веревки мы установили связь с людьми Кара-хана. Часть наших людей один за другим перебрались по той веревке на гору к нему. Я велел тем десяти добровольцам, остававшимся на восточной части тропы делать вид, что они намерены прорваться вперед на том месте для того, чтобы отвлечь на себя буюров, засевших наверху, чтобы те ни в коем случае не заметили Кара-хана. Пятьсот моих воинов перебрались на вершину горы и соединились с отрядом Кара-хана.

Я велел отправить к ним также некоторое количество стрел для луков и камней для пращ, - хотя гора та и была каменистой, мои люди могли столкнуться с трудностями, стараясь наковырять камней нужного размера, подходящих в качестве снаряда для пращи. (В качестве снарядов для пращи и баллисты подбирались камни определенных размеров. – Марсель Брион).

Командование людьми, переправленными на вершину горы, я возложил на Кара-хана, он должен был ударить по буюрам, засевшим наверху и обрушивающим камни на нас.

Когда Кара-хан и воины, находившиеся наверху скалы, приступили к атаке, я не видел той схватки, расположение гор (рельеф местности) не позволял разглядеть ту схватку. Но с тех вершин до нас доносились шум, крики дерущихся, иногда доносился ужасающий вопль, означавший, что в очередной раз кто-то сорвался с горы и летит в пропасть, а некоторые из них, долетев до земли, уже не имели сил кричать. Среди сорвавшихся были как мои люди так и буюры.

Всякий раз, когда со скал срывался очередной буюр или мой воин и шлепался о землю с глухим хрустом преломанных костей, я прислушивался к своим внутренним ощущениям, насколько меня могло взволновать то зрелище? Смерть в бою для меня была обыденным явлением, гибель и ста тысяч человек на поле сражения не взволновала бы меня, однако такая разновидность гибели

была для меня внове, до того дня мне не удавалось самому лицезреть воинов, дерущихся на вершинах и гибнущих, срываясь в пропасть. Когда летели вниз и гибли мои воины, мое сердце вздрагивало, как если бы они гибли на моих глазах от полученных ими сабельных ударов. Затем я понял, что такая смерть лучше, чем смерть от сабли или стрелы, ибо в последних случаях человек может несколько дней пребывать в мучениях, пока душа не покинет его тело. Тогда, как сорвавшийся с горы гибнет в тот же миг, когда его тело коснется земли, смерть его наступает так быстро, что он не успевает даже ощутить ее прихода.

Вдруг с вершины раздался крик Кара-хана: «О эмир, здесь больше никого не осталось, путь свободен.» Я велел очистить тропу от трупов и камней, чтобы по ней могло пройти всё войско. Хотя Кара-хан и сказал, что вершина очищена от врага, верный своей привычке проявлять осторожность, я выслал вначале вперед дозорный отряд, который продвигаясь шаг за шагом, давал мне знать, что путь свободен. Мои конники прошли ту тропу и мы вышли к долине, через которую протекала река. Я, посмотрев на солнце, определил, что до конца дня еще было немало времени, но до отстоявших впереди холмов было не близко - к тому времени, когда мы достигли бы их, уже наступила бы ночь, а идти по темноте через холмистую местность врага было опасно.

Потому, в той долине, на берегу ручья, мы разбили лагерь, вокруг которого я расставил караульных в целых три ряда, потому, как была возможной ночная атака со стороны буюров.

Когда разожгли костры, чтобы готовить пищу, пришел Кара-хан и стал рассказывать о подробностях боя на вершине горы. Вначале с ним было там шестнадцать, затем присоединились еще пятьсот. Рельеф горной местности позволил подобраться к буюрам так скрытно, что до последнего момента те не заметили моих воинов и поэтому их внезапная атака застала буюров врасплох. Они состояли из двух отрядов, один был вооружен кирками, ломami и лопатами, его задачей было выковыривать из поверхности горы огромные камни и валуны. Второй отряд перетаскивал те камни и валуны к краю и сбрасывал их вниз. Кара-хан и его люди напали на них внезапно и сразу же вывели из строя часть из них с помощью стрел и камней из пращи. После этого на вершине закипела кровавая схватка между сторонами, в результате часть буюров и часть наших воинов нашли свою смерть, сорвавшись со скал в пропасть.

Кара-хан говорил: «О эмир, здешние люди упрямы и я видел как некоторые из них, невзирая на тяжкие ранения, не будучи в состоянии стоять на ногах, лежа на земле, старались перерезать сухожилия наших воинов своими кинжалами.» Но все они, в конце концов, были, убиты или ранены, а часть захвачена в плен.

Оставшиеся, увидев, что оставаясь на месте они неминуемо погибнут, отступили по той тропе, через которую на ту вершину попал Кара-хан. В той битве погиб двести сорок один из моих воинов, некоторое их число получило ранения и Кара-хан переправил их вниз с помощью тех воинов, что не получив каких-либо ранений, остались целы и невредимы.

После того, как завершился рассказ Кара-хана, я спросил его: «В награду за всё, что ты совершил, что бы ты хотел получить от меня?» Кара-хан сказал: «О эмир, мой долг - верность тебе на всем твоём пути.» Я сказал: «Кара-хан, я испытал тебя в ходе многочисленных войн, знаю, что ты отважный муж, но сегодня ты показал передо мною, что у тебя есть не только смелость, но и инициатива. Ты отважно, под смертоносным градом камней прошел по тропе, обогнув гору сзади, вернулся назад и показался передо мной на ее вершине и дал понять, что есть возможность переправить наверх отряд воинов. Затем ты принял на себя командование всеми людьми, переправленными на вершину, уничтожил вражеский заслон и очистил от опасности ту тропу, чтобы могло пройти всё войско. И если бы не проявленная тобой инициатива, мы бы застряли у этой горы в течении многих недель, а то и месяцев, а может и были бы вынуждены повернуть назад и уйти из этой страны, так и не нанеся поражения врагу.»

Кара-хан вновь ответил: «О эмир, самоотверженность и готовность жертвовать собой - это мой долг.» Я сказал: «О храбрец, я жалую тебе десять тысяч динаров наличными и когда возвратимся в Самарканд, выдам за тебя свою дочь Зубейду, которая уже выросла, чтобы выйти замуж.» Кара-хан сказал: «О эмир, я всего лишь простой слуга и не достоин быть твоим зятем.» Я ответил: «Сегодня ты доказал, что достоин быть моим зятем», и велел принести и положить перед Кара-ханом десять тысяч динаров. Когда вносили золото, я бросил взгляд на ту вершину и впервые в жизни внутренне содрогнулся. Меня заставил задрожать не ужас, а осознание того, что мною был допущен непростительный промах.

Человек, подобно мне, всю жизнь прошедший в сражениях, не должен был допускать такого промаха: овладеть той тропой, а затем оставить ее, давая врагу возможность вновь захватить ее, и тем самым закрыть мне путь назад. И хотя на земле буюров имелся и второй входной путь, но кто знает, не расположена ли на том пути какая-нибудь гора с труднопроходимым ущельем? Командующий войском не должен допускать такой оплошности и оставлять без охраны путь, который он с таким трудом захватил - это основополагающее требование.

Я спросил Кара-хана: «Может ты устал и хочешь выспаться?» Он ответил: «О эмир, хоть я и устал, тем не менее готов отказаться от сна ради служения тебе.»

Я сказал: «Мною сегодня допущена ошибка - когда я провел войско через тропу, я не оставил на ней прикрытия на случай отхода. Как ты считаешь, сколько воинов может понадобиться для этого?» Карахан ответил: «Пятисот будет достаточно.» Я сказал: «Но сейчас, когда ты отправишься туда, возможно тебе придется принять там бой, поэтому возьми тысячу человек с достаточным количеством факелов.» Он ответил: «О эмир, слушаюсь и повинуюсь, но прежде чем отправиться туда, как я уже сообщал, мы захватили в плен некоторое число буюров, может, прежде следует допросить?»

Я велел доставить пленных. Их привели и я, показав на видневшиеся вдали костры, спросил одного из них, чем могли быть заняты в это время их соплеменники, находившиеся там. Он ответил, что подбирают трупы убитых и ухаживают за ранеными.

Его ответ был приемлемым, но не полным, поэтому я спросил другого: «Почему ваши соплеменники собирают тела павших ночью, неужто они не могут подождать до утра?» Он ответил: «О великий эмир, здесь имеется много хищников, они осквернят трупы, а раненные требуют оказания им скорейшей помощи.» Такой ответ был правдоподобен, я понял, что он имеет в виду гиен, но и он не был исчерпывающим. Я задал вопрос третьему пленнику, выделявшемуся среди остальных своей наружностью старшего: «Попытаются ли твои соотечественники еще раз захватить ту тропу, по которой мы прошли?» Он ответил: «Для чего им захватывать ту тропу еще раз? Какую пользу это может дать?» Я ответил: «Выгода здесь в том, чтобы устроить помеху, когда мы будем идти назад.» Буюр ответил: «Я не думаю, что тебя удастся вынудить к отступлению, я полагаю, ты уйдешь отсюда лишь тогда, когда сам того захочешь.»

Я сказал Кара-хану: «Промедления не должно быть. Иди и займи ту тропу. Отоспишься там, захвати с собой пищи и воды.» Кара-хан отпраился туда с тысячей воинов, прихватив с собой дополнительное количество людей, которые должны были привести назад их лошадей.

Я не сводил глаз с той горы, пытаясь понять, не разгорится ли схватка между Кара-ханом и противником, который возможно окажется там. Если, как сказал пленный, буюры отправятся туда лишь для того, чтобы подобрать мертвых и оказать помощь раненым, в этом случае они там долго не задержатся и возвратятся к себе. На обратном пути они могут столкнуться с Кара-ханом, который не станет вступать в бой, если увидит, что они заняты лишь перенесением своих мертвых и раненных, но проверит, не оставили ли они свое сторожевое прикрытие на тропе.

Не было необходимости давать на это счет специальных указаний Кара-хану, как ему поступать в том или ином из тех случаев.

Вглядываясь в горы и костры, я услышал звуки, напоминающие визг и завывание. Я спросил у пленного, который выглядел старшим среди остальных, что это за звуки. Он ответил, что это могут быть женщины. Женщины находились у подножия горы и их рыдания означили, что трупы и раненных уже доставили туда.

Буюр похоже говорил правду, у подножия горы виднелись горящие факелы. Я велел увести пленных, женский плач продолжал еще какое-то время раздаваться вдаль, постепенно он становился слабее, затем и вовсе стих.

Я не мог уснуть, мне не давала покоя мысль о том, как это я мог оставить без присмотра отбитую у противника горную тропу, никто кроме меня самого не был виновен в допущении той оплошности. Но подоспел гонец от Кара-хана, сообщивший, что тропа свободна, противника нет ни на вершине, ни на склоне горы, а сам Кара-хан занял прочные позиции на ней. Это меня успокоило и я решив было лечь спать, тем не менее, сначала обошел лагерь и осмотрел его, предупредил военачальников, чтобы были готовы к возможной ночной атаке со стороны противника и верный своему правилу, которого придерживался в боевой обстановке, лег спать одетым и встал задолго до того, как занялась утренняя заря, когда все остальные воины все еще спали. Я совершил омовение у ручья и совершил утренний намаз в походной мечети, сопровождавшей меня во время моих поездок, почувствовав голод, я приказал принести еды.

Я следую правилу не есть в боевой обстановке, особенно в ожидании ночной вылазки со стороны врага, потому что после еды обычно клонит к тяжелому сну, а сон командующего войсками должен быть чутким и легким. Я позволяю хорошо выспаться своим воинам, сам же воздерживаюсь от крепкого сна.

Прежде, чем дать войску приказ о выступлении, я позаботился о том, чтобы не повторилась оплошность, допущенная мною прошедшей ночью, для чего необходимо было обеспечить постоянную связь между основным войском и отрядом Кара-хана, которую не мог бы нарушить враг. Я вызвал Амира Хусейна, одного из сыновей правителя Бахзара, что в Хорасане, которому тогда было что-то около тридцати лет, и сказал ему: «Оставляю тебя здесь с тысячей всадников, сам я уйду с основной частью войска. Твоя задача здесь заключается в том, чтобы не допустить нарушения связи между нами и Кара-ханом. После нашего ухода враг может вновь появиться здесь и занять эти места, в этом случае Кара-хан и его воины на вершине горы, окажутся в

окружении, если такое произойдет, в условиях вражеской территории я могу не подоспеть к нему на выручку.

Эмир Хусейн сказал: «О эмир, будь спокоен. Находясь здесь я обеспечу непрерывную связь как с тобою, так и с Кара-ханом, и не позволю противнику нарушить ее.» Затем мы выступили, нам предстояло одолеть в пути ряд возвышенностей. Поскольку перед нами было множество узких дорог, я велел использовать пленных в качестве проводников.

До того времени я не встречал на земле буюров ни одного строения, напоминающего жилой дом, поэтому я спросил у одного из пленных: «Что, в вашей стране не принято строить жилые дома?» Пленный ответил: «Наши дома расположены там»- и показал пальцем на север. Прохождение войска, как конного, так и пешего через местность, где имеется много возвышенностей, требует предельной осторожности, так как конники или пешие воины зачастую не знают что их ожидает впереди, даже на расстоянии каких-то пятидесяти зарьов. Мои разведочные дозоры осторожно продвигались вперед шествуя впереди, справа и слева от войска, тщательно осматривая каждый холм или возвышенность. Позади основной части войска шел аръегард, сформированный чтобы предупредить неожиданную атаку буюров с тыла. Следуя через возвышенности ежеминутно я ожидал их нападения, потому что условия местности, по которой мы шли были особенно благоприятными для таких действий со стороны врага. Однако буюры нигде не показывались, можно было подумать, что мы следуем по необитаемой стране.

Неожиданно дозор донес о том, что показался враг и мы, до того следовавшие боевым походным маршем, остановились ожидая дальнейших донесений старшего дозорной группы. В дневное время такие донесения передаются сигналами вымпелов, следуя по гористой местности дозор должен держать такого сигнальщика на вершине горы. После первого сигнального сообщения дозорных, других больше не поступило.

Я снарядил небольшой отряд и отправил их выяснить, почему от дозора не поступает больше сообщений. Отряд ушел и через некоторое время из-за холмов, за которыми они скрылись раздались громкие крики и затем все стихло. Я хотел было отправить для выяснения еще один отряд, но не успел: на нас внезапно, как весенний град, обрушилось множество стрел. Обстрел был настолько плотным, что я понял, если велю войску наступать, в этом случае мы потеряем всех своих коней и часть воинов, которая не облачена в доспехи, поэтому я приказал отходить. Две стрелы, одна за другой попали и в меня, и хотя доспехи не позволили им вонзиться в мое тело, тем не менее, сила их удара говорила о мощи руки, пославшей их. Отступив, мы оказались вне пределов

досягаемости стрел противника. Я заподозрил пленных в коварном умысле, поскольку они выступали в роли проводников, и возможно предумышленно завели нас в засаду. Однако они клялись, что не знали о присутствии своих соплеменников на тех холмах. Я и сам понимал что самой удобной позицией для нападения на нас были бы именно те холмы. Но я подумал, что пленные всё же могли бы повести нас такой дорогой, где не было бы их соплеменников. Пленные пояснили, что эти холмы обширны настолько, что по какой из их сторон не пойти везде возможно наткнуться на засаду буюров. После отхода я догадался, что причиной молчания со стороны моих дозорных было то, что буюрам удалось захватить их врасплох и в одно мгновение вывести из строя. Это был второй случай, когда я на себе испытал насколько интенсивно буюры могут осыпать противника градом стрел. В первый раз, как я рассказывал, мы испытали это едва вступив на землю буюров. Оба раза их обстрел был результативным, в первый раз он заставил нас остановиться, во второй - отступить назад. Поступило сообщение от Амира Хусейна о том, что обстановка у него и Карахана спокойная. Он запрашивал об обстановке у нас. Я передал что мы попали под обстрел буюров, засевших на холмах, и были вынуждены отойти. В боевой обстановке я сообщаю нижестоящим начальникам о положении, в котором нахожусь с предельной достоверностью, чтобы они не совершали ошибок, не расслаблялись, получив неверное сообщение и не утратили осторожности.

Как рассказали пленные, жители той страны с детства упражняются в срьльбе из лука. Вначале дети учатся срьльбе из маленьких луков, изготовленных для них взрослыми, став взрослыми они изготавливают свои собственные луки из того самого маслянистого дерева, которое обильно произрастает в том крае. Тетиву для лука также выделяет сам лучник, самая лучшую тетиву можно сделать из кишкоров горного козла, который также во множестве водится в тех краях. Изготовление лука и стрел, выделка тетивы связаны с целым рядом секретов, которые лучник постигает постепенно. Стрелы буюров не имеют железных наконечников, они у них каменные. В их краю есть сорт гранита, который обтесывают придавая форму наконечника, затем крепят к древку стрелы и такой наконечник пронизывает тело также как и железный. Пленные рассказали что на их родине отмечают три больших праздника - это Навруз (начало нового года по содлнечному календарю, который приходится на день весеннего равноденствия - 21 марта) затем праздник Огня и, праздник, посвященный состязаниям по стрельбе из лука. Навруз отмечают весной, а праздник Огня осенью. Буюры - мусульмане, но до принятия ислама они поклонялись огню, в результате они сохранили многие традиции своей древней религии и поэтому ежегодно осенью они проводят праздник Огня. Поскольку у огнепоклонников имеются храмы огня, я спросил пленный, имеются ли таковые в их стране.

Их ответ был отрицательным и впоследствии, находясь в Сирии, я слышал от Ибн Халдуна, что зороастрийские храмы возникли в те древние времена, когда люди не знали что такое кремень. Тогда огнепоклонникам приходилось для того, чтобы иметь возможность готовить себе пищу и обогреваться зимой, хранить горящий огонь в определенном месте и не давать ему гаснуть, ибо если огонь гас, они не знали как его разжечь вновь. Поэтому в каждом селе имелся храм огня, в городах же их было по нескольку, в этих храмах имелись управители (мутавали) и служки, которые должны были постоянно подкладывать дрова в горящий огонь не давая ему гаснуть. И жители города всякий раз, когда желали приготовить себе еду, брали соответствующую емкость (сосуд, горшок) шли в храм, накладывали в нее немного пылающего огня (т.е. горящих углей) и несли к себе домой, чтобы разжечь его в собственном очаге, а зимой, также принося в дом огонь из храма, люди пользовались теплом. Поэтому огнепоклонники считали огонь и воду, землю и воздух величайшими благами, дарованными им их божеством. До тех времен когда люди открыли, что такое кремень, самым дорогим калымом (выкупом) за невесту был горящий огонь.

Я спросил пленных: «Есть ли возможность обойти те холмы, чтобы не идти прямо, подвергая себя опасности исходящей от стрел буюров!» Они ответили утвердительно и, показав на север добавили, что дойдя до того места я найду тот самый обходной путь. Но туда путь не близок. Я ответил, что меня не могут утомить дальние переходы, в которых я и мои воины провели всю свою жизнь. Затем собрав своих военачальников я сообщил: «Нам предстоит идти на север для того чтобы отыскать путь, который позволит обойти те холмы, и что эти сведения получены от пленных, о которых следует помнить как о врагах, и потому достоверность их сообщений может вызывать сомнение. Впрочем, хорошо зная что в случае дачи ложных сведений их ждет смерть, возможно что они говорят правду. Учитывая присутствие на холмах лучников неприятеля, не нападут ли они на отряды АмирХусейна или Кара-хана, как только поймут, что я покинул эти места? Поэтому я считаю необходимым построить здесь две смотровые башни чтобы вести непрерывное наблюдение за окрестностями. Такую же башню должен возвести у себя АмирХусейн, построив те башни, мы двинемся дальше, оставив здесь небольшой гарнизон.» У нас не было возможности строить те башни из хорошего материала и потому мы ограничились тем, что клали их из сырого кирпича, изготовленного воинами с помощью соответствующих форм. АмируХусейну я велел тоже построить наблюдательную башню, чтобы враг не сумел застать его врасплох. В результате, на двух холмах возвели две смотровые башни и, оставив там гарнизон в составе пятисот воинов я двинулся на север.

Наш путь пролегал через плоскую зеленую долину, не дававшую противнику возможность незаметно подобраться и напасть на нас. Мы продвигались быстро и через два дня оставили позади ту ровную и зеленую долину и вышли на ее северную оконечность. Поскольку ожидался бой с врагом, я велел, чтобы воинам дали возможность отдохнуть. Затем я выделил воинов, имевших на себе доспехи, от остальной массы войска, образовав из них облаченный в броню отряд. Этот облаченный в броню отряд был пешим, потому что у нас не было защитных доспехов для коней. Если бы воины в доспехах бились верхом, то буюры лучники в течении нескольких мгновений уничтожили бы всех наших коней, представляющих собою основную ценность конного войска.

На севере зеленой долины была широкая дорога, мы должны были следовать по ней, затем свернуть на восток. На той широкой дорге никто не смог-бы застать нас врасплох, однако пройдя ее, мы вновь оказались среди холмов, представлявших удобную позицию для нападения врага. Пройдя по той дороге и свернув на восток, я выслал вперед разведочный дозор состоящий из облаченных в доспехи воинов, за ними следовал отряд воинов также облаченных в броню, далее шли я и мои конники.

Облаченные в броню пехотинцы знали, что с началом атаки конников они должны продолжать битву с тем, чтобы буюры-стрелки оказались между двумя огнями. Мы шли через местность где имелись холмы, усеянные широкими и неглубокими ущельями и проходами, в любой части той местности моя конница, при условии что ее не осыпят стрелами, могла легко осуществлять наступательные действия. Я запланировал, что бой развернется следующим образом: облаченная в броню пехота вступит в непосредственную схватку с воинами-буюрами, потому что как я понимал, противника, делающего в бою основную ставку на стрельбу и луков, менее всего устраивает рукопашная схватка. Пока будет продолжаться бой между буюрами и нашей облаченной в доспехи пехотой, мои конники атакуют противника с тыла и опрокинут его. Не исключено, что буюры разделят своих стрелков на две части, задачей одной из которых будет обстреливать мое конное войско с удаленной дистанции. Но и в этом случае наши возможные потери будут меньше чем в случае, когда нас будут обстреливать все лучники-буюры.

К полудню дозор воинов в доспехах донес, что видит врага и я велел пехоте перейти к атаке. Буюры-лучники в своей обычной манере начали осыпать стрелами нашу пехоту, облаченную в доспехи. Оценив обстановку, связанную со стрельбой, донесения, шедшие от передовой части войска, прикинув на глаз ширину поля боя я, оставив часть войска в качестве резерва, всей его остальной массой обрушился на буюров с тыла. Я скакал в первых рядах сражающихся и готов был тем самым показать буюрам какой телесной мощью обладает

человек, носящий имя Тимур Гураган. Мои военачальники знали, что когда я намерен лично участвовать в бою, меня не следует отговаривать, потому что такие вещи я расцениваю как угодничество, а не заботу о моей безопасности.

Я знал, когда верховный командующий всего войска вступает на поле сражения в его первых рядах, люди будут сражаться с удвоенной силой. Буюры-лучники поняли наконец, что мы зашли к ним в тыл, часть из них развернулась в нашу сторону и взяла было на изготовку свои луки, чтобы разить нас стрелами, но прежде чем нам успели причинить нам какой либо значительный ущерб, мои конники обрушились на них подобно лавине.

Наша атака была столь стремительна, что часть буюров не успевших даже один раз пустить в нас свои стрелы, была растоптана копытами наших коней. Я ринулся на буюров, орудуя своей секирой на длинной рукоятке, каждый взмах ею повергал наземь одного из врагов. В свою очередь, наши пешие воины, прекратив стрельбу из луков, взялись за мечи и вступили в ближний бой. Каждый из буюров, захотевший спастись бегством, натыкался на смертоносные клинки моих пеших воинов и падал замертво от их ударов. Таким образом, у буюров не было пути даже для отступления и бегства. Те немногие, кому удавалось прорваться, в конце концов натыкались на наше резервное войско. Сражение тянулось с полудня до времени вечернего намаза, к тому времени сопротивление буюров было сломлено окончательно, и те из них, что остались живыми, сдались в плен.

Я не знал численности населения в стране буюров и в Фарсе никто не мог мне сказать сколько там живет людей или семей. Одни говорили, что их там насчитывается сто тысяч, другие называли цифру четыреста тысяч. Поэтому я постоянно беспокоился за тыл своего войска, хотя Амир Хусейн и Кара-хан со своими отрядами были оставлены позади для прикрытия, тем не менее я опасался, что буюры все же могут внезапно напасть с тыла и застать нас врасплох. Однако никто не напал на нас с тыла и мы продолжали продвигаться вперед пока вдали не показались окрестности некоего города. Тот город был обширным и располагался на холмах таким образом, чтобы не пострадать от возможных наводнений. Над одним из холмов ввысь поднимался столб дыма и я спросил пленных, что мог означать тот дым. Они ответили, что это храм огня. До того времени мне не приходилось видеть зороастрийского храма и я не знал чем могут заниматься в нем огнепоклонники.

Я спросил пленных об устройстве такого храма. Они сказали, что при таком храме имеется один мутавали (управитель) и тридцать служащих, ежедневно в храме на службе присутствуют двое из них, их задача – следить за тем, чтобы не гас огонь. Каждая семья буюров обязана ежемесячно безвозмездно жертвовать

храму вязанку хвороста. Поэтому храм не испытывает недостатка в топливе, ибо в нем всегда имеется двухгодичный запас топлива. Я спросил, располагают ли храмы огнпеклонников подобно мусульманским мечетям, вакуфным имуществом, являющимся источником пропитания для служителей культа.

Пленные дали отрицательный ответ, сказав, что ежегодно ими отмечается семь праздников, каждый из которых посвящен одному из ангелов, приближенных к богу, им посвящены дни недели, которых тоже семь, и в первый день месяца Хаммаль (Овен), когда празднует Навруз, буюры семь дней посещают храмы и вручают управителям-мутавали свое пожертвование-закат, которое вплоть до следующего Навруза и составляет средством пропитания для служителей культа.

Верование буюров состояло из смеси идей ислама и зороастризма. Они, считая себя мусульманами, содержали храмы Огня, делали в них жертвования, поступавшие в прямое распоряжение их управителей. Я спросил одного из пленных, совершают ли они сами намаз. Он ответил утвердительно. Я, натянув повод своего коня, остановился и сказал: «Соверши-ка намаз, чтобы я увидел как ты это делаешь.» Тот человек, обратившись лицом к солнцу, потряс несколько раз руками и тихо проговорил что-то, затем сказал, что это и был его намаз. Я спросил: «Разве во время намаза вы не обращаетесь лицом к Кибле?» Буюр ответил: «А как же...», и, показав в сторону солнца, заявил, что это и есть Кибла. Я спросил: «Значит вы считаете солнце своей Киблой?» Буюр ответил утвердительно. Я спросил: «У вас есть духовный глава?» Он вновь дал утвердительный ответ, добавив, что им является управитель-мутавали храма.

Солнце зашло и настал вечер, а нам до города буюров все еще предстояло пройти некоторый путь. Я подумал, что ночью вплотную приблизившись к городу мы подвергнем себя опасности и поэтому приказал войску остановиться и разбить лагерь. Я сказал военачальникам: «Мы находимся в местах, где даже песчинки в степи настроены враждебно по отношению к нам, не говоря уже о людях, поэтому знайте, в любое мгновение на нас могут напасть.» Наш лагерь расположился в местности, где было много холмов и неглубоких ложин, что создавало благоприятные условия для внезапной атаки врага. Еще до того, как шум в лагере стих и воины уснули, я расставил на холмах сторожевые посты, а также назначил передвижной караульный отряд, задачей которого было совершать регулярный обход сторожевых постов и проверять не спят ли караульные.

Воин после нескольких изнуряющих дней похода и сражения устает настолько, что, стоя на посту, может непроизвольно заснуть, поэтому и нужен передвижной караульный отряд, который регулярно наведывается к обычным

часовым, и если те спят – будит их. Я беспощаден к дозорному, заснувшему на своем посту, если известно, что он не был до того уставшим. Не следует слишком уж ожидать, что воины, сражавшиеся от рассвета до заката и назначенные в ночной караул, будут бодрствовать. Если такой воин и заснет на посту, наказать его следует лишь тем, чтобы разбудить его и не позволить спать дальше. В ту ночь я не ел, чтобы не уснуть. Ночью я спал урывками, просыпаясь через каждые несколько минут, прислушиваясь к звукам, доносящимся снаружи. Иногда я выходил из шатра и оглядывал окрестности, однако ничего необычного я не заметил.

Забрезжил рассвет и совершив намаз, я позволил себе короткий отдых до той поры, пока не проснулось войско. Свернув лагерь и выстроившись в боевые порядки мы двинулись в направлении города буюров. Глядя на тот город издали я поразился его протяженности, он выглядел обширнее Самарканда. Но пленные развеяли мое заблуждение, разъяснив, что такое кажется из-за удаленности домов друг от друга – они не были построены рядом один с другим, а возводились каждый на отдельном холме, отстоя далеко друг от друга. И человек, глядя на те дома издали мог подумать, что перед ним огромный город, подойдя ближе он мог убедиться, что в том городе на наберется и тысячи домов.

Я все еще разглядывал с холма дома, видневшегося вдали города когда разведочный дозор сообщил о появлении противника. Командующим флангами я передал, чтобы были особенно внимательны – нападение могло последовать в любой момент. О том, же самом я предупредил еще раз и тыловое охранение - арьергард войска. Внезапно со всех сторон – спереди, справа, слева и сзади началась яростная атака буюров. Их появилось такое множество, как если бы эти воины и воительницы вырастали из земли подобно траве, я не случайно упомянул воительниц – вместе с мужчинами на нас шли вооруженные женщины.

Я приказал, чтобы задействовали кавалерию на флангах и центре войска, чтобы раздавить врага, не делая различий между мужчинами и женщинами. Все конники, исключая резервный отряд, и я вместе с ними, ринулись вперед. Женщина с каким то заплечным мешком кинулась навстречу, пытаясь достать саблей моего коня. Я опередил ее, разрубив ей голову надвое секирой. Женщина упала и вдруг раздался детский плач и к удивлению своему я увидел, что за печами той женщины была привязана не котомка, а ее грудное дитя.

(Если обратить внимание на то, как ведет рассказ Тимурленг, можно понять, что в сердце того человека не было и капли жалости, - даже о грудном ребенке

он отзывается так, словно у той женщины за плечами был привязан некий кусок камня - Марсель Брион).

Ряды мужчин и женщин племени буюров довольно быстро редели под ударами нашей конницы - на этот раз противник сражался с нами в открытом месте, не имея возможности как раньше укрываться за деревьями. И хотя буюры атаковали нас с четырех сторон, им не удалось добиться перевеса и непрерывные атаки моих конников в конце концов сломили их сопротивление. Часть из них была растоптана копытами коней, часть погибла под ударами сабель и секир моих конников, а часть спаслась бегством в открытую степь. Я сказал, чтобы беглецов не преследовали, надо было скорей взять город. Я чувствовал что эта битва - последняя, после нее буюры уже не будут в состоянии сражаться с нами, а если и попытаются это сделать, то уже не с той жесточённостью как раньше. Путь на город был очищен и мои конники, построившись в боевой порядок, двинулись в его направлении.

Еще до вступления в город я предупредил военачальников, чтобы не убивали служителей храмов Огня, которые составляли духовенство города, и убивали всякого, кто окажет сопротивление - независимо от того, мужчина это, женщина или ребенок. Когда мы добрались до города, я ожидал, что из домов нас встретит ливень из стрел и камней, однако ничего подобного не произошло, из города не доносилось ни звука, дома отстояли друг от друга на расстоянии, некоторые из них высились над нами и их обитатели при желании могли бы осыпать нас камнями. Однако ни один дом не подавал признаков готовности к сопротивлению. Когда я велел воинам войти в дома, они сделав это, доложили, что в домах никого нет.

Вскоре я узнал, что все жители покинули город, иными словами в нападении на нас участвовали все горожане, а те, кто остался жив и спасся бегством, уйдя в степи, были остатками того населения. Поскольку в городе никого не осталось, не было больше стычек и кровопролития, мы заняли город, не встретив больше никакого сопротивления. Я направился к храму Огня и увидел стоящих у его входа нескольких человек в голубых одеяниях. Я спросил, кто они. Один из тех людей с белой бородой, выделявшийся как старший среди них сказал, что они служители того храма.

Я спросил: «Все население покинуло город а вы почему остались?» Седобородый ответил: «Мы не можем уйти и оставить священный Огонь без присмотра, допустив тем самым опасность его угасания.» Я спросил: «А если я погашу ваш огонь, что в таком случае вы будете делать?» Седобородый ответил: «О великий эмир, даже арабы не стали гасить нашего огня, и ты, в руках которого жизнь и имущество несметного числа рабов Божьих, не делай

этого.» Я спросил: «Каких это арабов ты имеешь ввиду?» он ответил: «Восемьсот лет назад они напали на страну аджамов (т.е. персов, иранцев), укрепились повсюду и учредили исламскую веру, но не стали гасить Огонь в наших священных храмах, которые были покинуты их служителями.»

Я понял, что разговариваю со сведущим человеком. Я сказал, что хочу увидеть их священный Огонь. Он сказал: «Видеть тот Огонь никому не запрещается, однако ты не должен подходить к нему близко, дабы его не коснулось твое дыхание, мы сами также не приближаемся к нему.» Я вошел в храм, это было здание, находившееся в жалком состоянии, с помещением, на котором был установлен купол с отверстием, через которое должен был выходить дым. Под куполом, на полу, была установлена большая металлическая, наподобии мангала, чаша с многочисленными отверстиями, на ней горел огонь. Вблизи от огня стоял человек в голубом одеянии, который время от времени подбрасывал поленья в тот огонь, чтобы тот не погас. Я готовился к тому, чтобы увидеть некое пышное зрелище, однако огонь там был более слабым, чем в какой-либо самаркандской деревне.

Выйдя из храма я спросил того старца: «Ты и здешние служители мусульмане?» Он ответил утвердительно. Я сказал: «Если вы мусульмане, тогда почему вы возжигаете Огонь и поклоняетесь ему?» Он ответил: «Мы не можем не соблюдать обычаи наших предков.» Я сказал: «Ваши предки были идолопоклонниками и поклонение Огню есть обычай тех, кто почитает идолов, поэтому мусульманин не должен поклоняться Огню.» Старец сказал: «Наши предки поклонялись не идолу, а Йаздану, Богу, который есть и наш Бог.» Я сказал: «Вчера один из ваших, показывая в сторону солнца, утверждал, что оно — это ваша Кибла.» Старец ответил: «Да, о эмир мы считаем солнце Киблой потому как убеждены, что все сущее сотворено солнцем, а само солнце создал Бог.» Я сказал: «Мною принят обет не обижать священнослужителей, ученых и искусных ремесленников. Если бы не это, я бы убил вас, ибо вы еретики, а еретики подлежат убиению.»

Старец склонил предо мной голову и молвил: «О великий эмир, вот моя голова, а вот твой меч. Поступай как сочтешь нужным.» Я сказал: «Если бы я желал отнять жизнь твою и других служителей храма, не стал бы ждать когда ты согласишься дать на то свое согласие.» Затем я задал ему несколько вопросов, касавшихся ислама и зороастризма. Он не сумел на них ответить и я придя к заключению, что его знания поверхностны, сказал себе: «Не следует ожидать многого от степняка — буюра, не выдавшего ничего, кроме здешних мест и здешнего мактаба.» Я спросил, грамотен ли он. Он ответил отрицательно. Я спросил: «Если не обладаешь грамотой, как в этом случа ведешь счет времени и определяешь, что настал Навруз и посему велишь людям праздновать семь

дней?» Старец, показав на солнце, ответил: «Два дня в году день и ночь бывают равными по своей протяженности. Один раз это происходит в начале весны, когда начинается теплый период, а второй раз - в начале осени, когда наступает период холодов. Когда начинает теплеть и солнце уходит прямо на запад, я понимаю, что день и ночь уравнились, тогда я объявляю людям, что настал Навруз. Я понял, согласно такого расчета между фактической датой первого дня месяца Хамаль и Наврузом по-буйорским представлениям может оказаться разница от десяти дней до целого месяца.

Мутавали и служителям храма я сказал: «Вы освобождены от возмездия, однако жители этого края должны быть наказаны.» Мутавали храма спросил: «О великий эмир, за какое деяние должны быть наказаны жители этого края?» Я сказал: «За убийство моего сына Шейха Умара.» Мутавали сказал: «Принимая во внимание убийство твоего сына, ты должен воздать должное убийце, а не губить все население буюров.» Я сказал: «О старец, если бы ты был грамотен, был ученым, я бы тебе разъяснил по какой причине Господь подвергает наказанию всех потомков Адама, совершившего грех в раю и за это изгнанного оттуда. Если бы наш прародитель Адам не совершил греха, сегодня все мы жили бы в раю а не в этой клоаке, называемой бранный мир. Все мы потомки Адама из-за греха, совершенного нашим прародителем, изгнаны из рая, Господь обрек нас жить на земле и Хафиз, с которым я встречался в Ширазе, сказал:

Ман малик будам ва Фирдавс барин джам буд
Одам овард дар ин дайри харобам афканд
(Был я царем и местом моим был райский сад
Адам же вверг меня в эту убогую земную жизнь)

Хафиз имел ввиду что нам воздастся за грехи Адама, что Господь изгнал нас из рая. Основываясь на этом, поскольку несколько ваших буюров умертвили моего сына, весь этот народ в моих глазах является виновным и если бы суд по этому делу вершил Господь, то и он приговорил бы к наказанию весь народ буюров.»

С того дня, весь период, пока войско пребывало в краю буюров, мы убивали каждого, кто попадался на глаза, женщин постигала та же кара что и мужчин. Оставшиеся в живых буюры, больше не смели стоять на нашем пути и оказывать сопротивление. Мне необходимо было возвращаться и я увел войско из земель буюров. Решив идти через Фарс, по дороге я увидел развалины Тахт-э Сулеймана, о которых говорили, что они двигаются от дуновения ветра. Осмотрев те развалины, я испытал сильнейшее удивление от того, что ветер мог двигать этот величественный престол, каждый камень которого весил множество харваров (мера веса, равная примерно 300 кг.), вознося его к небесам, переноса с востока на запад. Спустя несколько лет, будучи в стране

Шам и встретившись с тамошними учеными, черпавшими сведения из исторических трудов греческих мыслителей, я узнал, что Тахт-э Сулейман, вопреки всему тому, что о нем говорят, на деле был вовсе не престолом Соломона, а столицей одного из древнейших властителей Фарса, которая позднее была разрушена и сожжена Искандером (т.е. Александром Македонским).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Чума.

Еще раз я решил возвращаться на родину через Хорасан. Несмотря на то, что мой путь пролегал через Фарс, входящий в мои владения, я все время высылал вперед разведочные дозоры, а позади войска назначил арьергад для прикрытия тыла. Через два дня, после того, как мы выступили из Тахт-э Сулеймана, дозорные сообщили, что видят некую толпу безоружных людей, двигавшихся нам навстречу, а затем поступило сообщение, что люди те - беженцы. Дозорные спросили их о причине их бегства, те разъяснили что бегут от чумы. Я велел привести нескольких из них ко мне, чтобы расспросить, откуда появилась та болезнь. Они ответили, что люди мрут от чумы в городах, расположенных на юге Фарса. Города которые называли беглецы, были морскими портами, расположенными на территории Фарса. *(Некоторых из тех портов, которые существовали во времена Темуруленга, сегодня уже нет - Марсель Брион).*

С того дня нам навстречу ежедневно попадались беженцы. Я их расспрашивал и узнавал, что на моем пути из Фарса в Хорасан случаев заболевания чумой не наблюдалось. Чтобы скорее удалиться от районов, где свирепствовала чума, я велел, чтобы войско двигалось быстрее, так же я выслал вперед отряд заготовителей продовольствия и фуража, чтобы в пути не возникло задержек из-за нехватки еды. Когда дошли до Дарабуджерда, я велел устроить двухдневный привал, чтобы лошади получили необходимый отдых. В первый же день мне сообщили о заболевании нескольких воинов, все они жаловались на головную боль и жар. Я спросил, войскового лекаря не заболели ли они чумой. Лекарь ответил, что причину болезни определить он не сумел, вместе с тем он не видел в ней признаков чумы. На второй день заболело еще большее число людей, а те, кто заболел в первый день, стали жаловаться на боли в подмышках и паху. На этот раз лекарь сказал, что нет сомнений в том, что все они заразились чумой, поскольку это признаки именно той болезни, когда в подмышках и паху появляются опухоли в виде твердых шишек, причиняющих невыносимую боль.

Я спросил лекаря, как лечится та болезнь. Он ответил, что она неизлечима, больной неизбежно умирает или излечивается сам по себе. Вечером я вызвал военачальников которым велел, чтобы на рассвете следующего дня они оставили всех заболевших в Дарабуджерде и спешно уводили войско от той болезни, ибо, если мы задержимся в том городе из-за заболевших, то погибнем все. После захода солнца я совершил вечерний намаз и хотел приступить к ужину, когда почувствовал, что меня охватили лихорадочная дрожь и озноб.

Желая согреться, я велел слугам укрыть меня плащом, примерно через час мне наконец стало тепло, однако жар не спадал, сильно болела голова. Лекарь поил меня отваром приготовленным из цветов травы «гав-забан» (т.е., воловик, огуречник аптечный), чтобы я хорошенько пропотел. Затем он велел нагреть множество камней на костре, их выложили на мангал, укрыв одеялом мою голову, склоненную над мангалом, он стал брызгать водой на раскаленные камни. Поднявшийся пар невыносимо обжигал лицо, я терпел, со временем я основательно пропотел, головная боль и жар уменьшились и я сумел немного поспать. Но затем снова усилились головная боль и жар, и на этот раз ни отвар и ни повторное пропаривание уже не помогали.

На рассвете головная боль и жар стали настолько сильными, что я не был в силах даже совершить утренний намаз. Я пригласил лекаря и спросил, не заболел ли я чумой. Лекарь молчал. Я спросил, почему он не отвечает? Ведь я Тимур, смерть меня не страшит, все в этом мире смертно. Даже пророк наш покинул в свое время этот мир, и я должен буду когда-то умереть и единственное, о чем буду сожалеть, так это почему я обрел смерть не на поле битвы, а в постели. Лекарь ответил: «О эмир, твоя болезнь - это та же, что поразила твоих воинов...» Я велел принести бумагу, калам и лекарство, чтобы написать завещание прежде, чем силы покинут мое тело.

Принесли бумагу, калам, лекарства и я написал, что в случае моей смерти от чумы, командовать войском должен Кара-хан, который обязан будет довести его до Самарканда и передать его моему старшему сыну, который должен будет править страной. После этого командующий войском должен быть назначен по усмотрению моего старшего сына, лучше всего было бы назначить на этот пост Кара-хана. Как только Кара-хан прибудет в Самарканд, мой сын и наследник должен будет отдать ему в жены мою дочь (свою сестру Зубейду). Также, я написал в том завещании, что в случае смерти Кара-хана, командующим должен стать Амир-Хусейн, который должен довести войско до Самарканда и передать его в распоряжение моего сына и наследника. Все свое движимое и недвижимое имущество я отписал в пользу своих сыновей, которое должно быть разделено между ними в соответствии с законами исламского шариата, я так же подчеркнул, что Кара-хан должен доставить мои останки в Самарканд и похоронить там.

Закончив писать завещание, я пригласил Кара-хана, Амира Хусейна и других военачальников, которым объявил, что мною составлено завещание, в котором указаны наследник моего престола и командующий войском. В случае моей смерти, командовать войском должны Кара-хан, а после него - Амир Хусейн, войсковая казна будет находиться в распоряжении Кара-хана из которой он должен выплачивать содержание воинам и их начальникам.

Пока я излагал все это, Кара-хан разрыдался. Я спросил: «Кара-хан, не плачешь ли ты из-за моей смерти? Думаешь после моей смерти Зубейда не

будет твоей? Хочу, чтобы ты знал, я написал в завещании, чтобы ее выдали за тебя, как только ты прибудешь в Самарканд.» Кара-хан отвечал: «О эмир, я плачу не из-за Зубейды, а о том, что если ты покинешь нас, земля –мать никогда не сумеет создать и вырастить второго такого как ты.»

Я сказал: «Утри свои слезы и готовься к выполнению обязанностей командующего войском и помни, что командующий как никто другой в том войске должен уметь переносить труд, тяготы и бессоницу.» Кара-хан утер свои слезы и я сказал ему: «Знаешь, я намеревался оставить больных в Дарабуджерде и самим спешно покинуть эти места, а теперь, как видишь, заболел сам. Кара-хан, надо осуществить это решение и уводить отсюда войско как можно скорее, чтобы избежать дальнейших случаев заболевания, и достичь Самарканда как можно быстрее. Ясно, что и я, как и все заболевшие воины, должен остаться здесь. Оставьте здесь небольшой отряд, который после моей кончины доставит мои останки в войско, а затем в Самарканд. Кара-хан сказал: « О эмир, ты сказал, чтобы я оставил тебя здесь, увел войско и ушел сам?» Я сказал: «Да, такое необходимо сделать ради того, чтобы спасти войско.»

Кара-хан сказал: «Не стану я этого делать.» Я ответил: «Не сделаешь этого, тогда все воины, их начальники, и ты сам - погибнете от болезни.» Кара-хан сказал: «Моя жизнь, жизни воинов и их начальников не дороже твоей. Ведь те жизни - это одно, а твоя - это совсем другое. Более того, жизни всех живущих на земле не обладают значением в сравнении с твоей.» Я сказал: «Кара-хан, командующий прежде всего должен думать о войске. С сегодняшнего дня ты мой заместитель, а после моей кончины будешь самостоятельно командовать войском, забота о нем должна быть выше беспокойства о моей жизни.» Кара-хан сказал: «Если бы ты был обыкновенным военачальником, я мог бы, оставив тебя здесь, увести войско. Но ты Амир Тимур Гураган, и если ради тебя пожертвовать всеми людьми земли, даже такая жертва не будет выглядеть значительной. Как я могу уйти, оставив тебя здесь, и что если враг затаился в засаде и убийцы твоего сына достанут и тебя. Я остаюсь здесь до тех пор, пока ты не выздоровеешь и затем уйду вместе с тобой. И если Господь призовет тебя к себе, тогда я, согласно завещанного тобой и повезу твои останки в Самарканд.» Я сказал: «Можешь остаться, но отошли отсюда войско, чтобы не погибли воины и военачальники.» Кара-хан ответил: «Бесполезно отсылать войско в настоящий момент, потому что дыхание чумы уже проникло в него, если мы двинемся, воины начнут болеть и умирать в пути. С другой стороны, если войско уйдет, враги могут напасть и убить тебя, и потому войско должно быть здесь, чтобы охранять твою жизнь.» Я уже не мог вести спор с Кара-ханом, отпустив его и других военачальников, я прилег. На следующий день я почувствовал боль подмышкой, притронувшись, я нащупал болезненную опухоль. На третий день та опухоль посинела, после чего я впал в бред. Жар был настолько сильным, что приближающиеся ко мне чувствовали его на

расстоянии, словно он шел от раскаленного мангала с углями. Я уже не узнавал окружающих и не знал, где нахожусь. То я видел себя в Самарканде, то пред моим взором представала казнь принцев династии Музаффаридов, то видел себя затерянным в горах тохтамышевой державы, затем до меня дошел какой-то голос, восклицавший: «Открылась!.. Открылась!..», и боль стала утихать.

На следующий день, очнувшись я понял, что это были голоса окружающих, заметивших, что моя опухоль вскрылась, лопнула и гной стал вытекать из неё, чем больше он вытекал, тем легче мне становилось, но я был все еще слишком слаб, чтобы суметь подняться и пуститься в путь. Но я был уже в силах садиться, оперевшись спиной о подушку. В Дарабужерде все, кто мог двигаться, убежали, остались лишь старики. Однажды ко мне привели старого человека, называя его «дастуром», то есть главным жрецом зороастрийцев.

Тот старец, не имевший ни единого зуба во рту, сказал: «О эмир, я слышал, что ты поднялся после тяжелой болезни и потому принес тебе меду, который укрепит твои силы.» Я спросил: «А ты почему остался и не убежал от чумы, разве ты не боишься?»

Старец-дастур ответил: «Я каждый день принимаю немного меду и по этой причине чума не страшна мне, потому что тот, кто каждодневно употребляет мед, никогда не станет жертвой заразной болезни.»

(В том, что мед имеет антисептические свойства и убивает микробов, сомнений нет. Однако сегодняшняя наука не подтвердила, что мед предупреждает заражение инфекционной болезнью - Марссл Брион.)

Я спросил: «А кто сказал тебе, что каждодневно принимая мед можно уберечься от чумы?» Дастур ответил: «О том написано в наших книгах, и первым кто об этом узнал был Гаю-март.» Я спросил: «Кто был Гаю-март, что-то я не слышал такого имени?» Дастур спросил: «О эмир, читал ли ты «Шах-намэ», который написал Фирдоуси?» Я ответил утвердительно. Дастур сказал: «Гаю-март - это тот, кто приведен в Шах-намэ как Каюмарс, однако на самом деле его звали Гаю-март, что означает - «муж, обладающий знанием.»

Я сказал: «В этом отношении видно, ты знаешь больше создателя «Шах-намэ», на могиле которого в Тусе я установил надгробный камень, потому как поправляешь его.» Дастур ответил: «Да, о эмир, я не умею слагать стихи, однако знаю больше их авторов, знаю подлинные имена древних владык Ирана, они приведены в нашей книге. А Фирдоуси, не читавший или не желавший читать древних книг, привел те имена в своей книге понаслышке.»

Затем дастур заговорил о меде, сказал что он принес его из собственных ульев и заверил, что отведав того меду, я вскоре окрепну.

Я пожаловал ему несколько золотых монет, но он отказался их принять, сказав: «О эмир, я не пришел к тебе для того, чтобы продавать свой мед, а затем, чтобы услужить тебе.» Я несколько дней принимал тот мед и набрался сил и, с тех пор, всякий раз, как почувствую недомогание, прибегаю к меду. Через несколько дней мое недомогание прошло.

Поскольку я всегда стремлюсь к обладанию знаниями и почитаю людей ученых, моим первоначальным желанием иметь с тем дастуром более подробную беседу, однако не я мог далее задерживаться в Дарабуджерде, чума грозила погубить все мое войско. Оставив больных в том городе, я выделил небольшой отряд для ухода за ними и сопровождения их на родину в случае излечения, или захоронения, в случае их смерти.

В день когда я выступал, пришел дастур и спросил, куда я направляюсь. Я ответил, что возвращаюсь на родину. Дастур сказал: «О эмир, если возвратишься домой, чума охватит твой народ, если конечно каждый в твоей стране не имеет привычки ежедневно употреблять в пищу мед.» Я сказал, что в общем-то у моего народа нет такой традиции, только в Хорезме иногда кушают мед.

Дастур сказал: «В таком случае, прежде чем вступить на свою землю, окури войско дымом, чтобы уничтожить запах чумы.» Я спросил: «Каким образом следует окуривать войско.» Дастур посоветовал: «Сделай остановку в местности, где имеются дома с просторными помещениями, и вели принести как можно больше сухой степной колючки, разместить воинов в тех помещениях, вели принести туда колючку, побрызгать ее слегка водой, зажечь тут же залить огонь небольшим количеством воды, чтобы колючка больше дымилась, а не горела, и твои воины в течении десяти дней должны каждодневно по часу проводить в том дыму.»

Я сказал, что ведь они могут задохнуться. На что дастур ответил: «Двери помещений надо держать открытыми, а количество топлива не должно быть слишком велико, и если проделывать это в течении десяти дней, запах чумы выветрится из тел твоих воинов, а народ Хорезма избежит заражения этой болезнью от твоего войска.»

Еще раз я попытался вознаградить того старца-зороастрийца, однако и на этот раз он не принял золотых монет, сказав что при его скромном образе жизни, он может довольствоваться тем, что удаётся добыть собственными руками, что урожая, получаемого с его поля и небольшого сада достаточно, чтобы он жил в довольстве. Затем, мы выступили из Дарабуджерда и, поскольку начинался период холодов, нам удалось пересечь пустыню между

Фарсом и Хорасаном, не испытывая мучений от жары и жажды. Но болезнь не отставала от нас, и каждый день заболело ещё по несколько воинов, и мы были вынуждены остановиться в селении Кяриз-эАраб, чтобы окурить войско дымом. Место так называли, потому что когда-то правитель Табаса по имени эмир Араб построил для местных жителей кяриз (т.е. подземный оросительный канал), который с тех пор обеспечивал местное население водой.

Там имелась крепость с двумя большими конюшнями, и я велел, чтобы воины поочередно прошли окуривание в них и в то же время лошадей держали в открытой степи. Через десять дней, в течении которых воины и их начальники каждый день по часу окуривались дымом, мы выступили из Кяриз-э Араба, после того до самого Самарканда в моем войске уже не возникало каких либо новых случаев заболевания чумой. По прибытии в Самарканд, я отправил послание правителю Фарса, велел ему от моего имени передать старцу-дастуру, что за оказанную им мне услугу, все зороастрийцы, проживавшие в Фарсе, освобождены мною от уплаты налогов на пятилетний срок.

Правитель Фарса через голубиную почту прислал ответ о том, что дастур зороастрийцев Дарабуджерда умер и его останки перенесены в дахму (*Дахма представляет собой строение, возводимое зороастрийцами в отдаленном месте, на вершине горы, где они оставляют своих покойников, которые постепенно сами по себе разлагаются - Марсель Брион*).

Правителю Фарса я велел довести мое решение до всех зороастрийцев и разъяснил, что за те услуги, которые дастур Дарабуджерда оказал Амиру Тимуру, все зороастрийцы Фарса на пять лет освобождены от уплаты налогов.

После возвращения на родину, я наведалься в город Кеш, чтобы увидеть, ведется ли там строительство в соответствии с тем, как я указывал. Я уже упоминал, что желал бы сделать Кеш самым красивым и самым благоустроенным городом Вселенной, собрав в нем все достопримечательности, имевшиеся в других её городах. Прибыв в Кеш, я прошелся пешком по его центральному проезду, ширина которого как я уже говорил достигала пятидесяти зарьов, постучав в ворота, входил в дома, знакомился с тем как живут горожане, довольны они своим бытом или нет.

Я видел, что все дома оснащены всем необходимыми для нормального проживания, а их хозяева довольны своей жизнью. Часть строений в городе еще не были завершены, работы на них велись лучшими зодчими, строителями, каменотесами и облицовщиками, которых я собирал во всех уголках света.

Осмотрев Кеш, я возвратился в Самарканд, где провел не более десяти дней, потому что считал, жизнь в городе может только расслабить и изнежить тебя, вытеснить привычку и тягу к жизни в условиях военного лагеря в степи. Я бегу от неги и наслаждений, потому что уверен, всякий правитель отдавшийся им, будет ввергнут в прах, обязательно отыщется сильный враг, который смешает с пылью и кровью тело неженки и сластены.

Через десять дней я вышел из Самарканда, разбил лагерь в степи и начал готовить все необходимое для похода на Хиндустан. Пока шла подготовка снаряжения, воины неустанно, кроме дня пятничной молитвы, оттачивали и совершенствовали свое боевое искусство, и я вместе с ними ежедневно участвовал в тех занятиях, потому что моя плоть, как и плоть остальных воинов, требовала постоянных тренировок и упражнений, чтобы не размякнуть от безделья и не утратить свою силу и способность легко переносить усталость, иными словами - быть выносливым.

Я давно думал о походе на Хиндустан и знал, что для этого предо мной лежат два пути: один, ведущий через Хорасан, Забулестан, Мекран и Туран (*Туран был страной, расположенной на востоке страны Мекран, т. е. в западной части современного Пакистана и востоке Белуджистана, что находится на территории сегодняшнего Ирана. Это напоминание необходимо потому, что многие полагают, будто бы Туран был расположен к северу от Хорасана - Марсель Брион*). Другой путь вел из Кабулестана в страну Гур, оттуда в Искандер (*т. е. в Кандагар, что расположен на юге сегодняшнего Афганистана - Марсель Брион*) и далее в Хиндустан. Идти на Хиндустан через Хорасан, Забулестан, Мекран и Туран, значило бы выбрать очень длинный путь. Кроме того, на том пути пришлось бы одолевать бескрайние и знойные пустыни, в некоторых из них невозможно было найти пищу и воду, что создало бы неимоверные трудности для многочисленного войска, идущего через такие места. По этой причине я решил идти на Хиндустан по дороге, пролегающей через Кабулестан, страну Гур и Искандер, поскольку этот путь был короче и всюду по всей его протяженности можно было найти воду, тогда как двигаясь длинным путем, я рисковал быть втянутым в стычки и войны с местными правителями.

Потому что я не знал как ко мне отнесутся властители Турана, пропустят ли мои войска по своей земле, или же мне придется силой расчищать себе путь в Хиндустан. Противоборство с правителями Турана отложило бы мое вступление в Хиндустана, и ослабило бы мое войско.

Тогда как на втором пути, у меня не было врагов, правители Кабулистана, Гура и Искандера были настроены в отношении меня дружелюбно, самым сильным среди них был Эбдал Гильзайи, падишах Гура, над которым я в свое время одержал победу. Я отправил ему послание, где говорил о том, что рассчитываю на его содействие в предстоящей войне, потому как на деле

убедился, насколько отважны он и его воины, в войне, которую предстоит вести в стране, являющейся богатейшей в мире, где в случае победы я позволю его воинам взять себе столько добычи, сколько они захотят, ему же самому я обещал столько золота и драгоценностей, которых хватит на десять поколений его потомков. В заключении я говорил, что чем больше воинов удастся собрать падишаху Гура, тем лучше, но полагаю, что их число составит не менее двадцати тысяч, что со дня моего вступления в страну Гур и до дня их возвращения на родину, все расходы по содержанию его войска будут оплачиваться из моей казны.

Эбдал Гильзайи ответил, что знает, в какую страну я намереваюсь идти походом, что я ему говорил об этом в свое время, и что он готов выставить в мое распоряжение двадцатитысячное войско. Он говорил также что у его воинов имеются семьи, которые необходимо обеспечить прежде чем выступать в поход, и если я желаю привлечь его воинов к предстоящим боевым действиям, часть их содержания следует выплатить вперед. Я ответил, что выплачу вперед половину их годового содержания, которое они могут оставить в распоряжении своих семей и со спокойной душой отправиться на войну. Я хотел быть в Хиндустане до начала сезона «барсат», сезона дождей в той стране и поэтому поспешил выступить в направлении Кабулестана как можно скорее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Страна Чудес или Хиндустан.

Вознамерившись идти походом на Индию, я мог потребовать от всех подвластных мне правителей государств и земель, что были покорены мною и вошли в мои владения, выставить свои войска в мое распоряжение, чтобы двинуться на ту страну во главе сил, состоящих из нескольких сот тысяч человек.

Однако управиться с таким многочисленным войском дело трудное, можно даже сказать невозможное, потому что невозможно обеспечить продовольствие и корм для такого числа воинов и их коней. Да и в случае непогоды невозможно найти достаточно обширный кров, под которым было бы возможно укрыть всех людей и животных. В большинстве войн, которые я вел, с собою для битвы я брал не более ста тысяч воинов, и на этот раз, выступая на Индию, я сформировал войско, состоявшее вместе с воинами Эбдала Гильзайи, правителя Гура, из ста двадцати тысяч человек.

Для стотысячного войска всюду, за исключением безводной и безжизненной пустыни, возможно найти нужное количество продовольствия и травы.

Тогда как для войска, состоящего из нескольких сот тысяч человек невозможно достать продовольствие и корм в любой местности, и если тебе, о читающий мое жизнеописание скажут, что где то удался поход войска, насчитывающего два курура (один курур равен пятистам тысячам) человек, не верь тому утверждению, ибо невозможно достать продовольствие и корм для такого количества людей.

Вместе со своим войском я вышел из Самарканда, в тот миг я вознес очи к небесам и сказал: «О Аллах Всемогуший, ты знаешь, что я не боюсь ни сабли, ни копья, ни смерти и то, что я скажу тебе не продиктовано страхом перед смертью, я знаю, что местом упокоения истинного мужа является поле сражения, ему подобает умирать в бою, но если я вернусь из этого похода, живым приду в Самарканд, я построю в этом городе, о Всемогуший Боже, большую мечеть для поклонения тебе.» Затем я вдел ногу в стремя и отправился в путь, пройдя Кабулестан, пришел в Гур и там выплатил шестимесячное содержание двадцати тысячам тамошних воинов, которые должны были сопровождать меня в Хиндустан. Эбдал Гильзайи примкнул к моему войску и мы отправились в Искандер (т.е. в Кандагар). В этом походе меня сопровождали все мои военачальники, кроме Кара-хана, которому в Самарканде я отдал в жены свою дочь Зубейду. Согласно нашего обычая, женившийся на три месяца освобождается от несения военной службы, потому, что все это время он должен провести с женой. Кара-хан сказал мне, что через три месяца он пустится в дорогу и присоединится ко мне в

Хиндустане. За десять фарсангов до Искандера нам навстречу вышел его правитель, чтобы выразить свое почтение и вручил свой дар в виде тысячи золотых монет. Я слышал о том, что правитель Искандера не обладает значительным богатством и, чтобы не обидеть его, я взял лишь одну из тех золотых монет, а остальные вернул, сказав чтобы он потратил их на содержание своих женщин, родных и слуг. По той же причине я не стал задерживаться у него в гостях, пробыв там лишь один день и отведав немного жаренной баранины. Я спросил правителя Искандера, есть ли какой либо иной путь кроме того, что ведет через Хайбарский перевал для того, чтобы попасть в Индию. Он ответил: «Нет, о великий эмир, всякий, кто пожелает попасть в Пенджаб должен идти через Хайбарский перевал, но бойся того перевала!» Я спросил, почему я должен страшиться того перевала. Он ответил, что по извилистой дороге того перевала день и ночь бродят шайки разбойников, подстерегая путников, грабя и убивая их. Я спросил о протяженности того перевала. Он ответил, что протяженность составляет одиннадцать фарсангов и, что на вершинах гор по обе стороны главного пути устроены засады разбойников для внезапного нападения на путников.

Перед выступлением из Искандера, его правитель передал в мое распоряжение двенадцать проводников и, поскольку мое войско двигалось, разбившись на двадцатитысячные отряды, я, передав в распоряжение их командующих по два проводника, двинулся в путь. Хотя я и знал, что разбойники вряд ли осмелятся напасть на хорошо вооруженное войско, тем не менее назначил два разведочных дозора, которые должны были следовать вдоль гребня гор по обе стороны пути, следить за обстановкой, чтобы не возникло каких либо задержек в прохождении войска через перевал вследствие нападения разбойников.

Горы по обе стороны Хайбарского перевала были невысокими, походили скорее на холмы и дозорные двигались вдоль них без особых затруднений и могли обзирать всю местность. Я двигался вместе с передовым отрядом, однако регулярно получал сообщения о положении отрядов, следующих позади, их командующие передавали, что у них все в порядке. Если бы дорога была ровной, без возвышенностей и впадин мы, выступившие на рассвете могли бы еще до наступления темноты пройти перевал. Однако дорога была извилистой со множеством неровностей, на некоторых участках встречались камни, и нам приходилось тратить значительные усилия одолевая те препятствия.

Проводники сказали, что ночь придется провести на перевале, а днем мы сможем продолжить путь. Я принял их предложение с условием, что найдется подходящее место, где можно было бы устроить привал. Они сказали, что за одним из ответвлений в тысячу зарьов находится лощина, окруженная горами, где можно было бы устроить привал и добавили, что место называется долина Патан.

Поскольку наступила весна и видя струящиеся с вершин ручьи, я полагал, что в той долине найдется достаточно воды для нас, но для обретения большей уверенности я отправил в ту долину группу воинов вместе с проводником, чтобы проверить, действительно ли то место пригодно для привала, и достаточно ли там воды. Возвратившись, они сообщили, что долина достаточно широка, чтобы разместить в ней военный лагерь и в ней имеется достаточно воды.

Когда я сам дошел до той долины, солнце уже зашло за горы, склоны которых хоть и были пологими, спускавшимися к долине, однако высота тех гор не позволяла пройти через их вершины напрямую и хотя в той долине нам не угрожала какая-либо опасность, я с тревогой вглядывался в те горы. Они произвели на меня глубокое впечатление, хотя горы вообще редко когда могли взволновать меня.

Куда бы не бросал я свой взгляд, всюду возвышались горы и не виднелось между ними прохода. Горы были высокими, черными с острыми вершинами и отвесными склонами, и потому казалось, что при такой высоте и крутизне в любую минуту они могут обрушиться вниз и похоронить всех, кто находится в той долине. В некоторых местах, на склонах текли ручьи и я велел вырыть небольшие водоемы возле нескольких из родников, чтобы кони могли утолить жажду. Совершив ночной намаз, я немного поел и велел чтобы мой шатер разбили на склоне горы, пока я осмотрю лагерь. Прежде, чем войти в шатер, я еще раз взглянул вверх обратив внимание на то, что темная гора казалась нависшей над головой и готовой в любую минуту обрушиться и похоронить тебя под собою. Я сплю чутко и не могу долго пребывать во сне, разве, что когда уверен в полной безопасности, в дни же когда предстоят сражения я просыпаюсь каждый час или пол часа, такая привычка сохранялась даже когда я спал и в другой обстановке. Неожиданно меня разбудил какой-то грохот, я вышел из шатра и велел, чтобы затрубили тревогу и передали военачальникам моё указание поднять воинов и собрать их вместе с лошадьми у склона гор.

Затем раздался второй рев, на небе сверкнула молния, над всей долиной грохотал гром и я вглядывался в горы, пытаюсь определить, уж не рушатся ли они. Затем гром и молния стали раздаваться и сверкать без остановки, гром перешел в сплошной и непрерывный грохот, и я снова и снова повторял окружающим, чтобы те торопили военачальников с тем, чтобы быстрее собрать людей и животных у склонов гор. Из звуков грома и сверкания молний я заключил, что в ту весеннюю ночь хлынет сильный ливень, и мое предвидение сбылось.

Ливень был настолько сильным, что напоминал всемирный потоп, перенесенный Ноем, среди льющих с неба потоков, мои воины старались отвести своих коней к склонам гор.

При первом же раскате грома в ту ночь, я сразу подумал о двух вещах: первое, что низвергающаяся с гор водная лавина может унести всех моих лошадей. Затем, увидев, что горы не столь высоки, чтобы лавина могла унести всех моих воинов и их лошадей, я подумал, что она могла хлынуть и затопить долину Патан со стороны той дороги, по которой мы пришли, случись такое, войско могло затонуть в той воде как в море. Еще по пути в долину я заметил, что дорога идет под уклон, поэтому вся вода могла хлынуть именно туда, образовав в долине Патан целое море. Поэтому я велел собрать всех людей и животных на склонах гор, чтобы все они остались в живых в случае, если долину затопит и она превратиться в море.

Случилось так как я и предвидел, - с ревом, который казалось сотрясает горы, лавина ворвалась в долину и затопила ее в считанные мгновения. В ту ночь, стоя на склоне горы, я своими глазами видел потоп, подобный тому, что пережил Ной, уподобляя себя и своих воинов тому из сыновей Ноя, который не подчинился воле отца и не взошел на его ковчег, а когда наступил потоп был вынужден спасаться бегством на вершину горы, однако воды было так много, что она затопила и вершину, в результате чего тот незадачливый сын утонул.

Лавина с леденящим душу ревом продолжала врываться в долину, также продолжался ужасный ливень. На наше счастье еще до начала затопления долины, мы успели переместить людей и животных, взобравшись повыше на склоны гор.

Если бы в ту ночь ливень шел не переставая, долина бы несомненно превратилась в море, в котором бы все мы утонули. Однако ливень прекратился, облака рассеялись, засверкали звезды и над долиной Патан, превратившейся в море, засиял лунный свет.

Куда бы я не обращал свой взор - всюду была вода, черная как тушь, я понял, что такой цвет ее – это из за песка, принесенного лавиной. Воины и их кони виднелись на склонах, до уха доносился их говор. Затем я услышал громкие команды, отдаваемые военачальниками своим подчиненным о том, чтобы была проведена переключка, чтобы выяснить, кто из войска уцелел, а кто погиб. Выяснилось, что ни один из моих воинов не погиб, но несомненно была утеряна часть имущества, необходимого в пути и для его восполнения мне следовало либо возвращаться либо идти в Пенджаб. Среди утонувших в ту ночь вещей была и моя походная мечеть и я не знал, удастся ли вытащить ее из воды или нет.

В ту ночь нам ничего другого не оставалось, кроме как ждать наступления рассвета, чтобы при свете дня определить, что же надо делать. Когда настал день и ушла темнота, порождающая ошибки зрения, воины измерили глубину того моря, выяснилось, что глубина та невелика, что через него

можно пройти, кое где были видны торчавшие из воды верхушки шатров, Войсковая казна, находившаяся при мне постоянно, не пострадала, ибо прошлой ночью, когда мой шатер был установили на склоне горы, чтобы удобнее было видеть весь лагерь, казна также была помещена в нем. Я велел выводить войско из той долины в сторону Хайбарского перевала, чтобы скорей пройти через него. В долине я оставил отряд, который должен был заняться извлечением из воды всего того имущества, которое можно было еще спасти. Я предвидел, что через два-три дня вода в той долине спадет, но также было возможно, что из-за окружающих ее высоких гор и образующейся тени, вода высохнет не скоро. Поэтому я не мог держать там своих воинов, чтобы после длительного ожидания, пока высохнет вода, они могли извлечь несколько шатров, небольшое количество торб, солдатских котелков и веревок. Главное - это оружие, конские седла и сбруя и мои воины, следуя традициям доблестных богатырей, уберегли их, сразу же перенесли все это с собою на склоны гор.

Войско покинуло долину Патан превратившуюся в море, некоторые воины ехали верхом на своих конях прямо по воде, некоторые обходили ее, двигаясь по горным склонам, устремляясь к сухому устью долины. Я покинул ту ужасную долину после того, как из неё вышли все воины, с той поры я получил урок, поняв, что в периоды дождей никогда не следует устраивать привал или лагерь в низинах или впадинах, которые легко могут быть затоплены водой.

В тот день, выйдя из Хайбарского перевала, мы дошли до некоей деревушки, жители которой были патанами. Там я видел рослых широкогрудых мужчин со светлыми волосами и бородой, голубыми глазами. Женщины-патанки были также высокорослыми, с длинными светлыми волосами, обладали красивой внешностью, не закрывали лица и не показывали какого либо страха перед нами. Каждый мужчина-патан ходил с саблей и нам объяснили, что их женщины участвуют в сражениях наравне со своими мужьями и братьями. Патаны не схожи с соседними племенами и народами, те, в свою очередь, не имели сходства с ними. Было явно видно, что патаны не происходят от местных народов, несомненно, их предки пришли в эти места откуда-то издалека. Я послал одного из своих военачальников узнать, откуда могли появиться в тех местах патаны, местные они или пришлые.

Они показали тому военачальнику на небо и сказали, что они обитали когда-то там, в небесах, затем пришли на землю. Миновав ту деревню, мы вступили на земли, входящие в состав Хиндустана, и, хотя местное население не подавало признаков сопротивления, я двигался, выстроив войско в боевой порядок и выслал вперед два отряда дозорных, также я создал арьергард, чтобы нас не застали врасплох, пытаясь ударить с тыла. Однако через несколько дней похода я убедился в том, что в этих краях никто не

помышляет встать на пути у моего войска, потому что тамошние жители были мусульманами.

Моих воинов и полководцев удивило то, что местные жители совершали намаз на языке хинди, до того дня никто из нас не видел и не слышал, чтобы молитва совершалась на том языке, поэтому у меня запросили фетву, прося определить, дозволено ли читать намаз на каком-либо другом языке, кроме арабского? Я ответил, что основы исламской веры предписывают, чтобы повсюду намаз читали только на арабском языке, польза от этого заключается в том, что повсеместно, различные племена и народы ощущают, что они объединены в единое целое под эгидой ислама, а потому не считают друг друга чужими. Если тот или иной мусульманский народ не умеет читать намаз по-арабски, произносить арабские слова, он может произносить молитву на своем языке, однако, насколько возможно, люди, исповедующие ислам, должны стараться и стремиться к тому, чтобы совершать намаз на арабском языке.

Мои приближенные спросили меня, когда народ этой земли принял ислам в качестве своей религии, я ответил, что султан Махмуд Газневи сделал их мусульманами, однако три года спустя, Ибн Араб-шах, сын Араб-шаха, ученый живущий в стране Шам, развеял то моё заблуждение. Я вывез Ибн Араб-шаха из страны Шам к себе в Самарканд, чтобы извлечь как можно больше пользы для себя из бесед с ним, и он, в настоящее время пишет книгу обо мне, обещав, что при завершении ее, он покажет ее мне. *(Эта книга не была завершена при жизни Тимурленга, после его кончины она была завершена Ибн Араб шахом. Книга называется «Аджайиб Аль Макдур фи Навайиб-и Тимур – Марсель Брион»).*

Ибн Араб-шах поведал мне, что жители Хиндустана были обращены в ислам еще мусульманами-сподвижниками Садр-уль-Ислама (т.е. пророка Мухаммеда, да благословит Аллах его и его род), а не султаном Махмудом Газневи. Когда султан Махмуд Газневи пришел в Хиндустан, население тех районов, где сегодня обитают мусульмане, уже исповедывало ислам. И султан Махмуд Газневи, несмотря на то, что разрушил множество буддийских и индуистских храмов, так и не сумел распространить ислам дальше, в другие районы Хиндустана. *(После Тимурленга ислам распространился в Хиндустане в еще большей мере благодаря усилиям его потомков, известных в истории как династия Великих Моголов, которые правили той страной на протяжении многих лет. Основателем той династии был человек по имени Бабур, считавшийся прямым потомком Тимура - Марсель Брион).*

Ибн Араб-шах рассказал мне, что одним из деятелей, распространивших ислам в Хиндустане был Моавийа (один из сподвижников пророка). Однако его сын Йезид, в противоположность своему отцу, не предпринял каких-либо шагов по дальнейшему распространению ислама в той стране.

После Йезида, другие халифы династии Омейядов распространяли дальше религию ислам, однако так и не сумели утвердить ее господство по всему Хиндустану, потому что это настолько обширная страна, что невозможно утвердить единый культ во всех ее просторах. Поняв, что я следую по земле, где обитают мусульмане, я велел дозорным отрядам шествовать с зелеными знаменами и, чтобы они, всюду где останавливаются и вершат намаз, громко возглашали азан, пусть местные правители знают, что в их страну вступило исламское войско. Такая мера с моей стороны оказалась настолько действенной, что мы, без каких-либо стычек или противодействий со стороны населения, сумели проделать довольно долгий путь, дойдя до Кветты. Правитель Кветты, именуемый Абдулла Вали-уль – Мульк с почетом встретив меня, провел в свой дворец, предложил находиться там и быть его почетным гостем во время пребывания в его городе.

Однако я предпочел жить в своем лагере, ограничившись тем, что отобедал в том дворце лишь в первый день своего прибытия. Абдулла Вали-уль-Мульк был человеком преклонных лет с седыми волосами и бородой. После трапезы, он дружески обратился ко мне с вопросом: «О великий эмир, пожалуйста, поведай, куда ты держишь путь и какую цель приследуешь?» Я ответил: «Хочу утвердить свою власть в Хиндустане и включить его в состав подвластных мне земель.» Вали-уль-Мульк молвил: «О великий эмир, заклинаю, откажись от намерения завоевать Хиндустан.» Я спросил, почему я должен сделать это. Он ответил: «В Хиндустане правят две тысячи разных царей, которых называют раджами и даже если Господь даст тебе целую сотню лет жизни и все то время ты посвятишь сражениям, все равно тебе не удастся покорить Хиндустан.» Я спросил: «А как же сумел сделать это Махмуд Газневи?» Вали-уль-Мульк ответил: «Махмуду Газневи удалось завоевать лишь уголок Хиндустана, другие завоеватели также не сумели добиться большего. О великий эмир, ты не представляешь как огромна эта страна, какое множество разноплеменных народов населяют ее, одна её часть на севере примыкает к районам, где стоят суровые холода, другая, на юге – к местам где царит невыносимый зной. В одном краю Хиндустана люди мрут от холода, в другом – от жары, где не знают, что такое одежда. В одном краю люди не употребляют в пищу мяса овец и коров, считая их запретными, а в другом поедают человечесьё мясо. Есть здесь места, где умерших мужчин сжигают, а их жены живыми должны следовать за ними на костер, а есть местность, где мертвых ни хоронят, ни сжигают, а просто бросают в реку на съедение рыбам и в то же время пьют воду из тех же рек и там же совершают омовение.»

Я сказал: «О дорогой гостеприимец, ты оказал мне весьма любезный прием. Однако, ничто из того, что ты мне рассказал не в состоянии удержать меня от того, чтобы пройти весь Хиндустан, от края до края. Я тот человек, который в стране кипчаков бился с самим Тохтамышем и поставил его на колени, даже тамошние смертельные холода не сумели помешать мне успешно

сражаться. Я человек, которому удалось сокрушить исфаганскую крепость, знал бы ты, какая это была неприступная твердыня - только длина ее стен составляла семь с половиной фарсангов, через каждые сто пятьдесят зарьвов была возведена башня, по гребню той стены могла бы свободно проехать арба, а ее башни были выдвинуты далеко вперед от крепостной стены, чтобы воспрепятствовать попыткам осаждающих устроить подкоп. Я сумел одолеть ту твердыню и взять Исфаган, а ты пытаешься напугать меня людьми, для которых запретно есть мясо овец и коров, теми, кто поедает людей и теми, кто предаст своих покойников огню или водам реки.

Будь в Хиндустане не две тысячи, а четыре тысячи правителей, все равно я завоюю его и ничто не сумеет удержать меня от этого, потому что я не боюсь смерти. После обязательных предписаний веры, самыми обязательными для меня являются законы войны. Я получил столько ужасных и тяжелых ран в боях, что не могу их сосчитать, но я никогда не страшился смерти и самое приятное зрелище для меня - это видеть фонтаны крови, бьющие из перерезанных жил врага, сраженного мною собственноручно.»

Абдулла Вали-уль-Мульк молвил: «О великий эмир, в твоём бесстрашии и смелости я никоим образом не сомневаюсь, до меня не раз доходили слухи о проявленных тобою мужестве и отваге, знаю, что и войскам Салма и Тура не под силу было бы остановить тебя и ты настолько бесстрашен, что в любом месте сумеешь пробить себе дорогу. Но в Хиндустане твой путь будет закрыт, то, что встанет преградой на нем не будет войском, подобным войску Салма и Тура.» Я спросил, что это будет за преграда на моем пути. Он ответил: «Чума». Я засмеялся и сказал: «Если бы не твой почтенный возраст и жизненный опыт, который по идее должен быть больше моего, и если бы не необходимость проявить в отношении тебя должное уважение, я бы сказал тебе, что ты не обладаешь и каплей ума. До сегодняшнего дня ничто не смогло помешать исполнению моих решений, даже чума, которой я сам переболел будучи в Фарсе.» Вали-уль-Мульк сказал: «О великий эмир, все завоеватели мира, вторгавшиеся в Хиндустан, в конце концов терпели поражение именно от чумы, и вынуждены были спасаться от неё бегством. Эта болезнь не оказывает сильного воздействия на местное население, которое привыкло к нему, однако валит с ног пришельцев.»

Я сказал: «Итак, вот уже две недели, как я нахожусь в Хиндустане и чума не смогла свалить меня с ног.» Вали-уль-Мульк сказал: «Здесьние места обладают благоприятным климатом, можно сказать, что это еще не настоящий Хиндустан. Ты лучше скажи мне, куда ты держишь путь, чтобы я мог сказать, через какие места тебе предстоит пройти, чтобы попасть в тот самый настоящий Хиндустан.»

Я сказал, что намерен дойти до Дели, взять его, а затем завоевать оставшиеся земли Хиндустана. Вали-уль-Мульк сказал: «Местность, простирающаяся отсюда до города Мултана, обладает благоприятным климатом, пройдя Мултан, ты вступишь в настоящий Хиндустан.» Я сказал, что и в настоящем Хиндустане меня не будет страшить болезнь. Вали-уль-Мульк сказал: «Нет сомнений в том, что ты ничего не боишься, но чума может погубить всех твоих воинов, а ты можешь остаться без войска.» Я ответил: «Чума не грозит мне пока что, а если и возникнет ее опасность, тогда и подумаю о том, как быть и что предпринять.» Вали-уль-Мульк ответил: «О великий эмир, я желаю твоего благополучия и безопасности, и потому еще раз скажу, что в Хиндустане чума губит пришельцев и не очень уж трогает местных.»

Затем правитель Кветты спросил: «О великий эмир, ты пришел сюда из Искандера?» Я ответил утвердительно. Он спросил, проходил ли я через Хайбарский перевал. Я вновь дал утвердительный ответ. Вали-уль-Мульк спросил: «Как получилось, что ты пришел в Кветту, ведь такой путь гораздо длиннее. Ты мог бы идти в Дели коротким путем, завернув в Кветту, ты удлинил себе дорогу.» Я ответил: «Я избрал такой путь, чтобы дойти до Дели без необходимости ввязываться в стычки на местах. Избери я более короткий путь, мне бы каждый день пришлось вести сражения, что задержало бы мое продвижение в сторону Дели.»

Вали-уль-Мульк согласился с таким моим высказыванием и добавил: «Отсюда до Мултана никто не встанет на твоём пути, потому что жители всех мест, по которому будет проходить твой путь - мусульмане. Но, миновав Мултан, ты вступишь в районы, населенные индусами и они поднимутся против тебя, причем особую опасность представляют их стрелки из луков, которые располагаются в беседках, установленных на спинах слонов.»

Я сказал, что меня не пугают ни их стрелки, ни их слоны. Затем я спросил Вали-уль-Мулька, бывал ли он в Дели. Он ответил, что да, бывал. Я спросил, что собой представляет крепостная стена Дели. Он ответил, что она сложена из камня и окружена рвом. Я спросил, какова численность войска правителя Дели. Вали-уль-Мульк сказал, что оно бесчисленно, правитель Дели может иметь в своем распоряжении столько воинов, сколько пожелает. Благодаря большой численности населения и обладанию несметным богатством, он может набрать войско, численностью в целый курур (т.е. пятьсот тысяч) человек и вести войну годами, изматывая силы самого мощного из своих врагов.

Шёл восьмисотый год со дня хиджры нашего пророка (да благословит Аллах его и его род), когда я вступил в Хиндустан, т. е. мое вступление в эту страну ознаменовало конец восьмого века. Я предвидел, что в начале девятого столетия, а точнее, в восьмисот первом году, мне предстоит вести войну в Хиндустане. Я спросил Вали-уль-Мулька, видел ли он султана Махмуда

Халладжа, правителя Дели. Вали-уль-Мульк некоторое время разглядывал меня, затем сказал: «О эмир, Махмуд Халладж больше не является правителем Дели.» Эта новость была для меня неожиданной, потому что я полагал, именно тот человек правит Дели и о нем я несколько раз беседовал с Эбдалем Гильзайи, потому что основоположником той династии Халладж был эмир, родом из страны Гур.

Вали-уль-Мульк поправил меня, сказав: «О великий эмир, султан Махмуд Халладж был правителем Дели до начала нынешнего года (*т.е. восьмисотого года хиджры - Марсель Брион*), однако на него напал Малу Экбаль, завоевав его державу он пленил самого Махмуда Халладжа. По самым последним сведениям, которыми я располагаю, Махмуд Халладж до сих пор находится в неволе.» Вали-уль-Мульк продолжал: «Малу Экбаль был одним из военачальников султана Махмуджа Халладжа. Подняв мятеж, он застиг врасплох войско своего правителя, и вот уже почти год как он правит Дели.» Я спросил о возрасте султана Махмуда Халладжа. Вали-уль-Мульк ответил, что к тому времени ему должно было исполниться сорок пять или сорок шесть лет. Затем я спросил о возрасте Малу Экбаля. Вали-уль-Мульк сказал, что не встречал его и не имеет представления о его возрасте, но слышал, что тот молод, не старше тридцати четырех-тридцати пяти лет.

Времени было мало и я не мог дольше откладывать свое выступление на Дели, поэтому я двинулся вместе с войском в сторону Мульта. Дойдя до него, я понял, что имел ввиду Вали-уль-Мульк, ведя речь о «настоящей» Индии. В Мульте никто не противостоял мне и я беспрепятственно вступил в город, похожий на город буюров, что на земле Фарс.

Дома в том городе отстояли друг от друга на большом расстоянии, с той разницей, что если в буюрском граде дома были возведены на холмах, то в Мульте они стояли среди большого леса., земля здесь была покрыта различными травами и куда бы я не бросил взгляд, видел красные, желтые и сиреневые пятна, этими пятнами были разноцветные одежды хиндустанских женщин, которые расхаживали с открытыми лицами, у некоторых из них за спиной находились грудные дети.

Правителем Мульта был хиндустанец по имени Пан Шан-Джанг, который провел меня в свой дом. Его дом не был красивее других, однако был большим и я велел, чтобы расставили стражу вокруг и внутри дома, потому что несмотря на выраженную правителем Мульта покорность, я не мог питать доверия к хиндустанцам.

После вечернего намаза, Пан- Шан-Джанг через переводчика пригласил меня на ужин, сказав: «О великий эмир, отведай пищи без какого-либо опасения, ибо она не отравлена с целью умертвить тебя. Если все же не веришь, я прикажу, чтобы мои слуги отведали предварительно от каждого блюда,

подносимого тебе, чтобы ты убедился, что оно не отравлено.» Однако при первом же отведанном мною куске, я почувствовал вкус приправ и специй, ощутив жжение в горле, я встал из-за дастархана, сказав, что не могу есть хиндустанских блюд, настолько острых, что от них горят все мои внутренности от горла до пупка.

Пан-Шан-Джанг сказал, что к сожалению, в его доме нет блюд, не содержащих приправы и специй. Я сказал, чтобы для меня приготовили куриный бульон, который я съел.

Пан-Шан-Джанг отвел для моего сна и отдыха свои покои, где стояла широкая кровать с высоким балдахином, устланная шелковым покрывалом. Я сказал, чтобы убрали шелковую постель и заменили ее обычной. Внутри покоев и на крыше была расставлена стража, которая поочередно менялась. Среди ночи я проснулся от шума ломающихся ветвей и подумал, что поднялась буря. Взглянув на небо, я увидел, что оно безоблачно, сияли звезды, деревья в саду неподвижны, однако шум ломавшихся ветвей не прекращался. Оглянувшись, я увидел, что стража с ужасом смотрит в сторону сада. Будучи по привычке одетым, я схватил саблю, находившуюся у изголовья и направился к выходу из спальни. Я тихо спросил у одного из стражников, что происходит. Тот, указав в сторону сада, проговорил: «Змея... змея...».

Я выглянул в ту сторону и при свете звезд увидел, что сотни тех тварей извиваются по земле, издавая звуки подобные шуму колышущихся ветвей.

В пустынях Ирана я видел множество змей, но нигде не видел такого множества тварей, собравшихся в одном месте.

Я оглядел сад, чтобы увидеть, не проснулись ли обитатели дома Пан-Шан-Джанга от того шума. Однако казалось, что никто не проснулся, а если и проснулись, никто не показывался на глаза.

Из сада донесся запах, похожий на аромат перца или корицы, напоминавший привкус блюд, предложенных мне за ужином и от которых я отказался. Я заметил, что запах тот издавали змеи. Змеи продолжали свое шевеление в саду, к рассвету, когда подул ветерок, их стало меньше, затем они и вовсе исчезли. Я уже не мог спать, так как настало время утренней молитвы. Совершив намаз, я велел привести ко мне Пан Шан Джанга и его, заспанного, доставили ко мне. Я спросил, не просыпался ли он ночью от шума, произведенного змеями.

Он ответил: «О эмир, змеи каждую ночь таким образом разгуливают по саду, но никогда не проникают в помещения, если люди в этот момент не выходят в сад, никому не грозит быть ужаленным ими.» Я спросил, почему он не

сообщил мне обо всем этом ещё вчера вечером, чтобы я оставался в доме и не выходил в сад, может он хотел, чтобы я был ужален змеей? Он сказал: «Нет, о эмир, у меня не было такого умысла, я просто забыл сообщить тебе, что ночью змеи выползают из своих нор и разгуливают по саду, потому что для этих мест это явление настолько обычно, что никто не обращает на то внимание, такое происходит каждую ночь в каждом из здешних домов.»

Я спросил: «Ты хочешь сказать, что во всех домах этого города еженощно ползают змеи?» Пан Шан Джан ответил: «Да, о эмир, и по той причине никто в этом городе не выходит во двор или в сад, а змеи тем временем поедают лягушек или большие змеи поедают мелких и им нет дела до людей, спящих в помещениях.»

Пан-Шан-Джанг, который подобно другим хиндустанцам должен был совершить утреннее омовение, попросил меня разрешить удалиться для той цели. Я приказал своим военачальникам быть готовыми к выступлению из Мультана, а когда Пан-Шан-Джанг вернулся, совершив омовение, я начал расспрашивать его о Малу Экбале, новом правителе Дели, желая получить сведения о численности и вооружении его войска. Правитель Мультана сообщил, что Малу Экбаль всего год как правит Дели и поскольку боится утратить власть, то принимает всяческие меры, чтобы этого не произошло. Он сказал, что не знает численности его войска, однако знает, что у того имеется две тысячи слонов, принадлежавших ранее султану Махмуду Халладжу и захваченных Малу Экбалем. Затем он сообщил, что на моем пути в Дели расположены три крепости. Первая-это *Мират (Бурузан Кират-Переводчик)*, вторая-Луни и третья-Джумна (*Бурузан Джумъа*), в каждом из которых, по его мнению, имеются гарнизоны.

Я спросил, входят ли эти крепости в земли подвластные правителю Дели. Он ответил: «Да, о эмир, и если ты сумеешь взять их, то непосредственно выйдешь на крепость Дели, овладеть которой будет очень трудно.» Я спросил, могу ли я, уклонившись от взятия тех трех крепостей, выйти к Дели каким-либо другим путем. Пан-Шан-Джанг ответил: «Нет, о эмир, ты не можешь избежать того, потому что твой единственный путь в Дели проходит через те места, где расположены те три крепости. Если пойдешь через север, то попадешь в заболоченные джунгли, пройти сквозь которые не удастся, разве что вырубив все деревья, растущие в них, после чего придётся ждать пока солнце высушит почву на том месте, чтобы исчезли болота. Если двинешься через юг, тебя ожидают такие же заболоченные джунгли, в которых погибнет все твоё войско. Твой путь через места, где расположены крепости Мират, Луни и Джумна неизбежен, если желаешь попасть в Дели, и тебе необходимо будет взять их, чтобы открыть себе путь туда. Ты не можешь не взять эти три крепости, если просто обойдешь их идя на Дели, тем самым ты отрежешь себе дорогу назад. Полководец подобный тебе не

допустит такой оплошности - находясь во вражеской земле, оставить в руках противника свой единственный путь назад».

Я спросил: «Если на пути в Дели существуют такие преграды, то как же в таком случае удалось попасть туда Махмуду Газневи?» Пан-Шан-Джанг подумав немного ответил: «Я не думаю, что Махмуд Газневи дошел в свое время до Дели и полагаю, что ему удалось завоевать лишь Пенджаб, после чего он либо не сумел или не захотел идти на Дели.»

Я сказал, что читал в книгах о том, что Махмуд Газневи дошел до Дели. Пан-Шан-Джанг ответил: «О эмир, то, что пишут в книгах вовсе не означает истину, и из двухсот тысяч бейтов Махабхараты может лишь сто двадцать тысяч правдивы, а остальные являются вымыслом.» Я удивился и спросил, что такое Махабхарата. Он ответил, что Махабхарата содержит в себе историю Хиндустана с момента возникновения и до времен, отстоящих за тысячу лет от этого дня. Книга состоит из двухсот тысяч бейтов стихов, описывающих битвы великих правителей и полководцев Хиндустана. Я сказал, что должно быть та книга подобна «Шах-намэ» Фирдоуси. Пан-Шан-Джанг не слышал о «Шах-намэ» и я дал ему соответствующие объяснения, после чего он повторил, что в любом случае из двухсот тысяч бейтов Махабхараты, лишь сто двадцать тысяч возможно не являются вымыслом.

Я сказал: «О Пан-Шан-Джанг, легенда и вымысел возникают тогда, когда нет возможности излагать события в письменном виде, и простые люди передают рассказ о них из уст в уста, в этом случае домыслы народа перемешиваются с истинными событиями, именно таким образом и возникают легенды. Однако Махмуд Газневи ступил в Индию с приближенными, обладавшими грамотностью и ведущими записи текущих событий, его придворные поэты записывали ведомые им сражения в стихотворной форме и те записи вовсе не являются вымыслом или легендой.» Пан-Шан-Джанг спросил, помню ли я точную дату прихода в Хиндустан Махмуда Газневи. Я ответил, что Махмуд Газневи вступил в Хиндустан примерно за четыреста пятьдесят лет до того дня. Пан-Шан-Джанг ответил, что в те времена еще не было крепостей Мират, Луни и Джумна, их построили постепенно, одну за другой где-то двести пятьдесят лет назад. Поэтому, если Махмуд Газневи и дошел до Дели, то он не сталкивался с теми препятствиями и потому мог добраться до Дели без затруднений.

Я спросил Пан-Шан-Джанга, каковы его отношения с Малу Экбалем. Он ответил, что не знаком с ним и не поддерживает с ним каких-либо отношений. Я спросил, может ли он дать мне нескольких надежных проводников, чтобы те довели меня до Дели. Пан-Шан-Джанг ответил, что повинуется и сразу же дал мне четырех проводников. В тот же день еще до полудня я выступил из Мультана.

(Пояснение: «Махабхарата», о которой упоминает Темурленг, считается знаменитым историческим эпосом индийского народа, некоторые ученые считают, что она создана десять тысяч лет назад и тот эпос по их мнению тысячелетиями передавался от предков потомкам в изустной форме, ибо тогда еще не существовало письменности. Некоторые считают, что именно «Махабхарата» вдохновила создателей всемирно известных эпосов, подобных «Илиаде» Гомера и «Шах-намэ» Фирдоуси, хотя они и не знали о ее существовании. «Махабхарата» была создана на языке санскрит, который является основой всех индоевропейских языков - Марсель Брион)

В тот день мы не смогли проделать большой путь, ибо мы выступили в полдень и шли до захода солнца. Мы сделали привал на берегу реки, мое войско, шедшее в походном построении, расположилось на протяжении полутора фарсангов. Впереди войска следовали два дозорных отряда и я мог в случае возникновения опасности быстро собрать и выстроить своих воинов в боевой порядок. Наутро следующего дня, совершив намаз, я вдруг услышал бой барабанов, звуки сурная и голоса что-то напевавшие под их мелодию.

Выйдя из шатра, я увидел группу жителей из соседней деревни, несколько из них несли тело покойного, накрытого алой тканью, лицо его при этом оставалось открытым, я понял, что это была похоронная процессия. Позади шла плачущая молодая женщина в красном одеянии, которая время от времени пела так же, как и другие. В то время я не знал смысла того о чем они поют, однако в ходе последующих бесед с индуистскими брахманами я понял, что упомянутая песня - это утренняя молитва, взятая из их религиозных книг, называемых «Риг», ее следовало петь при восходе солнца. Люди, певшие ту песню, пронесли тело усопшего к берегу реки и я увидел, что там сложена пирамида из дров. Тело уложили на пирамиду, затем связали цепями руки и ноги той плачущей женщины. Песня прекратилась, стихли барабаны, лишь сурнай продолжал играть теперь уже другую мелодию. Мужчины и женщины рыдали и я понял, что плачут они не о покойном, а оплакивают молодую женщину, которая подлежала сожжению вместе со своим усопшим супругом.

Связав цепью руки и ноги той женщины, они уложили ее на пирамиду из дров, рядом со ее мужем. Затем пирамиду подожгли. Вопли той женщины огласили степь, вскоре в воздухе распространился запах горелой плоти. Поскольку надо было идти, мы не стали задерживаться в том месте. Вскочив на лошадь, я пустился в путь. В тот день я испытал невероятное отвращение от зрелища сожжения мертвого и живого из людей, и все время, пока был в Хиндустане, всячески избегал видеть такое еще раз.

Через пять дней после выступления из Мультана мы дошли до большого леса, наши проводники посоветовали, чтобы мы укрыли в шатрах наши

продовольственные припасы, ибо им грозило нашествие со стороны обезьян. Ночь я провел в том лесу, а утром меня разбудил невероятно громкий гвалт. Я вышел из шатра, стоял такой шум, словно визжали сотни женщин. Когда стало светлее мы увидели тысячи обезьян, устроившихся на ветвях деревьев, затем их стало еще больше, может сто тысяч, обезьян было такое множество, что в жизни своей я муравьев, и то не видел, которые могли бы собраться на одном месте в таком количестве.

Проводники сказали, что лес, в который мы попали неширок, однако о его протяженности никто не ведает, он простирается с севера на юг. Поскольку наш путь шел на восток, мы должны были пересечь тот лес в течении пяти дней и он был полон обезьян.

Когда мы покидали Мультан, проводники рассказали мне об обезьянах-людоедах, я не поверил тем рассказам, потому что знал, что это животное не является подобно тигру и леопарду плотоядным, но в тот день, взирая на всех тех, скачущих по ветвям обезьян, я поверил, что если все эти твари почувствуют голод, они несомненно могут напасть на человека, чтобы полакомиться его мясом. Обезьян в том лесу было так много, что казалось, если каждая из них будет съедать по одному плоду ежедневно, то от леса ничего не останется. Во всем том бескрайнем лесу не было ни деревушки, ни посевов, потому что обезьяны не позволили бы им возникнуть, всякий возможный урожай, выращенный руками людей, исчез бы в утробах тех животных, имевших привычку пожирать колосья пшеницы до их полного созревания и никто не был бы в состоянии помешать им, ибо индусы не проливают кровь живых существ, поэтому обезьяны поедают все, что попадает на полях, оставляя людей голодными.

В течении пяти дней, мы двигались на восток по тому лесу и все то время, с утра до вечера, перед нашими взорами стояли обезьяны, скачущие по ветвям. Иногда они надоедали нам настолько, что мы открывали по ним стрельбу из луков, перебив некоторое количество из них, мы таким образом добивались, чтобы остальные на время оставили нас в покое. Их было несметное множество, они появлялись на нашем пути вновь и вновь, и мы снова и снова отстреливали их. Спустя пять дней, мы вышли из того леса и проводники сказали, что на следующий день мы подойдем к крепости Мират.

С того места начались болота, между ними пролегала дорога, шириной в один, местами в два фарсанга. Болота простирались как на север, так и на юг. В окрестностях крепости Мират земля была сухой, далее опять начинались болота, через которые мы шли, придерживаясь той единственной дороги, о которой упоминалось. Выйдя из леса, войско перестроилось в боевой порядок и пошло вперед, пока не показалась крепость Мират, стоявшая на вершине холма. Я велел сделать привал и разбить военный лагерь таким образом, чтобы находясь внутри него, воины могли отразить внезапное

нападение врага. Велев собрать в большом шатре всех военачальников, я им сказал:

«До сего дня мы сражались в странах, где не имелось слонов, теперь же в этой стране их пустят против нас в качестве боевой силы. Все вы видели этих животных в Иране и знаете, что они такие же травоядные, что и лошадь и корова, только не имеют как те рогов и копыт. Если бы слон был подобным льву, тигру или леопарду, я может и позволил бы вам испытывать страх перед ним и потому не следует бояться травоядного животного, не умеющего ни бодаться, ни лягаться. Своим воинам хорошенько разъясните, что у слона нет ничего, кроме огромного туловища, его можно поразить одним ударом сабли и для этого достаточно отсечь ею или поранить хобот животного. Скажите своим воинам, что слон не в силах навредить им, разве что тем, кто окажется под его ногами. Воины могут подобраться под его брюхо вспороть его копьем или саблей, при этом сами они совершенно не пострадают. Достаточно сильный воин может поразить слона стрелой в колено, чего будет достаточно, чтобы вывести животное из строя. Разъясните воинам, что больше опасности исходит от лежащейся или брыкающейся лошади, или бодающейся коровы, чем от слона. Наиболее уязвимые части слоньего тела - это хобот, брюхо и колени и раны, нанесенной в один из этих участков зачастую бывает достаточно, чтобы свалить то животное. Если увидите, что в вашу сторону движется слон, на спине у которого беседка с засевающими там лучниками, то знайте, что больше опасности исходило бы для вас от несущейся колесницы с лучниками, ибо колесницу остановить труднее чем слона, последнее не представит особой трудности, тем более, когда воин облачен в доспехи.»

Затем, я обратившись к Эбдалу Гильзайи, сказал: «О эмир, ты должен велеть своим воинам, мастерски владеющим боевыми крюками, чтобы они подготовились к истреблению слонов. Я считаю, наиболее удачным будет, если твои воины будут вонзать те крюки в хоботы или колени тех животных. Зацепив крюком за хобот, можно вынудить слона опуститься на колени, а поразив его колено - окончательно вывести из строя.» После таких наставлений, я отпустил военачальников, чтобы они отправились к своим воинам, передали мои наставления и объяснили, что слонов им бояться незачем.

Переночевав, наутро мы двинулись на Мират. Дозор сообщил, что вокруг крепости никого не видно, однако ворота ее заперты. Проводники сказали, что комендантом крепости является человек по имени Алашар (*Брузан Баласар-Переводчик*), старый вояка, происходящий из семьи, где все мужчины по традиции были солдатами династии Халладж, правящей в Дели. До начала сражения, я отправил парламентаря к Алашару, коменданту крепости, чтобы провести с ним переговоры. Я велел парламентарю передать Алашару от меня следующее: «Поскольку ты, как и твой отец верно служил

правителям династии Халладж, последний представитель которой, султан Махмуд, стал пленником Малу Экбаля, захватившего престол в Дели, я намерен отправиться туда и покорить того человека, если же Малу Экбаль не покорится добровольно, я низвергну его с престола. Если ты на деле предан династии Халладж, то не должен противостоять мне, намеревающемуся наказать Малу Экбаля, а напротив, должен открыть мне путь, чтобы я мог здесь пройти и самому присоединиться к моему войску вместе со своим гарнизоном. Я не обещаю тебе, что взяв Дели посажу на трон султана Махмуда, ибо не знаю, окажется ли тот живым к тому времени. Как и не знаю того, как мне следует поступить дальше после того как возьму Дели. Однако, могу обещать, что примерно накажу Малу Экбаля, который является так же и твоим врагом (если ты и в самом деле предан династии Халладж).»

Алашар взошел на гребень крепостной стены и не прибегая к помощи переводчика, сказал моему парламентарю: «Моя преданность династии Халладж еще не основание для того, чтобы я пропустил через эти места чужеземного врага, дабы тот смог дойти и захватить Дели. Вражда между Малу Экбалем и султаном Махмудом Халладжем - это вражда между двумя братьями, именно по этой причине Малу Экбаль не стал убивать султана Махмуда после того, как одержал над ним победу. Вместо этого, он поместил Махмуда в отдельном доме, наказав, чтобы с ним обращались с должным почтением, и если бы Малу Экбаль не почитал султана Махмуда как своего брата, он бы умертвил его. Ты же - чужеземный враг, пришедший завоевать Хиндустан и не ведаешь того, что это такая страна, где находил свою смерть или откуда бежал без оглядки всякий, кто вторгался сюда как завоеватель.»

Несмотря на то, что ответ Алашара, коменданта крепости Мират, означал отказ, тем не менее он свидетельствовал о его храбрости и он мне понравился. Будь он малодушным, он бы воспользовался обещанной мною милостью и сдал бы крепость. Но, будучи отважным по духу своему, он не воспользовался предоставленной возможностью и предпочел быть готовым к сражению.

Стало ясным, каковы должны быть наши последующие действия, - мы поняли, что крепость Мират нам придется брать приступом и только затем мы сумеем идти дальше. Ибо, в полном соответствии с тем, что мне говорили, я не должен был идти на Дели, оставив за спиной крепость, оставшуюся непокорённой, потому что комендант ее обязательно встанет на моем обратном пути чтобы уничтожить меня или отобрать добычу, захваченную в Дели. В тот же день я взял крепость в кольцо, велел искать, нет ли вокруг нее подземного хода наружу, ибо некоторые военные укрепления подобного рода, имеют подземные коридоры, ведущие наружу, но внешне эта крепость вроде бы не имела таковых.

Еще до начала осады Эбдал Гильзайи предложил использовать против слонов верблюдов, утверждая, что слоны не переносят запаха тех животных, бегут, едва верблюд приблизится к ним. Но вокруг крепости Мират слонов не попадалось, чтобы была необходимость пускать в дело верблюдов, кстати которых не имелось и в моем войске. Я не мог долго задерживаться в той местности, в противном случае наступил бы сезон «барсат», - сезон проливных дождей, обычных для Хиндустана, что серьезно помешало бы дальнейшему походу и сражениям, тогда мне пришлось бы ждать окончания того периода.

Как я уже упоминал, крепость Мират стояла на вершине холма и для того, чтобы подкопаться под основание стены, нам пришлось бы подняться вверх по склону холма. Но на гребне стены по всему периметру были установлены метательные машины и осаждающие с их помощью метали огромные глыбы в сторону моих воинов. Было так же бесполезно рыть подкоп от основания того холма, помимо всего прочего, мои зодчие сказали, что почва его каменистая, не поддающаяся таким усилиям. Поневоле следовало взбираться вверх по склону холма, чтобы отыскать удобную позицию, с которой можно было бы начать устройство подкопа.

Но всякий раз, когда мои воины пытались подняться вверх по склону, на них обрушивались огромные глыбы, даже тем из воинов, что были облачены в доспехи, не удавалось прорваться наверх, они гибли, ибо доспехи не обеспечивали их надежную защиту от смертоносных камней. Было похоже, что осажденные в крепости Мират собирали и копили те камни в течении многих лет ибо сколько бы камней не метали их запас не иссякал.

Эбдал Гильзайи сказал мне: «О эмир, если ты намерен устроить подкоп там, наверху, тогда следует создать навес, защищающий воинов от обстрела камнями, несущими гибель, но и это вряд ли даст результат, разве что, если воины не поднимутся наверх под покровом ночи и не построят те прочные навесы вдоль всей протяжённости стен крепости.» Я согласился с таким мнением правителя Гура, ибо для устройства подкопа другого пути не оставалось. По моему указанию воины заготовили необходимый материал для возведения многочисленных строений и организовать дело таким образом, чтобы осажденные думали будто мы намереваемся возвести вокруг крепости множество башен и с них обстреливать осажденных камнями и стрелами.

После того, как собрали необходимый строительный материал, мои воины под покровом ночи, когда опасность, исходящая от метательных машин была куда как меньше, перетащили его наверх и разложив на разных участках, начали и возвели несколько строений вокруг крепости.

Строения возводились, чтобы скрыть от взоров противника работы по устройству подкопов, а возводимые башни должны были ввести его в заблуждение. Строительство одних лишь навесов дало бы понять противнику о расположении наших подкопов. Воины работали ночами и к утру возвращались к подножию холма.

Алашар, комендант крепости, увидев результаты наших работ в первый день, не понял, в чем состояла наша цель. Однако на второй день, увидав возводимые башни, он подумал, что мы намерены вести с их помощью обстрел крепости стены. С того дня он регулярно стал обстреливать те башни из камней, временами камни попадали в цель, внося частичные повреждения. Однако в течение ночи моим воинам удавалось их починить и башни наутро вырастали на еще большую высоту.

Я допускал возможность, что Алашар организует вылазку из крепости и его воины, вооруженные кирками и ломами, попытаются разрушить те башни. В этом случае я готовил своих воинов к противодействию, однако Алашар не предпринял такой попытки, видно посчитав, что башни наши не представляют для него серьезной военной угрозы, полагая, что с их помощью мы все равно не сумеем взять его крепость.

Я не знал численности осажденных, однако предполагал, что воинов у Алашара должно быть не более восьми – десяти тысяч. Крепость Мират считалась военным фортом, в нем не было женщин и детей, что позволяло защитникам свободно и без волнений за родных и близких держать его оборону. Мои зодчий, Шир Бахрам Марузи, расчертил схему устройства двух подкопов, с тем чтобы в случае, если один из них упрется в каменистый слой или по какой-либо другой причине не дойдет до основания стены, можно было воспользоваться вторым. Шир Бахрам Марузи, потомственный зодчий, сам обладал незаурядным опытом в том деле, кроме того являлся выдающимся специалистом по устройству кяризов (т.е. подземных оросительных каналов). Ему стоило взглянуть на тот или иной грунт и он сразу определял, есть в нем вода или нет. Я видел многих таких мастеров, однако не было среди них такого сведущего как Шир Бахрам Марузи.

Оба подкопа начали рыть в одну и ту же ночь. С того же момента мы начали изготавливать порох. Имевшиеся у нас до того запасы намокли во время потопа в Хайбарском перевале и пришли в негодность. Поэтому по дороге в Хиндустан мы собрали необходимый материал, чтобы изготавливать порох на ходу, если того потребует обстановка.

С начала работ по устройству подкопов, мои воины продолжали копать так же и в дневное время, так как вход в подземелье был укрыт навесом. Ночью отрытый грунт переправляли вниз, в противном случае он выдал бы нас и Алашар догадался, что мы заняты устройством подкопа.

Однажды, когда метательные машины обстреливали наши башни, я приказал поднять над одной из них белый флаг и объявить, что я намерен взойти на нее для переговоров с Алашаром. Алашар, облаченный в доспехи, показался на гребне стены, громко назвав себя он спросил, кто я. Я сказал, что я - Тимур Гураган, властитель Мавераннахра, Ирака и Междуречья. Алашар спросил, что же я хочу поведать ему. Я сказал: «Хочу убедить тебя открыть ворота крепости и сдаться вместе со своим гарнизоном, я сделаю тебя одним из своих военачальников. Все эти уговоры с моей стороны не означают отсутствия у меня возможности вести успешно дальнейшую осаду, я полностью уверен в том, что скоро захвачу эту крепость. Причина моих уговоров в том, что я убедился, что ты - храбрый воин, которого лучше сохранить в живых, чем убивать. Если я вынужден буду с боем взять крепость, поскольку при этом будет пролита кровь моих воинов, я должен буду убить тебя. Но если ты добровольно сдашь крепость, кровь моих солдат не будет пролита, я возьму тебя в свое войско и наделю тебя соответствующей должностью.»

Алашар громко расхохотался и спросил: «А если я не захочу сдаться, что ты сделаешь в том случае?» Я ответил: «Захватив крепость, я посажу тебя в железную клетку, которую велю установить над горящим костром и ты сгоришь в ней заживо.» Алашар вновь расхохотался и ответил: «Эй Тимур Гураган, мы индусы так или иначе подлежим сожжению после смерти, чтобы таким путем наши души перенеслись в нирвану, при этом, сгоревший заживо устает более почетного места в той нирване». *(Пояснение – «Нирвана», по мнению индусов – это рай, куда перемещаются души усопших после сожжения их тел, при условии, что они творили в этом мире добрые дела. –Марсель Брион).*

Я сказал: «Больше я не стану тебя уговаривать, все последующие разговоры будут вестись языком оружия.», и сошел вниз с той башни, с которой затем убрали белый флаг. Устройство подкопов продолжалось. Меня волновало течение времени, приближался сезон дождей. Однажды, Шир Бахрам Марузи сообщил, что один из подкопов доведен до основания стены, второй же будет завершен через пару дней. Шир Бахрам с помощью воинов устроил два обширных пространства под каждой из стен, которые затем плотно набили пороховыми зарядами. Закрепили фитили, концы которых вывели наружу.

Когда я подошел к крепости Мират, начинался месяц Мухаррам и с тех пор прошел сорок один день, в течении которых были созданы необходимые условия для разрушения стены. На протяжении всего того времени я заставлял своих воинов упражняться в боевых искусствах, чтобы они не обленились вследствие вынужденного безделья. Одним из упражнений была выработка сноровки, способности быстро бежать на верх по склону холма, ибо при штурме им следовало делать это в пешем порядке, будучи

конниками, мои воины не слишком уж привыкли передвигаться пешком. Те упражнения оказались полезными, в то утро, одиннадцатого дня месяца Сафар, восемьсот первого года, со дня хиджры нашего Пророка (да благословит Аллах его и его род).

В тот день все мои воины были готовы идти на приступ, перед восходом солнца стало очень прохладно и я, опасавшийся скорого наступления сезона дождей, воспринял это как добрый знак, потому как в этом случае жара не будет донимать моих воинов. Как только стало светлеть, я дал знак поджечь фитили. Те, кто сделал это, заспешили вниз, в укрытие. Мои облаченные в доспехи воины и люди правителя Гура с их боевыми крюками, которые должны были возглавить штурм, ринулись вперед.

Земля содрогнулась и раздался ужасающий грохот, подобный тысячам громовых раскатов и стены крепости Мират обрушились в двух местах. Я знал, что противник будет ошеломлен произошедшим и какое-то время не будет знать, что предпринять, и что нам необходимо пользуясь тем замешательством заставить врага врасплох.

По моему приказу, мои облаченные в доспехи воины и люди правителя Гура, одним махом достигли вершины холма, прежде чем их могли обстрелять из метательных машин или луков. Когда они ворвались в крепость, противник все еще пребывал в растерянности, в панике воины Алашара начали сдаваться в плен.

Алашар, видя наш напор, пытался заставить своих продолжать удерживать оборону, но я, желавший в тот же день покончить с крепостью Мират, бросил на штурм огромное число своих воинов. Алашара схватили в полдень и в тот же миг бой закончился и я заставил сдавшихся воинов противника убирать и выносить трупы погибших из крепости. В крепости Мират, являвшейся военным гарнизоном, имелись все необходимые инструменты для плотницкого, кузнечного, слесарного дела и я велел быстро изготовить из железных прутьев клетку. Ее изготовили, поместили туда Алашара и доставили ко мне.

Предо мной сложили высокую пирамиду из дров. Я сказал: «О челевече, я как мог убеждал тебя сдаться по-доброму, предупреждал, что если прольется кровь моих воинов, сожгу тебя живым. Ты же счел мои угрозы беспочвенными, теперь ты видишь, что очутился в клетке и через мгновение ее поместят над костром, в котором ты сгоришь.» Я ждал, что Алашар взмоется и будет просить не сжигать его заживо, а казнить его каким-нибудь другим образом. Но он молвил: «О Тимур Гураган, я говорил тебе, что мы, индусы неизбежно бываем сожжены и что сгоревший заживо удостоивается в нирване почетного места.» В этот миг подул ветерок,

благоприятный для разжигания большого костра и я велел, чтобы клетку установили над дровами и подожгли их.

Огонь, занявшись снизу, не успел разгореться, как с неба раздалась громовые раскаты, ветер пригнал черную тучу, которая внезапно разразилась обильным ливнем как раз в тот момент, когда языки пламени казалось вот – вот коснутся тела Алашара. Ливень был настолько сильным, что менее чем за одну минуту он загасил костер, а я промок так сильно, будто в пруду искупался. Ливень перестал и я велел опустить вниз клетку с Алашаром, вывести его из неё, потому что решил, что если сам Бог послал тот ливень, чтобы спасти жизнь того человека, то пытаться повторно сжечь его значило бы поступить вопреки Божьей воле и потому я велел заключить его под стражу.

Я не мог уйти из крепости Мират, не оставив там небольшого гарнизона, дабы Ману Экбаль не смог захватить его в мое отсутствие и помешать моему пути назад. Поэтому я оставил там отряд воинов, велел им привлечь местных жителей к работам по ремонту и восстановлению поврежденной части крепостной стены, что позволило бы отразить возможный натиск со стороны противника. Те работы начались и создав запасы продовольствия и корма для оставшегося в крепости отряда, я двинулся дальше.

Мы двинулись на восток, однако мои дозоры, на всякий случай изучали местность так же и в северном и в южном направлениях.

И хотя в тех местах были одни лишь болота, я не был вполне уверен, что оттуда нам не грозит опасность нападения со стороны противника. Перед выступлением из Мирата к нам подоспел и присоединился Кара-хан, который до того находился в Самарканде после женитьбы на моей дочери Зубейде. Он рассказал, что Абдулла Вали-уль-Мульк, правитель Кветты помог ему и объяснил как добраться ко мне, без чего Кара-хан мог и не найти меня. В первый же день прибытия Кара-хан обратил мое внимание на следующий момент, который до того заметил лишь я сам, и никто из моих полководцев не задавался этим вопросом, а именно - чем объяснить, что всюду кругом болота, тогда как наш путь пролегал через сухую почву, лесистую, но без болот.

Никто из нас не знал ответа на вопрос, заданный Кара-ханом, почему посреди всей местности, покрытой обширными лесами и болотами, сухим является лишь тот участок, по которому шли мы. Я велел расспросить об этом местное население, однако, выйдя из Мирата мы не встретили на своем пути ни одной души, все деревни, что попадались нам, были необитаемы, видно их жители, страшая нас скрылись, покинув свои дома. Да и попадавшихся в пути деревень было немного, тогда как до крепости Мират их попадалось значительно больше.

Через два дня после исхода из Мирата, мы сделали привал в местности, которая также была заболоченной и лесистой как на севере так и на юге. Как уже упоминалось, я не могу заснуть, пребывая в местах, где наутро ожидается бой или возможна ночная атака врага. В таких местах я просыпаюсь ото сна каждые половину или четверть часа, вслушиваясь, иногда выхожу из шатра и брожу по лагерю, чтобы узнать, нормальна ли обстановка. В боевом походе по территории врага, когда мой лагерь окружен темнотой, мои караульные держат наготове кремни и факелы, чтобы при малейшем признаке опасности зажечь огонь и разглядеть противника. В ту ночь, как и в другие подобные, мой сон был чутким и прерывистым, я просыпался после коротких промежутков, вслушивался и убедившись, что в лагере все спокойно, засыпал вновь. Вдруг я услышал какой-то шум. Вначале я принял его за раскат грома, после которого должен был начаться ливень. Но затем я понял, что звук тот идет от земли, а не с неба. Встав, я облачился в доспехи, лежавшие в изголовье и прежде, чем успел выйти из шатра, прозвучал сигнал тревоги и весь лагерь проснулся.

Выйдя из шатра я увидел, что вокруг лагеря один за другим зажигаются факелы и был уверен, что на нас напали, пользуясь темнотой. Я понял, что отряд напавший на нас, вышел из болотистых лесов, в противном случае наши дозоры заблаговременно обнаружили бы врага. Шум просыпающегося лагеря заглушал тот звук, исходящий от земли. Я вглядывался в окрестности, чтобы определить возможное направление, с которого последует удар противника, и в тот миг услышал возгласы: «Слоны... слоны...»

Кара-хан, возглавлявший посты караульных, стоявших вокруг лагеря, подбежал ко мне с сообщением. Задышавшись от бега, он сообщил: «О эмир, стадо слонов вознамерилось было напасть на нас, но крики караульных и зажженные факелы заставили их изменить свой путь и обойти лагерь с севера, однако слонов не сопровождали люди и на их спинах не было седоков и беседок. Я иду уточнить обстановку и вскоре сообщу тебе о результатах.»

Поскольку не поступило донесений о нападении врага, я велел, чтобы воины снова укладывались спать, чтобы быть в состоянии наутро продолжать свой путь. В ту ночь я еще несколько раз слышал тот гул, шедший от земли, возгласы караульных, отгонявших очередное стадо слонов. Кара-хан доложил, что расспросил проводников-индусов, которые разъяснили, что это дикие слоны, идущие к реке на водопой. Я велел привести проводников и спросил, разве в заболоченных местах нет воды, чтобы слонам не приходилось идти на водопой к реке. Они ответили, что воды в лесу много, но нет реки, где слоны могли бы еще и купаться. Дикий слон имеет привычку купаться в реке каждое раннее утро.

Я знал, что впереди нас ждет река, которой мы должны были достичь на следующий день. Я спешил пересечь ее до начала затяжных хиндустанских

ливней, чтобы обилие ее вод и волны не помешали переправе. С начала ливня, заставшего нас в Мирате я ожидал постоянно льющих дождей, однако знал, что сезон «барсат» еще не наступал, и ливень тот ниспослал сам Господь, чтобы загасить костер в котором должен был сгореть Алашар, комендант форта.

На рассвете лагерь свернули и мы двинулись в путь и через два фарсанга пришли к некоей деревушке. На этот раз в ней мы обнаружили жителей и я, через толмача спросил их о слонах. Они показали на следы костров вокруг деревни и пояснили, что они расжигают их каждую ночь, чтобы слоны, шествующие к реке на водопой, не прошли по самой деревне и не разрушили их домов. Я спросил, во все ли времена года слоны имеют привычку идти к реке, чтобы искупаться в ней.? Они ответили утвердительно, добавив, что в те ночи, когда льет проливной дождь, слоны по обе стороны реки не идут к ней, довольствуясь купанием под небесной влагой. Я спросил, что они имеют ввиду под обеими сторонами реки. Они ответили, что имеют ввиду противоположный берег реки, где находится дорога, ведущая в сторону крепости Луни. Кара-хан спросил их, почему в этих местах болота и леса расположены повсюду, тогда, как здесь сухо. Ответом было, что постоянное движение слонов в этих местах уплотнило и осушило почву. Индус, заметив удивление на моем лице, лицах Кара-хана и остальных слушателей, сказал: «Не изумляйтесь, в старину в этой местности слонов было так много, что их постоянные хождения к реке и обратно уплотнили и высушили почву по всей здешней округе.»

Я сказал, что не верю подобным утверждениям, потому, что идя на Мират, я видел, что на севере и юге от нашего пути, всюду были болота, кроме дороги, по которой мы шли. Тогда как там не было слонов или, по крайней мере, мы их не видели.

Кара-хан сказал: «Я должен окончательно уяснить для себя, почему по всей стране простираются болота, тогда как лишь эта дорога, по которой мы идем, сухая и на ней не видно болот?»

Река, через которую нам предстояло переправиться, называлась Уни. Подойдя к ней, я велел нескольким верховым войти в нее, чтобы определить, насколько она глубока. Выяснилось, что глубока она не настолько, чтобы лошадям грозило быть унесенными водой, что они могут переправиться через нее не вплавь, а переступая по дну. Мы переправили войско на самом широком месте, вступив на противоположный берег и пройдя фарсанг пути, стали лагерем, так как наступала ночь. Учитывая опыт прошлой ночи, в местах размещения караульных постов мы разожгли костры, чтобы окрестные слоны идя на водопой, не протопали через наш лагерь.

Начиная с последней трети ночи, началось шествие слонов, часть которых шла к реке, а часть возвращалась назад. Я знал, что слон обычно ступает мягко, не сотрясая землю, однако эти слоны бежали к реке и обратно рысью и от их топота раздавался ужасный грохот, похожий на раскаты грома, идущие от самой поверхности земли.

Временами, издали доносился рев слона, в ответ ему раздавался второй, однако теперь мои воины могли спать спокойно, ибо через военачальников я разъяснил им, что не следует бояться диких животных, которым нет до них дела. Как только вставало солнце, слонов нигде не было видно и слышно, было ясно, что дикий хиндустанский слон ради купания в реке бодрствует ночью.

Нам необходимо было дойти до крепости Луни, которая была второй из трех твердынь, стоявших на нашем пути в Дели. На рассвете следующего дня до того, как мы пустились в путь, ко мне пришел Кара-хан и сказал: «О эмир, ночью наблюдая за стадам слонов, я понял, почему эти животные не проваливаются в болотах, тогда как любой другой, вступая в джунгли рискует утонуть в них.» Я сказал: «Может потому, что слонов нет в самих джунглях?» Кара-хан ответил: «Всех слонов, которых мы видим и слышим, ночами выходят из джунглей и направляются к реке, тогда, как джунгли как на севере, так и на юге - заболочены. Между тем, слон - животное тяжеловесное и вроде должен тонуть, попав в болото. Если разрешишь, я хотел бы этой ночью проследовать за слонами, чтобы понять, отчего они не проваливаются в тине, тогда как вступившего в нее человека она неизбежно засасывает.» Получив мое согласие, Кара-хан сказал, что поручит нескольким группам воинов проследовать за слонами и узнать, какими путями те возвращаются в джунгли после купания. Он добавил, что скажет воинам, чтобы те по возможности узрели и пути, по которым животные выходят из леса и полагает, что таким образом он разгадает, наконец, ту тайну. Я спросил, а какая от этого будет польза? Кара-хан ответил: «О эмир, если мы будем знать, какими дорогами слоны ходят в джунглях и при этом не тонут в болотах, мы можем воспользовавшись теми путями не застревать возле крепостей Луни и Джунга, пытаясь взять их приступом. Так мы быстрее дойдем до Дели.»

Я сказал: «Твои размышления могут оказаться полезными, если удастся обнаружить пути тех животных в джунглях, однако имей ввиду, что в любом случае нам необходимо завладеть теми двумя крепостями, потому что не можем оставить у себя в тылу два хорошо укрепленных форта, ибо они станут преградой на нашем обратном пути, отрезав нас от остального мира.» Кара-хан ответил: «Если нам удастся узнать о дорогах, по которым слоны ходят и не тонут в болотах, по ним мы можем как дойти до Дели, так и выбраться оттуда, не будучи вынужденными приближаться к крепостям Луни и Джунга.»

Сказанное Кара-ханом содержало в себе здравый смысл и если бы нам удалось отыскать проходимые дороги на севере или на юге, отпала бы необходимость иметь дело с крепостями Луни и Джумна по пути в Дели и обратно. Я сказал Кара-хану, чтобы он привлек к делу также и местных жителей и передал местным проводникам, что если те будут достаточно внимательны и добросовестны, их труд будет соответствующим образом вознагражден. Я дал Кара-хану определенную сумму денег, чтобы он потратил их на вознаграждение проводникам и войско наше двинулось дальше.

В тот день мы прошли через несколько населенных деревень, их жители не испытывали страха перед нами, потому что до этого я поручил дозорным разъяснять людям, что нам нет до них никакого дела, что мы идем мимо и им нет необходимости покидать свои места в страхе за свою жизнь и что мы готовы платить полную цену за все, что будем закупать у них. В тот день в каждой из деревень я расспрашивал через толмача о повадках диких слонов, чтобы уяснить, почему все-таки эти тяжеловесные животные не тонут в болотах. Ответ, который я от них услышал заключался в том, что слон - это их бог Вишну и по этой причине он не гибнет в болотах.

Индусы поклоняются трем божествам, второе из которых носит имя Вишну, и они считают, что то божество является в различных воплощениях, в том числе он воплощается в слона, и, будучи божеством не гибнет, попав в болото, где может утонуть человек, однако для меня такое объяснение не звучало убедительно.

Я не располагал сведениями об обстановке в Дели, однако несмотря на то, что я двигался стремительно, стараясь попасть туда как можно скорее, я был уверен, что в Дели уже знают о том, что я иду на них. Тогда же я еще не знал, что Малу Экбаль, правитель Дели, услышав о моем приближении, освободил султана Махмуда Халладжа, известного как султан Махмуд-второй, из неволи и потребовал, чтобы тот стал его союзником против меня. Султан Махмуд Халладж принял то предложение и они оба объединились, чтобы противодействовать мне.

Обо мне говорят, что будучи степняком, который всю свою жизнь провёл в открытых просторах я, подобно своим соплеменникам отрицательно отношусь к обжитым местам и поселениям и именно поэтому всякий раз, увидев пред собою город я разрушаю его, ибо вид благоустроенного места невыносим для моих глаз. Те, кто утверждают подобное, непременно бы изменили такое мнение обо мне если бы увидели как я отстроил и благоустроил город Кеш, они бы поняли, что я не разрушаю городов только лишь потому, что не выношу обжитого места. Я разрушаю лишь те города, что посмели противостоят мне и вынудили понести затраты, связанные с их осадой и взятием. Такие города я разрушаю таким образом, чтобы на том

месте не оставалось и малейшего следа от них. А население таких городов, кроме тех, кто представляет четыре сословия, о которых я упоминал, я полностью истребляю. Однако и по сей день не случалось такого, чтобы город добровольно сдался, а я разрушил его и вырезал его жителей.

Законы войны требуют, чтобы город, оказавший сопротивление, был после его взятия разрушен, а население его истреблено. Не мною выдуман тот закон, ему следовал мой предок Чингиз-хан, можно сказать, что и он не был автором того закона, созданного до него другими. Однако несомненно то, что горожане уступают степнякам в смелости и отваге. Я на деле убедился, что жизнь в городе делает человека изнеженным и ленивым, стирает в нем качества воина. Поэтому я всю свою жизнь, начиная с сороколетнего возраста и по сей день провел в степи, чтобы не дай бог городская жизнь могла ослабить и изнежить меня.

Утверждают, что будучи степняком, я не люблю земледелия и поэтому убиваю людей, чье занятие связано с возделыванием земли, независимо от того, живут они в селе или в городе. Если эти люди попадут в Мавераннахр и увидят, что мною там проделано ради развития земледелия, они поймут, что их утверждения нелепы. И опять же, согласно моей точки зрения, земледелец по воинской доблести находится на более низкой ступени, чем степняк. Потому что земледелец в силу своего занятия должен жить на одном месте, что подавляет в нем его воинские качества. Тем не менее я никогда не истреблял крестьян только за то, что они являются таковыми.

С начала выступления на Дели я сказал военачальникам, чтобы они передали рядовым воинам повеление не обижать местное население, не трогать крестьян, оставить их в покое, пусть они живут согласно своим убеждениям и обычаям, но в каждой местности, где жители пытались посягнуть на нашу безопасность, я повелевал убивать их, не оставляя никого в живых в тех деревнях. Я действовал таким образом, чтобы индусы знали, что если проявят покорность мне, им не будет причинено никакого вреда. Но если будут сопротивляться и нападать на нас, их ожидает неминуемая смерть.

Утром того дня, когда мы должны были выйти к крепости Луни, ко мне пришел Кара-хан и сказал, что обнаружен один из путей, по которым слоны ходили в болотах. Он добавил, что те, кому было поручено это дело, сумели понять, что дикие слоны ходят по сухой дороге, расположенной к югу от крепости Луни и выходящей к востоку от нее и, что, если я захочу повести войско по ней, мне не придется брать ту крепость приступом, этой же дорогой впоследствии можно будет пойти назад. Я спросил, где проходит та дорога. Кара-хан ответил, что это совершенно сухая дорога, проходит она посреди болот, ширина ее составляет от двадцати пяти до тридцати зарьов. Я спросил, видел ли он сам ту дорогу. Кара-хан ответил, что сам он ее не видел, видели люди, направленные им. Я сказал: «Их утверждения неубедительны,

ибо они не военачальники и не могут знать об условиях, необходимых для прохождения войска. Сходи сам и взгляни на тот путь и убедись, пригоден ли он для того, чтобы мы сумели по нему пройти. Если такая дорога среди болот существует, вряд ли индусы не знают о ней. Будешь осматривать ее, обрати внимание на то, чтобы не попасть в засаду, которую, возможно устроят индусы.» Кара-хан отправился изучать тот путь, а я дал указание, чтобы войско двинулось в сторону крепости Луни. Я считал, что невзирая на существование той дороги, мы должны окружить крепость Луни. Если дорога окажется непроходимой для войска, крепость Луни следовало брать, чтобы можно было пройти через те места. Если выяснится, что по ней возможно пройти, то и этом случае Луни следовало осадить, чтобы ввести противника в заблуждение, чтобы он думал, что мы собираемся взять крепость и не помешал нашему движению по обнаруженной нами дороге, которой пользовались дикие слоны. Кроме того, я не мог допустить, что тот путь существует, а местные жители могут не знать о нем.

Когда солнце достигло зенита, впереди показалась крепость Луни. Она так же как и крепость Мират была расположена на вершине холма и нам пришлось бы изрядно повозиться чтобы взять её, к тому времени начался бы сезон дождей и мы были бы вынуждены прекратить боевые действия до тех пор пока он не пройдет. Я ожидал противодействий от обитателей крепости Луни. Однако их не последовало и мы подойдя к подножию холма, взяли крепость в кольцо.

Крепость Луни имела ту же архитектуру, что и Мират и было видно, что обе они возведены одними и теми же строителями, по одним и тем же чертежам. Башни были устроены таким образом, что через отдушины на их гребне можно было бросать камни на осаждающих, лить им на головы кипяток, раскаленное масло или расплавленный свинец. Крепостная стена по всей окружности выглядела одинаково и на любом ее участке осажденные могли проделывать те действия без необходимости обнаруживать себя.

Если бы я захотел рушить ту крепость с помощью пороха, опять же, это потребовало бы времени, чтобы устроить необходимые подкопы и дальнейшие взрывы. После полудня, когда подножие холма, на котором возвышалась крепость Луни было окружено, ко мне пришел Кара-хан и сказал: «О эмир, дорога, что идет среди холмов пригодна для прохождения войска, по ней можно следовать, я сам осмотрел ее и убедился в том, что на ней нет индусов, похоже, что они не ведают о ее существовании.»

Я велел, чтобы часть войска во главе с Кара-ханом пошла по той дороге и вышла на противоположную сторону крепости Луни, то-есть, на восток от нее, без того, чтобы быть обнаруженными наблюдателями противника, которые несомненно расположились в башнях. Кара-хану я велел, чтобы по прохождении его отряда, он расставил охрану не только в начале и конце, но

и на всем протяжении той дороги, чтобы нас не застали врасплох. Кара-хан сказал, что исполнит как я повелел и расставит охрану на всём том пути.

В тот день нам не удалось отправить отряд по слоновьей тропе и расположить его в противоположном конце крепости Луни. Всю ночь до утра слышался шум, издаваемый слонами, животные двигались взад-вперед по той дороге или по какой-либо другой, ещё не обнаруженной нами. На следующий день Кара-хан повел первый отряд по слоновьей тропе и вышел к востоку от крепости Луни. За ним последовали другие отряды войска, благополучно дошедшие до указанного места. Переброска отрядов велась таким образом, что противник не почувствовал нашего перемещения на противоположную сторону. Потому, что войско, окружившее крепость, внешне оставалось неподвижным, казалось, что его воины готовятся к тому, чтобы поднявшись на верх холма подступить к стенам и начать сражение с осажденными.

К заходу солнца две трети моих воинов были переброшены на ту сторону. Наступила ночь и после донесения Кара-хана о том, что все прошло благополучно, я решил пробраться на ту сторону сам, взяв с собой часть войск, и оставить небольшой отряд с большим количеством установленных шатров, чтобы у осажденных создалось впечатление, что я сосредоточил для осады их крепости все имеющиеся у меня в наличии силы.

После наступления темноты, Эбдал Гильзайи, правитель Гура, отобрал группу своих воинов, задачей которых было разить слонов, с которыми мы могли столкнуться в темноте следуя по той тропе, и тем самым держать путь свободным. Слоны имели привычку идти к реке после полуночи, поэтому мы могли пройти ту дорогу лишь до того времени, чтобы попасть в место к востоку от крепости Луни. Знающие люди утверждали, что до полуночи мы вряд ли встретим слонов на той тропе, тем не менее, на всякий случай людей Эбдала Гильзайи мы послали вперед, чтобы отпугивать или убивать слонов, могущих оказаться на нашем пути.

О, читающий эти строки, у тебя возможно возникла мысль, отчего же я просто не обошел крепость Луни обычной дорогой, а вместо того повел свое войско через болота.

Два обстоятельства вынуждали меня к тому: во-первых я знал, что обычная дорога в обход Луни была узкой и напоминала ущелье, в котором несомненно затаится вражеская засада, в результате чего я бы понес потери. Во-вторых: надо было чтобы противник не догадался об обходе той крепости, а считал, что я крепко засел у ее стен со всем своим войском, чтобы вести осаду.

После наступления ночи я вызвал своего сына Саада Ваккаса, самого младшего из всех моих сыновей, о котором я до сих пор не упоминал и которому тогда исполнилось восемнадцать лет. Я сказал ему: «Ты будешь командовать частью войска, которое остается здесь для осады крепости Луни. Продолжай вести осаду до тех пор, пока не получишь вестей от меня. Возможно, это продолжится до того времени, пока я не вернусь из Дели. А возможно, что через три дня я пришлю тебе указание снять осаду и идти на соединение со мной. В общем, веди осаду до тех пор, пока не будет моего указания прекратить ее. Я забираю с собой зодчего Шир Бахрама Марузи потому, что его присутствие для меня необходимо. Но, оставляю с тобой двух его учеников с пятью выюками пороховых зарядов, которые ты используешь для подрыва стены. Надеюсь, что ученики Шир Бахрама не уступят в мастерстве своему учителю и сумеют устроить хотя бы один подкоп под стену крепости и ты, устроив взрыв, разрушишь ее. Если такое не удастся, не горюй, я не стану упрекать тебя за неудачу. В случае, если сумеешь взорвать стену, тебе надо будет взять крепость Луни и я тебе не прощу неудачи в этом случае. Меня не опечалит весть о твоей гибели в бою, огорчусь лишь узнав, что сумев разрушить стену, тем не менее, ты не смог взять эту крепость.»

Саад Ваккас ответил: «О эмир, будь уверен, я сделаю дело, как следует ожидать от человека, носящего звание твоего сына.»

Я сказал: «Осажденные могут осуществить вылазку, напасть на тебя днем, а то и ночью. Ты должен быть готов к схватке и днем и ночью. Кроме воинов этой крепости, могут появиться и напасть другие отряды противника. Ты так же должен быть готовым выстоять и перед ними.»

Саад Ваккас ответил: «Даже если с неба свалиться враг, я буду готов к схватке.» Я сказал: «Войска в твоём распоряжении немного, однако оно вполне боеспособно, я выделил для тебя лучших и самых опытных конников, способных справиться с боевой задачей.» Когда привели коня и я сел на него, внутренний голос говорил мне, что своего сына Саада Ваккаса я больше никогда не увижу живым. Сердце защемило от той мысли ибо он был самым младшим из сыновей, а самый младший из детей обычно бывает самым дорогим. Однако я не показал виду, что опечален и вскочив на коня, пустился в дорогу.

Мои военачальники поняли, почему я оставил командовать войском именно Саада Ваккаса, я почувствовал, что их уважение ко мне ещё более возросло. Они поняли, что я посылаю на верную гибель собственного сына, а не кого-то из них, поняли, что в бою я готов пожертвовать даже своим родным дитя.

В полной темноте мы двинулись по пути, что вел среди трясины. Шли, не зажигая факелов, в противном случае, наблюдавшие с башни Луни поняли бы, что кто-то проследовал через те болота.

Идти без факелов было опасно, стоило чуть отклониться в сторону, как тебя засосала бы топь. По поступи лошадей я чувствовал, что дорога камениста и вопреки утверждениям она образовалась не потому что здесь ходили слоны, не верилось, что в болоте, где можно утонуть, могли спокойно расхаживать эти животные и тем самым утоптать здесь твердую тропу.

Несмотря на темноту и узость дороги, ее следовало пройти быстро, чтобы суметь перебросить все войско до рассвета. Переброска войска ночью по узкому пути, да еще среди болот - задача неимоверно трудная, но Кара-хан, расставив охрану вдоль всей дороги, предотвратил возможность отклонений и гибели конников в трясине. Мы прошли тот путь как можно быстрее. Выйдя на твердую основную дорогу, я приказал, чтобы конники перешли на рысь и освободили путь для идущих позади нас.

К рассвету все войско прошло по тому пути и вышло на основную дорогу, ведущую прямо к третьей крепости - Джумба. Несмотря на все старания двигаться скрытно, осажденные в крепости Луни при свете дня всё же заметили наше войско, шедшее на крепость Джумба. Ясно, что в тот момент я не знал о происшедшем, о том, что вражеские наблюдатели узрели нас, об этом я узнал позже, после окончания битвы за Дели. Комендант форта Луни подумал, что осада снята и я оставил ту крепость, решив не брать ее. Однако при свете дня увидел, что часть войска все еще окружает его крепость. Через ночь, после моего ухода, комендант крепости Луни организовал вылазку отряда, атаковавшего лагерь моего сына Саада Ваккаса. Им удалось похитить двух караульных и увести с собой в форт. Там их пытали, чтобы получить нужные сведения. Несмотря на то, что наши воины были людьми твердыми по духу, они не сумев перенести ужасных пыток, раскрыли врагу нашу тайну, рассказали, что я с основной частью войска пошел на крепость Джумба, а мой сын Саад Ваккас остался с ограниченным числом воинов вести осаду Луни и намерен взять ее. В день моего ухода, сын мой Саад Ваккас поручил двум ученикам Шир Бахрама начать устройство подкопа, и об этом тоже поведали коменданту крепости Луни воины, не выдержавшие пыток.

Узнав, что численность войска, оставшегося под командованием Саада Ваккаса невелико, комендант Луни решил одним ударом покончить с ним. Комендантом Луни был человек по имени Картар, более подробно о нем я расскажу в дальнейшем ходе своего повествования. (Слово «Картар» на древнеиндийском языке, т.е. санскрите, означает «боевой» – Марсель Брион)

Картар, комендант крепости Луни, имел сигнальную связь с индусами, находившимися снаружи и поэтому знал о нашем приближении к его форту, обо всем этом я тогда ещё не знал. Картар разработал план уничтожения моего войска, осуществить который помешал ему наш уход, и тот план он применил против небольшого войска Саада Ваккаса. После вылазки осажденных, Саад Ваккас велел не расжигать в ночное время факелов и костров на территории лагеря, чтобы враг не мог разглядеть наших. Я на его месте дал бы такое же указание, чтобы осуществляя ночную вылазку, противник не мог ориентироваться и видеть наши караульные посты. Оставшись у крепости Луни, я бы наверное размышлял и действовал как и Саад Ваккас считая, что лучше биться и погибнуть в бою, чем попасть живым в плен. На третью ночь, после моего ухода от крепости Луни, Саада Ваккаса и его воинов разбудил ужасный рев и шум, подобный реву тысяч боевых труб, с его помощью спугнули множество диких слонов, которые обезумев от страха, понеслись в направлении лагеря Саада Ваккаса, растапывая и сминая все, что могло попасться им под ноги - палатки, людей, лошадей, последние, сорвавшись с привязей, носились с диким ржанием, тем самым еще больше усиливая сумятицу.

Как только слоны прошли в одном направлении по лагерю Саада Ваккаса, пугающий рев труб позади них прекратился, зато возник впереди, заставив их в страхе повернуть назад и еще раз протоптать через разбитый и рассеянный лагерь. Этот второй проход слонов через лагерь посеял такую панику, что уже никто не знал что делать. Когда сумятица в лагере Саада Ваккаса достигла наивысшей точки, воины Картара с факелами в руках напали на воинов моего сына.

С началом той вылазки стих рев труб и слоны ушли с того места. Не найдется такого полководца, который имея дело с подобной паникой сумел бы за короткое время обеспечить должное боевое построение войска. После такой сумятицы, которую пережил лагерь, ни один военачальник не мог отыскать своих воинов, ни один воин не мог отыскать своего отряда, нужно какое-то время, чтобы люди нашли своих старших и установился какой-то порядок.

Полководец, зная о близости противника, должен позаботиться о том, чтобы его войско не стало жертвой подобной сумятицы и постарался предвидеть всякий возможный ход событий прежде, чем отойти ко сну. Когда случается такое несчастье, трудно бывает сразу свернуть лагерь и развернуть войско в боевой порядок. Мой сын, Саад Ваккас, несмотря на всю свою отвагу, не сумел бысто свернуть лагерь и развернуть войско в боевой порядок прежде, чем воины Картара успеют напасть на него. В результате пыток, которым он подверг захваченных в плен караульных Саада Ваккаса, Картар знал, где расположен его шатер и посему поручил отряду закованных в доспехи воинов захватить его живым. Саад Ваккас был левшой, т. е. фехтовал и писал левой рукой, он не владел правой столь искусно как я, несмотря на то,

что против него было двадцать вражеских воинов, он не сдался и получил множество ран, в том числе в левую руку, свалился наземь, тут на него навалились, схватили и поволокли в крепость. Убедившись, что перед ним мой сын, Картар велел через глашатаев возвестить войску Саада Ваккаса, что их командующий захвачен в плен и поэтому их дальнейшее сопротивление не имеет смысла. Однако, воины моего сына, не понимавшие ни одного слова на хинди, продолжали биться в своем, приведенном в беспорядок лагере.

Картар догадался, что воины Саада Ваккаса не знают хинди и по этой причине не поняли, что их командующий пленен. Поэтому он вынудил нескольких из попавших в плен наших воинов прокричать на нашем языке о том, что Саад Ваккас взят в плен и находится в крепости под стражей. Их выкрики возымели действие и воины моего сына прекратили сопротивляться. В ту ночь, после нападения врага, часть воинов Саада Ваккаса сумела спастись бегством в темноте, часть их погибла, попав в трясину болот, их вопли раздавались до утра, они просили о помощи, молили, чтобы их вытащили из топи, но никто ничего не предпринял для их спасения, болото засосало их и когда взошло солнце их голосов более не было слышно. Как я уже упоминал, обо всех этих подробностях я узнал позже, возвратившись из Дели и опросив людей, находившихся в районе Луни. В ту ночь все воины Саада Ваккаса были убиты, часть, бежав, была схвачена индусами и казнена, часть их, включая моего сына Саада Ваккаса, попала в плен.

На другой день Картар, велел привести к нему раненного Саада Ваккаса, предложил: «Напиши письмо своему отцу и скажи, чтобы он повернул своё войско назад и покинул Хиндустан, в противном случае ты будешь убит.» Саад Ваккас ответил: «Разве не видишь моя левая рука ранена, а я не умею писать правой?» Картар ответил: «Ты лжешь, ты в состоянии писать.» Саад Ваккас ответил: «Не клевети. Сын Амира Тимура Гурагана, владеющего половиной мира, никогда не лжет.» Картар через толмача передал: «Ты приложи особый знак, чтобы отец твой знал, что это письмо от тебя, а я велю, чтобы письмо то написали другие.» Саад Ваккас ответил: «Положим я приложу свой особый знак, а ты составишь то письмо, думаешь это сумеет убедить моего отца повернуть обратно?» Картар сказал: «Разве твой отец не любит тебя?» Саад Ваккас ответил: «Если меня убьют, я не буду единственным из его сыновей, кого постигла такая судьба. До меня погиб один из моих братьев, старше меня.» Картар спросил, где был убит его брат. Саад Ваккас ответил, что в Фарсе. Картар спросил: «Уверен ли ты в том, что получив твое письмо с просьбой повернуть назад войско и уйти из этой страны и зная, что от этого будет зависеть жить тебе или нет, твой отец тем не менее не примет эту твою просьбу?» Саад Ваккас ответил: «В том у меня нет никаких сомнений. Мой отец не такой человек, чтобы ради спасения жизни своего сына, повернуть свое войско с полпути и покинуть Хиндустан.»

Картар сказал: «В таком случае я вынужден буду заставить твоего отца пережить траур по утраченному сыну.» Саъад Ваккас сказал: «О, Картар, не убивай меня.» Картар ответил: «Я должен тебя убить в отместку за тех, кто в крепости Мират погиб от руки твоего отца.»

Саъад Ваккас сказал: «О, Картар, ты лучше пожалей себя и, посему, не убивай меня.» Картар спросил: «Каким это образом я должен пожалеть себя?» Саъад Ваккас ответил: «Оставляя меня в живых, ты будешь обладать средством для примирения с моим отцом. Одержав победу, он пощадит тебя и твоих родных, а может и пожалует должность повыше той, что имеешь сегодня.» Картар ответил: «Я не желаю должностей, которых мне может пожаловать враг.» Мой сын спросил: «А жизнь свою не желаешь сохранить?» Картар ответил: «Пока я нахожусь в этой крепости, моя жизнь в безопасности.»

Мой сын сказал: «Алашар, комендант крепости Мират говорил то же самое, однако был схвачен и мой отец из великодушия сохранил его жизнь.» Картар сказал: «Не говори мне о великодушии своего отца. Ливень спас жизнь Алашара, а не великодушие Амира Тимура.» Саъад Ваккас ответил: «После того как разразился ливень и погас огонь, мой отец все же мог казнить Алашара, но не сделал того. Не делай этого и ты, откажись от намерения лишиться меня жизни, чтобы сохранить свою, когда попадешь в руки моего отца.» Картар сказал: «Я не попаду в руки твоего отца, потому что уверен в том, что не стану его пленником, поэтому я лишу тебя жизни.» Мой сын, запрокинув голову и выставив вперед свое горло, сказал: «Тогда скорее отрежь мне голову.»

Картар ответил: «Я не стану отрезать тебе голову, потому что не хочу отделять ее от тела.» Мой сын спросил: «Тогда каким образом ты хочешь убить меня?» Картар ответил: «Распорю твою грудь и выну из нее твое сердце.» Мой сын сказал: «Картар, не подвергай меня мучениям.» Тот ответил: «Я не собираюсь подвергать тебя мукам. Я имею в виду не отделять твою голову от тела потому, чтобы можно было после твоей смерти снять с тебя кожу и набить ее соломой, для этого и надо, чтобы твоя голова оставалась на месте. Здешние палачи настолько искусно умеют сдирать кожу, что когда затем ее набьют соломой, можно подумать, что это не мертвец, а просто спящий человек.»

Затем комендант Луни приказал рассечь Саъаду Ваккасу грудь и вынуть его сердце. Когда взрезали его грудь, мой сын, не выдержав, закричал от боли, а затем голос того отважного юноши умолк навсегда. Картар и после смерти не оставил тело моего сына в покое, как обещал, он отдал его палачам, чтобы те содрали с него кожу и набили её соломой. Тело его похоронили вместе с другими погибшими.

(Тимурленг в данном своем повествовании не вдаётся в детали о собственном жестокосердии, не описывает в подробностях массовые казни людей, о том как их жгли заживо, сдирали с них кожу. Безжалостный поступок Картара в отношении его сына Саъада Ваккаса был следствием безжалостного отношения самого Тимурленга к местному населению. И хотя Тимурленг здесь не описывает кровопролитий, устроенных им самим, тем не менее, по некоторым его замечаниям можно понять, что он сам достаточно жестокий человек – Марсель Брион).

Крепость Джумба, в отличии от крепостей Мират и Луни, расположенных на вершинах холмов, находилась посреди долины. Джумба на хинди означает «змея». При строительстве Джумбы обнаружили, что местность та изобилует змеями, поневоле возведение той крепости затянулось на несколько лет, пока змеи не покинули то место и стало возможным заложить его фундамент. О закладке фундамента крепости также ходили слухи, что для его устройства рыли землю так глубоко, пока не прошли два водоносных слоя. Поскольку в тех местах первый слой воды располагался на глубине двадцати зарьов, а второй – на глубине сорока-пятидесяти, то на основании тех слухов можно было заключить, что высота фундамента той крепости составляет пятьдесят зарьов.

Поскольку людям свойственно преувеличивать и слухи зачастую бывают далеки от действительности, я догадывался, что такие сведения о фундаменте неверны, на словах легко рыть ров глубиной в пятьдесят зарьов, не говоря о том, что делать такое нет необходимости, роют обычно на глубину, достаточную для устройства фундамента.

Поэтому я шел, не придавая значения вышеупомянутым слухам, пока не дошел до той крепости. Достигнув ее, я обнаружил нечто более удивительное, чем слухи о высоте ее фундамента, а именно то, что все защитники той крепости были женщины. Мне такое казалось невероятным и я был уверен, что воины находятся в той крепости вместе со своими женами и детьми, живущими там постоянно, однако после первого же дня стоянки у ее стен, я установил, что действительно, в том укреплении находятся одни лишь женщины. Они собрались на гребне стены возле одной из башен, перекликались с теми, что находились на другой, иногда слышался женский визг. Ни одного мужчины не было видно между ними, у женщин в руках не было видно копий или сабель. Поскольку я не допускал и мысли, что они могут быть невооружены, то подумал, что они просто не сочли нужным захватить с собой оружие выходя на гребень стены. Крепость была опоясана рвом, в котором не было воды, однако имелся относительно отвесный вал и мои конники не могли пройти тот ров, чтобы попасть на противоположную сторону, мост через него был разрушен.

К моменту нашего прихода к крепости, прошла четверть дня и я приказал окружить ее. Женщины, высыпавшие на гребень стены, не имели с собой оружия, они что-то кричали на языке хинди, а мои воины кричали им разное на нашем языке. Я полагаю, с незапамятных времен, когда появились крепости, их осада начинается с обмена «любезностями» между осаждающими и осажденными. И хотя это не входит в обязанности командующего, я запрещал своим воинам делать какие-либо оскорбительные высказывания в адрес осажденных ибо терпеть их не могу и если в бою или осаде замечу кого либо, высказывающего оскорбительные слова в адрес противника, то непременно наказываю виновного. Воины, знавшие об этой моей привычке, не высказывали каких-либо оскорблений в адрес обитателей крепости, вместо этого бросали им задорные шутки, которые обычны при общении мужчин с женщинами.

Поскольку в крепости обитали одни женщины, а на гребне стены не было видно метательных машин, я подумал, что для ее взятия нет необходимости устраивать подкопы, что можно с помощью одних лишь лестниц взобраться наверх, овладеть ею, затем разрушить ее, чтобы крепость не помешала потом, когда будем идти назад, выбираясь из Хиндустана. Мои воины придерживались того же мнения, к тому же они тоже слышали, что фундамент крепостной стены залегает глубоко, т. е. на уровне второго водоносного слоя.

У нас не было с собой лестниц, ибо невозможно таскать с собой громоздкие длинные лестницы. Я велел немедленно начать их изготовление, чтобы воины могли по ним взобраться наверх и взять приступом ту стену. Не теряя времени, наши люди стали валить деревья, растущие поблизости и начали изготавливать лестницы. Вокруг крепости Джумба не было видно ни одного индуса, чтобы мы могли расспросить и получить сведения об обстановке внутри нее. *(Тимурленг не пишет о причинах отсутствия индусов вокруг крепости Джумба, тогда как летописцы Шарафуддин Али Йезди и Али Гиясиддин, писавшие хроники его походов, писали, что жители тамошних сел покидали их и бежали в страхе за свою жизнь, потому, что не надеялись на то, что будут живы, если останутся на месте - Марсель Брион.)*

Я полагал, что как только мои воины взберутся на стены крепости, появятся прятавшиеся до того мужчины, чтобы с оружием в руках встать на их пути. Потому что нелепа была мысль о том, что в военной крепости находятся одни лишь женщины и нет мужчин, чтобы защищать ее.

Назир-ад-дин Умар, один из моих летописцев, мудрейший человек, который в настоящее время из-за болезни не находится рядом со мной, утверждал, что мужчины в крепости должны быть затаились в засаде, выставив на наше обозрение одних лишь женщин, чтобы мы, впад в заблуждение вообразили, что крепость легко будет взять, попали в ту засаду. Я тоже был уверен, что

здесь кроется какой-то замысел, имеющий целью перехитрить нас. Когда село солнце, я предупредил войско, что ночью против нас возможно будет предпринята атака и чтобы все были готовы к ее отражению. Женщины находились на стенах до самого захода, затем они исчезли, либо ушли спать, либо мы их не могли видеть в темноте. Ожидая ночной атаки, мы не зажигали в лагере огней, однако держали наготове факелы, чтобы зажечь их в случае сражения и видеть врага.

В ту ночь, после вечернего намаза, я ушел отдыхать в свой шатер, но по установившейся привычке в условиях предстоящей битвы, я спал урывками, затем поднялся, облачившись в доспехи и пристегнув саблю, стал вслушиваться в ночь. Не было слышно ни звука, в лагере было тихо. Зная, что воины настороже, а вокруг лагеря расставлены посты, тем не менее я решил совершить обход. Только я вышел из шатра, как до моих ушей донесся ужасный крик. Не успел он стихнуть, как раздался второй, не менее ужасный. Первый крик шел с окраин лагеря, тогда как источник второго явно находился внутри его. Было ясно, что противник перешел границу лагеря и проник внутрь его. Через несколько мгновений стало раздаваться такое множество криков, что я потерял им счет.

Воины, обязанные находиться вокруг меня в ходе боя и отвечавшие за мою безопасность (*говоря современным языком - личная охрана - Марсель Брион*) сказали, что это какая-то необычная ночная атака. Ибо не было слышно криков караульных, стоявших вокруг лагеря. Раздались голоса военачальников приказывавших зажечь факелы. Когда факелы зажгли, раздались новые крики: «Змеи..., змеи...». Вокруг меня так же зажгли несколько факелов и я вместе с окружающими меня воинами увидел несколько змей, ползущих в нашу сторону. Саблей я рассек надвое одну из них, однако остальные твари проползали справа и слева, некоторые возвращались и было видно, что свет факелов отпугивает их.

Я громко повелел, чтобы разожгли огни, разослал некоторых из своего окружения, чтобы они передали военачальникам сделать то же самое, чтобы отогнать из лагеря смертоносных тварей. При свете факелов я разглядел, что это были за змеи, это были «кябчэ». Наши воины накинулись на них, уничтожив некоторое число из них, при этом некоторые из воинов были ужалены, в конце концов свет от факелов заставил змей обратиться в бегство. Когда миновала опасность, исходившая от этих тварей, я прошел к наружным постам, чтобы узнать, имело ли место нападение со стороны врага или нет? Караульные, бдительно следившие за обстановкой снаружи лагеря, сообщили, что противник не показывался. В ту ночь в лагере так никто и не заснул: все боялись змей, должен признаться, что и я в ту ночь испытывал страх перед ними, поскольку однажды довелось испытать их укус (как я уже об этом рассказывал). Из лагеря временами доносились стоны

укушенных змеями, и я знал, что часть их умрет, поскольку укус «кябчэ» несет смерть.

О том, как лечат укушенных змеей известно и нет необходимости, чтобы я об этом подробно излагал здесь. Назир-ад-дин Умар, разбиравшийся в вопросах медицины, сказал, чтобы каждый из тех, кто был ужален змеей рассек ножом место укуса, и если оно расположено в части тела, где этого нельзя сделать (к примеру на животе), пусть другой воин отсасывает кровь из той раны и сплевывает ее, чтобы таким образом удалить яд из раны. Назир-ад-дин Умар приготовил так же множество компрессов и припарок, велел, чтобы не выбрасывали тела убитых змей, отрезали им головы, толкли их и из каждой такой головки он изготавливал компрессы для нескольких человек, велел прикладывать их к месту укуса после того, как его рассекут ножом или отсосут из яда, сказав, что если выполнить все те указания, пострадавшие должны выжить.

На следующий день, когда собирали мертвых змей для изготовления компрессов из их голов, обратили внимание, что их находят в направлении, ведущем от крепости, т.е. наш лагерь располагался вокруг нее и змеи явно приползли оттуда. Или хотели вернуться в нее, во всяком случае, было ясно, что приползли они не из степи, окружающей нас. На следующий день мы продолжали изготавливать лестницы и во второй половине дня они были готовы. Перед штурмом я собрал военачальников и сказал, чтобы они предупредили воинов быть готовыми иметь дело не только с мужчинами врага, которые пока так и не показались на глаза, но и со смертоносными тварями, нападшими на нас прошедшей ночью. Лучшим оружием против последних был огонь, поэтому я велел, чтобы штурмующие имели его под рукой во время приступа.

Назир-ад-дин Умар утверждал, что змеи днем менее опасны чем ночью, потому что стараются уползти в укрытие: солнце слепит их глаза. Однако ночью, не боясь солнечных лучей, змеи выползают из нор. Вместе с тем, нашествие змей на ночной лагерь, исходящее со стороны крепости, указывало на присутствие в ней змееловов, которые и организовали то нашествие. Огни факелов отпугнули тварей, которые должно быть уползли обратно в крепость.

Я прочитал полуденный намаз, после чего приказал начать штурм. Мои воины получив приказ, установили лестницы и начали взбираться по ним на стены. Вскоре они были наверху и я ожидал, что вот-вот появятся скрывавшиеся до это мужчины-воины и преградят путь нашим, однако мужчины так и не появились, а женщины до того видневшиеся на гребне, вовсе исчезли спустившись вниз, внутрь крепости.

Каждый из участников того штурма, предупрежденный военачальником, ежеминутно ожидал подвоха со стороны осажденных. Поэтому, перевалив через гребень стены, они с опаской вступали внутрь крепости. Сам я, чтобы лучше видеть обстановку внутри крепости, перейдя ров, поднялся по лестнице на гребень стены. Я увидел, что дома расположены посреди крепости, что между теми домами и стеной имеется пустое пространство. Я заметил, что насчитывается восемь таких пустых пространств и расположены они во всех направлениях. И наши воины, чтобы достичь тех домов, неизбежно должны были пересечь их. Те пространства кишели змеями, некоторые ползли к крепостной стене и поскольку она была отвесной, они срывались с нее вниз.

По ту сторону от змей виднелись группы женщин с короткими палками в руках. На концах тех палок были закреплены алые лоскуты ткани, женщины трясли ими, что-то при этом выкрикивая. Среди их выкриков можно было различить слова: « Джумба...Джумба...Джумба...», похоже было, что они пребывают в некоем трансе. Опять же не видя мужчин, я подозвал толмача и велел ему спросить тех женщин, где их мужчины? Толмач прокричал мой вопрос, затем перевел ответ тех женщин о том, что у них нет мужчин.

Я велел толмачу спросить, как же эти женщины живут в той крепости совершенно без мужчин. Толмач, переговорив с ними, перевел, что они происходят из рода брахманов и до самой смерти несут обет безбрачия. Я потребовал, чтобы толмач спросил их, неужели они, подобно некоторым женщинам-христианкам не живут в миру? Вновь переговорив с ними, толмач перевел, что те женщины посвятив себя Вишну (*одно из трех божеств индуистского пантеона - Марсель Брион*), живут в той крепости, не имея мужей.

До того дня я не знал, что жители Хиндустана делятся на пять каст, каждая из которых отделена от другой и что они расположены по старшинству. Высшей кастой являются брахманы, их женщины не живут в суетном мире. Низшей кастой являются парии, которых представители остальных каст считают нечистыми и не общаются с ними, не едят вместе с ними, а если случайно коснутся их, то должны совершать омовение подобное тому, что совершаем мы, мусульмане, считающееся обязательным в определенных случаях. Через толмача я спросил тех женщин, не они ли напустили на нас тех змей? Их ответ был утвердительным. На мой вопрос, зачем они сделали это, те ответили, чтобы помешать вам войти в эту крепость. Несмотря на кишевшие клубки змей, тем не менее видя отсутствие воинов-мужчин, я понял, что вскоре мы овладеем той крепостью. Через толмача я передал, что несмотря на то, что именно они напустили змей на мое войско, часть которого пострадала от укусов, я не собираюсь сражаться с кучкой женщин. Я велел передать им так же, если они отзовут своих змей и отошлют их в свои гнезда, добровольно сдадут крепость, я прощу им их вину и хоть

разрушу крепость, все же не отдам их на потребу своим воинам. В случае же их отказа, учитывая, что они язычники-кафиры, против которых следует вести священную войну, отдам их после захвата крепости в распоряжение своих воинов. Женщины не приняли ни одного из тех условий и продолжали сопротивляться. Я мог бы отправить вниз факельщиков, чтобы разогнав змей, те открыли ворота крепости для вхождения войска, однако понимал, что как только они ступят на землю, их атакуют гады. Я на себе испытал, что скорость нападающей змеи «кябчэ» стремительнее чем миг, необходимый для того, чтобы моргнуть глазом.

Какой бы скоростью не обладали факельщики, они не сумеют уберечься от змеинного укуса стоило им только ступить на землю, кроме того огонь факелов при дневном свете не столь ярок и змеи могли не испугаться его и не бежать и нам пришлось бы пускать в ход сабли и секиры, при этом неизбежно погибло бы немало моих воинов. Поэтому я велел своим набить мешочки порохом, снабдить фитилями, поджечь их и бросать в кишащее месиво змей и очистив от них таким образом пространство, спускаться вниз и затем открыть ближайщие ворота, чтобы могло войти войско.

С первыми же взрывами пороха, разрывавшегося среди змей, поднялся вопль тех женщин, размахивавших красными лоскутами ткани. Они не могли предусмотреть способа, с помощью которого мы умудримся уничтожить их змей, чтобы распахнуть ворота крепости перед основным войском.

Чем больше змей мы уничтожали, тем больше нарастал визг женщин. Мои воины устремились со стен вниз, открыли одни, затем все остальные ворота. И с того часа наша победа была предreshена. До захода солнца всех женщин переловили и вывели за пределы крепости.

Нескольких из них, по виду старших, я велел привести к себе. Их я спросил, что означали эти короткие палки с кусками алой ткани, укрепленной на их концах, которыми они трясли. Женщины ответили, что тем способом они побуждали змей к нападению, потому, что змеи не слышат людских голосов, однако различают красный цвет и понимают, что он означает. В тот день я впервые услышал из уст тех женщин – змееловов, что змеи не слышат людского голоса (*змеи лишены слуха и поэтому не слышат никаких звуков, тогда как в старину люди об этом не знали.* - Марсель Брион).

Я спросил женщин, что побуждало их заниматься змееловством. Женщины сказали, что они не занимаются ловлей змей, змеи всего лишь средство для защиты крепости, благодаря именно их присутствию, никому до тех пор не удавалось захватить крепость. Все, кто пытался напасть на нее, терпел поражение и уходил прочь и только мне удалось ее захватить. Из объяснений женщин я понял, что в крепости имеются огромные гнезда (питомники), длиной в тридцать и шириной в тридцать зарьов, в которых содержались

змеи породы «кябчэ» и всякий раз, когда крепости Джумба грозило нападение, змей ночью выпускали наружу, чтобы те покусали чужеземных воинов. Как правило, такого ночного нашествия множества змей обычно бывало достаточно, чтобы вражеское войско бежало без оглядки из тех мест.

Я спросил женщин, есть ли все еще змеи в тех гнездах. Они ответили, что к началу нашего штурма они вывели всех тварей ради того, чтобы не дать моим воинам сойти со стен вниз, однако возможно часть змей, будучи напуганными, вернулись в свои гнезда. Военачальникам я велел, чтобы никто из воинов в ту ночь не оставался в пределах крепости, ибо все еще существовала опасность укусов со стороны змей. Всех женщин, выведенных из замка я велел в ту же ночь передать воинам и зажечь костры по всей окрестности лагеря, чтобы избежать нападения змей, как это случилось в предыдущую ночь. Однако до самого утра в лагере царила тишина, и никто не пострадал от змеиных укусов.

Вокруг крепости Джумба не было населения, которое мы могли бы привлечь для разрушения крепости. Поэтому я велел дать кирки и лопаты самим тем женщинам-индускам, чтобы они собственными руками разрушили гнезда – питомники, где выращивали змей, дома внутри и саму стену той крепости. Я не мог оставаться в Джумбе и ждать конца тех работ, мне необходимо было попасть в Дели до начала сезона дождей, поэтому я оставил в Джумбе отряд своих воинов. Тех, из укушенных змеями, в отношении которых была надежда на выздоровление усадили на крупы коней за спиной здоровых воинов, остальных оставили в Джумбе долечиваться. Женщин-индусок я передал в распоряжение остающегося отряда, чтобы его воины, после того как пленницы закончат работу по разрушению крепости, поступили с ними по своему собственному усмотрению.

После взятия Джумбы, других препятствий по пути в Дели не оставалось и я мог в кратчайшее время достичь того города. Вали-уль-Мульк рассказывал, что крепостные стены Дели сложены из камня и обнесены широким и глубоким рвом, он так же говорил, что правитель Дели, человек могущественный, обладающий несметным количеством золота и драгоценностей, может собрать войско, численностью в целый куруп (т.е. пятьсот тысяч) человек. Эбдал Гильзайи, правитель Гура, что был со мной, говорил, что в его стране ходили легенды о том, что в Дели построено три крепостных вала, первый из которых был высотой в сорок, второй в тридцать зарьов, а третий имел высоту в двадцать зарьов и если чужеземному войску и удавалось одолеть первую, оно неизбежно застревало перед второй и третьей стены.

Я спросил, каково сегодняшнее состояние делийской стены. Эбдал Гильзайи ответил, что не располагает достоверными сведениями о сегодняшнем состоянии той стены, однако слышал, что построенная из камня, делийская

стена весьма прочна и он не сомневается в том, что она устоит перед нашими пороховыми зарядами. Через два дня, после нашего выступления из крепости Джумба, к вечеру я велел остановиться на привал ибо надо было дать отдохнуть лошадям. Мы разбили лагерь и мне доложили о том, что пришли некие индусы, выражающие желание вступить в мое войско. Я удивился тому неожиданному предложению и сказал, чтобы привели их нескольких представителей, чтобы я сам мог их выслушать. Воины привели ко мне нескольких из них и я через переводчика спросил, что они хотят сказать. Они сказали, что, зная о моем намерении идти на Дели, они желают присоединиться к моему войску, чтобы помочь взять тот город. Они добавили, что в случае моего отказа принять их в состав войска, они готовы оказывать мне содействие в захвате Дели в любой удобной для меня форме, и в пределах возможностей, которыми они обладают, единственным их условием была необходимость платить им жалование, чтобы они могли обеспечить сытую жизнь своим женам и детям. Я спросил: «Ведь вы индусы, как это вы решились оказывать помощь мне и выступать против своих единоверцев?» Они ответили, что в глазах всех своих соотечественников они считаются нечистыми и отверженными, они слышали, что если перейдут в мою веру, я не стану считать их таковыми, они станут такими же как и все мои воины. Потому они и обратились ко мне с таким предложением. Я спросил, не парии ли они? Их ответ был утвердительным, они сказали, являясь для всех нечистыми, они в течении всей своей жизни обречены голодать, питаясь чужими объедками, им позволяли работать лишь в местах, полных мусора и отбросов. Я сказал: «Если вы станете мусульманами, то будете как все остальные мусульмане, никто не будет считать вас нечистыми, вам будет позволено заниматься любыми делами, которыми занимаются остальные мусульмане, мусульмане будут отдавать вам своих дочерей замуж и в свою очередь будут брать ваших дочерей в жены.» Они сказали, что имеют горячее желание стать мусульманами, после чего хотели бы со своими женами и детьми переселиться, и потому просят, чтобы я дал им землю в какой-либо из мусульманских стран, чтобы они могли осесть там со своими семьями.

Я спросил, почему они хотят переселяться. Они ответили, что став моими воинами и приняв ислам, сами они избегут притеснений от остальных индусов, однако те могут отомстить их женам и детям, убить их. Я ответил: «Хорошо, я дам вам земли в тех районах Хиндустана, где живут мусульмане, чтобы там осели ваши семьи.» С того дня всюду, куда приходило мое войско, там, где жили парии, их мужчины принимали ислам и просили зачислить их в войско.

По дороге, ведущей в Дели было селение, называемое Йазда, думаю, это название произошло от искаженного слова Йаздан (бог, творец). Когда мы дошли до него, к нам навстречу вышла группа престарелых ее жителей, обращаясь ко мне, они называли меня «Повелитель Ирана». Я спросил их,

кто они и чем занимаются. Они ответили, что являются огнепоклонниками, их предки жили когда-то в Фарсе, Кермане и Йезде, правители тех стран притесняли их, поневоле им пришлось покинуть свою родину и отправиться в Хиндустан, какое-то время им пришлось скитаться, пока один из правителей династии Халладж не наделил их землей, где они и проживают в настоящее время. Старцы, вышедшие встретить меня, говорили на персидском языке, однако их произношение напоминало диалект, на котором говорят в Кермане и было видно, что спустя даже двести лет после того, как их предки покинули родные места а Фарсе, Кермане и Йезде, они не утратили своего языка. Поскольку настало время послеполуденного отдыха, я ненадолго остановился в селении Йазда и беседовал с теми старейшинами-огнепоклонниками. Я был удивлен, услышав от них, что они читали Коран и знают содержание той священной книги. Они утверждали, что вопреки нашим представлениям, не могут считаться нечистыми, поскольку являются народом, имеющим Книгу, ибо сказано в Коране, что всякий народ, которому ниспослана книга, является чистым, что их Книга – это одно из древнейших писаний и называется Зенд (Авеста). Я им ответил, что Аллах в Коране назвал еретиков нечистивцами, поэтому они являются таковыми в наших глазах, глазах мусульман. Старцы-зороастрийцы сказали, что они не являются еретиками, ибо не поклоняются идолам, не имеют капищ идолов и почитают единого Бога. Я сказал: «Вы - огнепоклонники и идолом вашим является огонь.» Они ответили: «Мы - не огнепоклонники, а почитаем огонь, как один из четырех чистых элементов.»

Затем речь зашла об их предках, и я с удивлением обнаружил, что они хорошо осведомлены о древней истории Ирана, ибо читали и читают «Шах-намэ». Они сказали, что в старину в Иране, как и в Хиндустане, народ делился на несколько сословий, каждое из которых имело свое название. Первое сословие составляли мобеды-жрецы, считавшиеся духовными вождями. Вторым сословием были доблестные воины, делами которых были сражения, третьи были ремесленниками, а четвертые - дехкане.

Между сословиями Ирана и Хиндустана существовала одна большая разница, она состояла в том, что в древнем Иране не было париев-неприкасаемых, тогда как в Хиндустане существовала и существует эта каста, презираемых и отверженных. Я спросил, сжигают ли они своих покойников. Огнепоклонники ответили, что они не индусы, которые поступают так со своими мертвыми и затем их пепел бросают в реку, тем самым оскверняя ее воду. Я спросил, как же в таком случае они поступают с умершими.

Один из огнепоклонников, с длинной седой бородой, указал на невысокую гору, видневшуюся на юге и сказал: «Когда одному из наших случается покинуть этот мир, мы относим его тело туда и оставляем там, пока оно не разложится от ветра и дождя и не исчезнут мясо, кровь и сухожилия. Когда останутся одни лишь кости, их бросают в колодец, находящийся на той

горе.» Я спросил, почему они не хоронят своих покойников. Они ответили, что в этом случае земля будет осквернена, а они не хотят тем самым допускать такое, ибо земля является одним из четырех пречистых элементов. Я спросил, не желают ли они возвратиться на свою родину и жить в Фарсе, Кермане и Йезде.

Они ответили, что там для них не будет средств к существованию, а они не привыкли нищенствовать, никто из исповедующих зороастризм никогда не просит подаяния, поэтому там им придется умирать от голода. «Кроме того», сказали они, «ты сегодня правишь Ираном и обращаешься с нами хорошо, а после твоей кончины, дай тебе Бог долгую жизнь, неизвестно, кто будет править Ираном и как он будет относиться к нам. Поэтому нам лучше будет оставаться здесь и жить на этой земле, ставшей нашей родиной.» Я сказал: «После меня Ираном будут править мои дети и поскольку вы являетесь людьми Книги, я завещаю своим наследникам обращаться с вами как и с другими народами, имеющими Книгу и не считать вас нечистивыми еретиками.» Огнепоклонники сказали: «О великий эмир, Мы уже привыкли к жизни в Хиндустане и не можем оторвать своего сердца от этой земли.»

Мы покинули село Йазда и направились в сторону Дели. На месте Малу Экбаль я бы спешил выступить навстречу противнику и не вверил бы себя и свое войско укрытию из камня, кирпичей и глины. С юных лет и до нынешней поры, когда я нахожусь на пороге своего семидесятилетия, никогда не искал убежища за стенами из камня, кирпича и глины и считаю трусостью прятаться за стенами крепости. Истинный воин не станет прятаться за стенами крепости, чтобы защитить свой народ. Мощь всякой крепости заключена прежде всего в людях, которые в ней живут.

Если те люди поистине сильны, крепость будет устойчива, в противном случае она падет. Все люди, даже пророки, нуждаются в пище и воде, без которых они свалятся, будь они хоть самими рустами, сыновьями Заля. В военной крепости всегда будет угроза нехватки пищи и воды. В случае длительной осады её обитателям ничего другого не останется, кроме как сдаться. В первую очередь, нехватка продовольствия и воды будет грозить такой огромной крепости, как Дели, население которой насчитывает целых два курура.

Обладай Малу Экбаль, правитель Дели, умом, он бы понимал, что такой огромный город не сумеет долго продержаться, для каждого жителя которого ежедневно понадобится пятьдесят мискалей еды. Мне сказали, что основной пищей жителей Дели является рис и маис, мяса индусы не едят.

Я знал, что Малу Экбаль и его союзник Махмуд Халладж, сколько бы не собрали в закромах маиса и риса, все равно не сумеют в достатке обеспечить едой всё население Дели, которому суждено будет погибнуть от голода. На месте Малу Экбаль и Махмуда Халладжа вместо того, чтобы отсиживаться за

стенами и надеяться на их защиту, я бы вышел со своим войском из Дели и дал бы сражение врагу на открытой местности и если бы удалось, уничтожил бы его и возвратился в Дели с победой. Или, я бы погиб в сражении и покинул сей мир, сохранив свое доброе имя. Прятаться в крепости - это признак слабости и кто избирает ее в качестве убежища, показывает свою боязнь перед смертью. Отважного смерть не страшит, с клинком в руке он вступает на поле битвы, чтобы сразить врага или погибнуть самому.

Меня удивляют люди, подобные Малу Экбалю и Махмуду Халладжу, которые, страшась смерти, все же желают царствовать на троне и не ведают того, что власть и превосходство дается лишь тем, кто презрел опасность смерти, кто не думает сберечь свою жизнь ради утех и наслаждений. Я из опыта самой жизни знаю, что такие цепляются за жизнь только ради того, чтобы не лишаться удовольствий в виде вина и тела женщины. А Малу Экбаль и Махмуд Халладж оба были поклонниками вина и плоти, не могли оторвав себя от тех наслаждений, вместе с войском выйти в открытое поле, спать в шатрах, а то и вовсе без них, на голой земле и носить на теле тяжелые боевые доспехи. Их тела нуждались в мягких удобных одеяниях, неге в мягкой постели с луноликой красавицей. Не ведали они и того, что грехи наслаждений следует искупать, терзая и унижая собственную плоть, и желающий обрести власть и могущество, должен изгнать из себя покой, воздерживаться от наслаждений и утех, даже тех, что не считаются запретными.

Я рассчитал свой путь таким образом, чтобы быть у стен Дели на рассвете. К тому времени я еще не ведал о печальной участи, постигшей моего сына Саада Ваккаса, не знал о его гибели. Прежде всего я желал сведений о размерах крепостных стен Дели. Её стены оказались не столь велики, как рассказывали, их высота не достигала сорока зарьов, как гласили преувеличенные слухи. Людям свойственно стремление удивлять других, отсюда их привычка преукрашать действительность. Я прикинул, что высота стены не превышает двенадцати зарьов, на ней не видно было каких-либо повреждений, если они и были, их видимо успели заделать до моего прихода.

Перед стенами имелся ров, наполненный водой. Я хотел знать, откуда подвели ту воду. Я узнал, что рядом с Дели протекает река, от которой и провели канал ко рву, что позволило легко заполнить его водой. Надеюсь на наступление сезона дождей, осажденные полагали, что река и ров будут постоянно полны водой. На гребне стены стояли люди с густыми и длинными усами, закрученными до самых ушей, в руках у них были копья.

Опыт научил меня, что усы и борода еще не свидетельствуют об отваге и смелости, зрелости и мудрости. Наш пророк (да благословит Аллах его и род его) и его сподвижники не носили длинных усов и густых бород, однако со времени хиджры, основоположники ислама одержали победы в семидесяти-восьмидесяти различных войнах. Моих воинов так же не страшат густые усы,

которые ничто иное, кроме как просто пучки волос, они знают, что для обладателя усов полезнее наращивать мощную мускулатуру на теле, чем ту растительность на лице - на поле боя от первого больше толку, ибо там следует пускать в ход мускулы, а не усы. Усатые защитники внимательно следили за тем, как я с военачальниками осматривал крепостные стены и ров, из чего заключив, что я - самый главный в том войске, один из них прицелился в меня из лука. Один из сопровождающих выставил перед моим лицом свой щит, чтобы стрела не причинила мне вреда. Однако она упала, не долетев до меня целых двадцать зарьвов, хотя и пущена была с высоты стены и по идее должна была лететь дальше, чем в обычных условиях. Я взял лук и стрелы у одного из своих сопровождающих и прицелился в того, кто стрелял в меня. Мне предстояло пустить стрелу снизу вверх и по идее моя стрела должна была пролететь большее расстояние, чем та, что была пущена тем человеком. Тот несомненно знал это, потому, что, увидев, как я прицеливаюсь, не стал прятаться за гребень стены, чтобы укрыться от опасности, полагая, что она все равно не долетит до него.

Однако моя стрела не только долетела, но и ударилась о грудь того усатого с такой силой, что он пошатнулся, не будь он облачен в панцирь, она бы пронзила его. Я увидел как он согнулся, затем выпрямившись поднял стрелу и стал показывать ее своим соратникам, повидимому выражая им свое удивление, мол как это она могла долететь дотуда, будучи пущенной снизу. Пока тот человек показывал стрелу соратникам, я вторично натянул свой лук.

Не было ветра, который мог повлиять на траекторию полета моей стрелы и я знал, что она попадет в цель. Я натянул тетиву сразу, как обычно до самого прищуренного глаза. Те, кто натягивает тетиву долго, обычно не попадают в цель, ибо в этом случае рука, удерживающая сам лук, начинает дрожать, что вызывает отклонение в траектории летящей стрелы. Вырвавшись из лука моя стрела попала прямо в лицо того, кто незадолго до этого показывал первую мою стрелу своим соратникам. Издав ужасный крик, донесшийся даже до того отдаленного места где мы стояли, тот человек упал, исчезнув за гребнем стены.

В тот день незадолго до захода солнца на гребне стены показался некий человек в красном халате. Он поднял руку и прокричал: «Амир Тимур!» Я поднял свою руку и прокричал: «Я -Амир Тимур, что ты хочешь сказать?» Затем стало ясно, что он не понимает моего языка и что я так же не пойму, что он там говорит. Я велел толмачу переводить.

Как пояснил толмач, то был сам верховный брахман Дели, духовный вождь индусов. Я велел толмачу спросить, чего хочет от меня тот человек. Переговорив с ним, толмач перевел мне, что он предлагает мне оставить Дели в покое и уйти, в противном случае мол, сам Брахма покарает меня. Я спросил, кто такой Брахма и как он может покарать меня. Брахман ответил: «Брахма - это тот, кто сотворил небеса и землю, людей и судьба твоя также в

его руках.» Я вновь спросил, как он может покарать меня. Брахман ответил, что если я не оставлю в покое город и не уйду, жизнь моя будет короткой. Меня разобрал смех от тех детских рассуждений, между тем брахман продолжал: «Амир Тимур, оставив сей город в покое и уйдя отсюда, ты проживешь в здравии еще двадцать один год, а если будешь упрямо пытаться захватить его, оставшаяся жизнь твоя сведется всего лишь к семи годам. Кроме того, есть вероятность твоей гибели в сражении, что может сделать твою жизнь еще короче.»

Я сказал Назир-эд-дину Умару, стоявшему рядом: «Ты слышишь, что говорит этот человек?» Тот ответил: «О Амир Тимур, ты не из тех, кого могут напугать такие слова.» Брахман продолжал: «О Амир Тимур, тебе сегодня шестьдесят три года, и если воздержишься от взятия Дели и уйдешь, то доживешь до девяноста четырех лет. Если вознамеришься захватить этот город, твоя естественная жизнь продлится лишь до семидесятилетнего возраста и то, если не погибнешь в сражении или от какого-либо несчастья.» Я ответил: «О человек в красном, я и смерть - старые друзья, мы с нею давно привыкли друг к другу, я вижу ее перед собой и рядом с собою с самых юных лет, и если хочешь напугать меня, говори о чем -нибудь другом.» Брахман ответил: «То, что я изрек - истина и если не повернешь назад, вскоре получишь горестную весть.» Я спросил, что это за весть. Брахман ответил, что это будет весть о смерти моего сына.

Я ответил: «Все мои воины, погибшие на полях сражений, имели отцов, и мой сын не единственный, у кого был отец, и если придет весть о его смерти, я буду чувствовать то же, что и другие родители, получившие весть о гибели их сына.» Брахман сказал: «Больше мне нечего тебе сказать, я ухожу.» Он исчез со стены. Солнце зашло, началась первая ночь осады Дели. Я велел расставить караульных вокруг рва ибо допускал, что ночью на нас могут напасть со стороны степи, я не был уверен, что противник не располагает войсками, находящимися вне стен Дели. *(В данном конкретном случае Тимурленг употребляет слово «ров», имея ввиду то, что мы на французском языке называем «fouvier» и это не следует путать с делийским рвом, полным воды. За много веков до Тимурленга было традицией устраивать рвы вблизи военного лагеря в целях гигиены с тем, чтобы не засорять и не осквернять территорию самого лагеря - Марсель Брион.)*

В ту и последующие ночи, мы подвергались опасности двойного нападения, одно из них могло последовать изнутри Дели, будучи организованным Малу Экбалем и Махмудом Халладжем, Второе следовало ожидать от какого-либо хиндустанского войска, находившегося в открытых степях. В ту ночь, обходя лагерь я убедился, что каждый находится на своем месте, затем я прошел в свой шатер, снял кольчугу и латы, положил их поближе и лег поспать. Когда я лег, было что-то около полуночи, в лагере не раздавалось ни звука, вокруг него разожгли костры на случай, если индусы вновь надумают насладиться на нас ползучих гадов, чтобы вызвать среди нас смятение и беспорядок. Вдруг я

проснулся от звука, подобного лязгу двух скрещивающихся клинков, я вскочил, вообразив, что это враг напал и наши воины рубятся с ним.

Затем я обратил внимание на то, что звук идет не из лагеря, а раздается внутри шатра - моя кольчуга мерно билась о лежащий рядом щит, отчего и возникал тот непрерывный лязг, тут же я обратил внимание и на то, что земля дрожит под моими ногами, я понял, что происходит землетрясение. Нас оно никогда не пугало, ибо над нашими головами редко бывала крыша дома, могущая обрушиться на нас вместе со стенами. Тем не менее, мои воины проснулись встревоженные, а из города до нашего слуха донеслись испуганные крики и мы поняли, что жители Дели больше, чем мы напуганы землетрясением. Стихийное бедствие длилось недолго, только я хотел дать указание, чтобы подбодрить воинов, как оно прекратилось. Однако войско знало о вчерашних речах брахмана, которые он произносил, стоя на гребне городской стены, оно могло подумать, что землетрясение наслал именно он.

Поэтому я велел военачальникам успокоить и ободрить воинов, разъясняя, что землетрясение, как и ветер и дождь - это природные явления, происходящие повсюду по воле божьей и ни один колдун не может вызвать его по своему хотению. Колдуны, претендующие на то, что они могут творить различные чудеса, на деле же не в силах влиять ни на земные, ни на небесные дела. Я сам никогда не верил в колдовство, но не могу утверждать, что настоящих волшебников нет и не было, ибо сказано в Коране, что они существовали в старину, однако Слово и Книга Божьи повелевают не поддаваться их чарам. Если бы мои воины знали наизусть Коран так же, как знал его я, не было бы необходимости ободрять их через военачальников и разъяснять, что никакой колдун или брахман не в силах вызвать землетрясение.

Однако мои воины не умели читать Коран и постигать его смысл, поэтому им пришлось разъяснять, что произошло обычное стихийное явление и индуистский брахман здесь ни при чем, он не в силах сотрясать землю, то, что произошло в ту ночь, имело место вследствие воли и могущества Божьего. После случившегося я не мог уснуть, вышел из шатра и зашагал по лагерю. Я заметил, что ни в одном из его участков нет нарушений порядка, военачальникам удалось успокоить тех из воинов, кто испытал страх. Переполох в городе так же затих, со стороны Дели до слуха не доносилось ни звука, кроме окриков караульных наверху крепостной стены, похоже теми окликаками они взбадривали друг друга, чтобы не заснуть находясь на посту.

Походив какое-то время по лагерю я, посмотрев на небо, убедился, что до рассвета осталось не более одного часа, вернулся в шатер и лег. Однако, прежде чем меня одолел сон, меня разбудил и заставил выскочить наружу грохот обрушивающихся глыб. Камни, сыпавшиеся на лагерь были такие огромные, что каждый из них падая на землю, заставлял ее содрогаться, к грохоту камней добавлялись крики пострадавших воинов и звуки, с

которыми рычаги камнеметов после каждого выстрела ударялись о станину орудия.

Камни продолжали лететь со стороны города, калеча моих воинов. Я трясся от гнева и злобы на самого себя, а не на кого-то другого. Причина заключалась в том, что проучаствовав в десятках войн, взяв множество крепостей, я должен был уразуметь, что окружив город, не должен располагать свой лагерь слишком близко к его стенам, чтобы с них можно было достать лагерь из камнеметов. Если бы в тот день я заметил хоть одну катапульту или баллисту, то сообразил бы разбить лагерь подальше от города, вне досягаемости обстрела камнями. И поскольку я не видел и намека на присутствие тех машин на крепостной стене, то и этот вопрос вообще не возникал в моей голове. После обстрела в лагере воцарилась подавленная атмосфера, военачальники были обескуражены, не зная что следует делать. Я видел, что самым разумным в тот момент было велеть войску свернуть палатки и переместиться за пределы досягаемости камней из баллист и катапульт, и переместить в первую очередь лошадей. Промедление в осуществлении тех мер могло привести к новым потерям и жертвам.

В ту ночь я не упрекнул никого из военачальников в том, что они пережили страх, ибо испуг испытал и я сам. Мы, воины привыкли получать раны от ударов клинков, копий, стрел, секир и не боялись смерти, исходящей от всех видов обычного оружия. Однако смерть под ураганным обстрелом камнями для нас явление непривычное и поэтому поневоле вызывает страх в сердце. Самар Тархан, мой учитель фехтования, да упокоит Аллах его душу, как-то сказал: «В жизни каждого воина, неважно, каким бы отважным он не был, может настать час, когда он испытывает страх. Нет на свете такого человека, который не испытал бы в своей жизни страха по той или иной причине. Однако долг всякого мужа в тот момент состоит в том, чтобы проявить твердость духа, не метаться по сторонам, а думать о том, как устранить явление, породившее тот страх и быть готовым умереть, если выяснилось, что та угроза неодолима.»

В ту ночь, хоть и испытал я страх, однако не утратил присутствия духа. Выйдя из шатра, я не стал растерянно метаться по сторонам, зная, что всегда должен показывать своим воинам и их военачальникам пример выдержки и хладнокровия. Собрав возле своего шатра бегавших в смятении военачальников, я велел им направиться в каждую из частей лагеря и лично от меня передать указание воинам покинуть его пределы, уводя с собой лошадей.

По местам падения камней я мог судить, что стоит моим воинам удалиться за черту опоясывающего лагерь рва, они окажутся в безопасном месте. Военачальники разбежались, чтобы вывести растерянных воинов за пределы лагеря, где их уже не достанут метательные устройства врага. Временами,

тот или иной камень падал неподалеку от меня, при этом меня охватывало непроизвольное желание бежать как все, чтобы оказаться от них подальше. Однако долг командующего и страх перед позором твердо удерживали меня на месте, я говорил себе: «Позором будет, если войско увидит тебя, спасающимся бегством, стоит твоим воинам и их старшим увидеть тебя бегущим, пропадет уважение, которое ты заработал в их глазах, проведя всю свою жизнь в боях и сражениях, развеется слава доблестного Амира Тимура Гурагана.» Я оставался возле шатра столько времени, сколько оказалось необходимым чтобы вывести всех воинов и их коней за черту лагеря, лишь после этого размеренным шагом я последовал в том же направлении, велел военачальникам передать войску, чтобы было готово отразить вероятную атаку противника.

Я полагал, что индусы после такого сильного обстрела камнями, непременно осуществят вылазку из города. На их месте, увидев беспорядок и панику в лагере противника, возникшие вследствие успешного обстрела, я бы именно так и поступил. Я не имею привычки отсиживаться в осажденной крепости, и по всем канонам военной науки, Малу Экбаль и Махмуд Халладж должны были выйти из крепости и атаковать нас. Тем не менее, хиндустанские воины так и не вышли из ворот крепости, не было видно их и потом, когда мы покинули свой лагерь.

Утром, при свете дня, мы увидев расположенные на стенах баллисты и катапульты, поняли, что стоит нам вернуться в свой прежний лагерь, мы вновь попадем под их обстрел. Обстрел в дневное время казался менее опасным, однако угроза его сохранялась и я велел, чтобы туда отправили небольшие группы воинов, которые будут свертывать палатки и переносить имущество на наши новые позиции. В тот же день, вокруг Дели возник новый лагерь и теперь, когда мы расположились подальше от городской стены, ни наши стрелы могли долететь до нее, ни их метательные машины могли достать нас.

Малу Экбаль и Махмуд Халладж, сумев застичь нас врасплох, не воспользовались этим обстоятельством должным образом. Вместе с тем, меня огорчили понесенные нами потери, и я понял, что несмотря на то, что всю свою жизнь, с юных лет, проведенную в боях и походах, я все еще не обрел достаточного опыта в управлении обстановкой в сражении и потому должен был еще много чего усвоить. Обстрел камнями, имевший место прошлой ночью, явился ещё одним горьким уроком для меня. Победы, одержанные в Хиндустане до той поры, вскружили мне голову, я возгордился и недооценил противника, забыв, что никогда не следует относиться к нему с пренебрежением. Тот горький урок отрезвил меня, заставив впредь проявлять крайнюю осторожность. Как только устроили новый лагерь, я собрал военный совет, где хотел узнать мнения военачальников о том, какими способами следует брать Дели.

Помимо военачальников на том совете присутствовал и зодчий Шир Бахрам Марузи. Я сказал: «Окружив этот город вначале, мы вообразили, что Малу Экбаль и Махмуд Халладж пребывают в спячке, и не думают о том, как защитить свою крепость. Вчера нам доказали, что они не дремлют и в состоянии защитить Дели. Город окружен рвом с водой, который мы не можем перейти. Устройство подкопа, проходящего под тем рвом - долгое и трудное дело.» Я сказал Шир Бахраму Марузи, чтобы он высказал свое мнение по этому поводу. Он сказал: «О Амир Тимур, подкоп возможно устроить при условии, что ров будет осушен от воды. Поскольку дно рва не покрыто саруджем (т.е. раствор из смеси извести, золы и песка) или каким-либо другим твердым покрытием, вода неизбежно просочится в подземный ход и затопит его.» Я спросил Шир Бахрама, каким способом можно было бы осушить тот ров.

Он ответил: «О эмир, если бы удалось перекрыть приток воды в ров и засыпать землей тот ров, тогда можно было бы осушить его, этот способ постоянно применяют земледельцы на берегах Джейхуна: вначале они перекрывают ответвления реки, питающие водой болото, затем заполняют то болото грунтом.» Я сказал, что такое потребует много времени. Шир Бахрам ответил, что не видит другой возможности для взятия города.

Один из военачальников сказал: «Как только мы начнем засыпать ров, противник всполошится вообразив, что мы вознамерились брать город именно таким путем - вначале засыпав ров. Тем временем мы могли бы вести подкоп.» Первым необходимым шагом было - перекрыть рукав, соединяющий реку Дели со рвом. Тот рукав был расположен к востоку от рва и очень скоро я догадался, что дно рва расположено на разных уровнях, где-то оно было выше, а где-то ниже и вода поступает вначале туда, где дно повыше, после чего растекается в остальные части что расположены пониже.

Шир-Бахрам Марузи сказал, что следует вначале осушить часть рва, где дно повыше. Если это нам удастся, мы сумеем быстрее отрыть подкоп и чем скорее осушим остальные части рва, тем меньше будет вероятность затопления подкопа ибо оставаясь на нижних уровнях, вода никогда не потечет снизу вверх, ей свойственно течь сверху вниз. В тот же день, после принятия такого решения на военном совете, началось его исполнение. Я велел, чтобы всех жителей окрестных сел привлекли к работам по перекрытию питающего ров рукава и осушению его наименее глубокой части шириной в тридцать зарьов.

Перекрытие притока было делом относительно нетрудным, труднее было засыпать сам ров. Во второй половине того же дня рукав был перекрыт и с вечера мои воины вместе с привлеченными к работам местными жителями начали засыпку рва, однако, сколько бы грунта туда не высыпали, выглядело

так, словно его бросали в бездонный океан и не было признаков осушения той части рва.

Шир Бахрам Марузи утверждал, что несомненно, в конце-концов ров будет осушен. Мы заметили, что вода уносит насыпанный грунт в нижние части рва и что следует сыпать туда грунт, смешанный с камнями, чтобы камни преградили доступ воды к осушаемой части. Поэтому я приказал, чтобы воины и местные жители таскали и сбрасывали в ров не грунт, а камни.

После захода солнца мы продолжали таскать камни, пока не заполнили ими часть рва. Тем временем, индусы, находившиеся в городе, догадались о нашем намерении осушить часть рва. Они полагали, что мы делаем это для того, чтобы, переправившись через него, штурмовать город и вовсе не догадывались о нашем намерении устроить там подкоп. С того момента осажденные вновь начали обстреливать нас камнями. После наступления темноты, баллисты и катапульты стали забрасывать нас горящими промасленными тряпками, стало труднее работать в таких условиях, однако, мы вынуждены были продолжать то занятие по осушению рва, чтобы можно было приступить к выполнению основной задачи.

Наши плотники соорудили пять огромных метательных машин, установив их в том месте, где планировалось насыпать ров. С помощью тех машин, мы сами начали обстрел осажденных камнями и вынудили их значительно ослабить свой обстрел на том участке осады. Это позволило нам насыпать камнями ров и предотвратить доступ воды в намеченную нами часть. После этого работа пошла быстрее и вскоре, мы заполнили грунтом ту часть рва, которая была так важна для нас. Как только это было достигнуто, Шир-Бахрам начал устройство подкопа. Эти работы надо было вести скрытно, осажденные не должны были догадываться о нашем намерении устроить подкоп для разрушения крепостной стены. Дабы отвлечь их, мы предприняли ряд мер, явно показывающих наши попытки перебросить войско через ров и начать штурм стены - устроили деревянные мостки и сколотили высокие лестницы. При создавшихся условиях можно было начать штурм стен, однако зная, что теперь есть возможность их разрушения с помощью взрыва, я не хотел допускать лишних потерь в своем войске.

Шир-Бахрам день и ночь был занят устройством подкопа и однажды он доложил о его готовности, о том, что прямо под крепостной стеной удалось отрыть пространство для порохового погреба, отныне можно было в любое время, когда необходимо, набить его порохом и устроить взрыв.

Шир-Бахрам устроил тот погреб прямо впереди наведенных нами деревянных мостков, чтобы после взрыва воины легко и быстро могли устремиться в образовавшийся пролом.

Для прорыва в город я остановил свой выбор на отряде воинов-четинов, велел облачиться им в доспехи, предвидя, что в момент прорыва мы встретим ожесточенное сопротивление. Как упоминалось, воины-четины были лучшими в моем войске. Они не только не боялись смерти, но и не ощущали боли. Их руки настолько огрубели, что погрузив их в кипяток, они не ощущают ожогов, в этом отношении они бесподобны, ни в одной стране я не встречал таких людей. При всей своей свирепости, это простодушные люди, чтобы держать их в подчинении достаточно знать несколько основных свойств их души. Я надеялся в полной мере воспользоваться переполохом, что возникает после взрыва стены. Тем не менее, я проявил осторожность, пустив вперед четинов, за ними должны были следовать воины Эбдала Гильзайи, искусные в метании боевых крюков.

Пока мы стояли у стен Дели, я все ждал, что вот-вот появится мой сын Саъад Ваккас, поскольку этого не происходило, я направил гонца, который вскоре вернувшись явился ко мне, осыпая себе голову прахом и я понял то, что должен был понять, и сказал гонцу, чтобы он безбоязненно рассказал обо всем как есть. Он поведал: «Твой сын со всем своим отрядом был пленен комендантом крепости Луни - Картаром, который и умертвил его.» Я сказал: «Аллах да упокоит его душу, ибо он был достойным сыном и знал, что истинный муж должен обрести свою смерть на поле битвы.» Я спросил, может ли гонец поведать о подробностях его гибели. Тот ответил, что подробностей не знает, но одно знает точно, - Саъад Ваккас встретил смерть достойно, без стога и мольбы о пощаде. Я сказал: «Достаточно, пока что я не желаю знать большего, об остальном - потом.»

Через день, после той печальной вести, мы взорвали заряд, заложенный под упоминавшейся частью стены. Грохот был настолько оглушительным, что у некоторых наших воинов полопались барабанные перепонки. Отряд четинов ринулся через мостки в образовавшийся пролом и ворвался в город. Я надеялся, что противник будет настолько ошарашен взрывом, что утратит способность к сопротивлению. Однако, еще раз мне суждено было ошибиться в своем суждении о Малу Экбале, Махмуде Халладже и его воинах. Несмотря на то, что взрыв и разрушение части стены застали их врасплох, тем не менее, их усаые воины быстро опомнились и встретили моих солдат ударами булавы и секир.

Ворвавшись в город, мои люди увидели, что воины противника облачены в кольчуги и латы, однако на их головах не было шлемов. Клинки четинов не могли пронзить те латы и кольчуги, крюки людей Эбдала Гидъзайи не могли их зацепить, скользя по броне. Увидев, что четины и крюконосцы замешкались, я послал им дополнительное подкрепление, однако индусы сопротивлялись ожесточенно, отбрасывая мое войско назад, и нам не удавалось переступить черту города и устремиться к центру Дели. К полудню индусы ввели в сражение своих боевых слонов и хотя, мои воины

их не испугались, все же мы несли значительные потери от того, что немало людей было растоптано теми животными или схвачено и отброшено их хоботами. Чтобы отвлечь внимание противника, я велел, чтобы часть войска приступила к штурму, приставив к стенам лестницы, поднялась на верх и проникла в город. Находившиеся на стенах настолько яростно сопротивлялись, что моим воинам не удалось взобраться наверх ни на одном из участков, чтобы закрепившись там, ударить индусам в тыл.

Если бы пролом в стене, устроенный нами, не был узким, я бы бросил туда все войско и битва за Дели завершилась бы в тот же самый день. Однако брешь, устроенная нами в стене, оказалась узкой, и через нее невозможно было запустить в город всё войско целиком, возникала необходимость лопатами и кирками устроить углубления по обе стороны того пролома, чтобы заложив в них порох расширить имевшуюся брешь.

Это необходимо было сделать в тот же день, потому что, догадайся оборонявшиеся о нашем намерении, они бы постарались заделать ту брешь, особого труда им это не составило бы.

Всех, кого можно было, я привлек к тому, чтобы вооружившись кирками и ломом, они быстро создали углубления по обе стороны уже существующего пролома для закладки дополнительных зарядов пороха.

До заката удалось отрыть несколько углублений, однако они были недостаточно глубоки для результативного взрыва, потому что, как я упоминал, крепостная стена Дели была сложена из камня, ее высота достигала двенадцати аршин и неглубокие шахты не могли обеспечить разрушения столь крепкой и толстой стены, поэтому когда наступила ночь нам поневоле пришлось отходить назад.

Часть нашего времени в ту ночь ушла на залечивание полученных воинами ран. В тот день часть четинов, самых напористых среди моих воинов, погибла, я велел сложить останки в месте, где бы их не осквернили хищники, чтобы можно было их похоронить потом, после окончания битвы. Ибо в ту ночь мои воины были слишком утомлены, им следовало отдохнуть, чтобы набраться сил для следующего дня сражения а я не хотел утомлять их погребением павших.

В ту ночь я еще раз пригласил своих военачальников на совет. Я велел им передать войску, что завтра сам возьму оружие в руки и буду участвовать в сражении, чтобы или взять Дели, или пасть на одной из его улиц. Еще я велел передать, что в случае взятия Дели, воинам будет дозволено брать в качестве военной добычи все, что попадется им на глаза, любого юношу или девушку, могущую им понравиться, что для той цели город будет отдан в их распоряжение на целых три дня.

Во время совета мне доложили, что на стену вновь взошел главный брахман того города. Я велел, принимая во внимание его духовный сан, не стрелять в него из луков и поручил толмачу переговорить с ним и узнать, чего тот хочет. Спустя некоторое время, толмач вошел в мой шатер и сказал: «О эмир, тот человек утверждает, что жизнь Амира Тимура из-за того, что он напал на этот город, будет короткой и скоро его постигнет беда.» Я сказал толмачу: «Иди и передай ему, я не боюсь вражеских угроз, а человеку все равно суждено умереть когда-нибудь.»

Мне передали, что тысячи жителей при свете факелов заделывают пролом о возможно к утру завершат ту работу и в этом случае, при повторном штурме мы рискуем потерять время, одолевая вновь возведенное препятствие. Я велел обстрелять камнями из метательных машин работавших на заделке стены, постоянно беспокоить их и мешать им спокойно работать. В ту ночь лагерь наш был достаточно удален от города и я знал, что подобравшись ближе, мы рискуем попасть под обстрел метательных машин. По окончании военного совета я прошел в свой шатер и велел слуге принести мой Коран. Всякий раз, испытывая беспокойство в мыслях, я открываю его, не для того, чтобы читать, а для того, чтобы видеть его священные строки. Ибо я знаю Коран наизусть до такой степени, что могу по памяти прочесть аяты любой из сур даже в обратном порядке, с конца и до самого начала суры. Я раскрываю Коран наугад с той целью, чтобы на основании содержания первого же попавшегося на глаза аята определить, что меня ждет в ближайшем будущем, хотя и не считаю, что все происходящее в жизни человека предопределено свыше.

Я связываю судьбу человека с характером принимаемых им решений и считаю, если бы Аллах не хотел, чтобы человек был хозяином своей судьбы, он бы не наделил его разумом, творец потому и даровал человеку сознание, чтобы тот мог крепко держать в своих руках поводья, с помощью которых можно управлять судьбой. Когда слуга-гулям принес Коран я, после омовения, открыл его наугад и прочел следующий аят:

«Инна фатахна лак фатхан мубинан.»

(т.е. «Истинно, Мы помогли тебе победить верною победою»

Начало суры 48 «Аль-Фатх» – Победа)

Именно этот аят Всемогуший Творец ниспослал последнему из пророков (да благословит Аллах его и его род) накануне взятия им Мекки, тем самым Аллах возвестил ему, что он обязательно возьмет тот священный город, так оно и произошло и пророк ислама, после того, как к нему снизошел упомянутый аят, взял Мекку и направился к храму Кааба и велел Билалу, муъezzину, взобраться на верх храма и пропеть азан-призыв к молитве. И как только тот призыв коснулся слуха мекканцев, они группами и семьями стали принимать ислам. Доброе предвестие, исходящее из содержания аята,

привело меня в такой восторг, что мне хотелось выйти из шатра и громким голосом пропеть азан, однако несвоевременно прозвучавший призыв к молитве мог только нарушить покой воинов и их начальников. С того момента я ощутил в себе прилив новых сил, я чувствовал, что могу одолеть любое препятствие и ничто не в силах помешать моей победе. Настолько сильно тот восторг охватил меня, что поначалу я не обратил внимания на некий гвалт и шум, когда в шатер вошли двое из моих военачальников и сообщили, что индусы, используя слонов, вышли из южных ворот Дели и напали на наше войско.

Я велел им отправиться и зажечь как можно больше костров и факелов перед слонами, потому что те боятся пламени и не смеют переступить через него. Так же я велел передать Эбдалу Гильзайи, чтобы направил своих крюконосцев навстречу слонам, тех животных надо было остановить или обездвижить, нанося им тяжелые раны. Лучникам я велел поражать стрелами хоботы слонов, и сказал, что сам я подойду на поле боя после осмотра лагеря. Я облачился в доспехи, надел шлем, вскочил на коня и проверив свою саблю и секиру, отправился осматривать лагерь. Я потому решил осмотреть лагерь, что не был уверен, что индусы не предпримут атаку еще с какого-нибудь другого направления, для этого слонов у Малу Экбаля и Махмуда Халладжа хватало. Мне говорили, что в распоряжении Малу Экбаля имеется две тысячи слонов, я считал ту цифру преувеличенной, однако те двое могли пустить в ход несколько сотен тех животных. В ходе обхода лагеря я предупредил командующих отрядами, чтобы готовились к массированному наступлению, потому что южные ворота города были открыты и мы, могли бы, прорвавшись через них, попасть в город. Закончив обход, я направился в сторону южной части города и увидел, что там разожгли такое количество костров и факелов, что стало светло как днем.

Сражение наших воинов со слонами индусов продолжалось, однако стена из огня не давала противнику возможности наступать, мои лучники обстреливали слонов, утыканные торчащими стрелами, те походили на огромных дикобразов. Пока шла битва, я поручил своему зятю Кара-хану затребовать у военачальников пятьсот добровольцев, готовых идти на смерть, прислать их ко мне, сказав, что им предстоит под моим личным командованием ворваться в город. Слова Божьи «Инна фатахна лак фатхан мубинан» звенели в моих ушах и я был уверен, что если постараюсь, то той же ночью я войду в город.

Пятьсот добровольцев, готовых идти на смерть, облаченные в доспехи, были готовы. Оглядев их, я сказал, что нам предстоит, воспользовавшись возможностью, прорваться внутрь города, что сам я лично буду биться с ними бок о бок, руководя их действиями. Я объяснил, что наша задача - захватить ворота и тем самым открыть путь войску для проникновения в город. Сумеет захватить ворота - хорошо, в противном случае, все мы погибнем.

Кара-хану я велел, независимо от того, погибну или буду жив к тому времени когда путь через ворота будет расчищен, вести войско на прорыв внутрь города, не щадить никого, кроме духовенства, ученых, литераторов и искусных ремесленников, захватить город и отдать его в распоряжение воинов, чтобы те поживились добычей и брали в плен мужчин и женщин.

Кара-хан знал, что бесполезно отговаривать меня от личного участия в сражении. Передав ему все те распоряжения, я спешил, потому что знал, атакуя город верхом, мы далеко не продвинемся, кроме того наши кони пугаются слонов, а пешему легче биться и пробиваться в тесных улицах.

Затем взяв в руки саблю и секиру, и обратившись к облаченным в доспехи воинам, я крикнул: «Вперед!» Путь, по которому мы следовали был неровным, на некоторых его участках кипела схватка между нашими воинами и индусами, сидящими на спинах слонов, и нам, чтобы попасть к воротам приходилось с боем пробиваться либо между ними, либо обходить их стороной. Я раздавал налево-направо удары саблей и секирой и дважды мне довелось рубить хоботы слонам, после чего, каждый из них падая на камни, заваливался набок, а седоки, расположившиеся в беседках, укрепленных на спинах животных, летели наземь. Мы продвинулись вперед настолько, что от южных ворот нас отделяло расстояние всего в каких-то двадцать зарьов и на том пространстве больше не было видно никаких слонов.

В это время нам попытался преградить путь отряд из усатых воинов-индусов, вышедших из города. Я закричал: «Инна фатахна лак фатхан мубинан!», и бросился в гущу вражеских воинов, орудуя обеими руками с зажатыми в них саблей и секирой с такой яростью, что сам удивился своей силе и стремительности. Я слышал лязг ударов копий и сабель, ударявшихся о мои доспехи. Я был так разгорячен схваткой, что кричал от возбуждения и мои воины тоже издавали грозный рев, повергая наземь вражеских воинов одного за другим. Шаг за шагом, мы приближались к городским воротам. В тот момент я не задумывался о сохранении собственной жизни. Единственным, что страшило меня было то, что ворота успеют закрыть ещё до того как мы успеем прорваться к ним и тогда нам не удастся попасть внутрь города. Однако этого не произошло и нам удалось оказаться на пороге ворот прежде, чем индусам пришла в голову мысль запереть их.

Под аркой ворот закипела яростная схватка между нами и находившимися там противником и мы, уничтожив всех, находившихся на том месте, ворвались в город. У меня не было времени ставить охрану у тех ворот, чтобы их не захлопнули за нами, охрану должен был обеспечить Кара-хан, ведущий войско вслед за нами. Кроме того, он должен был очистить от присутствия противника гребни прилегающих к воротам стен и уничтожить

остатки индусского войска, находившегося за пределами города. Войдя в город, мы устремились вперед, подобно стреле, вонзившейся в сердце врага, за нами следовало многочисленное войско, ведомое Кара-ханом. Войско наше хлынуло внутрь города подобно лавине, ринувшейся в узкий проток и, затем вырвавшись на простор, разветвившейся на множество рукавов, каждый из которых неслись вперед по своему пути, не теряя связи со своим главным потоком. Жители, узнав о нашем прорыве внутрь город, подняли истошный вопль; визг женщин, плач детей, крики вражеских воинов слились в ужасающую какофонию звуков, не поддающуюся никакому описанию. Я все так же продвигался вперед, ожесточенно рубя направо и налево, пока не дошел до места, где казалось, царило относительное затишье. В том месте рукоятка секиры выскользнула из моей руки, осмотрев ее при свете факелов, к ужасу своему я обнаружил, что она вся в густой крови, затем я заметил, что все мои доспехи облиты кровью, словно меня окунули и вытащили из хауза (т.е. бассейна), наполненного человеческой кровью. В тот момент я огляделся, чтобы узреть находившихся рядом добровольцев-смертников, они так же как и я, с ног до головы были забрызганы кровью. Я сказал им: «Сегодняшней ночью вы совершили самое чистейшее омовение, ибо для воина нет омовения лучше и выше, чем омовение, совершенное кровью врага.» Сзади подходили остальные добровольцы-смертники, за ними – основная часть войска. Там, где мы остановились, был спокойный участок города, лишь по сторонам слышались яростные крики и лязг сталкивающихся в схватке клинков. До того момента я не замечал, что ранен. Пока левый глаз не залило кровью, я и не чувствовал рану, нанесенную мне в область надбровья под нижний край шлема.

Это натолкнуло меня на мысль осмотреть все остальные части своего тела. Я обнаружил еще по одной ране на каждом из предплечий и пять – на обеих ногах, некоторые от ударов сабли, некоторые были нанесены копьем. Я крикнул, чтобы среди добровольцев смертников провели переключку, чтобы узнать, сколько из них осталось в живых. В результате, выяснилось, что на ногах осталось сто двенадцать человек, я был сто тринадцатым. Среди нас, оставшихся в живых, не оказалось ни одного невредимого. Я сказал: «Заливающая мне глаза кровь мешает моему дальнейшему участию в бою. Всякий, кто подобно мне, чувствует, что не в состоянии продолжать схватку, пусть выходит из боя и следует вместе со мной залечивать раны, остальные же пусть продолжают биться.» Семнадцать наиболее тяжело раненных отделились от общей массы и стали рядом со мной, остальные ринулись вперед, чтобы продолжить сражение.

Поручив командовать боем своему зятю Кара-хану, я мог не обременять себя задачами командующего и люди, стоявшие вокруг, повели меня в место, где раненым оказывалась помощь. Однако пока мы шли, раны на ногах (их было пять, как упоминалось) болели так сильно, сюда же прибавилась значительная потеря крови, что я потерял сознание и очнулся на

перевязочном пункте, организованном внутри города. Стало ясно, что меня донесли туда на руках и передали лекарю.

Прийдя в себя, я обнаружил, что с меня сняты все доспехи, на голову, руки и ноги наложены повязки.

Небо над Дели выглядело багровым, я ощущал резкий запах гари и было видно, что в городе бушует огромный пожар. Я знал, что Кара-хан намеренно устроил его, чтобы еще больше подорвать дух защитников. Я хотел подняться чтобы идти, однако лекарь сказал: «О эмир, не поднимайся с места, иначе растрепожешь раны, края которых только начали затягиваться. Учитывая, что ты и так потерял много крови, повторное кровотечение тебя убьет, твоя пища должна состоять из каймака (т.е. сливок), чтобы восстановилась кровь.» Несмотря на этот запрет двигаться, я не мог оставаться в неведении о ходе сражения, поэтому через каждые несколько минут посылал запросы о том, как складывалась обстановка. Получив сведения о захвате всех городских ворот, я приказал, чтобы, пока не будут схвачены Малу Экбаль и Махмуд Халладж, никого из города не выпускать, а после того, как они попадут в наши руки, позволить свободно уйти лишь старикам и детям, оставив в плену молодых мужчин, женщин и девушек, ибо им предстояло стать гулямами (т.е. невольник, слуга) и наложницами.

Гул битвы все еще раздавался, когда я заснул, проснувшись, я обнаружил, что наступил день, однако над городом стоял такой дым, что сквозь него не могли пробиться солнечные лучи. Оглядевшись, я увидел, что все еще нахожусь на перевязочном пункте, некоторые раненные спали, некоторые сидели, привалившись спиной к стене. Мне принесли полную касу (название глубокой чаши) каймака, пока я спал, лекарь распорядился достать его и тот продукт принесли из нашего военного лагеря, что был за городом. Гуляму, принесшему каймак, я велел отдать его одному из раненных, открывших глаза, сходить и принести ещё каймака для всех остальных раненных. Он ответил: «О эмир, удалось приготовить небольшое количество этого продукта, которого достаточно для тебя лишь одного. Нет возможности достать его для всех.» Я сказал: «Иди и передай мое повеление приготовить достаточно большое количество этого продукта, чтобы его хватило для всех раненных, потерявших много крови.» Вызвав лекаря, я сказал: «Передайте раненным, что для них вскоре принесут каймак.» И лишь убедившись, что сказанное мною передали как следует, я отведал немного каймака. В это время пришел Кара-хан с сообщением о том, что только что был схвачен Малу Экбаль, а Махмуда Халладжа поймали еще перед рассветом. Я спросил, какова военная обстановка. Кара-хан сообщил, что в некоторых кварталах города все еще имеет место сопротивление. Я сказал: «Используйте самих индусов, пусть они прокричат сопротивляющимся, что Малу Экбаль и Махмуд Халладж пленены и потому, дальнейшее

сопротивление бесполезно, если они и после этого не сдадутся, тогда убейте всех.»

Кара-хан спросил, поскольку сражение длилось до рассвета, наши воины не успели поживиться военной добычей, ибо не приступали к изъятию имущества и захвату пленных, в связи с чем просил разрешения начать разграбление города. Я дал такое разрешение, еще раз подтвердив, что воины вольны захватывать в виде добычи все, что пожелают, брать в качестве своих пленников кого захотят и вся эта добыча должна быть перемещена за черту города.

Кара-хан спросил, не желаю ли я чтобы он провел меня во дворец Малу Экбаля. Я ответил, что пока битва не завершится полностью, мне там нечего делать. Кара-хан сказал так же, что для моей охраны он расставил вокруг множество воинов, опасаясь, как-бы какие-либо, пришедшие в отчаяние индусы не напали на это место и не погубили меня. К полудню были сломлены последние очаги сопротивления индусов, для меня снарядили паланкин и перенесли во дворец - бывшую резиденцию Малу Экбаля. Шествуя по улицам, я видел охваченные пожаром улицы и дома, небо, закрытое черным дымом и трупы, валявшиеся повсюду.

Мои воины, каждый ухватив свою добычу, связав захваченных молодых мужчин и женщин, тащили все это за город. Дыма было так много, что при каждом вдохе чувствовалось как он забивал твои легкие. Начиная с полудня, в Дели уже никого не убивали и никто не оказывал сопротивления, все поняли, что оно бессмысленно. Три дня я пребывал во дворце Малу Экбаля, и только на третий день развеялся дым пожаров над небом Дели, к тому времени и я значительно окреп. На рассвете четвертого дня мой гулям, как и в предыдущие дни, принес кассу, наполненную каймаком и поставив ее предо мной, хотел было удалиться, когда вдруг ему стало плохо, его вырвало и всё, что он изверг оказалось в той кассе с каймаком.

Переведя дух, гулям взмолился: «О эмир, прости меня, ибо то ужасное произошло помимо моей воли.» Я ответил: «Я воин и всю жизнь привык видеть кровь и раны, вид рвоты тоже не смутит меня, выбрось содержимое этой кассы подальше и принеси для меня другую.»

Однако моего гуляма охватил новый приступ рвоты, она его настолько одолела, что он повалился наземь, не в силах подняться вновь. Я крикнул, чтобы пришли и унесли его и передали в руки лекаря для лечения. Несколько человек вошли в комнату и унесли гуляма, через час после того, пришел Кара-хан, как я заметил, выглядел он задумчивым. Я спросил, о чем это он так серьезно думает. Он ответил: «О эмир, твои воины испытывают тошноту и лихорадку, спросив лекаря о том, что это за болезнь я получил ответ, что это холера.» В тот момент я вспомнил слова, услышанные мною в Кветте от

Абдуллы Вали-уль-Мулька, утверждавшего, что всех, кто пытался взять Дели, поражала болезнь, вынуждая завоевателей в смятении поворачивать вспять, и что та болезнь не берет лишь самих местных жителей, поражая только пришельцев. Из донесений, поступавших ко мне за эти часы, явствовало, что мои воины, вначале здоровые без малейших признаков недомоганий, внезапно начинали испытывать тошноту, затем лихорадочную дрожь. Холерная болезнь, поражавшая их была такой сильной, что через два часа после этого они валялись с ног, да так, что они вообще были не в состоянии двигаться. У военачальников, что приходили с такими донесениями, я выспрашивал, больны ли холерой сами жители города и пленники, которых к тому времени вывели за его пределы. Военачальники доложили, что часть жителей и пленных так же заболели холерой.

Наш лекарь был бессилен сделать что-либо для излечения пораженных той болезнью и я сказал, чтобы он обратился за содействием к индусам, те же сказали, что для лечения от холеры кроме выжатого сока (экстракта) кукнара (т.е. опиумного мака) нет иного средства. В сожженном и разрушенном Дели нельзя было отыскать экстракта кукнара и я велел поискать его в окрестностях. Для сбора сухого кукнара, выделили людей, они принесли некоторое его количество, его отварили в воде, выделили экстракт, которыми начали поить больных. Однако это не принесло пользы, и начиная со второго дня когда эпидемия той болезни вспыхнула среди моих воинов, среди заболевших начались случаи смертного исхода.

Я хотел покинуть город и переехать в лагерь, находившийся за его чертой, однако лекарь опять не позволил мне двигаться, предупредив, что в противном случае раны вновь раскроются, тогда и лечение может оказаться бесполезным. Военачальники донесли, что заболевшие воины настолько мучаются от рвоты и лихорадки, что тают на глазах, остаются лишь кожа да кости, их глаза вваливаются, губы сохнут и чернеют, чернеют так же пальцы их рук и ног, после чего наступает смерть. От холеры уже умерло так много человек, что Кара-хан сказал: «О эмир, если будешь и дальше оставаться здесь, потеряешь все войско до последнего солдата, нет иного выхода, кроме как спешно покинуть Дели. Уйдя из этих мест, оказавшись в других климатических условиях, возможно мы сумеем спастись от той болезни.»

Еще до того, как разразилась эпидемия холеры, в боях за Дели погибли или были ранены в такой степени тяжело, что не могли передвигаться, двадцать семь тысяч наших воинов и, покидая эти места, я должен был оставить их, подвергая риску погибнуть от рук индусов. Для того, чтобы обеспечить безопасность раненных, оставляемых в Дели, надо было взять с собой заложников, чтобы индусы знали - стоит им напасть на наших раненных, мы убьем их соотечественников. Среди заложников находились также Малу Экбаль и Махмуд Халладж, я захватил казну и сокровища, принадлежавшие им обоим, для перевозки которых понадобилось две тысячи вьючных

животных - лошадей и мулов. Часть сокровищ была в виде золота, часть в виде драгоценных камней, среди которых больше всего было алмазов, рубинов и топазов, и если бы мне вздумалось одним разом продать те драгоценные камни на рынках Ирана и Мавераннахра, цены на них резко упали бы до уровня с цены на золото. Я должен был сохранить все те сокровища, чтобы моим потомкам было на что жить после меня.

Из числа жителей города в качестве заложников я выбрал нескольких брахманов, среди них оказался и тот, что выходя на гребень стены, возвещал, что напад на Дели, я не проживу дольше семи лет. Велев привести его, через толмача я спросил, как его зовут. Он ответил, что имя его - Гани Хурта и толмач пояснил, что имя то на религиозном языке индусов означает «Священный огонь».

Я сказал: «О человек, я собираюсь уйти отсюда, однако здесь останутся раненные да небольшой отряд для присмотра за ними. Выздоровев, раненные и тот отряд также должны будут покинуть эти места. Ты должен разъяснить жителям города - если только кто-либо вздумает покушаться на жизнь и безопасность раненных, или обижать их, в этом случае я убью всех заложников, которых увожу с собою.» Гани-Хурта спросил, куда я собираюсь увести заложников. Я ответил: «Мой путь назад лежит через Кветту, к тому времени, оставшиеся здесь раненные должны выздороветь и присоединиться ко мне, как только это произойдет, я отпущу заложников.»

Гани-Хурта сказал: «А если твои раненные помрут, убьешь ли ты в этом случае заложников?» Я ответил, что нет. Брахман спросил: «А если твои люди заразятся холерой и перемерут, убьешь ли ты заложников в этом случае?» Я вновь ответил отрицательно. Он спросил: «О эмир, что ты собираешься сделать с Малу Экбалем и Махмудом Халладжем?» Я ответил: «Оба они - мои заложники, обоих я увезу в Кветту, и если индусы причинят вред моим оставшимся здесь воинам, я их убью, если нет - освобожу, однако для этого должны быть соблюдены несколько условий. Следует учесть, что отказавшись добровольно сдаться и оказав сопротивление, оба они заслужили смерть. Ты заслужил то же самое, не будь ты духовным лицом, я бы предал тебя смерти, ибо ты утверждал, что я не проживу более семи лет. Ты обладаешь достаточным сознанием, чтобы понимать, что ты произнес непотребные слова и человек, оскорбивший меня таким образом, подлежит смерти.» Брахман спросил: «О эмир, мои слова напугали тебя?» Я ответил: «О человек, если бы ты знал меня достаточно хорошо, то понимал бы, что смерти я не боюсь, особенно той, что могу встретить в бою.»

Гани-Хурта сказал: «О великий эмир, ты не умрешь на поле битвы.» Я сказал: «Однажды ты предрек мне не более семи лет оставшейся жизни, теперь утверждаешь, что я умру не в сражении. Я хочу знать, на чем основаны твои предположения?» Гани-Хурта сказал: «О великий эмир, в этой

стране все знают, что брахман, всю жизнь подавляющий в себе низменные желания, воздерживающийся от животных страстей, никогда не отклонившийся от принципов, предписанных Брахмой, обладает способностью ясно видеть будущее.» Я сказал: «Расскажи о своем будущем, дабы я мог узнать когда и как ты умрешь?» Брахман ответил: «О великий эмир, глаз может узреть все, кроме самого себя.» Я сказал: «Мне понравился твой ответ, он очень изящен и необычен.»

Во время беседы с брахманом, я услышал какую-то мольбу и стоны. Я спросил, что это за звуки. Мне ответили, что это те парии, что недавно стали мусульманами, они умоляют взять их с собой, утверждая, что если мы уйдем, оставив их здесь, индусы убьют их за то, что приняли исламскую веру. Я сказал, чтобы париев, хиндустанских неприкасаемых, перешедших в ислам, переселили в районы Хиндустана, населенные мусульманами и наделили их там землей, чтобы им было где жить.

В тот же день я отправил голубиной почтой послание Абдулле Вали-уль-Мульку, правителю Кветты, в котором велел ему присмотреть пригодные для земледелия площади, которыми необходимо будет наделить индусов-париев, принявших ислам и быть готовым получить плату за них от меня. После того, как новообращенные мусульмане обоснуются на тех землях, им следует помочь всем необходимым для занятия земледелием и расходы, связанные с этим, также необходимо будет отнести на мой счет.

После отправки голубиной почты ко мне пришел Кара-хан и спросил: «О эмир, почему сидишь и не двигаешься? Если не уйдешь отсюда немедленно, все твоё войско погибнет и индусы поймут, что ты остался один, известно, как они могут в этом случае поступить с тобой и потому, следует уже сегодня выступить.» Я спросил, что будем делать с заболевшими холерой. Кара-хан ответил, что их, как и раненных, следует оставить на месте, и если они выживут, то в будущем сумеют присоединиться к нам.

После того как утряслись дела, связанные с ранеными и заболевшими холерой, по всему городу прошли глашатаи, возвестившие о том, что если раненым и больным причинят вред, мы убьем всех заложников. К вечеру мы, покинув Дели, пошли назад той же дорогой, что и пришли.

Поскольку полученные мною раны еще не совсем затянулись, лекарь запретил мне садиться на коня, и потому я расположился на паланкине. Заложников и казну Малу Экбаля и Махмуда Халаджа мы расположили впереди, сами же следовали за ними.

Я знал, что на том пути отсутствуют корм и продовольствия, ибо все, что имелось, было изъято и съедено нами еще тогда, когда мы шли на Дели.

Поэтому мы направили вперед отряды заготовителей, чтобы те изучали окрестности и отыскивали в большом количестве корм и продовольствие, которое следовало складировать в пунктах, впереди следования основного войска. Я знал, что попав в районы болот (где имелась лишь одна единственная дорога), заготовительные отряды не смогут разъезжать по окрестностям, по этой причине еще прежде, чем войско дойдет до того места, следовало набрать достаточный запас корма и продовольствия. *(Пояснение: район тех болот сегодня уже не существует, ибо до того, как Хиндустан попал в руки англичан, тогдашние его владыки-потомки Бабура, называемые историками империей Великих Моголов, осуществили ряд крупных реформ и преобразований, в числе которых было также осушение болот, устройство на их месте пастбищ и плантаций, что впоследствии дало возможность Надир-Шаху, правителю Ирана, во время его похода на Дели, без затруднений пройти через ту местность, ибо к тому времени вышеупомянутых болот уже не существовало. - Марсель Брион).*

Доехав до развалин крепости Джумба, я оставил паланкин и пересел на коня. Поскольку тот район изобиловал змеями, разбив лагерь, мы разожгли побольше костров, чтобы уберечься от тех гадов. На следующий день мы, покинув окрестности Джумба, пошли на крепость Луни тропой диких слонов, о которой я раньше рассказывал. Посланный вперед дозор доложил, что в крепости Луни все еще находится гарнизон его защитников, поэтому ее следует либо обойти, либо взять.

В течении первых трех дней, пока мы удалялись от Дели, среди воинов всё ещё наблюдались случаи заболевания холерой и смерти от неё, однако начиная с четвертого дня число больных начало уменьшаться, а к моменту приближения войска к крепости Луни, случаев заболевания холерой уже вовсе не наблюдалось. Я понял, что очаг эпидемии находился в самом Дели, удалившись от которого, мы сумели избавиться от той опасной болезни. В дни, когда в войске свирепствовала холера, мне советовали держаться подальше от больных воинов, меня пугали: от них легко заразиться, а затем заболеть и умереть.

Однако, несмотря на мое постоянное общение с больными, сам я не заболел, и я понял, что человек может постоянно вдыхать аромат болезни и оставаться неуязвимым перед ее воздействием. Индусы сказали, что наступил сезон дождей - «барсат», во время которого, словно распахивая небесные врата, дождь льет день и ночь. В других странах сезон дождей падает на осень и зиму, тогда как в Индии он начинается в разгаре лета, в самый жаркий его период. Поэтому индусы радуются его приходу, ибо жара спадает и погода становится прохладнее.

Когда мы пошли назад от Дели, жара нас замучила, мы тоже желали скорейшего наступления сезона дождей, несущего прохладу, я же знал также,

что с наступлением того сезона, мы не сможем передвигаться совсем или если и сумеем, то очень медленно. Дожди в Хиндустане льют в течении тридцати-сорока дней, однако не непрерывно, и когда дождь прекращался, мы имели возможность продолжать свой путь.

Само собой, что в первые дни ливня «барсат» нам поневоле пришлось остановиться, поэтому я велел, чтобы воины, с привлечением заложников и местных жителей, начали рубить деревья и сооружать из них навесы. Для привала и отдыха нам не нужны были настоящие помещения, погода была теплой, поэтому было достаточно иметь навесы, чтобы люди и животные не мучились от дождя, поэтому нашим воинам не составило труда быстро изготовить такие навесы.

Приблизившись к крепости Луни, я заметил что на вершине одной из башен подвешены голова и некое туловище, распухшее и напоминающее огромный бурдюк.

Хотя время исказило черты лица, я понял, что это голова моего сына, Саада Ваккаса, но не понял, что же это было подвешено под той головой, по форме напоминавшее раздутый бурдюк. Впоследствии я узнал, то была кожа, содранная с его тела и набитая соломой.

Я не в силах описать свое состояние, когда я увидел голову сына и его оболочку, набитую соломой. Я допускал возможность гибели своих сыновей в сражениях, допускал такую же вероятность и в отношении себя. Смерть воина на поле битвы - дело обычное, однако я никогда не предполагал, что тело моего дитя могут набить соломой и повесить на башенной стене крепости.

Я полагал, что комендант крепости Луни, казнив моего сына, проявит здравомыслие и велит предать земле останки лица, являющегося принцем, не допустит, чтобы глаза его выклевывали стервятники, а тело растерзали хищники. Однако Картар, комендант крепости Луни, не проявил должного уважения к личности и статусу моего сына, набил его содранную кожу соломой и вероятно велел бросить его тело где-то в степи, на съедение хищникам. Не смерть сына возмутила мои чувства, а то кощунство, что проявили в отношении его останков.

Я еще не ведал, каким образом убили моего сына, и прежде, чем начать разбираться с обстоятельствами его смерти, велел рубить деревья в окружающем крепость лесу и строить навесы для укрытия людей и лошадей от проливного дождя.

Пока мои люди были заняты той работой, на верхушке стены показался некий человек и что-то прокричал. Толмач разъяснил, что тот человек кричит

следующее: «Эй Амир Тимур, не останавливайся здесь, уходи отсюда, в противном случае ты погибнешь точно так же, как и твой сын, и мы так же сдерем с тебя кожу и набьем ее соломой, и вывесим тебя рядом с тем, что осталось от твоего сына.»

Я велел военным начальникам поторопиться с устройством навесов, чтобы можно было скорее приступить к штурму крепости, одновременно предупредил старших воинов о том, чтобы сохраняли бдительность и были готовы отразить ночную атаку врага. Чтобы не оказаться застигнутым врасплох, я велел, чтобы разожгли как можно больше огней, которые отпугнут диких слонов, которых так много было в тех местах, и не позволят им ворваться в лагерь.

К тому времени зарядили проливные дожди, свойственные сезону «барсат», они были столь обильны, что можно было подумать, что начался всемирный потоп. Насколько дождь досаждал нам, настолько же он был приятен диким слонам, до начала дождей мы не слышали рева слонов в дневное время, теперь же он раздавался весь день. Учитывая боевую обстановку, я запретил войску охотиться на слонов, да и сильный ливень не позволял того. Иногда дождь на какое-то время переставал идти, открывался кусочек синего неба, появлялась радуга, затем снова начинался дождь. При таком сильном ливне ночами в небе летали дикие утки, до самого утра мы слышали их крик, в дневное время раздавалось пение различных морских птиц, хотя от нас до моря было значительное расстояние.

Соорудив навесы для себя и наших коней, мы уже не мокли от дождя. Однако дождь мешал проведению военных действий и мы пока что не могли начать штурм крепости Луни. Форт был расположен на вершине каменистого холма, если устраивать подкоп, следовало начать его с подножия холма, Учитывая каменистость того холма, устройство подкопа пришлось бы вести годами с помощью специальных инструментов, которые используют каменотесы. Нет крепостей, которых нельзя было бы взять, осаждающих можно вынудить к сдаче измором, однако я не мог оставаться в Хиндустане слишком долго, я желал вернуться домой, чтобы оттуда выступить походом на страну Рум.

(Пояснение: под Румом имеется ввиду Малая Азия, на которой сегодня расположена Турция, в старину, на Востоке эту страну называли Рум и до нынешних дней, в западных районах Ирана, таких как Курдистан и Керманишхан, старики употребляют название «Рум», когда речь идет о Турции - Переводчик).

Помимо этого продолжать оставаться в Хиндустане было просто опасно-его многочисленные правители могли объединиться, создать огромное войско и выступить против меня. Я не боюсь, однако смелость вовсе не означает

безрассудства, смелый, но безрассудный, обязательно потерпит поражение. Поэтому мне необходимо было как можно скорее захватить и разрушить крепость Луни, а затем идти домой. В дождливые дни, наши мастера, укрывшись от ливня под навесами, изготавливали катапульты, необходимые для штурма.

К середине дня, когда дождь на время переставал, появлялись тысяча попугаев, оглашавшие округу трелью, никто не знал, откуда они появились и куда летят, кроме них по ветвям носились десятки тысяч обезьян, приближаясь к лагерю. Мы знали, что они норовят урвать из наших продовольственных запасов, поэтому обстреливали их из луков, поражая стрелами одних из них и обращая в бегство остальных. Индусы, следуя велениям своей веры, не убивали живых тварей, поэтому попугаев и обезьян в Хиндустане великое множество и по этой причине по всей стране индусам не достается лесных плодов, которые целиком съедают те животные. Порой голодные обезьяны нападают на поля и невозможно тому воспрепятствовать. Бедствие от нашествия обезьян на посевы равносильно бедствию, которое несет нашествие саранчи. Пока воочию не увидишь сезон «барсат» в Хиндустане, не поймешь, что такое настоящий проливной дождь.

Мне говорили, что такие сильные ливни выпадают не во всех районах Хиндустана, кое-где дожди даже редкость. Но там, где мы находились, тридцать дней и ночей (исключая несколько часов в дневное время) ливень хлестал не переставая, подобно тому, что бывает в наших краях лишь весной. Поскольку мы стояли вокруг холма, где высилась крепость Луни, то все потоки с него неслись вниз и заливали наш лагерь. Предвидя это еще до начала дождей, Шир Бахрам Марузи, мой зодчий, устроил невысокий вал вокруг лагеря, отведя воду в сторону леса, где образовалось целое озеро, в котором могли увязнуть дикие слоны. Предвидя, что дожди обрекут войско на бездеятельность, я велел, чтобы воины ежедневно занимались фехтованием и борьбой под устроенными навесами, а когда стихал дождь, велел выводить и выгуливать лошадей, чтобы не застаивались и не теряли выносливости, такое необходимо было делать ежедневно.

Спустя тридцать дней, дождь, которому казалось, что не будет конца, наконец прекратился и мы увидели звезды на небе. Прекратилось кряканье диких уток и индусы, что были с нами, разъяснили, что сезон «барсат» миновал. Пока шли дожди, я не получал вестей о том, какова обстановка в Дели. Ни гонцов оттуда не было, ни почтовых голубей, в такой дождь голуби не то, что найти дорогу, даже летать не смогут. Я не знал, живы или померли больные холерой, или может убиты индусами. Заложники – индусы все еще были с нами, Малу Экбаль и Махмуд Халладж жили под одним из навесов, под неусыпной охраной. Картар, комендант Луни, знал, что те двое находятся в моем плену, так как еще в первый день прибытия Малу Экбаль

отправил ему послание, повелев сдаться, однако Картар не подчинился, ответив, что будет продолжать сопротивляться.

Дожди прекратились и я собрал военный совет, где изложил план предстоящего сражения, сказав, что наутро следующего дня начнем штурм, будем следовать той же тактике, что и в Дели, одновременно следует разрушить стену, заложив порох в двух-трех местах. Чтобы пресечь попытки обороняющихся сбрасывать на нас камни, расплавленный свинец, раскаленное масло, кипяток, я велел непрерывно обстреливать из катапульта верх стены так, чтобы там никто не мог и носа высунуть. Еще в начале я заметил, что гребень стены и башни не имеют защитного вала, поэтому осажденные, появившись там, будут беззащитны при обстреле. Пока катапульти обстреливают верх стены, а землекопы устраивают подкопы, часть воинов должны демонстративно штурмовать стены, чтобы отвлечь внимание защитников таким образом, чтобы те не могли сосредоточить свои усилия в одном месте.

По окончании совета я велел принести катапульти на верх холма, собрать и установить их в различных точках, они были слишком тяжелыми и потому необходимо было доставить их на позиции по частям и лишь там, на месте собирать их. Мы знали, что легкие катапульти малоэффективны, поэтому я велел изготовить такие, что могли метать камни весом, по меньшей мере в один харвар и метательный рычаг такой машины был настолько тяжелым, что для приведения его во взведенное состояние требовались усилия по меньшей мере пятидесяти человек.

На рассвете землекопы, разбившись на несколько групп, поднялись вверх по склону холма, одновременно заработали катапульти, обрушивая на защитников град камней. Землекопы у подножия стен попали в тяжелую обстановку: с одной стороны защитники обрушивали на них камни, с другой-некоторые камни из наших катапульти, ударившись о гребень стены, падали и поражали своих же. Однако у нас не оставалось иного выхода, кроме как продолжать устраивать подкоп, чтобы устроив взрыв и с его помощью устроив пролом в стене, попасть внутрь крепости.

Не буду останавливаться на подробностях того штурма, скажу лишь, что наутро третьего дня нам удалось разрушить стену в двух местах. В тот день, облачившись в доспехи, я готовился к участию в сражении, как ни возражали против этого мои военачальники, я не принял тех возражений, сказав: «Если я сам не отомщу за сына, кто же другой сделает это?» Вместе с отрядом я ворвался в пролом в восточной части стены, мы очутились под дождем стрел, которыми нас осыпали осажденные. Однако мы продолжали наступать, не обращая внимания на вражеские стрелы. На нашем пути встал отряд осажденных, кто-то среди них вскричал: «Тимур!», после чего последовали непонятные слова на хинди. Я ничего не понял, кроме того, что было

произнесено мое имя, но догадался, что в тех словах содержался некий оскорбительный для меня смысл.

Я орудовал обоими руками, т.е. попеременно наносил удары саблей и секирой, с первых же мгновений стало ясно, что враг силен и необходимо драться еще более ожесточенно. Я отправил к Кара-хану одного из военачальников, велел передать, чтобы на подмогу нам отправили как можно больше людей и к концу первого часа схватки в крепость сумели прорваться несколько тысяч наших воинов. Я и мое окружение шаг за шагом продвигались к центру крепости, где по моим расчетам должен был находиться Картар. Прежде, чем это удалось, на нашем пути встал еще один отряд защитников, опять кто-то опять крикнул: «Тимур!», и добавил какие-то слова на хинди. Я, установив того, кто кричал, - у него были густые усы, крикнул в ответ: «Я - Тимур!» Тот, показав на себя, крикнул в ответ: «Картар!», и я, поняв, что это комендант Луни, ринулся в его сторону.

Он сделал саблей выпад в мою сторону, я же нанес секирой яростный удар, вложив в него всю свою ненависть, да с такой силой, что он выронил из рук свое оружие, а его правая рука неподвижно повисла. В следующее мгновение моя сабля опустилась на лицо Картара и рассекла его, хлынула кровь. Однако Картар наклонился, чтобы поднять свое оружие и вновь атаковать меня, в этот момент я с силой опустил секиру на его хребет, да так, что мне пришлось приложить усилие, чтобы выдернуть ее. Высвободив секиру, я увидел, что Картар не двигается и я понял, что разрубил ему позвоночник. При повреждении позвоночника человек теряет способность двигаться, не может и глазом моргнуть, даже если остался в живых.

Я схватил Картара за ногу и поволок по земле его тело. Воины, увидев такое, изумились, ибо увидели нечто, чего я никогда не делал раньше. Они расступились и я поволок тело врага подальше от места сражения, велел быстрее позвать толмача.

Когда тот явился, я велел перевести Картару, что в отместку за сына, я отсеку ему голову, велю содрать с него кожу и набить ее соломой. Картар глядел на меня, раскрыв глаза, не в силах молвить что-либо в ответ. Я тому не удивился, ибо с перебитым позвоночником человек не в состоянии даже двигать веками, не то что губами, чтобы сказать что-то. Я лишь хотел, чтобы Картар перед смертью знал, что это я предаю его смерти.

Затем своей рукой одним взмахом клинка я отсек ему голову, прильнул губами к разверстой ране, из которой фонтаном била кровь и отпил два больших глотка ее, чтобы утолить жажду мести за своего сына, Саада Ваккаса. После этого я велел содрать с тела кожу и набить ее соломой. *(Пояснение: Амир Тимур ведал, что при разрыве позвоночника, человек теряет способность двигаться, как он говорит «неспособен и глазом*

моргнуть». Однако, Тимурленг не ведает, что когда поврежден спинной мозг, человек утрачивает все пять чувств, т.е. не видит, не слышит, не осязает и поэтому Картар, вопреки тому, что ожидал Тимурленг, не мог слышать что перевел ему толмач как не ощущал боли, когда клинок Тимурленга отсекал его голову - Марсель Брион).

Когда закончился бой внутри крепости, от защитников осталось лишь двести шесть человек, все остальные пали от наших рук. По моему указанию у всех мертвых отсекли головы и сложили из них башню, установив на самом её верху голову коменданта Луни и его останки, набитые соломой. Останки своего сына я похоронил в тех же местах и мой зодчий воздвиг для него небольшой мавзолей.

Я велел также привлечь всех местных жителей для работ по разрушению крепости, чтобы ее стена никогда впредь не становилась на моем пути. Пока шли эти работы, я отправил трофеи, добытые в Дели, в Кеш через Кандагар.

Оставалась еще одна задача - организовать поселение париев на землях исламских княжеств Хиндустана. Ибо, как я упоминал, принявшие ислам неприкасаемые не смели оставаться в родных местах, опасаясь мести со стороны соотечественников. Поэтому я счел разумным, чтобы они расселились в районах Хиндустана, населённых мусульманами, и получили земельные наделы, чтобы можно было заняться созданием собственных хозяйств. Эпидемия холеры не дала мне заняться тем, чтобы обратить в ислам все население Хиндустана, чтобы все парии могли спокойно жить среди единоверцев. Во всяком случае, поселив их в мусульманских княжествах, я обеспечил для них покой и безопасность на будущее. Я оплатил за выделенные им земли по справедливой цене и поручил Абдулле – Вали-уль-Мульку следить за делами новообращенных мусульман, чтобы те не испытывали притеснений и чтобы он отправил в места их проживания духовных лиц для обучения обрядам исламской веры.

Эбдаль Гильзайи и его воины, проявившие смелость и отвагу в ходе сражений, добыли множество трофеев. Я разрешил им оставить себе все, что они сумели захватить в ходе той войны и ничего не потребовал из той добычи для себя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Война в стране Шам и завоевание ее городов.

На обратном пути из Хиндустана, я попал в Кабул в первый день весны, не задерживаясь там, я проследовал дальше – на Родину. На восемнадцатый день весны я вступил в Кеш, и увидел, что город тот, основанный мною, стал подобен раю.

Весенние цветы еще не распустились, однако все вокруг было зеленым, подросли деревья, высаженные вдоль улиц города. Я сказал, что желаю, чтобы жители Кеша жили в достатке, в том городе не должно быть места нужде, поэтому я вновь изучил, как живет его население, не испытывает ли кто-либо нужду. Однако никто не знал нужды, все жили в достатке.

Красота и благоустроенность города манили меня отдохнуть в нём, остаться хотя бы до поры цветения красных и желтых роз, однако я предостерег себя, напомнив себе о том, что индийский брахман предрек для меня лишь семь лет оставшейся жизни, и потому не стоило тратить столь короткий срок на негу и удовольствия. Я думал: «Ведь еще в первой половине своей жизни ты не предавался неге, поэтому не стоит отдаваться ей теперь, когда время, возможно, отсчитывает последние годы, отведенные тебе. После этой весны ты увидишь всего лишь шесть других вёсен, после чего погибнешь на поле битвы, потому, что люди, подобные тебе не умирают от болезни в постели, они встречают смерть в бою.» *(Это предчувствие Амира Тимура не сбылось – он, перенесший множество опаснейших сражений, умер в постели, от болезни – Марсель Брион).*

«Встань и воспользуйся оставшимся коротким сроком для того, чтобы завоевать Рум, что расположен на западе, присоедини его к странам уже подвластным тебе на Востоке, чтобы при жизни твоей и после смерти твоей тебя называли Властитель Востока и Запада. Встань и иди в Самарканд, чтобы заложить там два камня, один – в основании Божьего храма (мечети) и второй – в основании своей гробницы. Человек, подобно тебе, не боящийся смерти, должен своими руками, ещё будучи живым, воздвигнуть для себя гробницу, а те, кто страшится ее – невежи и слабы. «Хувва аль-Лази ло-Йаьмут» (т.е. кто есть тот человек, который не умрет?) – всю жизнь эти слова были у тебя на языке, и ты знаешь, что кроме Аллаха, ничто и никто не вечны, даже солнце, освещающее мир, канет в вечность и погаснет.»

Я не стал задерживаться в Кеше больше чем на три дня. Управившись с делами, я отправился дальше, заглянув по пути в несколько селений и городов и на тридцатый день весны первое, что я сделал. это выбрал

просторное место для строительства большой мечети, а второе место я выбрал для своей гробницы, собственноручно заложив там первый камень.

(Эта мечеть и гробница сохранились в Самарканде и до сегодняшнего дня, однако все украшения той мечети были расхищены в течении прошедших столетий – Марсель Брион).

Давая указание начать строительство тех двух сооружений я сказал зодчему: «Никто не знает, сколько лет проживет, может мне осталось совсем мало, и я хочу, прежде чем умру, увидеть ту мечеть и гробницу законченными.» Зодчий ответил: «Возведение мавзолея не займет более двух лет, тогда как на строительство мечети понадобится целых четыре года.» Я сказал: «Хочу, чтобы была возведена такая мечеть, которая простоит две тысячи лет и не разрушится.» Зодчий ответил: «Сделаю все, что в моих силах, чтобы здание мечети было прочным.» Заложив камни в основание обоих строений, определив размер расходов и выделив необходимые для этого средства, я покинув Самарканд, отправился в степь, формировать войско для похода, на этот раз на Запад. Всех раненных и уставших воинов я освободил от службы, наделив их землей для ведения собственного хозяйства. Ибо для похода на Запад нужно было свежее пополнение из молодых воинов, полных задора и отваги. Воины, прослужившие под моим началом многие годы, покидали меня удовлетворенными, говоря, что всю оставшуюся жизнь они неустанно будут возносить хвалу моему имени, потому что пока будут живы, им не придется беспокоиться о средствах к жизни.

Перед тем, как выступить на запад со свежим, обновленным войском, я назначил своим преемником сына Шахруха, велел ему перенести свою резиденцию в город Кеш, в зимние же периоды ему надлежало пребывать в Самарканде, дабы обеспечить благоустройство обоих городов. Я напомнил ему, что в моих обширных владениях, от Дели до Багдада, повсюду расставлены посты голубиной почты, позволяющей обеспечить срочную доставку вестей в Самарканд из самых отдаленных районов, благодаря чему он всегда должен быть в курсе происходящих событий. Я сказал Шахруху: «Есть еще одно большое зло, угрожающее каждому правителю, если ты хочешь успешно править во время моего отсутствия, ты должен всячески держаться подальше от него. То зло – это лень и праздность, всякий правитель, предавшийся ему, непременно будет побежден сильным противником. Начиная с сорокалетнего возраста и до сих пор я не выпил и чаши вина, не пропустил ни одного намаза, исключая случаи, связанные с боевой обстановкой и болезнью, никогда не случалось, чтобы я задерживался в одном и том же городе больше чем на пару недель и никогда не переставал следить за тем, чтобы воины регулярно упражнялись и совершенствовали свои боевые навыки. Придерживаясь такой линии поведения, я сумел и до нынешних дней сохранить свою силу и могущество и я уверен, что пока следую ей, никто не сумеет победить меня, если не считать возможности погибнуть на поле битвы, но это совсем другое дело. Если хочешь хорошо

управлять страной, что тебе вручаю и не позволить недругам низвергнуть тебя с высот власти, ты должен запретить себе лениться, предаваться покою и плотским наслаждениям. Стоит одну лишь ночь провести с кубком и красавицей, как наутро ты уже не будешь человеком дела, не сможешь в тот день должным образом управлять страной, которую я вручил тебе. Не будучи способным к труду, ты опять обратишься к вину и красавицам, таким образом ты будешь проводить все свои дни. Всех великих властителей, разложившихся и низвергнутых с высот власти, постигла такая участь только лишь потому, что у них была неодолимая тяга к вину и общению с красотками. Слышал ли ты когда-либо о разложившемся земледельце или кузнеце? Они до конца жизни остаются верными своему ремеслу, и никто не может отнять у них то средство к существованию. Земледелец, кузнец не крутятся вокруг кубка и красавиц, на то у них нет средств. Тогда как правители и сановники имеют их для удовлетворения своей жажды и похоти, каждодневные развлечения все в большей степени разлагают их до той степени, когда тот правитель или сановник уже не в силах даже выйти наружу из того зала, где проводит время в винопитии и любовных играх.»

После тех назиданий, я добавил: «Вверяю тебе Малу Экбала и Махмуда Халладжа. Обходись с ними хорошо, обеспечь их всем необходимым для нормальной жизни, если увидишь в них тягу к вину и женщинам, не препятствуй, знай, чем больше твой враг погружен в утехы, получаемые от вина и женщин, тем это выгоднее для тебя, ибо все то отвлечет его от серьезных дел. Я не намерен убивать тех двоих, они могут пригодиться в будущем, и не думаю, что находясь здесь, достаточно далеко от Хиндустана, они могли бы прибегнуть к интригам или заговору, однако несомненно мечтают о побеге и ты должен быть настороже дабы им не удалось совершить его.»

На шестидесятый день весны я выступил во главе войска, состоявшего частью из старых закаленных в боях воинов, и частью из свежего пополнения, каждого из новобранцев я закрепил за одним из старых воинов, чтобы тот был наставником в деле обретения молодыми боевого опыта и навыков.

Я выбрал путь через Хорасан, который хорошо знал и в пределах которого налажена устойчивая связь с помощью почтовых голубей. Еще раз я прошел через Тус, направляясь в Рей, на всем пути мне навстречу выходили местные правители, оказывали почет, вручали дары. Некоторые из них предоставляли своих юных сыновей для службы в моем войске, обретения опыта и навыков ратного дела. Каждому из тех правителей, я говорил о том, что я не испытывал колебаний если возникала необходимость жертвовать в бою собственным сыном и потому, они не должны ожидать от меня каких-либо послаблений относительно их сыновей. Однако если их сыновья не погибнут в сражении, то после участия в нескольких из них они непременно получат

закалку подобно стали и обретут мужество, которое станет им твердой опорой в жизни.

Вступив в Рей я посетил могилу Мухаммада Бабуэйз Куми (*Тимурленг имеет в виду ибн Бабуёе, могила которого, как известно, находится в Тегеране – Переводчик*) где прочитал суру из Корана, чем вызвал восхищение у находившихся рядом со мною людей.

Обратившись к тем людям, я сказал: «Я питаю глубокое уважение ко всем ученым мужам, независимо от того, из какого рода они происходят, и все знают, что я никогда не обагрив своих рук кровью ученого, и тот, кто лежит в этой могиле был истинным ученым и считался великим среди своих современников и я прочитал две из его книг. И хотя будучи шиитом, он излагал в тех книгах некоторые вещи, с которыми я не могу согласиться, тем не менее они не умаляют их научной ценности.»

Я провел в Рее три дня, чтобы привести в окончательный порядок все дела, связанные со снаряжением и обеспечением войска, затем через Керманшах направился в сторону Багдада и поскольку предполагал, что племена той местности могут доставить хлопоты в районе ущелья Патак, еще до подхода к тому месту, часть войска расположилась там, следя за обстановкой по всей той местности, для того, чтобы можно было спокойно пройти через тот район и попасть в Багдад, расположенный на берегу реки Деджлэ

Багдад, как и при первом моем посещении, был необъятным и вызывал душевный подъем, но я не мог оставаться в нем, я бы не сделал этого, даже если бы сильно желал. Я пригласил сведущих мужей, чтобы расспросить их о стране Шам. Они рассказали: «Шам - это обширная страна с просторными долинами, в ней расположены два горных хребта, один на севере, второй на юге. Каждый из тех горных хребтов сам по себе представляет собою целую страну, на их склонах и ущельях живет множество людей. Если хочешь пребывать в покое и безопасности», советовали они, «то будучи в Шаме, держись подальше от гор Друз, что на юге страны ибо там живут племена, носящие то же название, с ними хоть пятьдесят лет войой, все равно не победишь. Часть из них заняты земледелием, часть – животноводством, если им случается воевать, они покидают свои села и уходят в горы, увозя всех своих животных с собою, они питаются там молоком и мясом, шьют себе одежду из их шерсти. Ты можешь хоть пятьдесят лет держать осаду вокруг тех гор, изобилующих ручьями и пастбищами, тем не менее не сумеешь вынудить друзские племена покинуть те горы и спуститься вниз.

К северу от Друзских гор расположена центральная часть страны Шам, состоящая из обширных, жарких и маловодных равнин, ведя войско по той местности ты столкнешься с нехваткой воды, поэтому лучше всего пройти через Шам по его северной части, где расположены горы Ансариюн, с тех

гор сбегают в долины многочисленные ручьи, следуя через тот район ты всюду найдешь достаточно воды, войско без затруднений пересечет ту местность, идя по долинам, расположенным у подножия гор Ансариюн.»

Я согласился с теми рекомендациями и направился в страну Шам (*что сегодня зовется Сирией – Марсель Брион*). Прежде чем вступить в ту страну, я нанял нескольких проводников, чтобы они указывали путь войску через горы Ансариюн. Когда мы пришли в тот район, было начало летнего периода, месяц Саратан (т.е. Рак), однако в тех местах жара не была мучительной. Однажды мы дошли до места, где нам навстречу попали некие люди в масках, из-за которых были видны лишь их глаза. Рядом с мужчинами, которые были высокими и стройными, были женщины, в отличие от своих мужчин, они не носили масок. Женщины также были высоки ростом, однако выглядели более полными.

Я спросил проводников, что это за люди. Те пояснили, что это - исмаилиты, их обычай требует, чтобы лица мужчин закрывала маска и это требование не касается женщин. Поскольку в ту ночь нам предстояло сделать привал в той местности, я велел привести к себе для беседы нескольких из тех мужчин, что носили маски. Я полагал, что они будут говорить на арабском языке и потому был удивлён, услышав как они говорят по-персидски. Я спросил, кто они и почему они говорят по-персидски. Они ответили, что по происхождению они - иранцы, предки которых переселились в Шам из Ирана.

Я спросил, когда имело место то переселение. Они назвали шестьсот пятьдесят шестой год хиджры по лунному календарю. Я заметил, что они точно помнят дату своего переселения. В ответ они молчали, опустив головы. Я сказал, что им нечего опасаться, они могут смело рассказать все, о чём знают и что мне доставляет удовольствие расширять свои знания. Один из них молвил в ответ: «О, Аллах всемогущий, каждый исмаилит не забудет тот шестьсот пятьдесят шестой год, ибо именно в том году Хулагу-ханом, монголом были разрушены все крепости и замки исмаилитов, по всему Ирану и особенно в Аламуте, и тот год является траурной датой для всех, кто исповедует исмаилитскую веру.»

Я спросил, почему их лица скрыты под маской? Они пояснили: «Разрушив исмаилитские замки и крепости, Хулагу-хан издал повеление казнить всех наших отцов, сказав, что следует убивать всякого, кто является исмаилитом. Люди знали наших предков в лицо, их легко можно было опознать и убить, последнее не только одобрялось, всякому убившему исмаилита Хулагу-хан и его наместники обещали награду.»

«В те времена в Иране существовала секта дервишей, которая для обуздания своих телесных страстей, носили на лице маски, их называли дервишами аль-

Муканна (носящие маски) и наши предки, чтобы не быть опознанными и убитыми, подобно тем дервишам, надели на лица маски, и, приняв облик тех дервишей, начали покидать Иран. Вначале они хотели обосноваться в Междуречье, однако власть Хулагу-хана распространялась и до тех краев, поэтому им пришлось уходить дальше и в конце-концов они обрели убежище в этих горах, но и после того, боясь быть опознанными, они не снимали масок, со временем это стало обычаем, переходящим от отцов к сыновьям.» *(сегодня сирийские исмаилиты маски уже не носят – Марсель Брион).*

Я сказал: «В теперешнее время, когда вам уже не грозит опасность, нет необходимости носить на лице маску и вы могли бы отказаться от такого обычая.»

На другой день мы покинули тот край людей, прячущих лица под маской и направились на запад. К закату мы остановились для ночлега на берегу маленькой речки, там я заметил нескольких длинноволосых мужчин с копьями, которые разглядывали нас. Я спросил проводников, кто те люди. Те пояснили, что это – «алевиюн» (т.е. потомки Али, первого имама шиитов), добавив, что в течении нескольких предстоящих дней мы будем идти через места, населенные тем народом. Я спросил, не имеют ли они в виду, что эти люди происходят из клана Бани Хашим. Поскольку проводники были простые, неученые люди, они не поняли о чем я говорю. После вечернего намаза я велел привести для беседы нескольких из «алевиюн», я хотел знать, кто они и почему их так называют (т. е. «потомками Али»).

Они говорили по-арабски, которым владел и я, со своими длинными волосами они выглядели внешне приятными. Я спросил почему их называют «алевиюн». Они ответили, что их предки происходят из клана Бани Хашем и что некоторые из халифов династии Омейядов, правивших Шамом, сильно притесняли их предков, убивали их, что вынудило их укрыться в тех горах, и поскольку правление той династии было продолжительным, они осели и укоренились в этом районе, где родились их новые поколения.

Я сказал: «Я - мусульманин, и всякий мусульманин питает глубокое уважение к клану Бани Хашем, из которого происходит наш пророк (да благословит Аллах его и род его). Поскольку вы – потомки того рода, к вам я испытываю такую же меру уважения и, потому выскажите свои желания, которые я мог бы исполнить.»

Алевиюн ответили, что нет у них каких-либо просьб ко мне, что рады тому, что не испытывают от меня, вступившего в их страну, каких-либо притеснений и обид. Я ответил, что я никого не притесняю, разве что тех, кто враждует со мной, до других же мне нет дела.

(Пояснение: правящая в Марокко с 1659 года от Рождества королевская династия так же называет себя династией Алеви. В первой половине нынешнего, двадцатого, века в Лазакийе, расположенной в Сирии, к власти пришла династия, которая в 1924 и 1930 году так же возложила на себя название Алеви. А то, что были ли алевиюны-сирийцы, беседовавшие с Тимурленгом, действительно потомками клана Бани Хашем, вопрос, не связанный с основной темой нашей книги и поэтому мы не станем углубляться в него – Переводчик).

Как и говорили проводники, в течении нескольких дней мы шли через места, населенные «алевиюнами» и именно в те дни я обратил внимание на боль в большом пальце правой ноги, я подумал было, что в том виновата обувь, поэтому я поменял ее на более просторную.

Ночью, после намаза палец разболелся так сильно, что я не мог уснуть. Утром, захотев обуться и выйдя из шатра, чтобы совершить омовение и намаз, я обнаружил, что правая нога распухла, в большом пальце ее ощущалась острая боль. С трудом совершив омовение и намаз, я прилег, чтобы отдохнуть прежде, чем настанет время двигаться дальше. Я подумал, что кость большого пальца получила некое повреждение, однако каких-либо ран и ушибов она до того не претерпевала. В тот день, садясь на коня, я надел легкие и просторные кауши (род обуви, подобной туфлям), однако боль донимала меня до самого захода солнца, когда дозорные, идущие впереди доложили что нашли место, подходящее для устройства лагеря. Разбили лагерь, боль не отпускала, она настолько усилилась, что я с трудом совершил намаз, сделав его по возможности коротким.

После намаза я вызвал войскового лекаря Абу Муса Бухарайи, которому сказал: «Что что-то неладно с костью большого пальца моей правой ноги, похоже, что она каким-то образом повреждена.» Омотрев и пощупав то место, лекарь сказал: «О эмир, кость твоя не повреждена, не ушиблена, просто ты заболел болезнью «мафасиль» (т. е. боль в суставах, ревматизм, артрит), которая и порождает те болезненные ощущения.» Я сказал: «Следовательно я вступил в старческий возраст, ибо это болезнь стариков.» Лекарь ответил: «Нет, о эмир, молодые также подвержены той болезни, у тебя в войске есть один, которому нет еще и сорока, и который болен той болезнью.» Я спросил, как лечат эту болезнь. Он ответил: «Для этого принимают экстракт ивы, и сейчас я схожу, чтобы принести для тебя то снадобье, достаточно будет принять его несколько раз, чтобы боль утихла и постепенно исчезла совсем, однако через несколько месяцев она возникнет вновь и ты почувствуешь боль на том же самом месте. Снова вернется ощущение будто палец получил какое-то повреждение. Возможно боль перекинется и на левую ногу, для болезни «мафасиль» свойственно поражать попеременно то правую, то левую ногу.»

Я сказал: «Следовательно, всю оставшуюся жизнь эта болезнь будет донимать меня?» Лекарь ответил: «Нет, о эмир, боль в твоей ноге пройдет через несколько дней, ты не будешь чувствовать ее и в малейшей степени, она возвратится лишь через несколько месяцев.»

Хотя Абу Муса Бухарайи утверждал, что «мафасиль» поражает так же и молодых, я все же почувствовал, что старею, ибо та болезнь является редким исключением среди молодых и свойственна почти всем людям преклонного возраста, редко встретишь молодого человека, страдающего воспалением суставов.

Когда волосы у меня на голове побелели, я еще не считал себя старым, ибо белизна волос еще не означает старость, среди молодых так же встречается немало седоволосых. Тогда как болезнь «мафасиль» давала понять, что я вступил в преклонный возраст, поэтому я сказал себе: «Будь чуток, ибо оставшийся тебе срок ограничен, и ты должен использовать его с наибольшей пользой.» Лекарь отправился за ивовым экстрактом, сказав, что воспаление суставов, поразившее мою ногу, называется «нэкрэс» (подагра).

С той поры раз, а то и дважды в год приступы той болезни донимают меня, Абу Муса Бухарайи говорит, что болезнь «нэкрэс» передается по наследству и мои сыновья, возможно, также будут поражены ею в своё время, она не появится в их молодые годы, периодом ее начала является наступление старости.

Всякий раз, когда та болезнь выводит меня из строя на несколько дней, я употребляю ивовый экстракт, после чего боль постепенно стихает, опухоль спадает и я чувствую себя так, словно никогда и не болел и в промежутке между приступами не ощущаю и малейших ее признаков.

Пройдя край, где жили «алавиюн», мы шли в сторону большого города Халэб. О том городе я слышал много удивительного, в частности, что его население составляет два курура, и что там изготавливают особый вид стали, называемый «мукаллэз» (*«мукаллэз» – сталь, которую позже стали называть халэбской. Кроме того, в древности не вели переписи населения, численность которого определяли приблизительно, однако несомненно то, что Халэб был большим городом и его население возможно превышало пятьсот тысяч человек, и сегодня также численность населения в Халэбе больше, чем в Дамаске, столице Сирии – Переводчик*).

Халэбский шелк славится повсюду и я слышал, что его ткут девушки, и он настолько тонок, что даже сквозь десять слоев той ткани можно ясно видеть солнечный свет. Мне посоветовали не вводить войско в Халэб, ибо его женщины настолько прекрасны, что могут свести с ума всех моих солдат. Как я рассказывал, мне довелось увидеть в Гиляне женщин необычной

красоты, и чтобы сохранить дисциплину в войске, я был вынужден в спешном порядке увести его оттуда.

Еще я услышал, что Халеб построили дивы, и что султан Халеба, по имени Тогрул Булак, сам также является дивом, он настолько огромен и высок, что якобы может одной рукой поднять меня в воздух, как ребенка. Мне сказали: «Если хочешь развлечься, переоденься в обычную одежду, отправляйся в Халеб, утешь там свою плоть с тамошними красотками и возвращайся назад. Но если вступишь в Халеб со всем своим войском, Тогрул Булак тебя съест.» Так много подобных слов наговорили мне, что я с нетерпением помчался в сторону Халеба, чтобы воочию увидеть крупнейший город страны Шам и его правителя Тогрул Булака, который, как говорили, является дивом.

Однажды с вершины холма я увидел наконец предместия того города, ничего особенного я в нем не узрел, и стена его не казалась такой уж прочной и высокой.

Я ожидал, что Тогрул Булак, который, как говорили, может одной рукой, словно ребенка, оторвать меня от земли, выйдет навстречу со своим войском и преградит мне путь, однако никто не стоял на моем пути, и я добрался до Халеба беспрепятственно. Я увидел большой город, прикинув в уме длину окружающей его городской стены, я нашел, что она составляет три фарсанга. Подойдя к Халебу, я увидел, что городские ворота закрыты, а на стене выставлены сторожевые, из этого я заключил, что Тогрул Булак трус, боявшийся умереть.

Из жизненного опыта я знаю, что воитель, не страшщийся смерти, не прячется в крепости, сам же я с первого дня участия в сражениях и до сих пор, никогда не отсиживался за стенами крепости.

И сыновей своих я учил, чтобы не прятались за кирпич и камни ради спасения тела и души, а полагались на твердость в сердце и силу собственных рук, потому что прячущийся в крепости обретает бесславный конец и в конце концов сдается, не выдержав голода.

Поняв, что Тогрул Булак трусит, я уверился в своей победе над ним. Была осень, погода казалась ни холодной, ни жаркой, я велел разбить лагерь к северу от Халеба, а войску охватить город кольцом.

Вечером, после намаза я собрал военачальников, с которыми поделился результатами своих наблюдений касательно крепостной стены Халеба – она была сложена из кирпича и глины и ее высота не превышала восьми зарьов. Я сказал: «Делать подкоп и устраивать взрыв под такой стеной – равносильно тому, что принизить себя. Вы – воины, бравшие без помощи пороховых зарядов высочайшие и самые прочные в мире крепостные стены,

я имею в виду Дели, и никто не сумел помешать вашей победе. Для мужей, подобных вам, взятие крепостной стены Халеба – детская игра, вам достаточно применить деревянные и веревочные лестницы для того, чтобы влезть наверх, войти в город и раскрыть ворота. Передайте своим людям – взяв город, они могут по своему усмотрению распорядиться жизнями и имуществом его обитателей, после окончания битвы каждый может брать любую добычу, любого пленника. Я приказываю с утра сколотить штурмовые лестницы, изготовить веревочные лестницы с крюками, чтобы можно было цеплять их за стены.»

Военачальники склонили головы в знак повиновения, и я узнал, что они сознают то, что я не намерен жертвовать их жизнями а самому при этом оставаться невредимым.

Все они знали, что не страх перед ранами или возможной смертью, а лишь необходимость управления войском могут препятствовать моему прямому участию в схватке. Я отпустил военачальников и велел принести еды. В походе и боях моя еда состоит из того же самого, что выдают простым воинам, об этом знают все, начиная от полководцев и кончая простыми воинами. В походе и в бою я не питаюсь особыми блюдами и довольствуюсь пайком рядового воина.

Но в ночную пору я воздерживаюсь от приема пищи, если конечно не испытываю голода, в этом случае ограничиваю себя небольшим количеством еды, чтобы сон был чутким и обходить ночью лагерь. Караульные вставали на моем пути. Узнав меня, они отходили в сторону, давая дорогу. Я вышел за территорию лагеря и прошел на позиции, охватившие город кольцом, и там караульные проявляли бдительность, возникая передо мною и пропускали, узнав, кто идет. Все понимали, что в ту и в последующие ночи возможна вылазка со стороны врага, поэтому надо быть готовым к ее отражению и одновременно возможности ворваться в город в тот момент, когда откроют его ворота.

Обойдя часть позиций, я поднялся на холм, чтобы попытаться заглянуть внутрь города. Я увидел лишь несколько горящих факелов, установленных на верхушках минаретов и крышах мечетей. Было прохладно и свежо, подняв голову я увидел сверкающие на небе звезды.

Я знал все те звезды по их названиям, ибо они помогали мне в в моих ночных походах, и я знал, где располагается каждая звезда в тот или иной час ночи. Стояла тишина, лишь время от времени раздавался крик совы, отдаваясь эхом в городе. Я знал, что суеверные люди считают крик совы дурным предзнаменованием, я же не верю в это. Я знаю, что совы и некоторые другие пернатые днем отсиживаются в своих гнездах, ибо солнце слепит их глаза,

покидая их лишь в ночную пору и их крики не содержат ни доброго, ни зловещего предзнаменования.

Крик совы не пугал меня, но всякий раз когда слышу его ночью, он наводит на меня воспоминания о прошлом и размышления о будущем этого бренного мира. Прошлого мира четко предстает перед моим взором, ибо я читал много книг об истории, однако его будущее видится неопределенным, ибо не могу знать, что его может ожидать. Однако знаю, что прошлое во многом определяет каким оно будет, это будущее.

Крик совы как бы сообщал мне: «Эй, Амир Тимур, многие до тебя приходили в этот мир и уходили из него и от них не осталось и малейшего следа. Знай, что в этом старом мире смерть тысяч и тысяч людей не имеет значения, как не имеет значения опадание желтых листьев осенней порой. Подобно тому, как никто не считает количества тех опавших листьев, также никто не в состоянии подсчитать число умерших, запомнить все их имена. Запоминаются лишь имена тех, кто сумел оставить о себе след в памяти живущих здесь. Если люди и знают о Чингиз-хане, то лишь потому, что он сумел оставить о себе память в их сердцах. И ты, если не хочешь быть забытым подобно опавшим осенним листьям, должен оставить о себе незабываемую память в сердцах у людей. Эти несколько дней, что осталось тебе жить, очень быстро пройдут и ты, подобно всем другим, будешь покоиться в земле и Бог всеведущ, ты будешь лежать в земле в течении многих тысячелетий. После смерти у тебя будет вдоволь времени для отдохновения и покоя, поэтому проводи бодрствуя эти несколько дней своей оставшейся жизни, воздерживайся от спячки и старайся оставить память о себе в этом мире и так же, как ты сегодня вспоминаешь о славных делах Александра Македонского, пусть же другие, спустя тысячелетия вспоминают о твоих славных деяниях.»

Спустившись с того холма и направляясь к шатру, я чувствовал в себе еще более окрепшую решимость стать завоевателем всей Вселенной, не допускать ни единого дня бездействия, пребывать в битве вплоть до последнего дня своей жизни, чтобы обо мне в этом мире осталась неизгладимая память, чтобы имя мое подобно именам простых людей, не стерлось из памяти живущих.

С утра следующего дня мы начали готовить средства для штурма, в этом участвовало все войско. В тот день противник ничего не предпринял против нас и было ясно, что Тогрул Булак слишком уж надеется на прочность стен своего города и воображает будто они смогут остановить нас.

На третий день мы начали штурм Халеба. Он начался на рассвете, мои воины ринулись вверх по деревянным и веревочным лестницам. Деревянные лестницы имели широкие ступени, а веревочные – крюки на концах, чтобы

можно было забросив, зацепить их за гребень стены. Пока воины взбирались по ним, мы снизу осыпали осажденных множеством стрел из луков и градом камней из пращ. Наш обстрел не прекращался до тех пор, пока воины не добрались до верха стены, лишь в тот момент мы прекратили его, понимая, что рискуем поразить своих же.

Верхом я следовал вдоль стены и наблюдал как воины закрепляют позиции, захваченные на гребне стены. Как только им это удавалось, я отправлял к ним подкрепление. Через час нам удалось захватить позиции и укрепиться на семи участках гребня крепостной стены.

Моя задача заключалась в том, чтобы без промедления отправлять подкрепление тем, кто сумел закрепиться на верху стены, чтобы защитники не сумели оттеснить их. Вскоре стало ясным, что пробравшиеся наверх могут ворваться в город, открыть ворота, в которые хлынет моя конница.

Первыми удалось распахнуть восточные ворота и в них ринулись мои конники. Для закрепления захваченных позиций я велел им занимать находящиеся на их пути дома, выгонять из них жителей и убивать всех, кто вздумает сопротивляться.

Ворвавшиеся, не встретив особого сопротивления, прошли через весь город, достигли западных ворот и распахнули их. Одновременно со стен вниз ринулись те, кто взбирался на них. Обстановка складывалась таким образом, что я почувствовал необходимость самому быть внутри города.

До того времени ничего не было слышно о страшном Тогрул Булаке и я понял, что найду его в Арке (цитадели) и тогда выяснится, способен он сразиться со мной или нет. Но, добравшись к Арку, я обнаружил, что на нем вывешен белый флаг, означавший сдачу и понял, что Тогрул Булак не намерен далее сопротивляться.

Я крикнул вопрошая, кто является командующим той цитадели и почему он не показывается на глаза. В воротах показался человек крепкого сложения. Я спросил, не Тогрул Булак ли он? Тот ответил утвердительно. Я спросил: «Если желаешь сдаться, почему не велишь остальным своим прекратить сопротивление. Твой белый флаг, пока в городе идет сопротивление, это всего лишь хитрая уловка!»

Тогрул Булак сказал: «О, Амир Тимур, я не желал войны с тобой, не питал к тебе вражды, почему же ты напал на этот город?» Я ответил: «Ты вынудил меня к тому. Если ты не хотел войны со мною, тогда зачем запер ворота и мешал войти в город?» Он ответил: «Видя твое намерение напасть, я был вынужден запереть ворота.» Я спросил, сколько лет он правит городом. Он ответил, что пятнадцать лет. Я спросил: «За все это время ты, что так и не

уразумел разницу между мирными и военными обычаями. Я был намерен проследовать через эти места, идя войной на Рум, ты же должен был дать мне понять, что настроен мирно. Признаком дружелюбия является выйти самому или прислать кого-либо и с почетом встретить меня, сообщить, что ворота города открыты для меня, я могу войти в него. Тогда я бы разбил лагерь за городом и не позволил войску вступить в него, ограничившись лишь тем, чтобы получить от тебя продовольствия и корм, да и то в обмен за справедливую оплату. Такое известно всякому, кто правит хотя бы десять дней, а ты, получается и после пятнадцати лет пребывания у власти не уразумел такого простого обычая или прикидываешься несведущим. Пока мы ведем такие разговоры, продолжается битва и льется кровь, так что если хочешь по доброму сдаться, вели своим скорее прекратить сопротивление.»

Тогрул Булак ответил: «Сию же минуту я велю прекратить сопротивление, при условии, что и ты велишь своим воинам прекратить резню, убийство и захват пленных.» Я ответил: «Твое положение побежденного не дает права ставить какие-либо условия предо мною, победителем. Я вправе ставить условия прекращения войны и я не приму никаких условий кроме того, что по окончании битвы сохраню жизнь тебе и тем, кто добровольно сложит оружие.» *(Эти слова Тимурленга схожи со словами Юлия Цезаря: «Горе побежденным!» – Марсель Брион).*

Вскоре в воротах цитадели появились люди с барабанами, горнами и сурнарами, в руках некоторых были духовые инструменты, напоминавшие воронку. Они заиграли, то был знак всем прекратить сопротивление и сдаваться в плен. В свою очередь я велел передать войску прекращать сражаться всюду, где враг сдается в плен. Звуки из тех воронок огласили весь город и вскоре начали поступать донесения о повсеместном прекращении битвы.

Тогрул Булак, все еще находившийся у ворот цитадели, сказал: «О, эмир, входи же и будь моим гостем, я принимаю тебя как такового.» Я ответил: «Эй, Тогрул Булак, у меня дела в этом городе, они зовут меня и я не могу принять твое приглашение. Сейчас мои воины вступят в цитадель, тебя и твою семью они не тронут. Тебе не разрешается покидать цитадель, разве что когда я сам приму решение об этом.» К полудню весь Халеп принадлежал нам. Я совершил омовение и намаз в большой мечети того города, после чего ко мне подошел имам мечети. То был седобородый мужчина, со светлым лицом и мягким взором, что свидетельствовало о чистоте его души. Он сказал мне по-арабски: «О, великий эмир, видя, как ты совершаешь намаз, я понял, что ты мусульманин, поэтому будь же великодушен по отношению к мусульманам.»

Я ответил: «Никому из мусульман я не причинял обиды, если они не стремились обидеть меня, сопротивляться мне. В этих случаях я поступаю в

соответствии в велениями шариата. Жители этого города оказали мне сопротивление, они должны искупить свою вину, их имущество станет добычей воинов, а молодые мужчины и женщины станут пленниками.»

Имам пятничной мечети, которого звали Файз-уд-дин Амели, сказал: «О, великий эмир, люди этого города не хотели оказывать сопротивления, но когда Тогрул Булак запер ворота и решил воевать, они не в силах были удержать его от этого. О, великий эмир, если ты правитель города и решил воевать с другим правителем, пришедшим из чужих земель, разве в состоянии будут твои подданные противиться такому твоему решению? Жители Халеба, таким же образом, не были в силах поступить против воли своего правителя, если бы не это, им и в голову не пришло бы противостоять завоевателю Вселенной Амиру Тимуру Гурагану... прояви же великодушие и прости их... если тебе нужна добыча – направь войско в земли неверных-кафиров и возьми там всё золото и драгоценности, что копились в течении двух тысячелетий.»

Я ответил: «Эй, Файз-уд-дин Амели, что ты имеешь в виду под землями неверных?» Имам ответил: «Я имею в виду Византию, жители которой – кафиры.»

(Пояснение – название Стамбул, столицы османского государства еще не появилось в те времена, когда тот город называли Византией. Правильным названием было «Бизанс», простой народ произносил его как «Бизанти» или «Бизан». Название «Стамбул» появилось полвека спустя после Тимурленга, в результате завоевательного похода на Византию султана Махмуда Фатеха (Победителя) османского правителя– Марсель Брион.)

Я спросил, бывал ли он в Византии. Он ответил: «О великий эмир, однажды я был там, тот город столь огромен, что десять таких городов, как Халеб могут поместиться в нем. В нем столько богатств, что хватит и на тысячу Гарунов-ар-Рашидов, два тысячелетия копят в нем различные богатства, его жители столь богаты, что даже грузчики и носильщики там пьют и едят из золотой и серебрянной посуды.

(Пояснение - Файз-уд-дин Амели, вероятно, преувеличивал без всякой задней мысли. Население города, который спустя полвека назвали Стамбулом, действительно было богатым, но не до такой степени – Марсель Брион).

«Если завоюешь Византию, то окажешь услугу исламской вере, все его неверные жители станут мусульманами, ты захватишь столько золота и серебра, что твои потомки тысячу лет могут расходовать его и ему не будет конца.» Я сказал: «Я слышал о Византии, город расположен на берегу моря.» Имам ответил: «Да, это так, и корабли со всего мира приплывают туда и если будешь там, увидишь, что их не счесть.» Я спросил, как зовут тамошнего правителя. Он ответил: «Билахарна» *(имам ошибался и ввел в заблуждение*

Амира Тимура, то было название дворца-резиденции правителей Византии, подобно тому как сегодня резиденцию президента Франции называют Елисейским дворцом, что вовсе не означает имени самого французского главы государства – Марсель Брион).

Я спросил, как далеко отсюда до Византии. Файз-уд-дин Амели ответил: «Путь в Византию далек, но не для эмира, подобного тебе, дошедшего до здешних мест от самого Самарканда, однако на твоём пути находится страна Рум (современная Турция), вначале тебе предстоит пройти по ней, чтобы попасть в Византию. В день, когда завоюешь Византию и все ее жители станут мусульманами, ты станешь правителем Вселенной, кроме тебя не останется в ней никакого другого правителя.» Я спросил: «Окружена ли Византия крепостной стеной?»

Имам ответил: «Она имеет тройную стену, все они из камня, пройдя одну, оказываешься перед следующей, кроме того, она окружена водой, которую должен преодолеть всякий, кто намерен захватить Византию.»

Я сказал: «О, священнослужитель, меня ждут дела и я не могу далее беседовать с тобой. Ради тебя я воздержусь от разграбления домов и имущества Халеба, пленения его жителей. Однако они должны будут оплатить часть расходов, связанных с пребыванием здесь моего войска, оставшаяся часть будет обеспечена в счет казны Тогрул Булака.» Имам спросил: «О, эмир, как ты намерен поступить с ним?» Я ответил: «Воздержусь от его казни, однако заберу его имущество, ибо он посмел воевать со мной.» Имам сказал: «О, эмир, определи сумму, что должны вылатить жители Халеба для содержания твоего войска, чтобы я мог организовать ее сбор и пусть твои воины не обращаются сами за этим к населению.»

Я сказал: «Жители Халеба должны дать мне пятьсот тысяч мискалей золота или нечто равное той цене.» Имам сказал: «О, великий эмир, у жителей Халеба нет таких богатств, они не смогут собрать денег или имущества в размере пятисот тысяч мискалей золота, ты подумал насколько огромна та сумма?»

Я сказал: «О, добронравный, задумывался ли ты о том, во что обошлось мне сражение в Халебе и подумал ли о том, сколько тысяч моих воинов погибли здесь? Знаешь ли ты, что за каждого погибшего воина я должен платить возмещение его родным? Если бы население этого города не вздумало воевать со мной, и мои воины не гибли, мне бы не пришлось платить их семьям.» Старик поник головою, сказав: «Я постараюсь собрать деньги из расчёта каждого жителя и потребую, чтобы зажиточная часть населения оплатила долю неимущих.»

Я покинул пятничную мечеть и занялся делами, обычными для любого командующего войском, которое, победив в битве захватило город. В тот день я конфисковал всю казну и имущество Тогрула Булака и по моему указу войско вышло за черту города, осталась лишь часть, необходимая для надзора за порядком. Файз-уд-дин Амели собирал деньги и ценности от жителей у себя в соборной мечети и передавал их моим людям под расписку, чтобы не возникло ошибок при подсчете, это заняло целых пять дней, но больше чем четыреста тысяч динаров не удалось собрать.

Собрав ту дань, я пригласил имама на угощение и после трапезы он стал рассказывать о прекрасном климате города Дамаск. *(Лонгелле, историк и переводчик французского издания мемуаров Тимурленга пишет, что Файз-уд-Дин Амели намеренно завёл беседу о Дамаске, дабы удалить Тимурленга от Халеба и направить его устремления на Дамаск – Марсель Брион)*

Он сказал: «О, эмир, в мире нет города, где весна была бы столь же прекрасна, как в Дамаске. Когда от месяца Хамаль остается пятнадцать дней, воздух там насыщен ароматом цветов, выйдя за город, ты увидишь вокруг зелень и цветы, услышишь пение птиц. Через Дамаск протекает река Барда и по обоим ее берегам ты увидишь бесчисленное количество цветов, белых и красных украшающих ветви миндальных, вишневых, абрикосовых и персиковых деревьев.» Я спросил: «Разве Дамаск не меньший по размеру, чем Халеб?» Он ответил: «Да, о эмир, он меньше, но очень красив, и если весной ты глянешь на него с вершины холма, будто россыпь драгоценных камней предстанет перед тобою в зелени его садов. Те драгоценные камни – это изразцы его дворцов и мечетей.»

Я сказал: «О, шейх, слышал я, что жители Дамаска – христиане – «нэсрани»?» Имам ответил: «Да, о эмир, пророк Павел еще за пятьсот лет до хиджры нашего пророка, пришел в Дамаск и построив там церковь, распространил христианство среди его жителей *(пророк Павел – это тот, кого христиане называют «святым Павлом», в первом веке от Рождества пришел в Дамаск и призвал его жителей принять христианство. «Нэсрани» – так мусульмане называют христиан, потому что их пророк Иисус вырос в городе Насара (Назарет), что в Палестине и потому его называли назаретянин – «нэсрани» - Марсель Брион)* и та церковь была первой среди тех, которую мусульмане превратили в исламскую мечеть.»

Я спросил: «Когда мусульмане преобразовали в мечеть ту церковь?» Шейх Файз-уд-дин Амели ответил: «Спустя семнадцать лет после хиджры нашего пророка (да благословит Аллах его и его род), Умар аль-Хаттаб, второй халиф, решил завоевать Шам и направил туда войско во главе с Умаром Ваъасом, который взял Дамаск, после чего он отправил послание халифу, приглашая его прибыть туда. В день, когда второй халиф должен был вступить в Дамаск, вся местная знать во главе с Умаром Ваъасом вышла ему

навстречу, чтобы торжественно приветствовать его. Каково было их удивление, когда они не обнаружили ничего похожего на пышную свиту, вместо неё они увидели некоего чернолицего человека верхом на верблюде, которого тащил за повод второй человек, высокий ростом и белолицый. Умар Ваъас молвил: «Прибыл халиф всех мусульман.» Знатные люди Дамаска в ужасе воспрошали: «Халиф – это тот чернолицый, что верхом на верблюде?» Умар Ваъас ответил: «Нет, то его слуга, халиф – это тот, который тащит за повод верблюда.» Удивление дамаскской знати возросло еще больше и они сказали: «Что это за владыка, который сам шествует пешком, а слуга его восседает на верблюде?» Умар Ваъас пояснил: «В исламской вере все являются равными, нет разницы между белокожим и чернокожим, господином и слугой, и халиф, как правило, чтобы соблюсти равенство и справедливость, проехав фарсанг на верблюде, которого тащит за повод слуга, следующий фарсанг сам тащит за повод верблюда, посадив на него слугу.»

Знатные люди Дамаска сказали: «Вера, в которой до такой степени царят равенство и справедливость, является истинной.» И там же стали мусульманами. Второй халиф, вступив в Дамаск, прошел к церкви, что была основана пророком Павлом и молвил: «Именем Аллаха, эта церковь с нынешнего дня станет мечетью,» и ступив в церковь, обратил лицо в сторону Каабы, присутствующие мусульмане последовали его примеру и совершили намаз. Таким образом, дамаскская церковь являлась первой церковью, преобразованной в мечеть и в ней мусульмане впервые совершили общий намаз.»

Я спросил: «Та церковь, что была преобразована в мечеть, сохранилась и поныне?» Шейх Файз-уд-дин Амели ответил: «Да, о эмир, но здание то сильно изменило свой облик. После того, как Дамаск стал столицей халифов-омейядов, они расширили ту церковь, выкупили расположенные рядом с ней жилые дома, снесли их, чтобы халиф совершил первый намаз и та мечеть и поныне называется мечетью Умара.»

Я сказал: «Мне следует пройти туда и совершить намаз в той мечети и на том месте, обратив лицо в сторону Каабы, воздать хвалу Аллаху.» Шейх Файз-уд-дин Амели сказал: «О, эмир, поскольку ты любезен со мной, это придало мне смелости, и я дерзну высказать тебе два совета.» Я спросил, о чем они. Имам пятничной мечети Халеба сказал: «Первый совет заключается в следующем – сделай так, чтобы попасть в тот город весной, ибо именно в ту пору Дамаск особенно красив и выглядит впечатляюще. Второй совет – отправь дары султану Дамаска и вступи в тот город, показывая все свое дружелюбие.» Я спросил: «А кто султан Дамаска?» Имам пятничной мечети ответил: «Султаном Дамаска является тот же султан Рума, он так могуч, что народ приходит в дрожь, едва заслышав его имя.»

Я сказал: «Когда я намеревался идти в Халеб, меня уверяли, что его султан, Тогрул Булак могуч, как див и что если он схватит меня в охапку, то непременно раздавит. Как видишь, я победил того могучего, и теперь Тогрул Булак сидит в Цитадели на качестве моего пленника.»

Шейх сказал: «Правитель Рума, Йилдирим Баязид – совсем другое дело, он и в самом деле является Йилдиримом (то есть молнией) и Дамаск и все государства, расположенные на побережье, принадлежат ему (*под государствами, расположенными на берегу моря имеются в виду сегодняшний Ливан и Лазакия, которая сегодня является частью Сирии – Марсель Брион*) и если ты вздумаешь без его разрешения и согласия вступить в Дамаск, это будет равносильно объявлению войны.» Я ответил: «Я непременно буду воевать с ним.»

Имам пятничной мечети Халеба сказал: «Поскольку ты поистине великий и благородный правитель, желая тебе добра, дам тебе совет – не делай этого, ибо кроме сожаления ничего другого ты не получишь.» Я сказал: «О, шейх, разве не сам ты советовал мне идти на Византию, чтобы захватить богатства, две тысячи лет накапливаемые неверными-кафирами, и обратить их в ислам.» Он ответил: «Отчего же, конечно, о эмир.» Я спросил: «Чтобы попасть в Византию, есть ли иной путь кроме как через Рум? Ведь не пройдя Рум, я не попаду в Византию, а чтобы пройти через Рум, мне придется схватиться с Йилдиримом Баязидом.»

Шейх Файз-уд-дин Амели сказал: «Берегись его, ибо Йилдирим Баязид весьма могуч и отважен, он в состоянии собрать огромное войско, сам он может одним ударом клинка разрубить пополам целого верблюда.» Я спросил: «Ты своими глазами видел, как он разрубал пополам верблюда?» Имам пятничной мечети ответил: «Нет, но я о том слышал.» Я спросил от кого он то слышал. Он ответил, что от людей. Я сказал: «Иными словами, ты хочешь сказать, что слышал все это из уст простонародья.» Имам ответил: «Да, о эмир.»

Я сказал: «Нельзя доверять утверждениям простолюдинов, ибо рассказывая о ком-то, они всегда приплетают вещи, далекие от истины. Даже если бы я и был уверен в его способности разрубать пополам верблюда, все равно, желаю сразиться с ним, пусть даже рискуя быть разрубленным пополам тем человеком.»

Шейх Файз-уд-дин Амели сказал: «О великий эмир, поскольку такова твоя воля, я не смею больше давать тебе какие либо советы.»

Я спросил: «Слышал я, что в Дамаске живут крупные ученые, верны ли такие слухи?» Имам пятничной мечети ответил: «Да, о эмир.» Я попросил назвать их имена. Он сказал: «Один из них – это Арабшах.» Я спросил, в каких

науках преуспел Арабшах. Имам ответил, что во всех, а также знает язык «сурияни» (*Сурияни – древний язык народа Сирии (Шама) – Переводчик*).

Я сказал: «Слыхал о том языке, но не видал людей, которые могли бы говорить и писать на нем.» Имам сказал: «Когда посетишь Дамаск и встретишь там Арабшаха, своими ушами услышишь язык «сурияни». А сам Арабшах такой человек, что до сих пор никому не удалось задать ему вопроса, на который он не сумел бы ответить, если и не ответил, значит то были вопросы, на которые вообще не существует ответов. Арабшах сведущ во всех науках, мать-земля редко рождает таких сыновей. Еще один ученый – это Низам-уд-дин Шами, заработавший титул «Афсах аль-машрикин ва аль-магрибин» (то есть самый красноречивый среди людей Востока и Запада), нет в мире оратора, подобного ему. Эти двое – самые выдающиеся среди всех ученых Дамаска. Знаю точно, что Арабшах в настоящее время проживает в Дамаске, что касается Низамуддина Шами, не уверен, живет ли он все еще там или уехал куда?»

Я сказал: «О шейх, я намерен уйти из Халеба, ибо дальнейшее пребывание в этом городе будет губительным для войска. Тогрул Булаку не удалось нанести мне поражение, меня вынуждают к бегству красавицы Халеба. Сам я не боюсь красивых женщин, ибо достиг того периода жизни, когда мужчина избегает женщин не потому, что боится облениться и изнежиться под воздействием красавиц, а просто лишь потому, что его они уже не влекут больше. Однако мои воины молоды, а женщины этого города неимоверно красивы, и если наша стоянка здесь затянется, боюсь войско растеряет свои боевые качества, находясь вблизи от женщин, переймет женственность. Покидая эти места, хочу, чтобы ты высказал какое-либо пожелание, которое я мог бы выполнить для тебя, ибо до сих пор, для себя лично ты ничего не просил.»

Имам пятничной мечети молвил: «О великий эмир, ты желаешь проявить великодушие по отношению ко мне, тем не менее для себя мне от тебя ничего не надо, хотелось бы, чтобы ты оказал содействие медресе Убайда, что находится в этом городе, - его учащиеся и преподаватели (туллабы и мударрисы) в течении ряда лет не получают денежного содержания и живут в нужде. Если бы ты оплатил им в размере того содержания, их это избавило бы от нужды.» Я спросил, какова численность учеников-туллабов в том медресе.

Имам назвал цифру сто пятнадцать. Я спросил о годовом размере содержания одного учащегося. Он ответил, что двадцать мискалей золота. Я спросил о содержании преподавателей. Он ответил, что оно составляет сорок мискалей золота. Я позвал своего казначея и велел выдать шейху Шамс-ад-дину Амели три тысячи мискалей золота в виде монет для передачи

ученикам и преподавателям медресе. Своим военачальникам я велел быть готовыми выступить наутро следующего дня.

Вечером я велел привести Тогрул Булака и сказал: «Покидая эти края, я забираю тебя с собой, но вовсе не для того, чтобы подвергать мучениям. Я обещал тебе безопасность и сдержу то обещание. Но война в Шаме еще не завершилась и если уйти, оставив тебя за своей спиной, я не смогу чувствовать себя спокойно. Потому забираю тебя с собой, чтобы быть спокойным за свой тыл. Чтобы ты убедился в том, что я не собираюсь обижать тебя, знай – я назначил твоего сына управлять Халобом пока ты будешь отсутствовать. В тот день, когда закончится война в Шаме и я захочу отправиться домой, ты получишь свободу и твой сын будет обязан освободить престол для тебя, если он этого не захочет сделать – я поправлю его.»

Мой путь в Дамаск затянулся надолго по двум причинам. Во-первых, по пути пришлось выдержать несколько сражений с местными племенами. Во-вторых, наступила зима, мне пришлось сделать остановку в горном районе, если бы я пытался идти дальше, погибли бы все наши люди и лошади. Каким бы стойким и смелым ни был человек, он не в состоянии противостоять воле Божьей, именно ею предопределены возникновение таких явлений, как холод и жара, в то время, как человек не в силах управлять ими.

Когда я достиг мест, по которым протекала река Барда, и оттуда уже виднелись предместья Дамаска, пели птицы, по обоим берегам реки буйно цвели миндальные, персиковые и другие деревья. Будь у меня время, я бы надолго сделал привал на берегу той реки пока не пройдет полностью весна, однако у меня не было возможности провести весеннюю пору там, тем более, что Кутул Хамза, правитель Дамаска, и вовсе лишил меня такой возможности

Когда до Дамаска оставалось два-три фарсанга, на меня напал Кутул Хамза со своими боевыми колесницами. Кутул-Хамза происходил из румийцев (*предки сегодняшних турок*) был из числа приближенных Йилдирима Баязета, телосложением он походил на большинство румийцев – обладал средним ростом, широкими плечами. До того времени я не встречал румийцев (*т.е. тюрков Турции – Автор*), только после того как я пришел в Рум и увидел их, заметил, что среди румийцев мужчины высокого роста – редкость, большинство из них были среднего роста, однако обладали широкими плечами и значительной физической силой. Кутулу Хамзе на вид было лет пятьдесят, на голове он носил огромную чалму (тюрбан), увидев его впервые, помню удивился, как он умудряется сражаться с таким сооружением на голове. Так же рассказали мне, что первым племенем, применившим в битве боевые колесницы были именно румийцы (*Первыми применили боевые колесницы племена готов, считавшиеся предками нынешних жителей Турции, они жили в Малой Азии, они же первыми*

научились добывать руду и выплавлять железо, их которого изготавливали оснастку и оружие для своих боевых колесниц – Марсель Брион), и до них никто не изготавливал и не применял боевых колесниц. Поэтому не было удивительным, что Кутул Хамза, правитель Дамаска самолично пожаловал на поле битвы в боевой повозке. Впереди его колесницы, то есть на дышлах были укреплены лезвия по форме напоминавшие огромные серпы между ними и дышлом было расстояние в один зарь.

И когда лошади приводили в движение ту повозку, то получалось весьма действенное оружие. Каждую колесницу тащила четверка лошадей, две из которых впрягались методом «дишли», а две другие – методом «йан».

(«Дишли» – от турецкого «диш» – зуб относится к двум дышадям, непосредственно впрягавшимся по обе стороны дышла (оглобли), а «йан», что по-турецки означает бок или край, относится к тем двум, что впрягаются по правому и левому краям повозки – Марсель Брион)

«Росланге», то есть ремни, которыми лошадей впрягали в колесницы, имели цепи, чтобы ударом сабли нельзя было отделить животных о повозки. В каждой из повозок были сооружены укрытия, сколоченные из досок, возницы располагались за ними, чтобы остаться недостижимыми для стрел и камней противника. В тот день, когда мы подверглись нападению колесниц Кутул Хамзы, я не знал их количества, позже я узнал, что их было пятьсот. Двумя рядами, разделившись поровну, они медленно катились в нашу сторону, и трудно было предвидеть какой урон они были способны нанести нам.

Однако подобравшись, они внезапно набрали скорость и приблизились к нам столь стремительно, что за те короткие мгновения невозможно было что-либо предпринять, чтобы остановить их.

Я был полностью захвачен врасплох, и не успел придумать что-либо для того, чтобы обезвредить ту атаку. Колесницы как ветер ворвались в ряды нашего конного войска и начали косить животных и людей. Их натиск был столь стремительным и опасным, что я дал команду отступить, чтобы все наши конники стремительно уходили с поля боя и собирались в районе села Аук, что вблизи Дамаска.

Атака колесниц Кутул Хамзы была столь сокрушительной, что, как я заметил, если войско успеет обработать второй ряд тех колесниц, то в результате оно понесет такой непоправимый урон, что ничего другого не останется как просто уйти ни с чем из страны Шам.

О, читающий эти строки, возможно ты думаешь, что в тот день, второго дня месяца Хамаль, я испугался и бежал. Нет, тогда я испугался не за свою жизнь, потому как я знал себя и прошел многократные испытания в

жесточайших битвах, подготовив себя к тому, чтобы никогда не испытывать чувство страха.

С 757 года хиджры, когда мне был двадцать один год, когда во время облавной охоты в местности Курултай на меня напали пятьдесят человек, (о подробностях того случая я уже рассказывал в начале повествования) и до сегодняшнего дня, когда я пишу левой рукой эти строки, я не испытывал страха в бою и не знаю, что такое боязнь погибнуть в схватке.

Вместе с тем, полководец несет ответственность за свое войско, он не вправе допускать бессмысленных потерь в нем. Потери в воинском составе допустимы лишь в тех случаях, когда сильна вероятность твоей победы или когда видишь, что противник может получить возможность добиться перевеса и победы. На потери не стоит соглашаться когда видишь отсутствие возможности одержать победу, не следует допускать массового истребления войска и тем более находясь в чужой стране, где нет возможности набрать свежее пополнение. В Шаме я не мог нанять и одного воина из числа местных, а если и нашлись бы такие добровольцы, у меня не было бы к ним доверия.

Именно по этой причине, желая уберечь свое войско от бессмысленного истребления, я дал указание отступить и мои конники галопом помчались к селению Аук, расположенном вблизи Дамаска и славившемуся своими гончарными изделиями. На подходах к тому селению я выровнял боевое построение войска, поскольку не исключал нового появления и атаки противника. Военачальникам я велел, чтобы в этом случае они повторили маневр спешного отступления ибо выставить конников против тех колесниц было равносильно самоубийству. Но дозорные, следившие за окружающей территорией извещали, что нет и малейших признаков присутствия врага, стало ясно, что Кутул Хамза не стал преследовать нас.

Вечером, устроив лагерь, я созвал военный совет и велел военачальникам подумать и высказать предположение о том, как справиться с теми колесницами. Мы знали, для того, чтобы обезвредить их, следует прежде всего поражать лошадей, однако не было ясно, как это осуществить. Один из военачальников Атабек, бывший воспитатель моего сына Шахруха, сказал: «Почему бы не применить средство, использованное нами в битве с Эбдалом Гильзайи?»

Внутренне удивившись, я сказал себе: «И почему мысль о применении пороха не пришла в мою голову?» Да, это был единственный способ вывода из строя лошадей запряженных в боевые колесницы, но к тому времени у нас не было достаточно кож животных, чтобы набить их порохом и снабдить фитилем. Атабек, участвовавший во всех сражениях вместе со мною, сказал:

«В этой деревне занимаются изготовлением горшков и кувшинов, мы можем получить их в достаточном количестве, почему бы не набить их порохом?»

Я сказал: «Надо провести испытания и убедиться, что можно добиться желаемого результата с помощью глиняных горшков и кувшинов.» Той же ночью по моему указанию взяли несколько кувшинов, набили порохом, закупорили и прикрепили фитили. Их подожгли и бросили. Кувшины разрывались с оглушительным грохотом.

В ту ночь я не мог уснуть от радости, я понял, что отыскал действенное средство обезвредить повозки Кутула Хамзы. Утром я велел закупить определенное количество кувшинов в селе и набить их порохом.

Поскольку во время атаки наакуне правитель Дамаска выстроил свои колесницы в два ряда, я разбил метателей кувшинов на две группы. У каждого метателя к седлу был приторочен худжин, полный грошков с порохом. После чего я повел войско в сторону Дамаска и не сомневался что вражеские наблюдатели уже заметили, что мы приближаемся.

В тот день боевые колесницы Кутул Хамзы напали на нас в том же месте, что и вчера – на берегу реки Барда. Наши метатели не думая о собственной безопасности, приблизились к колесницам, зажгли фитили и начали бросать кувшины в лошадей.

Результаты превзошли все мои ожидания, потому что оглушительные взрывы не только мгновенно убивали и ранили лошадей, обездвиживая колесницы, они так же вызвали ужас среди воинов врага и они повернули назад.

В тот день второй ряд колесниц так и не вступил в битву, повернул назад и я велел преследовать врага. Колесницы удалялись так стремительно, что мы не могли их догнать, они влетели в городские ворота Дамаска, которые закрылись за ними. Еще до того, как колесницы обратились вспять, я заметил, что один из метателей бросает кувшин с зарядом не рукой, а с помощью пращи. Я заметил, что гнездо его пращи шире обычных, что позволяло закрепить в ней кувшин, и до того как мы начали преследовать колесницы, я подозвал к себе того воина и спросил, кто велел ему бросать заряды с помощью пращи. Тот ответил, что обратив внимание на небольшие размеры кувшина он подумал, что можно попробовать метнуть его с помощью пращи.

Взяв в руки его пращу, я увидел, что он использовал в ней гнездо шире обычного, чтобы в нем поместился кувшин. Устроив в нем заряд с горящим фитилем, он раскручивал пращу и метал его точно в заданную цель.

После этого случая я велел, чтобы кувшины с зарядами метали в город, используя пращи, трое из наших метателей погибли от взрыва собственных зарядов, кроме ожогов, они были поражены ещё и осколками кувшинов. Этот опыт показал, что метать те заряды с помощью пращи следует быстрее, иначе они смогут поразить самого метателя. Чтобы избежать того, мы удлинили фитили и предупредили метателей, чтобы делали не более одного, самое большее двух оборотов пращи над головой, прежде, чем метнуть заряд, в противном случае, горение фитиля завершится и взрыв происходил преждевременно. После этого наши метатели обрели такую сноровку, что в течении следующего года войны с Йилдиримом Баязидом уже не было ни одного случая, чтобы они пострадали от собственных зарядов.

Победа, одержанная нами третьего Хаммаля, была настолько впечатляющей, что я подумал - противник ни в коем случае не должен узнать как изготавливается порох, в противном случае он применит его против нас самих и мы утратим свое исключительное превосходство в той войне.

В тот день мы осадили Дамаск и весь следующий день четвертого Хаммаля мы изготавливали средства для штурма и подбирали расширенные гнезда для пращ метателей зарядов, чтобы те могли бросать их вместо камней. Одновременно было замечено, что если начинить кувшин мелкими осколками камней вперемежку с порохом, эффект поражения противника становится выше - при взрыве его поражали не только осколки кувшина, но и те мелкие камни, что закладывались в него в смеси с порохом. Наряду со средствами, необходимыми для штурма, мы наладили также и изготовление пороха, запасы которого были ограничены.

Шестого Хаммаля с помощью стрел мы забросили несколько посланий осажденным. В них говорилось, что в случае отказа от добровольной сдачи, все мужчины города будут перерезаны, а женщин я отдам в распоряжение своих воинов, имущество жителей мы сделаем своей добычей. В том же послании говорилось, что к моменту захвата города все из жителей города, которые укроются в мечети Умара, будут считаться неприкосновенными - их не станут убивать или брать в плен. То же самое распространяется на тех, кто укроется в домах Низаммудина Шаи и Арабшаха, являющихся выдающимися мыслителями.

Я отправил также послание, адресованное Кутулу Хамзе, воины которого заняли позиции на гребне крепостной стены. В нем говорилось, что несмотря на совершенное им нападение, в результате которого погибли ряд моих военачальников и солдат, в случае его добровольной сдачи я дарую ему жизнь и его родным, и не стану лишать их имущества. В противном случае, писал я, захватив Дамаск, я казню его и пленю его родных и всех женщин.

На рассвете седьмого Хаммаля мы начали штурм Дамаска. Наши метатели начали с помощью пращ забрасывать зарядами гребни стен, где расположились воины обороняющихся. При каждом взрыве они исчезали с гребня и мы считали их погибшими. Кувшины, начиненные зарядами, приносили невиданную пользу - всюду, где они разрывались, гибли воины противника, что позволяло нашим воинам относительно спокойно взбираться на стену. Исключительный эффект от метания кувшинов с порохом вызвал необходимость отправить часть пращников на верх стены, чтобы они с помощью своего оружия расчистили дальнейший путь для остальных наших воинов.

Весеннее солнце не поднялось и на высоту копья, когда на улицах Дамаска завязались бои между нашими воинами и воинами Кутула Хамзы. В то же самое время нашим воинам удалось захватить одни из городских ворот и распахнуть их. Через них я направил в город дополнительное число солдат, шум и гвалт в городе усилился.

Битва за Дамаск, начавшаяся на рассвете седьмого Хаммаля, продлилась до полудня девятого дня того месяца. Воины Кутула Хамзы, при содействии горожан отстаивали каждую улицу, каждый дом. Все это время ни у меня ни у моих военачальников не было ни минуты для отдыха. Отряды уставших воинов выводились из города для нескольких часов отдыха, их место занимали их отдохнувшие товарищи.

Мы пускали в ход все средства, чтобы сломить сопротивление врага, однако к полудню были исчерпаны все запасы пороха. До того дня я не знал, что большая битва требует значительных запасов пороха и не мог предвидеть, что следует заготавливать его харварами (мера веса равная 300 кг), чтобы начинять ими кувшины-снаряды. Изготовление пороха до степени его сухого состояния требует самое меньшее двух дней при условии, что работа будет вестись днем и ночью в спешном порядке. Между тем, условия битвы за Дамаск не давали нам такой возможности и с полудня седьмого дня Хаммаля мы уже не применяли порох в сражении и вели его обычными средствами, пуская в ход сабли, булавы и копья.

В некоторых местах мы вынуждены были рушить дома с помощью кирки и лома, поэтому я велел, чтобы для той работы привлекли жителей окрестных сел, чтобы высвободить воинов для битвы, я велел убивать на месте всякого из привлеченных, кто будет работать с прохладцей или попытается содействовать обороняющимся.

В ночь на восьмое Хаммаля от бушевавших пожаров в Дамаске было светло как днем, воины видели все вокруг, но мешал дым, вызывая кашель и стесняя дыхание. В ту ночь битва при свете пожаров длилась до самого утра, я несколько раз отправлялся в город, чтобы ознакомиться с обстановкой. Я

подчеркивал военачальникам, что битва должна вестись до полной капитуляции Кутула Хамзы, даже если при этом во всем Дамаске не останется ни одной живой души. Я знал, что враг мой ещё достаточно силён и если я ослаблю натиск, он может вновь собраться с силами и укрепить свои позиции, запросит подкрепление от Йилдирима Баязида и окончательный захват Дамаска мною окажется под большим вопросом. На рассвете восьмого Хаммаля, мое войско окончательно закрепило за собой часть города, однако Кутул Хамза продолжал удерживать за собой его северный и северо-западный районы.

Утром восьмого Хаммаля, следуя в город верхом, я, пробираясь среди валявшихся повсюду трупов, обратил внимание, что среди них попадались и женские, видно и женщины принимали участие в обороне города, наряду с мужчинами.

С восьмого Хаммаля, благодаря привлечению жителей окрестных сел к разрушению домов, эта работа ускорилась и с каждым днем мы отвоевывали новые части города и продвигались в северном направлении.

Вечером, восьмого Хаммаля, осматривая город, я достиг мечети Умара, битком набитой людьми, ко мне приблизился человек в чалме «тахт-уль-ханак» (особого рода чалма, носимая улемами, мусульманскими законооведами), с бородой, в которой изрядно пробилась седина, он сказал, вначале по-арабски, затем по-персидски: «О великий эмир, прояви жалость!» Придержав коня, я спросил, кто он такой. Тот ответил: «О великий эмир, я – Низамуддин Шами, в силу величия своего духа ты определил мой дом для «беста» (прибежища), сказав, что всякий, укrywшийся в нем будет свободен от наказания.» Я сказал: «Но ведь дом твой не здесь.» Он ответил: «Это так, мой сын приводит его в порядок, готовя его для приема беженцев, сам же я прибыл сюда, чтобы успокоить тех, кто укрылся в этой мечети в страхе за свою жизнь.»

Я сказал, что тем, кто укрылся в этой мечети, нечего бояться, из уважения к Умару, разий-аллаху-аннаху (т.е. да помилует его Бог!), я освобождаю находившихся там людей от возмездия и, как тебе известно, твой дом и дом Арабшаха так же объявлены местами «беста» и всякий, укrywшийся в них считается свободным от наказания. Низамуддин-уль-Мульк ответил: «О великий эмир, все люди, пребывающие в этом месте, моем доме и в доме Арабшаха, благодарны тебе за проявленное милосердие. Раз уж ты столь великодушен, может ты проявишь его в отношении так же и остальных жителей Дамаска и велишь своим воинам воздержаться от дальнейшего истребления мирного населения?»

Я сказал: «Разве ты не знаешь, что жители этого города сражаются против моих воинов вместе с воинами Кутула Хамзы, убивая их. Как я могу

отказаться от казни тех, кто убивает моих воинов?» Низамуддин Шами сказал: «О великий эмир, жители этого города не хотят воевать с тобой и убивать твоих воинов, их принудил к тому Кутул Хамза.» Я ответил: «От этого такие же результаты, как если бы они сражались против нас с умыслом и я вынужден, чтобы сломить сопротивление, убивать их. И если ты в состоянии отговорить их от продолжения сопротивления, передай им, что всякий, кто сложит оружие и сдастся, останется в живых и будет освобожден от наказания.»

Низамуддин Шами в тот день предпринял несколько шагов, чтобы известить сопротивлявшихся жителей Дамаска о поставленном мною условии. Однако всякий раз воины Кутула Хамзы отвечали, что никому не позволят сложить оружия, что всякий, кто захочет сделать это, будет заживо сожжен или с него живого сдерут кожу.

К заходу солнца мы заняли весь город, кроме его северозападной части.

В девятую ночь Хаммаля, как и в предыдущую, мы продолжали сражаться при свете пожаров за каждую улицу и за каждый дом. Люди Кутула Хамзы не сдавались и мы не могли занять их позиций, пока не убивали их всех. В ту ночь в той части города были убиты определенное количество женщин и детей, потому что они участвовали в сражении, вернее их принудили участвовать в сражении воины и военачальники Кутула Хамзы. К рассвету девятого Хаммаля в северо-западной части города оставались незахваченными лишь десять-пятнадцать домов и большой сад, в котором находился Кутул Хамза. Чтобы окончание сражения не затянулось, я велел организовать наступление на те дома и сад с восьми направлений.

Перед самым полуднем нашим воинам удалось прорваться в сад, где располагался Кутул Хамза. Он ринулся на них с саблей в руке, однако был убит и воины, отрезав ему голову, доставили ее ко мне. К моменту, когда муаззин с башни мечети Умара призвал правоверных к полуденной молитве, битва за Дамаск завершилась нашей полной победой, однако город был полностью разрушен. По окончании битвы выяснилось, что Кутул Хамза вынудил выйти на улицы и участвовать в боях тех жителей, которые нашли было убежище в доме Арабшаха, расположенном в северо-западной части Дамаска. Те поневоле вынуждены были подчиниться, часть их погибла, была ранена или попала в плен. Кутул Хамза хотел даже вынудить к участию в боях самого Арабшаха, и только учитывая его почтенный возраст, военачальники не стали настаивать и освободили его от той повинности, и если бы Кутул Хамза проведал о том, он несомненно казнил бы и ученого и не выполнивших его приказ военачальников.

Поскольку битва окончилась, я велел, чтобы воины прекратили убивать, подчинившись, они приступили к захвату добычи. Захваченную добычу они

переправляли в город, чтобы позже она была организованно распределена. Низамуддину Шами я сказал, чтобы он известил находящихся в мечети Умара людей что сражение окончено, им ничто не грозит и поэтому они могут спокойно идти по домам. Мужчины, женщины и дети высыпали на улицу из мечети и разошлись по городу, направляясь в места, где когда-то стояли их дома, они надеялись застать свои жилища целыми, однако вместо них перед их взорами предстали развалины и пепелища. Когда мечеть опустела я, совершив омовение, вошел в нее. Встав на то место, где когда-то совершил свой намаз халиф Умар (да помилует его Бог!), я совершил свой намаз, вознося хвалу и благодарность Аллаху за то, что он дал мне возможность взять Дамаск и совершить намаз на том самом месте, где когда-то его совершал сам Умар.

После намаза я велел, чтобы жителей города и окрестностей привлекли к погребению мертвых, ибо теплая весенняя погода требовала сделать это скорее, чтобы разложение трупов не вызывало эпидемии, могущей поразить войско. Вечером девятого Хаммаля началось погребение мертвых, трупы уносили за город и закапывали на обширном зеленом пастбище, потому что городское кладбище не могло вместить всего того количества. Не было времени омыwać и заворачивать в саван те трупы, если бы их омывали, заворачивали в саван и отпевали, они бы начали разлагаться создавая угрозу эпидемии, поэтому я велел закапывать трупы без соблюдения тех обрядов. Весь вечер девятого и весь вечер десятого Хаммаля работа по переносу и закапыванию тел завершилась. В битве за Дамаск из-за сопротивления, которое оказали нам Кутул Хамза, его военачальники и воины, погибли шестнадцать тысяч наших воинов, многие получили ранения, но мы победили и взяли такой город, как Дамаск.

С десятого до пятнадцатого Хаммаля мое время целиком было посвящено приведению в порядок города. Он был полностью разрушен и после захвата добычи я велел передать жителям, что при желании они могут заново отстроить его по плану моего города Кеш, что в Мавераннахре. Поскольку весь город превратился в развалины, я велел высечь тот свой указ на камне и укрепить его на стене мечети Умара.

Согласно того указа, жители Дамаска на десять лет освобождались от всех налогов. В указе подчеркивалось, что в случае моей смерти раньше того срока, мои потомки должны официально признать тот указ имеющим силу и не взимать налогов с жителей Дамаска. Я знал, что половина населения в душе смеется, полагая, что вскоре мне предстоит быть разрубленным пополам саблей Йилдирима Баязида. Сабельный удар Йилдирима Баязида был легендой в Шаме и Руме, и как мне рассказывали еще в Халебе, он мог разрубить пополам верблюда. Но в течении всей своей жизни я получил столько ранений от сабель, секир, копий и стрел врагов, что не испытывал страха перед клинком Йилдирима Баязида.

Я знал, что сражение с Йилдиримом Баязидом неизбежно и из этой схватки выйдет живым лишь один из нас. Он был единственным в мире правителем-мусульманином, продолжавшим оставаться неподвластным мне и я не мог далее терпеть такое. Однако было бы неразумным выступать из Дамаска в Рум, не укрепив прежде свое войско. Как я уже говорил, в битве за Дамаск пали шестнадцать тысяч моих воинов, тридцать тысяч из них были ранены. Раны некоторых из них были легкими и вскоре были залечены, лечение же других требовало длительного времени. Я не мог идти с ослабленным войском на правителя, находившегося на собственной территории и могущего набирать неограниченное по численности войско. Даже если бы вопреки утверждению простонародья и тех кто не воевал, оказалось что Йилдирим Баязид не обладает силой, позволяющей разрубить пополам целого верблюда, все равно я бы не отправился воевать с ним, не приняв прежде мер по укреплению войска.

Поэтому я решил с этой целью побыть некоторое время в Дамаске, а для того, чтобы городская жизнь не изнежила и не разложила меня я, как обычно разбил лагерь в степи, жил в самом его центре, к тому же само время года требовало жить на степном просторе. Лишь в дневное время я отправлялся в город совершать намаз в мечети Умара (да помилует его Бог!). По окончании битвы за Дамаск, как и в других местах, я организовал там службу голубиной почты, чтобы поддерживать бесперебойную связь со своей страной. С помощью голубей я запросил у Шахруха, своего сына, , чтобы он прислал подкрепление в виде дополнительного числа солдат и оружия. В послании, отправленном с помощью голубей в Кеш, где находился мой сын Шахрух, я сообщал, что одержал победу и захватил Дамаск, но при этом потерял шестнадцать тысяч своих воинов убитыми, а тридцать тысяч из них было ранено и потому мне нужна срочная подмога. Более подробные детали я сообщал ему в послании, отправленным гонцом, где разъяснял, что мне нужны стойкие и упрямые воины, поэтому пусть он набирает их из племен четинов, узбеков и гуров. В моей стране было много разных племен, но мужчины не каждого из них были пригодны в качестве воинов и были такие, для которых абсолютно чуждой была воинская дисциплина. Из собственного опыта я знал, что выходцы из племен Четин, Узбек и Гур были прекрасными воинами, ибо помимо смелости и упорства они были склонны к принятию воинской дисциплины.

Оставшиеся в живых жители Дамаска, убедившись в том, что им более ничто не грозит, начали строить новые дома, разбивать широкие улицы, а я в ожидании подхода дополнительных сил, был вынужден оставаться в лагере, разбитом близ Дамаска.

Днем меня посещали Арабшах и Низамуддин Шахи и мы рассуждали о различных научных вопросах. Мне пришла в голову мысль собрать в Дамаске крупных ученых, чтобы те обсудили вопросы Корана и решить,

возможно ли расположить аяты Божественной книги в определенном порядке или нет? Я не хотел еретических нововведений, хотел лишь, чтобы подлинные ученые четко определили, нельзя ли расположить определенным образом аяты Корана, если да, то пусть работают над тем, если нет, тогда отказаться от той мысли. Я решил, не принимая на веру молву о знаниях того или иного ученого, проверить их глубину лично, для того, чтобы убедиться, действительно ли они соответствуют слухам о нем. Вероятно, не все понимают, что я имею ввиду, говоря о возможной классификации аятов Корана, если это возможно, дозволено и не означает ереси. Поэтому поясню, что Слово Божье (т.е. аяты) собирались в эпоху правления Усмана (да помилует его Бог!) и сводились в виде единой Книги. До того аяты передавались из уст в уста, но по памяти, некоторые аяты записывались на кусках кожи, верблюжьих лопатках. Поэтому Усман повелел группе мусульман, что владели грамотой, собрать имеющиеся аяты Корана в единую Книгу для того, чтобы они в случае смерти мусульман от болезней или в битвах, не оказались утерянными полностью.

Те люди начали работу по систематизации аятов и формированию их в виде единой Книги, простые мусульмане обращались к ним, несли им имевшиеся у них Кораны, написанные на коже или костях животных. Иные приходили и читали аяты по памяти, а те, кому поручили составление Корана в виде единой Книги, записывали то, что до этого существовало и излагалось изустно. Некоторые из аятов располагались друг за другом в тематической последовательности и сегодня они расположены в Коране именно таким образом.

Однако некоторые аяты не были расположены последовательно в соответствии с определённой темой, и люди, которым было поручено записывать их, располагали такие аяты в порядке их поступления к ним. Таким образом, они и сегодня расположены в той последовательности, что и тогда, т.е. без связи с какой то определённой темой.

В то же время ясно, что аяты Корана были ниспосланы свыше в связи с конкретными случаями, нет аятов, не содержащих причину их ниспослания Господом и некоторые были одинаковы по содержащейся в них теме, т. е. были ниспосланы в связи одними и теми же делами.

Касательно аятов, что расположены связно и по какой то определённой теме - нет спору. Что касается тех, что не связаны одной общей темой и каждый из которых посвящен лишь одному какому-то отдельному вопросу, - после беседы с Арабшахом и Низамуддином Шахи я подумал, а нельзя ли их расположить по-новому, в последовательности, раскрывающей какую-то одну определённую тему и вместе с тем, - не окажется ли подобное деяние еретическим, не найдутся ли после меня ещё другие люди, которые вздумают так же коснуться своими руками слов Божьих - аятов. Этот вопрос

заинтересовал меня, и потому хотелось собрать достаточное число выдающихся ученых, которые, обсудив, могли сказать, дозволено ли такое, тем более, что один я не был в состоянии совершить такое, потому что боялся совершить ересь. Ведь Коран - это слово Аллаха и Священная Книга мусульман, ей не должно наноситься и малейшего вреда.

Я разослал приглашения всем выдающимся ученым, присовокупив к ним рекомендации местным правителям взять на себя расходы по их поездке в Дамаск. В страны Магриба (арабские государства, расположенные на Западе), такие как Египет, где не было моих наместников, я отправил в виде «барат» (т.е. чека, денежного перевода, векселя) средства на оплату расходов по организации поездки для Шейх-уль-Азхара, мутавали соборной мечети Азхар в Каире, пригласил я так же и мутавали медресе Хаджи в Исфагане приехать в Дамаск и принять участие в столь высоком собрании ученых мужей. Однако ряд ученых, включая тех, имена которых я привел выше, не приняли моего приглашения, не приехали в Дамаск, позднее выяснилось, что они испугались, что я могу их лишить жизни и это свидетельствовало об отсутствии в них преданности своему делу, верности своему слову. Ибо в противном случае они понимали бы, что человек, подобный Амиру Тимуру Гурагану, приглашая к участию в ассамблее выдающихся ученых-исламоведов, далек от намерения лишать их жизни. И тем не менее, ряд выдающихся ученых Магриба прибыли в Дамаск. *(В старину мусульмане называли Магрибом арабские страны, расположенные на севере Африки и в Испании-Марсель Брион).*

Вот имена тех выдающихся ученых: Аммад-ад-дин-Магриби, Сирадж Искандари, Бахауддин Халаби, Ибн Халдун, Низам-уд-дин Шами, по прозвищу Фасх-уль (оратор) Машрика и Магриба, Арабшах.

До начала ассамблеи тех выдающихся ученых в Дамаске, в начале лета прибыл первый отряд подкрепления для моего войска и я убедился, что он состоит именно из таких воинов, о которых я писал своему сыну. Их оснастка и вооружение были отличными, ими командовал некий Токат из племени Четин, мужчина в возрасте тридцати лет. Подойдя ко мне он сказал: «О эмир, слышал я что ты свободно фехтуешь и рубишься одновременно обоими руками?» я спросил, кто ему сказал об этом. Он сослался на моего сына Шахруха. Я спросил, в связи с чем Шахрух рассказал ему об этом. Он ответил: «Твой сын сказал, что ты, подобно мне, фехтуешь одинаково свободно обеими руками одновременно.» Я спросил, на самом ли деле он умеет это. Тот ответил утвердительно, добавив, что владеющих левой рукой немало, однако редко встретишь таких, кто одинаково свободно орудует саблей и секирой одновременно, держа их в обеих руках.

(Сорок лет назад в номерах газеты «Иран», выходящей в Тегеране, публиковались главы из книги «Сосредоточение силы духа», автором которой

был немецкий доктор Керлинг, впоследствии этот труд вышел отдельной книгой. В нем говорилось, что тот, кто способен одновременно действовать обеими руками, способен задействовать одновременно оба полушария своего мозга, следовательно, такой человек обладает выдающимися способностями. Этот факт еще раз говорит о том, что Тимурленг обладал выдающимися способностями - умственными и духовными. - Переводчик).

Редко встречаются люди, умеющие свободно фехтовать обеими руками одновременно и до того дня я не слышал о таких, подобных мне людях, владеющих тем искусством. Я был удивлен и поэтому сказал Токату, чтобы он облачился в доспехи, взял в обе руки по клинку и сразился со мною. Такие поединки с военачальниками с целью размять мышцы были делом обычным, я регулярно проводил такие поединки, находясь в военном лагере, чтобы поддерживать тело и дух на должном уровне готовности, поэтому никого в тот день не удивило то мое намерение. Однако увидев, что Токат, подобно мне вооружился двумя клинками, все удивились и с интересом собрались вокруг, предвкушая волнующее зрелище. До того никто не видел, чтобы мне попадался соперник, умеющий орудовать обеими руками одновременно, что означало двойную работу мысли в один и тот же миг. Ибо сабельная рубка - это работа не только телесная, но и умственная, требующая духовного сосредоточения, призванная не допустить, чтобы вражеский клинок коснулся твоего тела. Это особенно трудно, когда такая работа выполняется одновременно в двух аспектах, в двойном объеме.

Токат и в самом деле умел фехтовать обеими руками, тем не менее, лезвиям его клинков ни разу не удалось коснуться моих доспехов, тогда как я сумел нанести ему несколько сильных ударов и условно ранить его. Было видно, что в мастерстве он явно уступает мне.

Вначале я полагал, что он притворяется и не хочет показывать своего мастерства, затем я понял, что на самом деле он не обладает мастерством в той степени, в какой обладаю им я. Сам Токат был вынужден признать мое превосходство.

Десятого дня месяца Мизан (весы) в мечети Умара начала работу ассамблея ученых-исламоведов, я принял в ней участие, чтобы лично убедиться в уровне знаний тех ученых, узнать, на самом ли деле они соответствуют их славе. Так, у Амад-ад-дина Магриби я спросил, какие из свойств и качеств Господа больше всего приводятся в Коране? Он ответил, что это слово «Кадир», т.е. «могущественный». Я спросил, помимо «Кадир», какое еще из свойств упоминается чаще всего? Он ответил, что это слово «Алим», т.е. всезнающий. Я воскликнул: «Хвала тебе!» Фирдоуси также ведал об этом и потому в своей «Шахнамэ» слово «могущество» поставил впереди слова «быть всеведущим», имеется в виду стих, начинающийся со слов: «Всемогущ

тот, кто обладает знанием.» Я обратился к Ибн Халдуну с предложением дать описание Господа. Ибн Халдун ответил: «Некоторые из пророков-выходцев из племени израильтян описывали Господа подобным человеку, полагая даже что, подобно человеку, он имеет глаза и уши. После пришествия Иисуса Христа они стали считать Бога тройственным (отец, сын и святой дух). Первой религией, утвердившей то, что Господь един и его невозможно постичь с помощью обычных человеческих чувств - слуха, зрения, осязания и т.д., была религия ислам. И поэтому, говоря о Господе, могу сказать лишь то, что он есть суть могущества и суть ведения. Кроме того, я не могу привести каких-либо других описаний Господа, все, что я скажу помимо этого, будет представлять собою измышления, порожденные моими собственными (телесными) чувствами.»

Я молвил: «Хвала тебе, о Ибн Халдун! Мы видим, что слова твои соответствуют уровню твоих знаний. Ничего другого более того, о чем ты сказал, мы не можем вообразить о Господе категориями человеческого ума. Кроме того, как ты сказал, Бог - есть Абсолют Могущества и Знания, исходя из этого, он Всемогущ.»

Затем я обратился с вопросом к Баха-уд-дину Халлаби: «Сколько в Коране аятов, удостоенных чести быть ниспосланными свыше, и по какому определённом поводу их ниспослал Господь?» Баха-уд-дин Халлаби ответил: «О, эмир, попробуй назвать аяты Корана, не удостоенных чести быть ниспосланными свыше. Ибо нет в нем таких аятов, что не были ниспосланы свыше. Каждый из аятов Корана был ниспослан Господом и тому соответствовал особый повод.» Я молвил: «Хвала тебе о, Баха-уд-дин Халлаби!»

Затем я спросил Сираджа Искандари: «Скажи, чтобы мы знали, почему поменяли Киблу мусульман?» Он ответил: «Когда возникла исламская вера, всё еще сохраняли силу некоторые положения, заимствованные из религий прошлого (иудаизма и христианства), к примеру такие, как уважение к вину. В Коране имеются четыре аята, касающиеся вина. В первом из них говорится о вине, как вещи, порождающей зло. Однако его не называют недозволенным. Причина в том, что последователи других религий, привыкшие употреблять его, не могли сразу покончить с этой привычкой. Во всяком случае, в начальном периоде становления ислама, часть законов других религий все еще сохраняла силу. Постепенно те законы утратили свою силу под влиянием законов ислама. Одним из таких законов, поначалу имевших силу, былр необходимость совершать намаз, обратившись лицом к Бейт-уль-Мукаддасу (Иерусалиму). После того, как миновал период «Фитрат», т.е. начало становления исламской веры, чтобы отделить мусульман от последователей других религий в части способа совершения молитвы, Господь повелел, чтобы мусульмане изменили местонахождение Киблы и совершали намаз, обратившись лицом к «запретной» мечети, где

запрещалась всякая ссора и распря, т.е. к Каъабе. Перемена местонахождения Киблы не означала того, что Господь пребывает в Каъабе, а не в Бейт-уль-Мукаддасе, Господь пребывает всюду, нет места, где бы он не пребывал. Господь утверждает в Коране, что в какую сторону бы вы не обращались, совершая намаз, все равно вы совершаете его, обратившись к Господу. Поэтому Али ибн Аби Талейб (да будет благословенно имя его), после победы арабов над иранцами, войдя в Мадаъэн (старое название города Ктесифан), совершил намаз в храме огнепоклонников, обратившись лицом к Каъабе. А Умар-ибн-Хаттаб, вступив в этот город (т.е. Дамаск), совершил намаз в здешней церкви, обратившись лицом к Каъабе. Мусульманин волен совершать намаз и в храме огнепоклонников и в капище идолов, и в христианской церкви, потому что Господь пребывает всюду. Намаз не совершают в тех местах лишь потому, что их не считают чистыми. Если верующий знает, что эти места соответствующим образом очищены от скверны, ничто не препятствует тому, чтобы он совершал намаз в них, обратившись лицом к Каъабе. Господь сделал Каъабу Киблой мусульман вовсе не потому, что нет у него другой обители. Господь не есть плоть, чтобы пребывать лишь в определенных стенах, определенном жилище. Он сделал Каъабу Киблой мусульман лишь для того, чтобы сплотить их, чтобы пять раз в день они молились, обращая своё лицо в сторону одного определенного места.»

Я сказал: «Хвала тебе, о Сирадж Искандари. Я вижу, что сердце твое преисполнено знаний, что сияет подобно Сираджу Искандарийэ (т.е. знаменитому александрийскому маяку).»

Затем я обратился к Арабшаху с вопросом: «Сколько в среднем требовалось времени для ниспослания каждого аята?» Арабшах спросил: «О эмир, я не понял твоего вопроса, разъясни, что ты хотел спросить?» Я сказал: «Если учитывать количество аятов Корана и число дней, прожитых нашим пророком после возложения на него священной миссии, сколько в среднем времени ушло на нисхождение каждого из аятов?» Арабшах ответил: «Примерно полтора дня, о эмир. Ибо после того, как на него была возложена священная миссия пророка, Мухаммад прожил восемь тысяч триста девяносто пять дней и в течении тех двадцати трех лет ему было ниспослано сто четырнадцать сур Корана, поэтому в среднем получается, что каждые полтора дня ему ниспосылался один аят. Однако этот средний промежуток не соответствует реальным обстоятельствам, в которых ниспосылался каждый из аятов. Ибо случалось, когда в течении одного откровения пророку ниспосылалось по несколько аятов, как случалось и то, что во время отдельных откровений он получал целую суру.» Я сказал: «Хвала тебе, о Арабшах, половина имени которого арабская, а другая - персидская.»

Обратившись к Низамуддину Шами, я сказал: «А ты поясни нам, почему Господь велел мусульманинам совершать земные поклоны во время

совершения намаза?» Тот ответил: «О эмир, Господь сотворил человека из праха. Не из чистой и доброкачественной глины, а из черного праха, который затем был высушен. Господь потому велел мусульсанинам совершать земной поклон, чтобы прикладываясь лбом к земле они помнили, что сотворены из праха и потому должны подавлять в себе гордыню и быть смиренными. Касание лбом земли, помимо напоминания о том, что человек произошел из праха, символизирует высокую степень смирения. Господь желает, чтобы мусульмане, совершая намаз обратившись лицом к Кибле, тем самым проявляли высшую степень смирения, чтобы искоренить в них чванство и эгоизм, чтобы осознавали свое ничтожество и не глядели на ближних с презрением, помнили, что они сотворены из праха и подобно праху должны быть ничтожными и безвредными.»

Я молвил: «Хвала тебе Низамуддин Шами», затем я обратился с вопросом к Мухаммеду бен Муслиму Лазеки: «Во время омовения перед намазом, сколько раз следует омыwać руки и ноги?» Тот ответил: «О эмир, если это происходит зимой, в холод, и руки и ноги совершающего намаз чисты, то достаточно одного раза. Летом же, когда жарко, и руки и ноги молящегося не чисты, то и пятикратное омовение может оказаться недостаточным.» Чтобы смутить Мухаммада бен Муслима Лазеки, я спросил: «О человек, ты что позволяешь себе шутить над установлениями ислама?» Тот ответил: «Нет, о эмир, я говорю это серьезно, ибо Аллах в сто первом аяте суры «Маъэдэ» (т.е. «Трапеза») сказал: «Вы, уверовавшие, не будьте столь дотошны в деталях повелений веры, чтобы не испытывать затруднений, подобных тем, с которыми сталкиваются люди племени Израиля, когда режут коров.» Веление Господа совершать омовение перед намазом имеет целью обеспечить очищенное состояние верующего, поэтому, если он уже омыл все тело, нет необходимости совершать дополнительно ритуальное омовение. Если достаточно воды и готовящийся к молитве чувствует, что лицо, руки и ноги его нечисты, он должен мыться столько, сколько необходимо, чтобы чувствовать себя очищенным. Когда же он чувствует, что его лицо, руки и ноги чисты, то достаточно будет, если он совершит ритуальное омовение всего лишь один раз. И Господь повелел, чтобы мусульмане не впадали в разногласия по поводу этих деталей.»

Я молвил: «Хвала тебе, о Мухаммед бен Муслим Лазеки. Я благодарю Господа за то, что ученые, собравшиеся на эту ассамблею, оказались на высоте, что уровень их знаний соответствует их славе. Теперь поговорим об основной теме, которой посвящена эта ассамблея.

Все вы люди, обладающие ученостью, знаете, что к моменту смерти нашего пророка, аяты Корана еще не были собраны в одном месте. Некоторые из них хранились в виде записей у отдельных мусульман, а некоторые из мусульман хранили их в памяти изустно. В периоды правления халифов Абу Бакра и особенно Умара ибн-аль Хаттаба, когда Шам и Иран вошли в состав

мусульманских территорий, мусульмане участвовали в великих войнах, часть из них пала мучениками в тех войнах. Став халифом после Умара –ибн-аль-Хаттаба, Усман испытал опасения, что могут погибнуть или умереть естественной смертью те, у кого аяты Корана хранились в памяти или в виде записей и тогда остальные мусульмане не будут их знать. Поэтому он решил собрать все аяты в одну Книгу. С этой целью, он обратился ко всем мусульманинам, чтобы те, кто имел записи аятов или знал их по памяти, встретились с группой лиц, уполномоченных собирать их в единую Книгу, предоставить в ее распоряжение все то, чем они располагают. Таким образом, та группа собирала и фиксировала все аяты, поступавшие к ним в письменной и устной форме. Они группировали аяты в том порядке, в каком они поступали, а не в том, в каком они ниспосылались свыше в течении восьми тысяч трехсот девяносто пяти дней и ночей.»

«По этой причине сегодня аяты Корана можно разделить на два вида. Одни – это те, которые последовательно связаны между собой единой темой, к другому относятся те, что не связаны друг с другом в рамках одной и той же темы. Учёные-исламоведы знали и знают о том, что часть аятов расположена в Коране без связи с какой то определённой темой и что, поэтому их следовало бы сгруппировать так, чтобы они последовательно отражали какую-то из тем. До сего дня такое не делали, боясь допустить тем самым ересь и не расположили аяты Корана в той последовательности, в какой они нисходили на нашего пророка в течении двадцати трёх лет. Сейчас я прошу вас, выдающихся ученых-исламоведов, внимательно изучить этот вопрос, и сказать, чтобы мы знали, можно ли расположить аяты в Коране в той последовательности, в какой они были ниспосланы свыше, без того, чтобы такое не оказалось ересью. В случае, если такое равносильно ереси, то воздержимся от того, чтобы менять расположение аятов в Коране.»

После того, как ученые посоветовались между собой, состоялась еще одна их ассамблея в мечети Умара, в Дамаске. Я принял участие в той ассамблее, горя желанием узнать, к какому решению пришли ученые касательно порядка расположения аятов в Коране.

Первым на том собрании выступил Баха-уд-дин Халлаби, сказавший: «О эмир, посоветовавшись мы решили, что Коран должен до конца этого света оставаться в первоначальном виде, что только один человек вправе менять порядок в содержании Священной Книги, это - пророк Аллаха (Да благословит Аллах его и его род!), который, подобно всем нам восстанет в Судный день и в тот день, если наш пророк сам того пожелает, он может изменить порядок расположения аятов в Коране в той последовательности, в какой они были ниспосланы ему в течении восьми тысяч трехсот девяносто пяти дней и ночей.»

Я сказал: «О, Баха-уд-дин Халаби, это твое высказывание требует пояснений.» Тот ответил: «О великий эмир, мы не располагаем сведениями о точной дате ниспослания аятов пророку, знаем лишь, что часть их снизошла на него в Мекке и другая часть - в Медине, и мы не можем расположить их впереди или позади тех аятов, что были ниспосланы ему до того или после того. Поэтому изменением месторасположения аятов в Коране нельзя достичь цели, которую ты имеешь в виду. Ибо ты имеешь в виду необходимость расположения аятов в том порядке, в каком они ниспосылались пророку, между тем, в мире не отыщется ученого, который мог бы назвать точно год и день, когда снизошел тот или иной аят.»

Баха-уд-дин Халлаби закончил свою речь, Ибн Халдун попросил слова. Он сказал: «О великий эмир, только один человек вправе менять месторасположение аятов или убрать их из общего контекста Корана - это пророк ислама (Да благословит Аллах его и его род!), который, возможно, в Судный день, если сочтет то необходимым, сам совершит такое.»

Я спросил: «О, Ибн Халдун, что ты имеешь в виду под возможностью убрать некоторые аяты из общего текста Корана? Разве возможно убирать слова Господа из Священной книги?» Ибн Халдун ответил: «Некоторые аяты снизошли в начале становления ислама, а некоторые – в годы, последовавшие после его победы, которые (в зависимости от целесообразности исторического момента) либо усиливают, либо ослабляют предписания предыдущих аятов. К примеру, о наказании за разврат - в одном из аятов, ниспосланных Господом в начале становления исламской веры, предписывалось забивать камнями мужчин и женщин, уличенных в прелюбодеянии, подобно тому, как это было в обычае иудейского племени. Тот аят и сейчас присутствует в Коране, однако в последующие годы, после повсеместного утверждения исламской веры, Господь ниспослал еще один аят, присутствующий в суре «Нур» (т.е. «Свет»), который предписывал наказывать прелюбодецов ударами плети. В том же аяте говорится, что если кто-либо обвинил кого-то в прелюбодеянии и не предоставил тому ясных доказательств, то за клевету его самого следует наказать восьмидесятью ударами плети. Нет сомнений, что этот второй аят о наказании плетью был ниспослан после первого, предписывающего забивать камнями прелюбодецов и имеет преобладающее значение перед первым. Тем не менее, мы не вправе убрать из Корана тот первый аят, предписывающий забивать камнями за прелюбодеяние, по своему усмотрению отделять одни слова Божьи от других. Такое вправе делать лишь один человек - пророк Аллаха (Да благословит Аллах его и его род!), который в Судный день, подобно всем другим рабам Господа, обретет жизнь во плоти. И в тот день только сам пророк Божий (Да благословит Аллах его и его род!), если сочтет необходимым, вправе будет вносить изменения в текст Корана в том плане, чтобы вывести из него некоторые аяты.»

Настала очередь выступить Аммад-ад-дину Магреби, который сказал: «Период халифата Усмана бен Аффана длился двенадцать лет. Из того времени пять лет, а согласно преданий, семь лет, были исключительно посвящены составлению Корана и Усман направил нескольких катибов (писарей) в различные районы Арабистана, Ирана и Египта, чтобы те встретились с людьми, помнящими наизусть аяты Корана, расспросили и записали их. Потому, что после завоевания исламом Ирана и Мисра (т.е., Египта), ряд мусульман из Арабистана, с целью управления теми территориями, были направлены туда, где они и оседали на постоянное жительство, не возвращались в Арабистан и умирали там. В течении тех пяти или семи лет, пока собирали аяты Корана в виде единой Книги, катибы и сам Усман обратили внимание на ту деталь, о которой уже упоминал здесь Бахадуд-дин Халаби, а именно, есть аяты, предписания которых либо ослаблялись, либо усиливались аятами, ниспосланными позже, примером чего являются аяты, предписывающие наказывать за прелюбодеяние. Примером подобного же рода являются аяты о запрете вина, чему в Коране посвящены целых четыре аята. Если бы было дозволено откладывать в сторону часть слов Господних, это сделали бы в ещё в те времена те же самые катибы, ответственные за составление аятов в единую Книгу, т.е. еще они отложили бы в сторону ранние аяты, оставив в Книге лишь более поздние из них. Однако они понимали, что не дозволено отделять одну часть слов Господних от других частей. Кроме того, если бы была возможность знать точные даты написания аятов, то их уже тогда расположили бы в хронологическом порядке. Когда в период правления халифа Усмана собралась специальная ассамблея по составлению аятов в единую Книгу и начала свою работу, к тому времени прошло не более двадцати четырех лет со дня хиджры и четырнадцати лет со дня смерти последнего из пророков (да будет благословенно имя его). Вряд ли можно допустить, что сам Усман и те, кому было поручено составить аяты Корана в единую Книгу, не заметили необходимости располагать их в порядке хронологии их ниспослания свыше. Но даже и в те времена не знали точно, в каком году и в какой день снизошел тот или иной аят, они же не желали строить расчет таких дат на основании одних лишь предположений и догадок, ибо знали, что в вопросах, касающихся слов Господних, нельзя руководствоваться предположениями и догадками, это было бы кощунством и святотатством. Если мусульмане, спустя всего лишь четырнадцать лет после смерти пророка Аллаха (Да благословит Аллах его и его род!) не смогли определить точных дат ниспослания каждого из аятов Корана, то каким образом мы, в нынешний век, можем определить те даты и расположить аяты в хронологическом порядке?»

В это время слово взял Мухаммад бен Муслим Лазеки добавил: «О эмир, ты лучше чем мы знаешь науку Корана, слышал я также, что знаешь его содержание наизусть, и твоя память настолько сильна, что можешь по ней воспроизвести аяты в обратном порядке - с конца Книги до ее начала. И

поэтому, нет необходимости разъяснять человеку столь ученому, как ты, вещи ясные и не вызывающие сомнений. Но поскольку ты поручил нам обсудить между собой содержание Корана, мы должны довести до твоего сведения результаты того обсуждения. В начале становления ислама корановедение не существовало как наука и мусульмане не ощущали нужды в той науке. Всякий, кто испытывал затруднения в связи с толкованием аятов Корана, обращался за разъяснением к пророку Аллаха (Да благословит Аллах его и его род!) и получал его, тем самым имел четкое понимание повелений Господа. Наука толкования аятов возникла уже после ухода пророка Аллаха (Да благословит Аллах его и его род!) по двум причинам. Первая-больше не было пророка Аллаха (Да благословит Аллах его и его род!), который мог бы толковать смысл аятов. Вторая заключалась в том, что мусульмане, которые при жизни пророка не выезжали за пределы Арабистана, после завоеваний Шама, Ирана и Мисра, начали жить бок о бок с народами, для которых арабский язык не являлся родным и поэтому не понимали содержания текстов Корана. По этой причине возникла необходимость, чтобы мусульмане переводили содержание Корана на местные языки. Кроме того, те племена и народы имели традиции и воззрения, отличавшиеся от традиций и воззрений мусульман Арабистана, они не понимали содержания аятов подобно арабам и те вынуждены были растолковывать им смысл тех аятов. Это и породило науку толкования смысла аятов Корана, постепенно та наука развивалась и некоторые из улемов (т.е. ученых-исламоведов) Ирана начали давать им весьма обширные толкования. Сегодня прошло семь веков со времени возникновения науки толкования смысла аятов Корана, наука эта возникла на основе того порядка, в котором и были расположены аяты Корана и на такой же основе были построены все разработанные комментарии к Корану.»

«По этим причинам, если нарушить строй и порядок аятов Корана, будет расшатана наука, что развивалась в течении семи лет и которой, должно быть, суждено далее развиваться в течении последующих веков. Поэтому не следует нарушать порядок расположения аятов Корана, чтобы не расшатать саму науку толкования смысла аятов Корана.»

Я сказал: «Всего, что было высказано здесь достаточно и нет смысла в дальнейших дискуссиях, ибо ясно, что порядок расположения аятов в Коране нельзя менять и следует оставить его неизменным до самого Судного дня, когда сам пророк Аллаха (Да благословит Аллах его и его род!), если сочтет необходимым, расположит их в порядке хронологии их ниспослания и я завещаю своим потомкам, чтобы после меня никто из них не смел пытаться изменить существующий порядок расположения аятов Корана.»

Закончилась ассамблея ученых-исламоведов, я пожаловал вознаграждение золотом всем тем, кто принял мое приглашение и прибыл в Дамаск и они уехали весьма довольными. К тому времени в Дамаск прибыл второй отряд

пополнения, отправленного из Кеша моим сыном под командованием Нуха Бадахшани. Токат, командующим первым отрядом подкрепления, обладал умением, как я уже говорил, фехтовать обеими руками, а Нух Бадахшани обладал таким высоким ростом и широкими плечами, что подобного я не встречал среди своих военачальников. По прибытии второго отряда с пополнением, по моим расчетам, уже можно было выступать из Дамаска. Однако наступила зима. Страна, в которую я намеревался идти походом, была холодной, и часть моего пути пролежала через горы Тур (*имеется ввиду горный кряж, который сегодня называется Таурус и его не следует путать с горой Тур, фигурирующей в преданиях иудейских племен. - Марсель Брион*).

Перевалы той горы, будучи заснеженными, были непроходимы и если бы я проявил отвагу и двинул войско через них зимой, его гибель была бы неминуемой. Поэтому я благоразумно решил переждать в Дамаске до весны, и только с наступлением теплого периода, когда растает снег, идти на Рум (т.е. в Турцию).

Зиму я провел в своем лагере и иногда посещал город, чтобы совершить намаз в мечети Умара. Время свое я посвятил двум вещам, одна - это встречи и беседы с учеными Дамаска, включая Ибн Халдуна, который, приехав в Дамаск, так и остался в нем по моему повелению, другим делом были военные занятия и упражнения, в ту зиму я заставил всех своих воинов и их начальников предаваться им каждодневно. Сам я тоже принимал личное участие в тех упражнениях с тем, чтобы одни лишь еда и сон, подобно любовным утехам, не расслабили и не сделали нас вялыми и ленивыми. Мои воины и их начальники к окончанию зимы обрели бодрость и веселье и рвались в бой. Всех их я предупредил, что впереди нас ждут тяжелые бои, в которых, возможно, погибнут многие из нас. «Однако», подчеркивал я, «я надеюсь на победу и в случае ее достижения, все золото и богатства правителя Рума, Йилдирима Баязида, будет нашим. Победив его, мы направимся далее, в Византию (т.е. сегодняшний Стамбул) и захватим все находившиеся там богатства, которые накапливались в течении более чем двух тысяч лет. (*Пояснение - В те времена, когда Тимурленг вторгся в Рум, Византия была столицей независимого государства Румия-ас-Сугра, еще не завоеванного османскими правителями. Как известно, спустя лишь пятьдесят один год после войны Темурленга с Йилдиримом Баязидом, город Византия был завоеван османским правителем султаном Махмудом Фатихом и переименован в Стамбул - Марсель Брион*).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Поход на Рум и война с Йилдиримом Баязидом.

Предо мной лежало много дорог, однако многие из них оканчивались горой или тупиком, либо соединялись с извилистыми тропами, где не пройти было войску. По такой тропе может еще пройти караван, но не войско, которому нужна достаточно удобная дорога, чтобы провести по ней своих выючных животных, телеги и арбы, если таковые имеются. По этой причине я избрал путь, приведший меня в Кунью. Я знал, что в этом городе погребен создатель «Маснавий-э Маънави» (имеется ввиду поэт-суфий Джалалиддин Руми). Я не люблю то произведение и его автора, ибо тот в своем произведении считает, что все религии равны между собой, и ни одна не обладает каким-либо преимуществом перед другими, тогда как на мой взгляд, ислам воистину превосходит все другие верования, чего невозможно отрицать.

Зная, что я не люблю «Маснавий-э Маънави», по прибытии в Кунью мои спутники предложили разрушить могилу Моулеви (т.е. Джалалиддина Руми) вытащить из нее его кости и разбросать, но я ответил, что Тимур Гураган считает унижительным для себя воевать с мертвыми, и я не стану позорить себя, воюя с трупом Моулеви. Я дерусь с живыми, а не с мертвыми, дерусь с теми, кто противится мне, не покоряется и не сдается, мне нет дела до тех, кто добровольно сдается.

По соседству с могилой Маулеви располагалось строение, называемое «ханака», нечто подобное я видел затем в Ардебиле, что в Азербайджане. В той ханаке жили суфии, все их время проходило в чтении «Маснавий-э Маънави», слушанию музыки и песен, пляскам, говорили, что суфии во время танца впадают в экстаз. Я спросил, а не потребляют ли они вино. Мне сказали, что они никогда не пьют вина и глубоко почитают принципы исламской религии.

Вступив в Кунью, я пригласил для беседы главу ханаки суфиев, хотелось послушать, что интересного он может рассказать. Это был пожилой человек с белой бородой. Я спросил, исполняет ли он те пляски?

Он ответил утвердительно, сказав: «Пляска для нас суфиев - это лишь средство войти в духовный экстаз.» Я спросил: «Вы, суфии-мусульмане?» Он ответил утвердительно. Я спросил: «Почему же в таком случае вы вносите в ислам ересь?» Он ответил: «Мы не вносим в ислам никакой ереси, мы лишь стараемся быть истинными верующими.» Затем добавил: «Ислам возник в Аравии, поскольку арабы были бедуинами, простыми кочевниками, Аллах, ниспосылая им

предписания религии, облакал их в очень простую форму, понятную для всех простых людей. Однако верующие шли дальше простого предписания проявлять покорность. Так, Али бен Аби-Талиб (да будет мир с ним!) еженощно совершая богослужение проявлял такое рвение, что впадал в беспамятство, страх перед Господом менял его сознание. Мы, суфии, являемся людьми, обязующимися следовать велением ислама в степени, гораздо большей, чем та, что была предписана ранее.» Я сказал: «Слыхал я, что вы, суфии, утверждаете, что на вас снисходит откровенье Божье?» Глава ханаки спросил: «О эмир, кто мог сказать тебе такое?» Я ответил: «На основании слухов, утверждающих, что суфии и арефы претендуют на то, что на них снисходит откровенье Господне.» Он ответил: «Никто из суфиев и арефов не претендует на такое, они лишь стараются быть ближе к Богу и удостоиться чести приблизиться к истине.» Я спросил: «Если так, то почему вы утверждаете о единстве и целостности всего сущего?» Он ответил: «Мы не верим в единство и целостность всего сущего. Это идея лишь отдельных суфиев и арефов, утверждающих, что нет ничего, кроме Бога и все сущее есть Бог, или Бытие, а поскольку все есть Бог, то все существующее на земле, включая человека, являются частицами Бога. Однако мы, суфии ханаки, что в Кунье, не разделяем подобного убеждения, считаем, что Вселенная и человек являются творениями Бога, Бог есть нечто иное, чем Бытие, оно также создано Богом, который когда захочет обращает Бытие в Небытие.»

Я пробыл в Кунье короткое время, оттуда я двинулся на север, пока не вышел к реке Кизил Ирмач. *(Древние греки называли ту реку Халис, ее берега, начиная с двух тысячелетий назад, когда на территории современной Турции проживали готы, и до середины прошлого века часто становились ареной многочисленных и великих сражений. - Марсель Брион).*

Была весна и реки широко разливались от полноводья, и я не мог преправить свое войско через реку Кизил Ирмач, разве что, построив мост через нее, и поскольку намерен был я идти на Византию, то решил следовать вдоль её левого берега. До того времени не было признаков присутствия войск Йилдирима Баязида, никто не становился на моем пути.

Нух Бадахшани командовал двумя дозорными отрядами, поэтому он шествовал впереди и регулярно направлял мне донесения. Токат командовал арьергардом, следил за тем, чтобы на нас не напали с тыла или левого фланга. Справа нападения не предвиделось и мы двигались вдоль реки Ирмач, которая располагалась справа от нас и Йилдирим Баязид не мог напасть на нас с той стороны.

Не видя никаких признаков войска Йилдирима Баязида, я предвидел, что он готовит ловушку, чтобы погубить меня с войском. Поэтому, проходя по местам с возвышенностями и впадинами, я проявлял особую осторожность, опасаясь попасть в засаду.

В конце-концов, достиг я места, с которого начиналась обширная степь, как мне пояснили, она называлась Ангорой (*Ангора, спустя некоторое время, станет Анкарой, местом сегодняшнего расположения столицы Турции - Переводчик*).

Когда мы подошли к той степи, солнце уже садилось. В это время поступило донесение от Нуха Бадахшани о том, что он видит некий военный стан (т.е. лагерь), в следующем донесении он сообщал, что стан тот весьма велик, что говорит о многочисленности расположившегося в нём войска. Предвидя, что наутро будет сражение, я расположился лагерем на берегу одного из рукавов реки Кизил Ирмак и сказал военачальникам, чтобы войско ложилось спать пораньше, чтобы полнее отдохнуть и проснуться полным сил на рассвете следующего дня.

Учитывая близость врага, я окружил лагерь тройным кольцом караулов, велел военачальникам зорко следить и прислушиваться к тому, что происходит в окрестностях, чтобы нас не застали врасплох внезапной ночной атакой.

Я не располагал сведениями о вооружении в войске Йилдирима Баязида, не ведал численности его. Поэтому я поручил Токату взять группу опытных воинов, подобраться ближе к лагерю Йилдирима Баязида, захватить и привести нескольких вражеских воинов или, по возможности, их старших, от которых я мог бы получить необходимые сведения о войске правителя Рума. Токат отправился на задание и вернулся после полуночи, выяснилось, что он потерял пятерых убитыми: оказалось, что враг был начеку и его невозможно было застать врасплох.

Бдительность противника говорила о том, что наутро нам предстоит тяжелый бой. В ту ночь я по несколько раз выходил наружу из шатра, прислушиваясь к окрестностям, не было слышно, однако, ни звука, кругом было темно. Звезды сверкали на небесах, мысленно обратившись к ним, я сказал: «Может случиться, что завтра вы увидите мой бездыханный труп, валяющийся на поле битвы, но вы должны знать, смерти я не боюсь, знаю, что все бренное становится ее добычей и всякий, кто приходит в этот мир, должен умереть и не стоит уходить из этого мира, преисполненным страха.»

Когда забрезжил рассвет, я совершил омовение на берегу ручья, прочел намаз, после чего велел разбудить войско. Вскоре лагерь зашевелился, просыпаясь ото

сна. Однако к звукам пробуждающегося лагеря примешались еще какие-то, прислушавшись, я понял, что это звуки какой-то мелодии.

Вскоре я понял, что музыка та доносится со стороны лагеря властителя Рума, создавая настрой перед предстоящим сражением. *(Имеются ввиду боевой оркестр и военная музыка, традиционные для войска Йилдирима Баязида, что были внове для Тимура. - Марсель Брион).*

Мы стремительно свернули лагерь и приготовились к битве. Каждый из отрядов занял отведенное ему место в обширной и плоской ангорской степи. В их числе находились и метатели кувшинов с пороховыми зарядами, которых я подготовил загодя еще прошлой ночью. Я дивился неопытности Йилдирима Баязида - и чего это он избрал для битвы такую плоскую и обширную степь, зная при этом, что все мое войско состоит из конницы, для которой идеально подходит ровная местность. Конница мало эффективна в горной местности, где не может развернуться для сражения, тогда как ровная степь ей предоставляет свободу маневра вплоть до возможности захода в тыл противника.

Когда началось сражение я понял, что эти мои размышления оказались незрелыми, что напрасно счел неопытным Йилдирима Баязида, ибо выбрал он то место для того, чтобы успешнее использовать свои боевые колесницы. В тот момент я понял, что именно обширная степь является той засадой, которой я опасался, я полагал, что правитель Рума постарается завлечь меня с войском в узкое ущелье или глубокую впадину, чтобы удобнее было покончить с нами. Он же завлек меня в широкую Ангорскую степь, чтобы суметь пустить в ход свои смертоносные колесницы против моего войска. Когда колесницы двинулись на нас, я заметил, что вражеское войско выстроилось в виде дуги или полумесяца. И когда края этого полумесяца стали стремительно двигаться в обход флангов моего войска, я понял, что противник замыслил взять нас в кольцо еще с первых минут сражения.

Колесницы Йилдирима Баязида походили на те же, что я видел в сражении за Дамаск - впереди каждой из них был закреплен остро заточенный серповидный кусок металла, это лезвие рассекало, кромсало все, с чем столкнется или же ломалось, в случае столкновения с неодолимым препятствием. Ни конный, ни пеший не могли противостоять тому оружию. Подобно тому, как коса снимает урожай на пшеничном поле, так и колесницы Йилдирима Баязида собирались снять урожай из жизней моих воинов и военачальников. На каждой из колесниц в укрытии находилось по несколько воинов, ведущих обстрел из луков-самострелов. Их стрелы были чуть длинее указательного пальца, выпущенные с большой силой, они полностью погружались в тело, на всю свою длину. Оценив боевые качества

таких луков-самострелов, я увез несколько образцов в Мавераннахр, передал их в руки оружейников, чтобы те изготовили нечто подобное и то оружие позднее нашло свое распространение в Иране и Мавероннахре под названием «тимур-ялик» *(Тимур-ялик или «железный лук» или «самострел» имел приклад, который переняли в более поздние века когда были изобретены мушкеты и ружья. Стрела, выпускаемая из самострела, как говорит Тимурленг, не будучи такой же длины, что и стрела из обычного лука, тем не менее считалась опасной ибо проникала в тело человека на всю свою полную длину – Автор)*

В то время, как колесницы неслись на нас с четырех сторон, их возницы и седоки осыпали нас стрелами, укрывшись за перегородками. Битва разворачивалась с запада на восток, мы были расположены на востоке, а войско Йилдирима Баязида - на западе. Я понял, что если не приму быстро какого-то решения, то колесницы правителя Рума вот- вот возьмут нас в кольцо и мы будем разбиты.

Токата, вместе со всеми имевшимися метателями кувшинов-снарядов, я спешно направил в восточном направлении, наказав, чтобы ни в коем случае не допустили прорыва тех колесниц в наш тыл. Нуха Бадахшани я отправил на запад, сказав, чтобы он установил любые возможные препятствия на пути тех колесниц, натянул цепи, укрепив их на металлических стержнях для привязывания лошадей, если найдётся цепей, то употребил для той же цели веревки. Натянутые на небольшой высоте те цепи и веревки должны были воспрепятствовать движению смертоносных колесниц.

Сам я, с группой полководцев, взял на себя оборону с севера и юга. Токат блестяще справился с возложенной на него задачей, ему удалось вывести из строя все колесницы, находившиеся в восточной части.

Метатели зарядов верхом на лошадях, с помощью тлеющего трута, расположенного справа от седла, вкладывали кувшины с порохом в гнездо пращи, поджигали фитили и бросали в цель. Каждый кувшин с порохом предназначался для одной колесницы, мгновенно поражая коней, а то и седоков, таким образом выводил их из строя. Некоторые из метателей были поражены собственными зарядами, но в целом, в восточной части мы добились хороших результатов, ни одной из колесниц Йилдирима Баязида не удалось прорваться, чтобы создать для нас угрозу с тыла.

Наше продовольствие и боеприпасы находились в лагере, расположенном в восточной части, и поскольку была устранена угроза прорыва противника, наша

связь с лагерем, где имелись запасы пороха сохранилась. Поэтому я велел подготовить новые кувшины с зарядами, доставить их на поле боя и пустить в ход. Пока одни воины начиняли кувшины зарядами, другая часть доставила из лагеря веревки и тонкие цепи, чтобы натянуть их на небольшой высоте от поверхности земли и создать препятствия на пути движения вражеских колесниц.

Не прошло и четверти дня, когда я разослал группу воинов по окрестным деревням на юге и востоке, чтобы собрали сколько удастся досок, кольев веревок и цепей, доставили их в лагерь, привлекая к этой работе местных жителей и велел убивать на месте всякого из них, кто вздумает не подчиняться. Другой группе я поручил собрать в местности, примыкающей к полю боя как можно больше досок и кольев, чтобы возвести частокол вокруг лагеря с целью обезопасить его от ночной атаки.

Я знал, что Йилдирим Баязид возможно и ночью захочет пустить в ход боевые колесницы, в этом случае мы не смогли бы их остановить с помощью пороха, запасы которого были исчерпаны и требовалось время для его изготовления.

В тот день, как только вражеская колесница останавливалась, натолкнувшись на натянутые нами веревку или цепь, наши конники стремительно нападали и убивали запряженных в нее лошадей, после чего, седоки, находившиеся в ней, поневоле выпрыгивали на землю, чтобы сражаться, а не быть убитыми, находясь в колеснице.

Стрелы, которыми седоки колесниц осыпали наших воинов, доставляли им немало хлопот, однако, несмотря на значительные потери, нам удалось в тот день остановить страшные повозки. В тот день нам стало ясно, что основную ставку Йилдирим Баязид делал на свои колесницы, стоило их вывести из строя, как его воины вынуждены были сражаться пешими, а кавалерии у него было маловато, в этом случае мы легко могли одержать победу.

Кроме того, мне в тот день впервые пришлось сражаться с воинами-нэсрани (т.е. христианами), до того мне не доводилось иметь с ними дела. Я понял, что это христиане из выкриков: «О Ишу!», «О Йухан!», которые они издавали в ходе сражения. Я еще не понимал значения тех возгласов, лишь к вечеру, покинув поле боя, чтобы взглянуть на положение дел в лагере, я спросил привлеченных к работе жителей-турков, что означают те слова. Они пояснили, что то были христиане, на языке которых «Ишу» означает «Иисус», а «Йухан» - «Яхья» (Иоанн). Стало ясно, что часть подданных Йилдирима Баязида являются нэсрани-христианами, и он послал в сражение и этих людей.

Таков был первый день сражения с Йилдиримом Баязидом, в котором я не принял личного участия, ибо обстановка и необходимость управления ходом битвы заняли все мое время, не дав возможности самому ввязаться в бой. В тот день мои мысли были заняты тем, как остановить и обезвредить смертоносные колесницы, впервые для этой цели были применены веревочные арканы, набрасываемые на серповидные лезвия, выдвинутые впереди повозки, петля при этом захлестывалась так быстро, что острая часть лезвия не успевала коснуться веревки и разрезать ее. Конец аркана был привязан к луке седла нашего воина, и хотя сила тяги лошадей колесницы и тащила за собой упиравшегося всадника и лошадь, все же движение колесницы замедлялось, что давало возможность другим поражать лошадей колесницы, вынуждая ее к остановке.

Всюду, где пешие воины правителя Рума лишались поддержки своих колесниц, их удавалось легко уничтожить, из чего мы ясно поняли - уничтожая колесницы, мы уверенно одержим победу.

Мы продолжали биться до самого захода. Я мог бы прекратить битву раньше и отвести войско в лагерь, однако я хотел дать возможность получше подготовиться и укрепить его дополнительно.

Чтобы подготовить порох в количестве, достаточном для уничтожения всех вражеских колесниц, нам требовалось по крайней мере два дня для его просушки. Погода стояла теплая и порох высыхал быстро, зимой и осенью, в холодную погоду, на это уходило больше времени.

Нам требовалось находиться в лагере не больше двух дней для подготовки пороха в необходимом количестве и потому следовало подготовиться к тому, чтобы выдержать там осаду.

Меня не беспокоил вопрос с обеспечением воды, ибо река Кизил Ирмак находилась вблизи, к востоку от лагеря. Но корма для лошадей было мало и я велел собрать необходимое количество корма и продовольствия из окрестных деревень, привлекая жителей для их перевозки.

К заходу солнца я оторвался от противника и войско возвратилось в лагерь, туда же перенесли раненных для перевязки и оказания им помощи, мы не сумели собрать останки своих для захоронения.

Не прошло и двух часов после наступления ночи, как с поля битвы начал доноситься вой гиен, я понял, что те начали пожирать трупы павших.

Я был почти уверен, что в ту ночь враг предпримет атаку, но вместо этого мне передали, что к лагерю подошел посланец от Йилдирима Баязида, который хочет переговорить со мной. Я велел завязать ему глаза, чтобы он не мог узреть обстановку внутри лагеря и привести его ко мне. Когда его ввели в мой шатер, я велел развязать ему глаза и спросил его по-тюркски, кто он и с каким делом пришел? Тот представился как военачальник в звании туман-баши. *(Пояснение: «туман-баши» командовал десятью тысячами воинов и это звание приравнивается должности командира дивизии - Переводчик).*

Затем он вручил мне письменное послание, которое, как я увидел, было написано на персидском языке. *(Персидский язык был языком международного общения в странах Средней и Западной Азии и Йилдирим Баязид также владел им. - Марсель Брион).*

В послании Йилдирим Баязид, обращаясь ко мне как к «Тимур-беку», писал следующее: «Твои огненные кувшины, на которые ты, как мне кажется, сильно полагался, сегодня, как видишь, не причинили мне особого вреда, в результате, ты вынужден был в страхе бежать с поля битвы и укрыться в своем лагере. Поэтому, будет лучше, если ты завтра на рассвете отправишься назад тем же путем, что и пришел, ибо завтра против тебя будет пущено в ход еще большее число колесниц и войско твое будет уничтожено.»

Я велел вызвать катиба (писаря) и велел в ответ написать следующее: «Я не бежал с поля боя, а счел целесообразным приказать войску покинуть поле боя подобно тому, как всякий полководец принимает те решения, которые во благо его войску. Ты обвинил меня в трусости, сказав, что я в страхе бежал с поля боя, и чтобы доказать что это не так, я готов завтра утром сразиться на глазах у всех один на один с тобою, который моложе меня и который, как говорят, способен разрубить саблей пополам целого верблюда. Победитель будет иметь право отрезать голову побежденному и я сегодняшней ночью назначу своего преемника для командования войском, советую тебе сделать то же самое, чтобы в случае гибели одного из нас, его войско не осталось без командующего. Если ты согласен на поединок, дай мне знать об этом.»

Когда письмо было написано, я скрепил его печатью и передав посланнику, сказал: «Вот мой ответ Йилдириму Баязиду.» Затем я в устной форме передал посланцу содержание письма, сказав: «Йилдирим Баязид обвинил меня в трусости и я написал здесь, что завтра на рассвете готов сразиться с ним один на один, победитель будет вправе отрезать голову побежденного, знай же об этом!»

Я для того поставил в известность того румского военачальника, брошенном мною вызове, что если Йилдирим Баязид откажется от поединка, тот человек знал о моей готовности сразиться и рассказал об этом другим.

В ту ночь от Йилдирима Баязида не поступило ответа, стало ясно, что он не хочет сразиться в поединке со мною. Вместо этого, его колесницы в течении ночи несколько раз приближались к лагерю, пытаясь атаковать нас. Однако, столкнувшись с препятствием в виде частокола, поворачивали назад. До самого рассвета не имело места никаких других происшествий.

Утром следующего дня я велел, чтобы начали изготовление пороха в части лагеря, примыкающей к реке Кизил Ирмак и делать это быстрее, чтобы обеспечить его количество, нужное для начинки кувшинов.

Место для просушки пороха было отведено на берегу реки и к полудню я заметил появившееся на небе облако. Поскольку была весенняя пора, я заключил, что возможен дождь, поэтому велел собрать все имеющиеся в лагере куски войлока и кошмы, натянуть их над порохом, предназначенным для сушки, чтобы уберечь его от порчи в результате дождя. Спустя три часа после полудня начали сверкать молнии и грохотать гром и я лично провел внимательный осмотр навесов, под которыми сушился порох. В тот миг начался ливень, который был так силен, что можно было подумать, начался еще один Ноев (т.е. всемирный) потоп.

Река Кизил Ирмак помутнела и вздулась от прибавления воды в питающих ее рукавах. Если бы вода вышла из берегов и затопила лагерь, пропали бы не только запасы пороха, мы вынуждены бы были сняться с того места и враг бы не преминул воспользоваться случаем и напал бы на нас.

Частокол, опоясывающий лагерь, не давал вражеским колесницам возможности для атаки, стоило нам выйти за его пределы, мы уже не могли рассчитывать на какую-либо защиту от них.

Стоя под дождем, я велел военачальникам готовиться к битве, пояснив, что в случае выхода реки из берегов, нам ничего другого не останется как пробивать себе путь с помощью сабли и секиры и что возможно при этом мы потеряем часть войска.

Однако выяснилось, что ливень причинил те же неудобства и противнику, потому что властитель Рума так и не предпринял каких либо новых попыток атаковать нас и нам удалось сохранить наш лагерь.

Ливень прекратился, но погода была пасмурной и дождь мог возобновиться в любую минуту. Я приказал укрепить навесы над запасами пороха, чтобы в случае возобновления ливня порох, с помощью которого мы надеялись разбить войско властителя Рума, не пришел в негодность. В полночь снова стал лить дождь, но он не перешёл в ливень. В ту ночь я не спал и принимал меры для переброски войска из лагеря в случае выхода реки из берегов и затопления нашего месторасположения.

Моим воинам также не удалось отдохнуть в ту ночь, ибо им надлежало быть готовыми к переброске в любой момент. Река в ту ночь вздулась еще больше, однако из берегов не вышла и лагерь не затопила. Утром дождь прекратился и я заметил, что уровень воды в реке стал немного ниже.

На следующий день над лагерем и степью засияло солнце, я велел убрать навесы над порохом, чтобы солнечное тепло скорее его просушило. В тот день мне доложили, что румский военачальник по имени Кудрат Топ, который накануне доставил мне послание от повелителя Рума, пришел вновь и говорит, что хочет видеть меня и передать письмо от своего господина. Как и в прошлый раз я велел завязать ему глаза и провести ко мне в шатер. Когда его ввели и сняли с глаз повязку, он вручил мне послание. В нем, Йилдирим Баязид, о котором говорили, что он способен разрубить пополам целого верблюда, писал: «Не могу принять твоего вызова на поединок, ибо с некоторых пор меня одолела болезнь суставов «мафасиль» (подагра, полиартрит) и боль от нее мешает мне сразиться с тобой один на один.» Далее он сообщал: «Сегодня, к полудню, ко мне прибудет еще пятьсот боевых колесниц, и обладая такой мощью, я уверен, что тебе меня не одолеть. Эта земля станет твоей могилой. Сомневаюсь, чтобы ты посмел выступить против моих колесниц, потому ты вынужден будешь отсиживаться в лагере, где вскорости войско начнет гибнуть от голода, ты потеряешь своих лошадей, но если ты прекратишь упорствовать, я готов позволить тебе уйти отсюда подобру-поздорову.»

Я спросил Кудрата Топу, какова численность их войска? Он ответил, что свыше пятисот тысяч и его повелитель может, если захочет, привлечь к участию в битве все мужское население страны. Я спросил: «Как Йилдирим Баязид сумел бы вовлечь все мужское население в свое войско?» Тот ответил: «Служение в войске в нашей стране является обязательным и поэтому мой повелитель может, если захочет, вовлечь в свое войско всех мужчин, в возрасте от шестнадцати лет и старше. Однако он никогда не сделает этого, чтобы не мешать ходу сельскохозяйственных работ».

Я спросил: «Если твой повелитель столь силен, что имеет в своем распоряжении пятисот тысячное войско, почему до сих пор он не захватил Византию? Я слышал, что все правители Рума, включая Йилдирима Баязида, всегда хотели захвата Византии. Однако и по сей день им не удается осуществить то желание.» Кудрат Топ ответил: «О Амир Тимур, Византия расположена по ту сторону моря и для ее захвата требуется много кораблей.» Я сказал: «Разве тот, кто в состоянии вооружить и выставить пятисот тысячное войско, не в силах построить нужное число судов для того, чтобы пересечь море и взять Византию?» Кудрат Топ ответил: «О Амир Тимур, можно построить корабли, но нельзя попасть в Византию, ибо вход в ее гавань перегорожен цепями и кораблю не пройти. Разве ты не слышал, как проходила битва за Византию во времена халифата Му'авии-бен-Абу-Суфияна?» Я ответил, что нет исторических событий, о которых бы я не ведал. Кудрат Топ сказал: «Му'авия-бен-Абу Суфиян два года осаждал Византию, чтобы взять ее и превратить в мусульманский город. Однако, после двух лет осады, понеся потери во времени и живой силе, он был вынужден снять осаду и уйти.» Я сказал: «Я знаю о той битве, что не цепи помешали проходу кораблей Му'авии, а некий огонь, что не гас и в воде, который Му'авия счел неким чудом, именно тот огонь не дал прорваться его судам».

(Пояснение – Му'авия-бен-Абу-Суфиян, основоположник династии Омейядов, как и говорится в этом повествовании, решил взять Византию, столицу восточного Рума («Румийа-ас-Сугра»). В те времена в Византии (т.е. сегодняшнем Стамбуле) жили учёные, сумевшие изготовить горючий состав из смеси нефти, фосфора и серы, который воспламенившись не гас даже попав на поверхность воды. Так называемый «греческий огонь» воспламеняли на поверхности моря всякий раз, когда корабли Му'авии пытались прорваться к городу, в результате, их охватывал огонь и они гибли. После двухлетней бесплодной осады, основатель династии Омейядов был вынужден уйти, так и не одержав победы. – Марсель Брион)

Кудрат Топ сказал: «О эмир, ты знаешь о Византии больше чем я, о том огне я не ведал. Сегодня в Византии нет того огня, вместо него население, завидев неприятельские суда, перегораживает гавань цепью и ни одно из них не может попасть внутрь. По этой причине моему повелителю и по сей день не удалось взять Византию.»

Я велел составить следующий мой ответ Йилдириму Баязиду: «Мужчина не должен прибегать к словесным угрозам, он должен молчать и действовать. Я не боюсь твоих колесниц, и остановился здесь ввиду целесообразности и сдвинулся с места, когда сочту необходимым. Я тоже страдаю от той же болезни суставов

(«мафасиль»), что и ты, она и мне порой доставляет неприятности. Однако болезни не присутствуют постоянно и не могут мешать биться. Я понял, что твое нежелание биться один на один продиктовано страхом, а не болезнью суставов. И поскольку ты трус, я одержу над тобой победу, ибо в мире отважные мужи всегда одолевают трусливых.»

Приложив свою печать к тому посланию, я передал его туман-баши, которому вновь завязали глаза и вывели за пределы лагеря.

Наше пребывание в лагере продлилось три дня, на рассвете четвертого мы ринулись в атаку. Своим военачальникам я велел передать войску, что в тот день битву следует довести до конца и я не стану отдавать приказа об отходе. Я надел шлем и кольчугу, сел на коня караковой масти породы «куклан», считавшейся лучшей в мире.

Для битвы я взял в правую руку длинную саблю, в левую-секиру и чтобы ни у кого не возникало сомнений в том, что иду, не колебаясь, навстречу смертельной опасности, занял свое место в первом ряду конников, стоявших за цепью метателей пороховых зарядов. Когда началось наше наступление, Йилдирим Баязил еще раз двинул против нас свои колесницы, видно надеясь остановить нас с их помощью. Но наши метатели зарядов, бросая смертоносные кувшины, выводили из строя лошадей и часть седоков тех колесниц, некоторые из которых опрокидывались и мы, оставив их позади, рвались вперед.

На нас сыпался дождь из стрел, выпускаемый из луков « тимур-йалик» (т.е. самострелов), слышался лязг когда они ударялись о мои шлем и доспехам, но я двигался вперед, пока не очутился на месте, где уже не было никаких колесниц, виднелась одна пехота. Мы погнали свих коней прямо на ее ряды.

Зажав в зубах уздечку, чтобы обе руки были свободны, я с яростью рубил саблей и секирой. За мною следовала запасная лошадь, я велел держать ее поблизости на случай, если лошадь подо мной падет.

Одному румийскому воину удалось проткнуть саблей брюхо моего коня и мой породистый конь свалился. В тот же миг, пока конь валился наземь, я поразил секирой его убийцу и быстро отпрыгнул в сторону, чтобы не оказаться придавленным. Мне это удалось и через мгновение я продолжал бой верхом на новом коне.

Повсюду наши конники сумели пройти опасную цепь колесниц и навалиться на вражескую пехоту. Некоторые наши конники орудовали саблями, часть использовала секиры.

В пылу боя я почувствовал, что что-то ожгло мое лицо, глаза мои узрели стрелу, впившуюся в мое лицо. Как я упоминал, стрела из самострела была не длиннее указательного пальца, чтобы выдернуть ее, я взял под левую подмышку саблю, выдернул из раны и отбросил в сторону ту стрелу. В тот же миг что-то ожгло правую голень, я понял, что меня ранили в то место, я поднял на дыбы коня. Выдернув из подмышки саблю, я отрубил ею конец угрожавшего мне копья. Бросив коня вперед и оставив слева от себя вражеского копьеносца, я разрубил его плечо своей секирой, он громко вскиркнул и повалился наземь. Поскольку в том месте не виднелось других вражеских копьеносцев, я понял, что это он нанес мне рану в голень.

Не было времени перевязывать лицо и голень, я продолжал биться. Внезапно обе задние ноги моего коня подогнулись, я обернулся, чтобы посмотреть, в чем дело. В этот момент, когда обернувшись назад, я находился ближе к земле, вдруг на мою голову обрушился мощный удар булавой, в глазах потемнело и я потерял сознание. Придя в себя, я обнаружил что нахожусь в собственном шатре, на мне не было ни шлема, ни кольчуги, их сняли после того, как меня, бесчувственного, вынесли из поля боя.

Прежде, чем спросить о собственном состоянии, я спросил об обстановке на поле битвы. Мне доложили, что вражеские колесницы выведены из строя, вражеская пехота смята, большая часть ее уничтожена, сам же Йилдирим Баязид бежал. Я спросил, почему допустили, чтобы тот спасся бегством. Мне пояснили, что Нух Бадахшани отрядил часть своего отряда для преследования Йилдирима Баязида, велев, во что бы то ни стало догнать и захватить того в плен. В любом случае, ему был конец и я обрадовался той вести настолько, что забыл о своих ранах.

Раны мои не имели значения, значение имело то, что правителю Рума было нанесено поражение, его войско было уничтожено, и дорога на Византию была свободна. Я еще испытывал головокружение после того удара булавой по темени, но лекарь заверил, что оно пройдет при условии, что я буду отдыхать.

Почувствовав облегчение от вестей об обстановке, я захотел узнать, каким образом меня вынесли из поля боя. Выяснилось, что это сделал Токат, если бы он не подоспел и не вынес меня быстро, меня бы затоптали копыта вражеских коней и

сапоги вражеских солдат. Токат, с помощью своих воинов спас меня от верной смерти.

Я не мог успокоиться и предаться отдыху, однако стоило мне приподняться, как начиналось головокружение, чтобы прекратить его, приходилось лежать с закрытыми глазами. По окончании битвы мне доложили, что пленено около шестидесяти тысяч вражеских воинов. Я велел содержать пленных в счет средств правителя Рума, потребовать у его плененных военачальников, чтобы они указали места, откуда можно достать продовольствие для той цели. Они несомненно должны были знать места, где Йилдирим Баязид хранил войсковые запасы, так пусть же покажут их, пока их повелитель находится на свободе.

Одержав победу, я стремился в Кейсарие, что была столицей державы Йилдирима Баязида. Я знал, что Кейсарие - это дорога, которая ведет в Византию через Киликию, т. е. дорога ведет к берегу моря, на другом берегу которого находилась Византия.

(Историки и люди, описывавшие жизнь и деяния Тимурленга, в частности, Шариф-уд-дин Али Йезди, касаясь его маршрута через страну Рум (т.е. сегодняшнюю Турцию), так же, как и в настоящем повествовании, ограничиваются упоминанием лишь нескольких местностей, не вдаваясь в особые подробности – Марсель Брион)

Войско мое, предав землн павших, обеспечив излечение раненных, двинулось дальше на Кейсарию. Я не мог ехать верхом, помимо ран голени и лица, тому мешало ещё и головокружение, мне советовали двигаться лежа на паланкине, чтобы получить необходимый отдых, чему я и следовал. Местное население говорило по-тюркски, не было нужды в толмачах, чтобы общаться с ним. Я слышал, что Кейсарие имеет две крепостные стены, одна сложена из глины «даи» (т.е. смеси глины с щебнем), вторая – из камня. Глинобитная стена стоит впереди каменной, между ними расстояние в пять –десять зарьов, неприятель, преодолев первую стену, оказывается перед второй. Местные жители рассказывали мне, что гарнизон Кейсарии состоит из ста тысяч конных и пеших воинов. Когда показался город, я увидел, что там действительно две стены, но они не имели, как рассказывали, укреплений, особенно глинобитная, она выглядела местами поврежденной, было видно, что ее давно не ремонтировали.

Я полагал, что город окажет сопротивление и мне придется осадить его. Однако, при нашем приближении к Кейсарие, нам навстечу вышла группа из представителей его населения, которая передала о его готовности покориться мне.

Я спросил, не являлся ли к ним Йилдирим Баязид после того, как потерпел от меня поражение и бежал. Все ответили, что не видали его с тех пор как он отправился на битву. Я спросил, где его казна. Мне ответили, что Йилдирим Баязид перенес ее в Антакию.

Я сказал: «Шестьдесят тысяч воинов Йилдирима Баязида находятся у нас в плену, они нуждаются в пище. Я их не могу кормить, заботу об их питании должен взять на себя Йилдирим Баязид. Поскольку он находится в бегах, а вы, его подданные, принимавшие участие в управлении его государством и имели от этого свое состояние, поэтому, вы должны взять эту задачу на себя.» Городская знать заверила, что она подчинится и выполнит то указание.

Вступив в город, я остановился во дворце, который был до того резиденцией Йилдирима Баязида, при этом выяснилось, семью свою он также перевез в Антакию.

В тот день состоялось собрание представителей знати города Кейсарие, на котором было решено, что военачальники могут, если в состоянии, выплатить выкуп и получить свободу, а питание пленных воинов должно оплачиваться главным муставфи (счетоводом) Рума. Главный муставфи - это должностное лицо, под руководством которого другие муставфи, назначенные в провинциях, собирают налоги. Я согласился с таким решением, в тот же день главный муставфи явился ко мне, я потребовал от него отчета о состоянии налогового обложения в стране Рум. Он ответил, что предоставит мне такой отчет на следующий день, из него будет ясно, какая часть налогов уже собрана, а какую сумму еще предстоит собрать

Главный муставфи хорошо понимая, что его жизнь зависит от честно исполненного им долга, принес свой отчет о налогах и стало ясно, что в казне имеется пол-курура баязиди (*денежная единица, находившаяся в обращении в стране Рум – Марсель Брион*) собранных налогов, предстояло собрать еще два с половиной курура баязиди, чтобы довести до суммы, намеченной к сбору в виде налогов том году. Я сказал: «Поскольку отныне я – властитель Рума, все драгоценности, выручаемые в виде сборов и налогов, должны поступать ко мне.» В тот же день я велел, чтобы глашатаи возвестили во всех ближайших городах Рума о том, что я являюсь благочестивым мусульманином и поскольку жители Рума также являются мусульманами, мне нет до них дела, никого я не стану притеснять, все города Рума должны открыть свои ворота предо мною и моими наместниками, если же найдется город, который воспротивится тому, с ним поступят по законам и правилам войны, иными словами, после его взятия мужчины будут поголовно истреблены, женщины станут пленницами, а имущество горожан - добычей войска.

На следующий день был схвачен Йилдирим Баязид, весть об этом мне срочно передали через гонца, ибо в той части Рума, которую мы только-только завоевали, еще не была создана голубиная почта.

Султана Рума привезли в Кейсарийе, расположили в лагере, разбитом за городом, мне передали письмо от него, в котором, после почтительных обращений и приветствий, он писал:

« Чунин аст расми сарои дурушт- Гахи пушт бар зину, гахи зин бар пушт.»
(Таков закон этого мира - порою ты в седле, порою седло на тебе).

Вращение колеса судьбы и воля небес стали причиной моего поражения и твоей, о великий эмир, победы в войне, и ныне моя жизнь и имущество оказались в твоём распоряжении. Однако я надеюсь, что твоё обращение со мной будет соответствовать той высокой славе, что о тебе идет.»

Я велел стеречь его крепко, но обращаться с ним, проявляя всяческое уважение. Спустя три дня, аосле того, как Йилдирим Баязид был водворен в наш лагерь, я велел провести его ко мне. Когда он вошел, я увидел, что это полный мужчина. Я сказал: «Я получил твоё письмо, оно свидетельствует о том, что ты спустился с заоблачных высот своей гордыни и понял, что бросать вызов Амиру Тимуру было ошибкой с твоей стороны.» Йилдирим Баязид ответил: «О Амир Тимур, если бы в твою страну вторгся чужеземный провитель с намерением отстранить тебя от власти, как бы ты поступил в этом случае? Неужели ты не вступил бы с ним в борьбу? А если бы я напал на твою страну и вел войну против тебя, ты бы был вправе гневаться на меня? Однако, не я напал на твою страну, а ты - на мою, вынудив тем самым меня к защите. Однако удача отвернулась от меня и я потерпел поражение.» Я сказал: «Принимаю твои слова и согласен, что ты вынужден был вступить в эту войну. Мне не нужна твоя жизнь, однако я потребую от тебя двух вещей. Первое - передай мне свою казну, все наличные деньги и драгоценности должны принадлежать мне.» Йилдирим Баязид ответил: «Слушаюсь и повинуюсь. Я передам тебе свою казну.» Я продолжал: « Второе - ты должен помочь мне в том, чтобы я совершил поход и завоевал Византию.» Йилдирим Баязид ответил: «Я окажу любое содействие, что в моих силах, однако у меня нет кораблей, между тем, тот кто захочет попасть в Византию, должен иметь в своём распоряжении суда, не одно и не два, а тысячи судов, пригодных для перевозки войска, коней, вооружения. Такие суда следует изготовить, ибо их нет пока что.»

Я спросил: «Разве Византия - это не огромный порт?» Йилдирим Баязид ответил утвердительно. Я спросил: «Разве в тот порт не заходят корабли?» тот вновь дал утвердительный ответ. Я спросил: «Откуда они заплывают туда?» Баязид ответил:

«Из Египта, страны ференгов (Европы), однако они не достигаемы для нас.» Я спросил: «Разве между Румом и Византией не ходят корабли?» Баязид ответив утвердительно, продолжал: «Суда, что ходят между нашей страной и Византией, представляют собой легкие парусники, непригодные для транспортировки на них войска. Между тем, суда, плывущие из Египта и страны ференгов не приближаются к нашим берегам.» Я спросил: «Разве в Руме не строят кораблей?» Йилдирим Баязид ответил: «Мы можем строить суда, но у нас нет столько искусных мастеров, умеющих строить суда, подобные тем, что имеют ференги, кроме этого, у нас нет подходящих для этого пород древесины, корабль не построишь из любого сорта древесины.» Я спросил: «Какие сорта наиболее пригодны для строительства кораблей?» Он ответил, что для этого существует две породы, одна из них - это дуб, который не произрастает в Руме, вторая - это сосна, необходимая для изготовления судовых мачт.»

Я спросил: «Нельзя ли изготавливать мачты из других пород древесины?» Он ответил, что мачты больших кораблей можно делать и из тавризского дерева (т.е. черного тополя), однако при сильном ветре такие мачты будут ломаться, тогда как сосна произрастает во множестве в стране ференгов, мачты из нее при шквале могут прогибаться, но при этом не ломаются. Из черного тополя тоже можно строить суда, но они не продержатся в воде более двух-трех недель и скоро выйдут из строя, в то время как дубовые суда плавают в течении пятидесяти лет и более, и ничего с ними не произойдет.

Я ответил, что мне не требуются суда, которые могут держаться в течении пятидесяти лет и более, мне нужны такие, что доставят мое войско от берегов Рума до Византии, поэтому меня вполне удовлетворят суда, изготовленные и из черного тополя, ибо для переброски войска им не придется плавать в море более одного-двух дней. Йилдирим Баязид ответил: «Слушаю и повинуюсь. Все, что повелит великий эмир, будет мною исполнено».

В этот момент мне доложили о возвращении «Кутлэ-Куза» Султани, которого в свое время я отправил во главе своего посольства из Шама к королю ференгов.

(Кутлэ-Куз) – слово, означающее «каталикос» на персидском языке. В старину на Востоке так называли всех христианских епископов, поэтому Тимурленг употребляет слово «Кутлэ-Куз» подобно иранцам – Марсель Брион). Христианские каталикосы поначалу пребывали в Нахичевани, и когда один из потомков Чингиз-хана сделал своей столицей Султанию, что в Азербайджане (имеется ввиду Султан Мухаммад Худабенде, один из сыновей Хулагу-Хана, сделавший своей столицей Султанию в Азербайджане. - Марсель Брион), резиденция каталикоса была перемещена в этот город. Во время моего нахождения

в Ша́ме туда как-то прибыл каталикос Султании, который высказал мысль, что будет большая выгода, если я буду поддерживать торговые отношения со странами ференгов (*т.е. с Европой*). Я тогда спросил его, а где обитают те ференги? Каталикос Султании сказал, что ференги расселились на берегах моря Зульмат (*т.е. Атлантического океана*). Я спросил, чем торгуют ференги? Он ответил, что у ференгов много различных товаров, однако два их вида славятся особенно. Одно из них-это сукно, а второе фарфор, причем по качеству он превосходит даже китайский. Поскольку в Ша́ме знали язык ференгов, говорили и писали на нем, я распорядился, чтобы оставили послание от меня королю ференгов (*т. е. Франции-Марсель Брион*), я поручил епископу Султании самому доставить его по назначению. К тому посланию я присовокупил свои дары, а в самом послании я предложил ему отправлять в наши земли своих купцов, и чтобы мы отправляли к ним своих, чтобы те и другие удовлетворяли таким образом запросы, существующие у каждой из сторон.

Епископ Султании доставил падишаху ференгов мое послание и передал ему мои дары и, получил ответное послание, доставил его мне, вместе с дарами падишаха ференгов, которого, как выяснилось, звали Шаль (*здесь имеется ввиду Карл VI, которого Тимурленг называет Шалем – Марсель Брион*)

К тому времени, когда епископ Султании прибыл в Рум, я намеревался идти в Византию (*т.е. сегодняшний Стамбул*) через Киликию и как я уже упоминал, с этой целью был намерен строить корабли. Однако, епископ Султании сказал, что лучшие в мире корабли строят в стране ференгов и если я готов поставлять медь падишаху ференгов, тот изготовит для меня столько кораблей, сколько я захочу. Ибо у ференгов есть все, кроме меди и этот металл, не столь уж дорогой в наших краях, высоко ценится в той стране. Я спросил, а сколько кораблей даст мне падишах ференгов. Епископ Султании ответил: «В стране ференгов кораблей так много, что их падишах может выделить для тебя целую тысячу их, о великий эмир.»

Я сказал: «Для меня даже тысячи судов будет недостаточно, ибо я хочу погрузить на них все свое войско для перевозки по морю.» Епископ Султании сказал: «Корабли ференгов огромны по своим размерам, отдельные из них могут взять на борт до пятисот человек и я полагаю, в случае, если падишах ференгов выделит великому эмиру пятьсот кораблей, то и этого количества будет достаточно для перевозки войска морем.» Я спросил епископа Султании, какого сорта медь нужна падишаху ференгов. Тот ответил, что ференги будут рады принять любой сорт меди, они ее плавят и употребляют на различные нужды и сами ференги на своих кораблях перевозят ее из портов Ша́ма и Рума к себе на родину.

Я передал свое повеление в Иран и Джебель, изобилующие медью, чтобы всякий, у кого есть медь, в форме слитков, готовых изделий или лома, может продать ее нам за хорошую цену, закупленную медь следует переправить в Рум или Шам. *(Говоря о странах Ирана, Тимурленг имеет ввиду такие центральные города, как Рей, Исфаган, Кумис, которые сегодня называют Семнан, а так же Дамган, что сегодня называют Шахрудом. Под названием же Джебель, он имеет ввиду сегодняшние районы Азербайджана, Курдистана и Керманишаха – Марсель Брион.)*

Я еще раз отправил епископа Султании к падишаху ференгов с моим ответным посланием и дарами. В послании говорилось, что запасы меди в подвластных мне землях неисчерпаемы, мы можем поставить столько меди, сколько понадобится ференгам. Взамен, в первую очередь, мне потребуется пятьсот больших судов, находящимся в безупречном состоянии, которые необходимо передать в мои руки в портах Рума, если капитаны тех кораблей захотят сослужить службу мне - то еще лучше, в этом случае я хорошо вознагражу их. После убийства епископа Султании с моими письмом и дарами, я решил проехать в Киликию, а оттуда попасть в Византию. Я слышал, что Византию от Рума отделяет узкий пролив, шириной в пятьсот-шестьсот зарьов, но который очень глубок. Рассказывали, что в старину через тот пролив, из Византии в Рум и обратно, переправляли крупный рогатый скот, который добирался до берега вплавь *(Подобные утверждения выглядят правдивыми, такое действительно имело место и именно таким образом когда-то крупный рогатый скот переправляли из Стамбула на азиатский материк – Марсель Брион)*

Я сказал себе: «Если такое удастся коровам, то почему бы моему войску не проплыть там, от одного берега до противоположного.» Двигаясь в сторону Византии, я захватил с собой Йилдирима Баязида, чтобы жители Рума знали, что в случае мятежа, их ждут не только массовые казни, но и казнь самого их повелителя.

В конце-концов, вдали показалось море и мы вышли к месту, откуда я мог издали рассмотреть город Византию. Он располагался на Западе. Мое войско от него отделял пролив, ширина которого составляла на мой взгляд не более семисот зарьов. Мне сказали, что в старину восточный берег, на котором я находился, принадлежал когда-то Византии, однако правители Рума отняли ее у тогдашнего правителя Византии, и сегодня им не принадлежит и пяди из той земли, что на восточном берегу пролива.

Когда я отправился осматривать город Византию, прошла уже четверть дня, солнце освещало город из-за моей спины и поэтому я мог хорошо разглядеть тот город, в

котором, как говорили, что в течении полутора-двух тысяч лет накапливались сокровища, составлявшие значительную часть всех сокровищ мира. Чтобы лучше разглядеть город, я взобрался на вершину холма и впился в него долгим взором. Город был настолько обширным, что я не видел ему конца, посреди города виднелся большой и длинный залив, мне сказали, что он называется бухтой Золотого Рога. По заливу взад-вперед сновали тысячи судов. В городе было так много золотых куполов, что их сияние слепило взор, мне говорили, что это купола церквей, ибо каждый из правителей Византии считал своей обязанностью построить церковь или монастырь, и тысячи мужчин и женщин, отказавшихся от мирской суеты, удалялись в них. У каждой церкви и монастыря имелись владения, от доходов которых они и существовали. Мужчины и женщины, обитавшие в монастырях Византии, за всю свою жизнь не переступали их порогов, там они и умирали, а их останки хоронили в кладбищах, имевшихся при каждом монастыре. В некоторых монастырях вообще не употребляли мясной пищи, ограничиваясь лишь растительной. Удивительным было то, что средняя продолжительность жизни обитателей тех монастырей составляла сто двадцать лет. Мне рассказывали о состоянии тамошних церквей, которое было столь огромно, что в некоторых из них находилось по три харвара золотых крестов, светильников, чаш, отделанных драгоценными камнями. *(Чаши были посудой, используемой во время религиозных обрядов, в них наливалось святое вино, в Византии употребляли их греческое название «калус» – Марсель Брион)*

Мне говорили, что в случае, если мне удастся взять Византию, то только в церквях я мог бы добыть более ста харваров золота, что во многих домах Византии созданы сокровищницы, большинство старинных семей города создавали их в своем доме, сокровища зарывали либо в своих дворцах, либо где-то в степи, за городом. И еще рассказывали мне в тот день, когда я стоял на холме и разглядывал город, что его жители разделены на два сословия: первое состояло из господ, второе - из слуг. Господа всю жизнь не работают, лишь едят и спят, проводя ее целиком в развлечениях и утехах, никогда сами не омывают лиц, что за них делают их слуги. Второе же сословие состоит из слуг и прислужниц, которые наследуют такое положение в обществе из поколения в поколение, и обречены всю жизнь трудиться на своего господина. Даже лавочники в городе, и те имели своих слуг и служанок.

Представители класса господ в Византии, в течении полутора-двух тысяч лет, из поколения в поколение не знавшие, что такое труд, выродились в бессильных людей, от которых не было никакого толка в сражении, тысячи моих воинов хватило бы, чтобы захватить в плен все господское сословие Византии.

Что касается рабского сословия, не обладавшего ничем, кроме собственной жизни, оно сразу же сдастся, как только узнает, что получит избавление от рабства.

Поэтому захват Византии был несложным делом, единственным препятствием тому оставалось море, если бы не оно, окружавшее город с трех сторон, его легко можно было бы занять.

Оставаясь на вершине холма, я велел привести туда Йилдирима Баязида, находившегося в лагере. Я, показав ему на город, сказал: «В этом городе живут лишь два сословия: одно - это господа, утратившие силу от безделия, не способные и часу продержаться в схватке, и слуги, которые, узнав о том, что если сдадутся, то получают свободу – сделают это незамедлительно. Конечно, то, что город окружен морем, несколько затрудняет его захват. Удивительно, что ты и правители Рума, постоянно находясь рядом с этим городом, почему-то не старались захватить его, в чем же причина?» Йилдирим Баязид ответил: «О эмир, кроме всего того, что я рассказывал тебе, в этом городе имеется войско. Я знаю, что его господское сословие не в силах само вести сражение, однако обладая богатством, оно через своего царя, наняло чужеземное войско и расквартировало его в городе.» Я спросил: «Как называют те чужеземные отряды?» Йилдирим Баязид ответил: «Все они - христиане, один отряд состоит из солдат, уроженцев Венеции, второй составляют выходцы из Ломбардии, третий - из швейцарцев.» Я сказал: «Я впервые слышу о странах с такими названиями, где они расположены?» Йилдирим Баязид, указав пальцем на Запад, пояснил: «Там, на расстоянии нескольких недель пути морем и двух-трех месяцев по суше, расположены страны, жители которых идут в наемные солдаты, воюя в интересах всякого, кто побольше заплатит, большинство их - отважны. Правитель Византии имеет три отряда наемных войск, состоящих из выходцев Венеции. Ломбардии и Швейцарии.»

Беседуя с Йилдиримом Баязидом на вершине того холма, я заметил дым, поднимаавшийся над местом, где должны были расположиться корабли Токата, тогда мой собеседник сказал: «О эмир, полагаю, что кто-то поджег твои корабли, и этот пожар дает понять, что правителю Византии уже известно о твоём прибытии в эти места.» Я сказал: «Не дай Бог, если загорелись сами суда!» Йилдирим Баязид ответил: «Нет, о эмир, огонь запустили по воде, со стороны моря и он охватил твои корабли. Смотри, твои корабли повернули назад.»

И в самом деле, корабли, которые я под командованием Токата отправил на разведку, возвращались, я видел, что два судна не могут осуществить разворот и с них валит дым. Йилдирим Баязид сказал: «О эмир, нет сомнений, что твои суда подожгли.»

К тому времени наступил полдень и я сошел с холма, чтобы совершить намаз, для чего я проследовал в свою мечеть. Выйдя из нее после намаза, я встретил Токата, находившегося в крайне взволнованном состоянии. Я спросил его, что случилось. Он ответил: «О эмир, вначале мы плыли без происшествий мимо пристани и дворцов, пока не достигли горловины бухты Золотого Рога и захотели войти в нее. В этот миг из залива выплыло некое судно, приблизилось к нам и с него что-то выбросили в нашу сторону, его гребцы налегли на весла и оно стало быстро удаляться. Тем временем мы доплыли до места, куда выбросили то нечто, те два наших корабля, что плыли несколько впереди, вдруг охватил огонь, переметнувшийся на них от поверхности воды. Обеспокоенный за участь остальных судов, я повернул назад. При этом я видел, что экипажи тех двух судов как ни стараются, не могут затушить пожар, поливая его водой, до сего дня мне не довелось видеть огонь, который не гас бы от воды.» Я спросил: «Что в конце-концов стало с теми двумя загоревшимися кораблями?» Токат ответил, что оба они сгорели дотла, а экипажи их погибли.

Я велел привести Йилдирима Баязида и нескольких представителей местной знати. Их привели, я велел им сесть, затем задал вопрос: «Что это за огонь, не гаснущий на воде, которым подожгли мои корабли?» Йилдирим Баязид сказал: «О Великий эмир, имеется рецепт приготовления того огня, разработанный тысячу двести лет назад и он хранится у правителя Византии. Каждый правитель, умирая, передает его своему наследнику со словами: «Отныне твой трон зиждется на двух столпах: один - это огонь, что не гаснет даже попав на поверхность воды, а второй - цепи, перегораживающие вход в залив. В тот день, когда ты утратишь рецепт изготовления негасимого огня или его усвоят другие, считай, что ты лишился половины своего трона, а в день, когда вход в залив лишится своих цепей, считай потерянной и вторую половину трона.»

Я сказал: «Следовательно, именно этот таинственный огонь помешал Муъавие захватить Византию?» Йилдирим Баязид ответил: «Не знаю, что делал Муъавия, но знаю, что всякий, кто намеревался в течении последних тысячи двести лет захватить Византию, терпел неудачу именно потому, что тот огонь и цепи у входа в залив становились неодолимыми препятствиями к цели.»

Я спросил: «Каким образом удалось сохранить тайну того огня за все эти тысячу двести лет, да так, что и поныне никто другой не в состоянии изготовить такой огонь?» Один из представителей знати, присутствовавший на том собрании, сказал: «До вступления на престол, правителю не известна формула того огня, однако с детства его учат языку и письменности, на которых изложена та формула.» Я

спросил с удивлением: «Следует ли из этого, что формула того огня записана на некоем специальном языке, некими специальными письменами?» Тот человек ответил: «Да, о эмир. Каждого из царей обучают им с самого детства без того, чтобы знакомить их с содержанием рецепта негасимого огня. Вступив на престол после смерти предшественника, новый правитель становится обладателем той формулы-рецепта, и всякий раз, при угрозе чужеземного нашествия только он является единственным человеком, который может прочесть содержание рецепта и создать тот негасимый огонь.»

Я сказал: «При всем том, что правитель единственный человек, могущий создать огонь, тем не менее он нуждается в содействии других, которые должны заготовить материалы, являющиеся необходимыми компонентами и которым становится известной тайна изготовления негасимого огня.» Йилдирим Баязид сказал: «Материалы, необходимые для того огня, изготавливает сам царь, после того, как состав готов, он передает его другим людям, которые и воспламеняют его.»

В тот день, до захода солнца, я еще раз взобрался на вершину холма, возвышавшегося на берегу моря, чтобы посмотреть на вечернюю Византию. В тот миг, поскольку солнце светило прямо в мои глаза, я не мог разглядеть город получше, однако хорошо разглядел северную и южную части города.

Обозревая город, я не переставал думать о негасимом огне. Вдруг я вспомнил, что в одной из подвластных мне земель так же имеется негасимый водою огонь, эта земля - Бадкубэ (т.е. сегодняшний Баку). Именно там бьют из земли огни, которые невозможно загасить водой. Температура того огня настолько высока, что местные жители не могут подойти к нему близко, если кто подойдет слишком близко - сгорит. Вокруг каждого большого огня, расположено множество маленьких, вырывающихся из отверстий в земле и местное население не может погасить их с помощью воды. Однако, если насыпать земли, огонь мгновенно гаснет и в течении нескольких дней не возобновляется, разве, что от большого огня под землей не протянется в то место ответвление.

Огни Бадкубэ горят с того дня, с которого потомки Адама помнят себя, самый большой из них все еще не погас и говорят, что люди, глядя на те огни, уразумели идею использования огня, до того дня они не знали, как использовать огонь для приготовления пищи. Поскольку бадкубинский огонь можно было погасить песком, а не водой, в то предзакатный час, оглядывая вечернюю Византию, я думал о том, нельзя ли здешний таинственный и негасимый огонь тушить тем же способом, что и бадкубинский - с помощью песка, а не воды.

Даже после заката я продолжал оставаться на холме, наблюдая, как зажигаются фонари в Византии, и поскольку наступило время намаза, я спустился вниз, совершил молитву, после чего поел немного. Ко мне подходили военачальники со своими вопросами, получив необходимые указания, они удалялись. Я приготовился ко сну. В тот момент я подумал, если нам удастся соорудить на своих суднах некое приспособление, с которого можно было бы сыпать песок за борт, мы сумеем погасить негасимый огонь византийского правителя.

Эта мысль настолько взбудоражила меня, что в ту ночь я не мог уснуть. Я вызвал Токата и велел ему взять пять кораблей, вновь поплыть на разведку в сторону Византии и показать явно своё намерение вторгнуться в бухту Золотого Рога, я же тем временем намеревался следить за происходящим с вершины холма, возвышавшегося на берегу моря. Те пять судов, что отправятся на разведку, должны иметь на борту побольше песка.

Токат, словно ослышавшись, переспросил: «О эмир, ты на самом деле сказал, что мои суда должны быть загружены песком?» Я сказал: «Именно так, прежде чем отплыть, загрузи свои суда песком, насколько это возможно. Вероятнее всего, приблизившись к бухте Золотого Рога, ты вновь будешь иметь дело с попыткой противника применить негасимый огонь. Ты же, вместо того, чтобы отступить, приблизься к нему и вели экипажам кораблей забрасывать его песком. Я почти уверен, что таким способом удастся загасить огонь, тебе же следует в течении короткого времени набросать как можно больше песка на тот огонь, чтобы загасить его». Токат заверил меня, что сделает именно так, как я сказал.

На следующее утро, сделав все необходимые дела, я вновь отправился к холму, с вершины которого мог обозревать город и море и, поскольку солнце находилось за моей спиной, вся панорама ясно предстала предо мною. Пять кораблей Токата, проплыв перед городом, приблизились к входу в бухту Золотого Рога, там Токат, как было велено, продемонстрировал намерение войти в бухту. Появился вражеский корабль, с которого накануне метали негасимый огонь, он устремился в сторону наших судов. Я увидел, что с него что-то метнули в сторону кораблей Токата, тот предмет упал на воду перед ними.

Корабли Токата устремились к тому предмету, плававшему на поверхности воды и я видел, что их экипажи стали спешно забрасывать его песком. Корабли Токата пересекли линию, где предположительно должен был возникнуть огонь. Я увидел, что один из кораблей задымился, однако вскоре тот дым исчез, стало ясно, что возникший было на том судне пожар всё же удалось загасить с помощью песка.

Корабли Токата не должны были входить в бухту Золотого Рога, его задачей было выяснить, возможно ли загасить тот огонь с помощью песка.

Попытка Токата дала именно тот результат, которого я ожидал, все пять кораблей благополучно возвратились назад. И хотя в тот день я и не постиг тысячедвухсотлетней тайны того огня, я все же понял, каким способом я могу загасить его, я убедился, что он подобен бадкубинскому огню и поэтому его также можно тушить, засыпая песком.

Вечером того же дня, Йилдирим Баязид, узнав о моей удавшейся попытке, прислал мне свое послание, в котором писал: «О эмир, тебе удалось найти способ разрушения первой опоры престола Византии и если ты сумеешь найти способ разрушения второй его опоры, тогда вся Византия, с ее дворцами, садами, сокровищницами, золотом и драгоценностями, станет твоей.»

Спустя час, после того послания, прилетел почтовый голубь, принесший весть о том, что Тугул, правитель Мегнесии, являвшейся частью Рума, поднял восстание и намерен напасть на меня во главе войска, состоявшего из представителей племен Сарухан, Сары-камыш, курдов и татар Рума.

Меня та весть не удивила, ибо правитель, пришедший на чужую землю, завоевавший ее и пленивший ее властителя, должен предвидеть возможность мятежа со стороны местных правителей. Рум был обширной страной со множеством удельных властителей и большинство из них, подобно правителям Сарухана, Сары-камыш и татар, опирались на подвластные им воинственные племена. Однако у правителя Мегнесии не было подвластного племени, тем не менее, он был достаточно могуч и его предки более двухсот лет правили на той земле.

Получив известие о мятеже правителя Мегнесии, я заподозрил Йилдирима Баязида в том, что он мог побудить его к восстанию или передать племенам повеление помочь мятежнику. Я велел привести ко мне Йилдирима Баязида и когда его привели, сказал: «Правитель Мегнесии поднял мятеж по твоему указанию, в том ему содействуют четыре племени. И я прежде, чем отправлюсь, чтобы подавить тот мятеж, велю казнить тебя.» Йилдирим Баязид поклялся, что он не ведает о мятеже, поднятом правителем Мегнесии, добавив, что тот правитель поднял мятеж не затем, чтобы спасти его, Йилдирима из плена, а с целью воспользоваться обстановкой, чтобы самому сесть на престол падишаха Рума. Ибо правители Мегнесии всегда лелеяли надежду захватить тот престол, но уступали силе династии Османов (Йилдирим Баязид происходил именно из той династии),

поэтому Тугул решил воспользоваться ныне сложившейся обстановкой, чтобы осуществить свою давнюю мечту - стать падишахом Рума.

Я сказал: «Если хочешь сохранить свою жизнь, сейчас же напиши правителю Мегнесии, потребуй от Тугула, чтобы распустил войско, а сам прибыл сюда. Обещай ему от моего имени, что если он распустит войско и прибудет сюда, его власть, жизнь, имущество останутся при нем. В противном случае, он будет сурово наказан.»

Йилдирим Баязид при мне написал то письмо, скрепил своей печатью, и я велел отправить то письмо Тугулу.

Тугул не подчинился, вместо того, чтобы распустить войско и прибыть ко мне, он двинулся в центральные районы Рума.

Мне угрожала опасность, ибо, если Тугул захватит центральные районы Рума и Шама и станет падишахом Рума, он отрежет моему войску путь назад, в направлении Ирака и Джебея. Поэтому, мне не оставалось ничего другого, кроме как отказаться от захвата Византии и отправиться подавлять тот мятеж, лишь после того я мог бы вновь вернуться к намерению взять двухтысячелетний город Византию.

Вместе с войском я, оставив берег моря, отправился назад по той же дороге и постарался как можно быстрее встретить войско Тугула. В первую ночь похода, когда разбив лагерь, я удалился в свой шатер для отдыха, я увидел сон, подобно которому мне не доводилось видеть.

Во сне я увидел Абдуллу Кутба, моего учителя, в детстве обучившего меня Корану, о нем я рассказывал в начале этого повествования, он подошел ко мне и я увидел, что он опечален, и я спросил его: «Почему ты опечален? Неужто потомки твои живут плохо и не получают причитающегося им содержания?» Он ответил: «О эмир, ужель возможно такое, чтобы ты назначил содержание, а кто-то осмелился не выплачивать его. Нет, мои потомки исправно получают то пособие, что ты назначил для них и живут в достатке.» Я спросил: «Так отчего же ты печален?» Абдулла Кутб ответил: «Причина моей печали в том, что тебе предстоит умереть.» Я ответил: «Все люди приходят в этот мир и уходят из него. Я потому выстроил себе гробницу в Самарканде, чтобы в случае смерти было где похоронить меня. Человек, подобный мне, не страшится смерти.» Абдулла Кутб сказал: «О эмир, через три года тебе предстоит умереть.» После этих слов я задумался, вспомнив того брахмана в Хиндустане, который предрек оставшийся срок моей жизни. Я

подсчитал в уме, отняв от того срока годы, прошедшие после возвращения из Хиндустана, получалось, что мне действительно осталось жить еще три года.

Я хотел рассказать Абдулле Кутбу о том брахмане, однако мой учитель уже ушел. Затем стремительной чередой стали проходить дни и ночи, сменялись зимы и вёсны, и таким чудным образом в моем представлении ушли те оставшиеся три года. И я обнаружил, что нахожусь посреди широкой степи, в своем военном лагере и вижу какую-то темную полосу на юге, почти у самого горизонта. Один из моих военачальников, указывая на нее пальцем, говорит: «Это великая стена, один ее конец начинается в Джабелька, другой оканчивается в стране Чин (т.е. в Китае).» Я спросил: «Это и есть Великая китайская стена?» Тот ответил: «Да, о эмир!»

Я сказал: «Как бы не была крепка эта стена, она не крепче стен Исфагана, Дели и Дамаска, я сокрушал те стены, пройду и через эту.» Все еще во сне, я хотел встать, совершить намаз, вскочить на коня и отправиться в путь. Однако я чувствовал, что нет сил встать с места, я сказал себе: «Должно быть это очередной приступ болезни «мафасиль», это она мешает мне подняться.» Однако я не ощущал в своем теле никакой боли и было видно, что «мафасиль» здесь ни причем. Я закричал, чтобы пришли ко мне, однако звук, исторгшийся из уст моих, не был членораздельным, я не мог говорить.

Звуки, которые я издавал, привлекли в шатер моих слуг. Они подняли меня на ноги, однако я не был в силах стоять, затем меня уложили, двое из них удалились, приведя через некоторое время лекаря. Тот осмотрел меня, пощупал пульс, осмотрел язык, вывернул мои веки, осмотрел их внутреннюю поверхность. Затем, приблизив ко мне свои губы, он сказал: «О эмир, тебя поразил удар (паралич) и тебе следует оставаться здесь, чтобы излечиться.»

Я хотел сказать, что остаться там, значит создать отлагательства в военных делах, что меня следует уложить на носилки и двигаться дальше, однако из моих уст не исторглось ни слова. Я сказал себе: «Итак, я не в силах говорить. Хорошо, я напишу то, что хочу сказать», и подал сигнал, чтобы принесла калам и бумагу. Однако, когда для меня приготовили письменные принадлежности, я не мог написать ни слова и пальцы моей левой руки (ибо, как я упоминал, в течении долгого времени я уже не мог писать правой, хотя и умел фехтовать ею) не могли удержать калам.

Семь дней и семь ночей я лежал в том шатре, затем я почувствовал, что окружающие меня люди считают меня умершим, говорят, что следует возвращаться и везти останки эмира в Самарканд. Хоть я и был мертв, однако

чувствовал, как меня заворачивают в кошму, чтобы везти в Самарканд. В этот момент я проснулся, раскрыв глаза и увидел, что наступает рассвет, ибо слышалось пение «гураб-уль-байна» (т.е. ворона с красными лапками и клювом, предвестника разлуки), эта птица, как считали древние, начинает свое пение на рассвете раньше, чем все другие пернатые, возвещая тем самым наступление дня.

Меня опечалил увиденный мною сон, однако он меня не напугал, ибо никто не живет вечно, умирают все, единственное, что удручало, это то, что умирал я в постели, как обычные слабые и немощные люди. К мужу, подобному мне, смерть должна приходиться на поле брани. В том сне лагерный лекарь шепча мне на ухо тихо сообщил, что меня сразил удар, его таинственность говорила о стремлении скрыть от других причину моего недомогания, а так же то, что в любую минуту я могу умереть. Проснувшись, я сопоставил слова брахмана, услышанные мною в Дели, со словами Абдуллы Кутба, произнесенные им в моем недавнем сне, получалось, если оба они были правы, что мне осталось жить три года. Господь в Коране возвестил: «Ла йастакдамуна соъата ва ла йастахируна», т.е. смерть придет к каждому в час, когда ему суждено, не раньше и не позже.

Но пока жив человек, ему следует вплотную заниматься выполнением своих мирских обязанностей, так как если бы ему была отпущена вечная жизнь.

Отбросив прочь печальные мысли, я встал и совершил намаз и выступил в поход против правителя Мегнесии, Тугула, чтобы поймать и достойно его наказать. С собою я прихватил Йилдирима Баязида, ибо не мог его оставить в месте, где, как я опасался, его могут освободить из плена его ретивые поданные и тем самым для нас возникла бы еще одна трудность.

Чтобы скорее войти в соприкосновение с войском Тугула, я не давал отдыха своим воинам, вел их и днем и ночью. Однако, Тугул не оставался на месте, в каждой области, которой я достигал после того, как в ней побывал Тугул, я видел следы учиненных им грабежей, а претерпевшие их люди говорили, что весьма желают видеть его обезглавленным, ибо тот отнял у них имущество, перерезал их овец на прокорм своего войска, конфисковал их лошадей.

Я обратил внимание на то, что Тугул явно уводит меня за собою в сторону Азербайджана, мне сообщили, что он заключил союз с тамошним султаном. Имея против себя такой союз, вступив в Азербайджан, населенный многочисленными племенами, общее число которых составляло, как я слышал, свыше двух куруров человек, я бы потерял все свое войско. Потому, поняв это, я не мог допустить, чтобы Тугул попал в Азербайджан, потому я отрядил тридцать тысяч самых

лучших из своих конников, чтобы те перекрыли дорогу Тугулу. Командование тем отрядом я поручил Токату, ибо знал его как закаленного и выносливого бойца, одновременно с тем обладающего качествами хорошего полководца, он знал как завоевать сердца простых воинов, чтобы те сражались самоотверженно. Я сказал Токату: «Тебе следует двигаться достаточно стремительно, чтобы успеть обойти Тугула и встать перед ним, пока я не подоспею. Однако, если встав перед ним, увидишь, что у него хватает сил, в этом случае не ввязывайся в бой до тех пор, пока я не подоспею, тогда мы ударим по нему с двух сторон и ткнем его лицом в землю.»

Токат, предварительно убедившись, что у каждого конника имеется запасная лошадь и достаточно еды и корма, отправился в путь. Я же преследовал Тугула по прямой, тогда как Токату предстояло описать большую дугу для того, чтобы внезапно возникнуть перед врагом и закрыть ему дорогу.

Путь Токата пролегал по склонам румских гор, расположенных на севере, местные называли их горами Тур, каждая часть той горной цепи имела свое собственное название. Ряд обстоятельств сложился благоприятно для Токата: ровные склоны гор, изобиловавшие водой, отсутствие ущелий или перевалов, могущих задержать продвижение отряда, максимальный польза, полученная от использования лошадей.

Я же дошел до местности, называемой Саджак. Сразу же меня встретили вопли и рыдания женщин. Выяснилось, что их мужчины пытались воспротивиться намерению Тугула отнять их имущество, конфисковать лошадей, за что воины Тугула поубивали их. Группа рыдающих саджакских женщин с лицами, перемазанными грязью (что, согласно их обычаям означало скорбь по умершим), вышли ко мне навстречу и начали на своем, турецком языке, который я хорошо понимал, говорить следующее: «О эмир, Тугул умертвил всех наших мужчин, забрал все, что мы имели и сегодня у нас нет и единой овцы, чтобы накормить своих голодных детей, впереди осень и зима, всех нас ждет голодная смерть.» Я сказал, что если мне удастся поймать Тугула, я отберу у него все, что он у них отнял и верну им их имущество.

Через несколько дней пришла весть от Токата о том, что он находится к востоку от ущелья Патак и уверен, что Тугул намерен пройти то ущелье, чтобы попасть в Диарбекир. Ущелье Патак расположено между двумя областями - Казан-тепе и Диарбекир, и служит связующей дорогой между ними. Через то же ущелье, в сторону Междуречья, течет река Фират (т.е. Евфрат).

Получив такую весть, я ускорил движение войска, чтобы скорее можно было догнать Тугула. Достигнув ущелья Патак, я увидел речку, являющуюся истоком реки Фират, которую я видел в Междуречье и которую образовалась после слияния с нею сотен других мелких ручьев.

Чтобы быстрее оказаться в Азербайджане, Тугул продвигался столь стремительно, что даже не позаботился организовать тыловое прикрытие, аррьергард для своего войска, и не заметил того, что я следую за ним по пятам. Расстояние между нами сократилось настолько, что в последнюю ночь я мог с вершины холма видеть костры в лагере Тугула и если бы мы не находились в теснине, я бы непременно предпринял ночную атаку.

Токат же занял позицию в восточной части ущелья Патак, увидев войско Тугула, выходящим из ущелья, он искусно отступил и дал вражескому войску покинуть ущелье. Я дождался когда войско Тугула полностью вышло из ущелья и открылся свободный путь для моего войска и тогда я вывел его на открытую местность. Тугул, через свой передовой дозор узнал, что впереди его ожидает некое войско, однако не знал, что за ним по пятам следует еще одно. И пока он готовился дать бой Токату, я неожиданно напал на его войско с тыла, одновременно с этим, начал свою атаку и Токат.

Войско Тугула состояло из опытных и стойких воинов, однако в нем не имелось способных военачальников, а сам Тугул оказался настолько бездарным в военном деле, что не понимал того, что, оказавшись между двумя вражескими отрядами, ему следует вырываться на простор, иначе неизменно попадает в окружение.

Не прошло и двух часов стычки, как мы взяли Тугула в кольцо. Поняв это, Тугул отрядил наиболее отважных из своих воинов на прорыв окружения, однако наше превосходство в силах не позволило успешно осуществить ту попытку.

Как я говорил, войско Тугула состояло из выходцев племен Сарухан, Сары-камыш, курдов и румских татар, каждый из воинов, не ведая, что такое страх, дрались по своим собственным традициям. Саруханы орудовали палицами, которыми управляясь с большим искусством и в тот день я убедился, что работа с палицей, дубиной требует такой же искусной техники, как и фехтование саблей, и что необходимо овладеть ею, чтобы лучше использовать то оружие в схватке. Поскольку было трудно подойти к саруханам вплотную из-за их смертоносных дубин, я велел своим военачальникам щадить их, предлагая им сдаться. Однако они продолжали орудовать своими дубинами и не хотели сдаваться.

Сары-камышы бились огромными тесаками, которые были действенным оружием, если конечно, пользующийся им воин не уставал сохраняя первоначальный темп и мощь своих движений.

Каждый удар таким тесаком был смертоносным для всадника или его лошади, а если не убивал, то, по крайней мере, выводил из строя надолго, поэтому конники, чтобы обезопасить себя от них, предпочитали обстреливать их стрелами издалека. Воины-татары же (или румские татары) использовали в бою лук и стрелы, а также рубились саблями, однако, как я заметил, с луком и стрелами они управлялись лучше, чем с клинком.

Имея таких воинов в своем распоряжении, я бы создал такое войско, которое никто не был бы в силах одолеть. Тогда как Тугул обрек тех воинов на то, чтобы они попали в окружение благодаря тому, что их правитель оказался бездарным полководцем. Через своих военачальников я несколько раз предлагал воинам Тугула по доброму сдаваться в плен и тем самым сохранить свои жизни.

Татары сдались, однако воины из числа саруханов, сары-камышей и курдов продолжали упорно биться. В тот день бой длился до самого заката, к его концу среди саруханов, сары-камышей и курдов не осталось ни одного живого или невредимого, был схвачен и Тугул, сам получивший несколько ран.

В тот день мы потеряли четыре тысячи своих воинов, тем не менее, нам удалось устранить серьезную опасность, ибо если бы Тугулу удалось проскочить в Азербайджан и соединиться с силами тамошнего падишаха, в результате могло создаться войско, которое я, возможно, оказался бы не в силах одолеть.

После вечернего намаза я велел привести к себе в шатер Йилдирима Баязида, которому сказал: «Имея столь отважных и стойких мужей своими подданными, почему ты не воспользовался тем их количеством должным образом, почему не создал из них войско, имея которое, ты ни от кого не терпел бы поражения?» Йилдирим Баязид ответил: «Истинную цену блага человек познает, лишь утратив его, и я тоже, только сейчас понял, как много пользы мог бы извлечь, используя столь отважных воинов, увы, я не воспользовался тем даром судьбы должным образом.»

Я отпустил Баязида и велел привести Тугула. Поскольку он был ранен и не мог ходить, его принесли на носилках. Когда носилки опустили на землю, я спросил: «Что побудило тебя проявить строптивость и вступить в противоборство со мною?» Тугул ответил: «Я не хотел противоборства с тобою, если бы я хотел того,

то двинулся бы в сторону Византии, ибо знал о твоём местонахождении. Однако, как ты мог видеть, мы не собирались воевать с тобой, вместо этого мы шли в Азербайджан, тогда как ты преградил мне путь и поубивал моих солдат.» Я спросил, с какой целью он шел в Азербайджан. Тугул ответил, что падишах Азербайджана его родственник и он намеревался навестить его. Я спросил: «Зачем же тащить за собой огромное войско, отправляясь навестить родственника? Ты вовсе не собирался навещать родственника, а шел в Азербайджан, чтобы объединить свои силы с силами тамошнего падишаха, своего союзника, для того, чтобы создать мощное войско.»

Затем я спросил, когда восставал против меня, не получал ли он указаний со стороны Йилдирима Баязида. Тугул презрительно поморщился и сказал: «Если и осталось чего-то мужественного в Йилдириме Баязиде, так это его имя («Йилдирим» по турецки означает «молния»), ничем другим мужественным он не обладает и не к лицу людям, подобным мне, подчиняться указаниям людей, подобным ему.»

Из того, как он это сказал, у меня возникла уверенность, что Тугул говорит правду и Йилдирим Баязид не подстрекал его к мятежу. Я сказал: «Эй, человек, несмотря на то, что ты оказался мне врагом, поднял против меня мятеж, несмотря на то, что я потерял часть моих воинов в бою с тобою, отдавая должное твоей храбрости, я решил воздержаться от твоей казни. И если ты будешь дружественным в отношении меня, я могу вернуть тебе право и далее управлять Мегнесие.»

Однако Тугулу не суждено было жить далее - через три дня он скончался от полученных ран.

Я пробыл пять дней в устье ущелья Патак, предавая земле останки погибших и оказывая помощь раненым.

В течении тех пяти дней я дважды получал неблагоприятные вести из Азербайджана, из которых явствовало, что падишах Азербайджана не только собрал значительное войско, но и захватил с его помощью немало земель, вплоть до самого города Рей, и если его не остановить, он может захватить все страны Джебеля и Ирака, земли Фарса и Гургана.

Тот человек полагал, что я нахожусь слишком далеко и не думал, что я могу скоро возвратиться назад из Рума, вообразил, что может завоевать весь мир, овладеть всеми его богатствами, что сколотив мощное войско, ему нет нужды далее испытывать предо мною страх, надеясь, что в случае войны, сумеет разбить меня.

Мне хотелось идти на Византию, однако «Аль-абд-йадбару ва Аллах-йакдару» (схоже с пословицей «Человек полагает, а Бог располагает»), поэтому, вместо того, чтобы идти на запад, мне пришлось устремиться на восток для того, чтобы заняться Азербайджаном.

Я знал, что мне следует спешить и попасть в Азербайджан до наступления холодов, в противном случае, будет трудно надеяться на успешные боевые действия.

В течении тех пяти дней, проведенных нами в устье ущелья Патак, умерла часть из моих воинов, что были ранены, мы похоронив также и их, двинулись на восток через Диарбекир, чтобы оттуда попасть в Азербайджан.

Из Диарбекира в Азербайджан ведет несколько дорог, я выбрал ту, что ведет в долину Хой, это лучшая дорога, ведущая прямо в Тебриз.

Прежде, чем выступить в поход и пройти через то ущелье, я постарался, насколько это было возможно, вернуть жителям, в том числе и Сиджака, имущество, отнятое у них Тугулом.

По пути в Диабекир мне сообщили, что Йилдирим Баязид заболел и может умереть, если продолжит путешествие. Я согласился оставить его под охраной в Диабекире, после моего такого согласия мне передали от него следующее послание, написанное на персидском языке: «Я болен и знаю, что вскоре умру, ибо издревле повелитель, попавший в неволю, умирает в ней, и если не умру от болезни, тот от тоски наверняка. Великий эмир, не допусти, чтобы после моей смерти власть выпала из рук династии Османов. Единственная моя просьба, с которой я обращаюсь к тебе перед лицом приближающейся смерти, - пусть же мой сын станет моим преемником дабы не угас светильник нашего рода, горевший на протяжении веков. От имени сына я заверяю тебя в его безусловной преданности, в том, что он никогда не восстанет против тебя.»

Я написал ответ Йилдириму Баязиду, который действительно был болен и не мог ходить, в нем я писал, что назначу его сына править Румом при условии, что он будет моим данником. Еще до того, как я дошел до Азербайджана, ко мне пришла весть о смерти Йилдирима Баязида, умирая, он завещал, в случае, если дам на то свое разрешение, похоронить его рядом с его предками, и я вновь дал свое согласие в ответ на такое пожелание.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Что я свершил и что видел в Азербайджане.

Когда мы добрались в долину Хой, уже чувствовалось дыхание осени, а поскольку зима в Азербайджане наступает рано, я спешил еще больше, чтобы скорее попасть в Тебриз. Город Хой расположен на северо-востоке Салмаса, на берегу реки, текущей из долины Хой на север и впадающей в знаменитую реку Аракс. До вступления в Хой я слышал, что те места называют «иранским» Туркестаном. Причиной было давнее утверждение о том, что жители тех мест так же красивы как и жители Туркестана и что во всем Хое не встретишь некрасивых мужчин и женщин. Вступая в Хой, сдавшийся мне без боя, я всё ещё полагал, что молва о красоте его обитателей сильно преувеличена и им было далеко до красоты жителей Туркестана. На деле же, в Хое я не обнаружил ни одного некрасивого мужчины и ни одной некрасивой женщины, можно было подумать, что Господь, сотворяя тамошних жителей, замесил в их плоть саму Красоту. Я спросил представителей местной знати, откуда они ведут свой род и отчего так красивы их соплеменники. Они ответили, что происходят от китайцев, когда-то переселившихся из Китая в эти места, одной из причин своей внешней красоты жители Хоя считают то, что у них не приняты браки между близкими родственниками, потому что, как показывает опыт, такие браки приводят к рождению безобразных и кривых (т.е. одноглазых) детей.

Мужчины и женщины Хоя белолицы, причем белизна эта приятна на вид, кроме того, будучи в их городе, я обратил внимание на то, что нрав и характер их также заслуживает всяческой похвалы - во время разговора с их лиц не сходит улыбка. Ни в одной из областей Ирана, кроме Гиляна, я не встречал людей, обладавших столь же красивой внешностью, что и жители Хоя. Разница между Гиляном и Хоем заключается в том, что в Гиляне красивы не столь мужчины, сколь женщины, тогда как в Хое красивы без исключения представители обоих полов.

Когда я вступил в Хой, наступал сезон сбора винограда и груш, я слышал, что в этой местности произрастает особый сорт, называемый «грушами пророка», нигде в мире я не встречал груш, подобных хойским по размерам и сочности. Голодному человеку достаточно съесть одну такую грушу, чтобы почувствовать сытость. В Хое я видел сорт винограда, который вызвал мое удивление, ибо до того я не встречал такие крупных и таких красных плодов, каждая из тех алых виноградин была величиной с голубиное яйцо, превосходя рубин своей красотой и блеском. Чтобы не быть вынужденными прожевывать те крупные грозди, местные жители предпочитали просто выдавливать из них сок и пить его.

На моих глазах взяли кисть того винограда и выдавили из него сок, в результате его набралось на целый кубок, в который бросили кусочек льда. Я отпил и почувствовал, как прекрасен на вкус тот напиток.

Точно так же как когда-то красота гиянских женщин заставила меня бежать из того края, так и на этот раз, в силу той же причины, я не стал останавливаться в Хое больше, чем на один день, чтобы мои воины не испытывали волнения от зрелища красоты тамошних женщин, чтобы не ослабла войсковая дисциплина. Из Хоя я направился в Маранд, при приближении к нему, дозор передал то, что на юге, в степи, виднеется многочисленная толпа каких-то людей, и что возможно это войско. Затем последовало второе сообщение о том, что то не войско, а женщины и дети, пребывающие в степи, видимо, с целью подбора опавших колосьев.

Третье сообщение разведочного дозора гласило, что в степи нет каких-либо посевов, чтобы те люди могли собирать опавшие колосья. Уточненные данные гласили, что женщины и дети заняты сбором каких-то червей. Прибыв на то место, я поинтересовался, для чего тамошние женщины и дети занимаются сбором червей. Выяснилось, что женщины и дети в Маранде все лето занимаются сбором червей специального вида - «кирмизи», что вся алая краска для тканей, вырабатываемых в Азербайджане, добывается из тех червей «кирмизи», таким образом, тот червь обладал коммерческой ценностью.

В тот же день, когда я вошел в Маранд, доставили послание от Сулеймана, сына Йилдирима Баязида, который с моего согласия правил в Руме, наследовав власть после смерти своего отца. В том послании Сулейман сообщал, что в знак своей верности он собирается за свой счет направить ко мне на подмогу в Азербайджан отряд из двадцати тысяч воинов. Сулейман сдержал слово и отправил тех воинов, и я использовал их в войне против правителя Азербайджана, который, как я говорил, захватил территорию, вплоть до Рея. Правитель Азербайджана по имени Султан Ахмад, происходил из племени Йалканийан и в обычное время жил в Тебризе. В день, когда я вступил в Маранд, жители того города вывели своих детей ко мне навстречу с собираясь принести их в жертву, говоря, что они намерены сделать это в ознаменование того, что я пришел и освободил их от гнета Султана Ахмада. Я ответил, что не желаю, чтобы кто-либо приносил своих детей в жертву ради меня. Когда я вступил в город, ко мне пришли представители марандской знати, они рассказали много всякого о притеснениях, которые пришлось им терпеть со стороны Султана Ахмада. Так, они рассказали, что в случаях, когда вследствие засухи или по какой-либо другой причине, подданным не удавалось своевременно уплатить налог в казну, Султан Ахмад давал указание своим сборщикам налогов хватать сыновей и дочерей таких поданных, доставлять их на невольничий рынок и

продавать их в рабство, а вырученные деньги отдавать в казну. А если у поданного не было сыновей или дочерей, его лишали одного глаза, если же ему не удавалось выплатить налог на второй год, его лишали второго. По этой причине все слепые нищие в Азербайджане - это поданные, что не сумели в свое время уплатить налоги в казну, за что и были лишены зрения.

Я сильно удивился тем рассказам и сказал, что в подвластных мне владениях часто случается, что поданные оказываются не в состоянии платить налоги, когда по той или иной причине, то ли вследствие засухи или нашествия саранчи гибнет их урожай. В такие годы я не взимаю с них налогов, ибо одна из заповедей ислама гласит - с разорившегося не следует ничего брать и во всех исламских странах говорят: «Аль-муфлис фи амануллах», - «разорившийся переходит под защиту Аллаха».

Представители знати ответили, что султан Ахмад Илькани – мусульманин лишь на словах, на деле же он не только продает в рабство детей своих поданных за неуплату ими налогов, но от его похотливых притязаний не защищены ни один прекрасный юноша, ни одна красивая женщина, он забирает у мужей их жен, имевших несчастье понравиться ему, после чего те не могли вернуться в свои семьи, у них не оставалось иного пути, кроме как стать продажными женщинами. Я спросил, отчего же они мирятся со столь злодейскими притеснениями. Они ответили, что они боялись, боятся и теперь, ибо султан Ахмад жесток и безжалостен, если случалось кому-то проявить строптивость, то в отместку султан вырезал все племя, из которого происходил взбунтовавшийся, забирая в неволю женщин, девушек и юношей, не гнушаясь самыми страшными и мерзкими преступлениями.

Я сказал, что правитель должен быть справедливым и обладать высокой нравственностью с тем, чтобы подчиненные ему были вынуждены соблюдать нормы справедливости и высокой морали. Когда же сам правитель становится притеснителем, лишен добродетели и нравственности, то и его приближенные неизбежно впадают в безнравственность и всячески угнетают простой народ. Представители знати Маранда высказали свое желание, чтобы я избавил их от гнета Султана Ахмеда, взамен они же обязывались, пока живы, хранить мне верность.

Жители Маранда отличались крепким сложением, там я встречал самых сильных во всем Азербайджане людей. Мне рассказывали, что марандские абрикосы не имеют равных себе во всем мире, но поскольку мы попали в Маранд осенью, то не увидели тех плодов, зато яблок в том городе было великое множество.

К тому времени, когда я вошел в Азербайджан, султан Ахмад уже возвратился из Рея в свою столицу Тебриз и находился там. Поэтому я выступил из Маранда в Тебриз, о котором я упоминал, был большим городом и столь древним, что никто не помнил, когда он возник, как и не знали точной даты строительства опоясывающей его крепостной стены.

Я спешил, чтобы оказаться там прежде, чем султан Ахмад успеет спрятаться за той стеной. Я понимал, что если султан Ахмад окажется в силах сопротивляться, заперевшись в Тебризе, мне придется отказаться от мысли об осаде города, ибо суровая азербайджанская зима не позволит успешно вести ее. В этом случае придется выводить войско за пределы Азербайджана и кроме зимних холодов была угроза того, что султан Ахмад постарается поднять против меня дружественные ему племена.

Мои предчувствия оправдались, султан Ахмад потребовал от всех вождей азербайджанских племен, чтобы те выступили против меня. Однако, в глазах тех же племен, которые как и весь остальной народ, натерпелись его злодеяний, он выглядел ненавистным и жестоким угнетателем, и поэтому они не поддержали его. Нашлись лишь двое из вождей племен согласившихся помочь султану Ахмаду и выступить против меня. Я сумел легко подавить те выступления, к тому же двадцатитысячное войско, обещанное сыном Йилдирима Баязида, уже находилось в пути и спешило мне на помощь.

Как ни старался я попасть в Тебриз как можно быстрее, попав на место, я обнаружил, что ворота в город заперты и он готов держать осаду. Я незамедлительно окружил город и в тот момент ко мне стали приходить местные жители, родные которых находились в осажденном городе, они говорили, что желают скорейшего взятия мною Тебриза и поэтому готовы оказывать всяческую помощь. Взамен они просили, чтобы я не убивал тебризцев и оставил их имущество в целости.

Они хорошо знали, что всякий город, не захотевший сразу же покориться мне добровольно, ждет суровое наказание - после его взятия все жители мужского пола будут истреблены, молодые женщины угнаны в рабство, а имущество жителей станет добычей войска. Те, кто ходатайствовали предо мной за жителей Тебриза, говорили, что тебризцы не виноваты, лишь из страха перед султаном Ахмадом, они не смеют открыть городские ворота, чтобы вошло мое войско.

На второй день осады на верху крепостной стены появился человек, который прокричал на тюркском языке: «Кто есть Амир Тимур? Скажите ему, чтобы

показался мне!» Его спросили, кто он такой. Он ответил, что он - султан Ахмад Илкани, и что он хочет говорить с Амиром Тимуром. Его спросили, что он хочет сообщить Амиру Тимуру? Тот прокричал в ответ на том же тюркском языке: «То, что я хочу сказать, я сообщу самому Амиру Тимуру.» Я вышел из шатра и направился к крепостной стене и прежде, чем я успел что-либо сказать, султан Ахмад прокричал: «Эй, Тимурленг, я узнал тебя, ибо ты хромаешь на левую ногу - это твоя отличительная примета.» Я спросил по-тюркски: «Это ты султан Ахмад?» Он ответил утвердительно. Я продолжал: «Ты невежа и дурно воспитан, ибо только невеже свойственна столь явно проявлять свою невоспитанность.»

Он спросил, из чего я заключил, будто он невоспитан. Я ответил: «Потому что ты произносишь непотребные слова.» Султан Ахмад ответил, что он не произносил непотребных слов, а только лишь отметил мою хромоту. Я сказал: «Теперь я понял, что ты еще более невежественен, чем я предполагал, ибо у тебя не хватает ума понять, что ты сказал неподобающие слова, ибо говорить людям увечным об их увечье в лицо и есть высшая степень бестактности. Воспитанный человек никогда не позволит себе сказать увечному о его телесном недостатке.» Султан Ахмад сказал: «Знаешь ли почему позвал тебя и что я хотел бы сказать тебе?» Я сказал: «Говори, чего ты хочешь?» Он ответил: «Я хотел, чтобы ты знал, кто я. Мои предки из правящего рода Илканийан, хочу, чтобы ты знал кем они были и что они совершали.» Я сказал: «Какими бы великими не были твои предки, им все равно далеко до моего великого деда Чингиз-хана. Тем не менее я знаю, что и Чингиз-хан не встанет из своей могилы, чтобы придти ко мне на помощь, и потому каждый раз я должен своими силами доказывать на что я способен.»

Султан Ахмад сказал: «Я хочу дать совет человеку, называющему себя внуком Чингиз-хана.» Я спросил, что это за совет. Он продолжил: «Чингиз-хан не стал идти сам походом на Азербайджан, вместо того он прислал сюда своего сына, ибо знал - если придет в этот край сам, то найдет здесь свою могилу. Ты, как внук его, должен последовать его примеру и посему, сегодня же сверни свой лагерь и покинь эти места, чтобы дожить свою жизнь в добром здравии.»

Я ответил: «Меня не страшит смерть. Если бы я ее боялся, я бы не ступил ногой на эти земли.» Султан Ахмад ответил: «И я не боюсь смерти.» Я ответил: «Твои поступки расходятся с твоими словами, ибо если бы ты не боялся умереть, не прятался бы за стенами Тебриза. Тот, кто отсиживается за стенами крепости, тем самым показывает свой страх перед смертью.» Султан Ахмад сказал: «Я выбрал оборону в крепости не потому, что боюсь, а лишь потому, что желаю сберечь жизни своих воинов, кроме того, если не станет меня, некому будет возглавить мое войско.» Я сказал: «Есть у тебя еще что сказать мне?» Султан Ахмад сказал:

«Конечно есть, и вот что - если не уйдешь отсюда подобру, я позабочусь о том, чтобы ты стал хромым и на вторую ногу!»

Я повернулся и направился к своему шатру. Султан Ахмад заорал: «Куда это ты направился?» Я ничего не ответил, ибо был убежден, не стоит тратить время на разговоры с трусом, укrywшимся за крепостной стеной, из страха за свою жизнь.

На пятый день осады прибыл отряд из двадцати тысяч воинов, обещанный Сулейманом, сыном Йилдирима Баязида. Командир отряда сообщил, что они шли и днём и ночью, чтобы скорее соединиться с нами. Тот командир имел звание «туманбаши», звали его Нусрат Алтун, его войско называли войском чаушей. Он сказал, что правитель Рума дал ему наказ добросовестно исполнять все, что я повелю, и если необходимо - отдать ради этого свою жизнь и жизни своих воинов.

В Тебризе я не стал прибегать к устройству подкопов и взрывов для разрушения крепостной стены, ибо сумел одержать победу над султаном Ахмадом прибегнув к обычным средствам. Битва за Тебриз длилась не более десяти дней, город пал, вследствие восстания, поднятого жителями городского квартала Шам. Эти люди, как и мой предок Чингиз-хан, происходили из монгольского племени и обладали доблестью, свойственной их предкам. Они так же были настолько доведены до крайности притеснениями со стороны султана Ахмада, что и смерть их не страшила и потому они восстали против своего правителя. Услышав о восстании внутри города, я направил несколько тысяч воинов на приступ стен с помощью лестниц, чтобы тем самым помочь восставшим.

Восстание в квартале Шам длилось два дня. И пока внутри города шло сражение, мы шли на приступ снаружи, высокую отвагу при этом проявили двадцать тысяч воинов, присланных в мое распоряжение Сулейманом, правителем Шама и в конце концов ворота города раскрылись, чтобы встретить моих воинов.

Султан Ахмад Илькани пытался бежать, однако был схвачен и прежде, чем его успели доставить ко мне, он был убит разбушевавшейся толпой, жаждущей воздать ему за все совершённые им злодеяния.

В последние дни битвы за Тебриз меня посетил шейх Масъуд из Шабестара, внук знаменитого Мухаммада Шабестари, автора книги «Гульшани Раз» (Цветник тайн), о которой я упоминал ещё в начале своего повествования. Шейх Масъуд, как и другие, ходатайствовал за жителей Тебриза. Он просил не подвергать жителей Тебриза массовой казни и не лишать их имущества. И поскольку часть горожан, то есть жители квартала Шам, подняв восстание, облегчили для меня задачу по

взятию города, я воздержался от массовой казни и изъятия имущества, забрав однако все имущество и достояние султана Ахмада, со смертью которого прекратила существовать династия правителей Илькани.

Квартал Шам в Тебризе был создан Газан-ханом, падишахом Азербайджана. Газан-хан был потомком Чингиз-хана, умершим в Тебризе в 703 году хиджры по лунному календарю. Он был похоронен в квартале Шам и я, после взятия Тебриза, посетил его могилу. Заодно я посетил медресе и ханаку (приют для паломников), построенную им в том же квартале Шам.

В ханаке я встретил несколько дервишей, они рассказали, что двенадцать их товарищей погибли во время восстания в Тебризе, поднятого против султана Ахмада.

Дервиши в ханаке Газан-хана все вместе прочли молитву и старший из них, с седыми волосами и бородой, достигавшими до пояса, прочел в мою честь хвалебную оду и я пожаловал тем дервишам целую горсть золотых монет.

В Тебризе я посетил также мечеть Али-шаха Гиляни. Тот был когда-то визирем Газан-хана, построившим в счет собственных средств ту мечеть, создавшим целую сеть подземных канатов (система водоснабжения), проведя воду под той мечетью. Когда я вошел в ту мечеть, было такое впечатление, будто я попал в рай. Пол в той мечети был выложен полированными плитами из мрамора, стены украшены изразцами, посреди мечети протекал канал с чистой прозрачной водой и люди совершали омовения на его берегах.

Через три дня, после моего вступления в Тебриз вновь открылись его базары и я решил посетить их. Все базары Тебриза стоят того, чтобы увидеть их, однако два из них не имеют себе равных в мире, один из которых – это рынок драгоценностей и ювелирных изделий, а второй – это рынок, где продают благовония (амбру).

Придя на рынок драгоценностей, я был поражен изобилием и разнообразием драгоценных камней и ювелирных изделий, выставленных в лавках-дуканах. Перед каждой из них стоял миловидный юноша, приглашающий покупателей посетить лавку и купить товар. Одежда на тех юношах была красивой, разноцветной, шелковой, на их головах были изящно накручены чалмы, украшенные пером. Выяснилось, что среди покупателей драгоценностей большинство составляли женщины, по этой причине продавцы нанимали миловидных юношей, облачив их в красивые одеяния, выставляли их в качестве зазывал возле своих лавок. Другой рынок, где продавали благовония был расположен с рынком драгоценностей и

когда я вступил в него, меня опьянили невиданные ароматы. Ибо на том рынке, помимо амбры, продают все виды благовоний, которые дистиллируют и перегоняют в специальных мастерских Тебриза и в мире ничто не сравнится с тебризскими духами сортов «Гол-э сорх-э Мухаммади» и «Гол-э зард-э Мухаммади» (переводятся как «Алая роза Мухаммеда» и «Желтая роза Мухаммеда»).

Как и наш пророк Мухаммед (Да будет благословенно имя его), я неравнодушен к благовониям, ибо обоняя их нежный аромат, я испытываю приятные ощущения, запах благовоний относится к тем наслаждениям, которые, не в пример другим, не ведут к деградации и ослаблению мужчины.

В Тебризе, как мне рассказали, в сезон, когда распускаются розы, из одного харвара (мера веса равная 300 кг) алых или желтых роз Мухаммади, получают один мискаль (мера веса равная 4,64г) благовоний в виде масла и стоит оно целых три мискаля золота, ибо дистилляция и перегонка эфира связаны со значительными затратами. Тебризские благовония развозятся по всему миру, во всех странах они пользуются заслуженной славой. В тот день, на базаре благовоний, я купил несколько различных видов, их них - масла алых и желтых роз, жасмина, несколько пузырьков с мускусом.

Через Тебриз текут две реки - Мехранруд и Сард-руд, обе они берут начало у горы Саханд, что к югу от города, вода в них такая холодная, что жители Тебриза и летом не испытывают нужды во льде, лишь богатые люди из прихоти пользуются льдом. Те две реки сливаются с рекой Сараб, которая впадает в море Джиджест (сегодняшнее озеро Резайе).

Однажды я посетил базар, где продавались тебризские ткани. Там я увидел различные сорта парчи, атласа, шерстяных тканей. Я узнал, что все те ткани вырабатываются в самом Тебризе, а тамошние парчу и атлас охотно покупают в странах ференгов (т.е. в Европе). Поскольку я отказался от намерения устроить массовую казнь тебризцев, то не стал разрушать и городскую стену, разрешив восстановить те ее части, что пострадали в результате боевых действий.

Еще до вступления в Азербайджан, я желал, когда попаду туда, посетить город Шабестар и прочитать фатиху над могилой шейха Махмуда Шабестари и помолиться за упокой его души. Ибо именно тому доброму человеку, я обязан многим, ибо многое я постиг прочитав его книгу «Гульшани Роз» (Цветник тайн), шейх Махмуд той книгой посвятил меня в сокровенные тайны бытия и вечности, прошлого и будущего.

Книга его хоть и маленькая, однако подобна драгоценному камню, который, несмотря на свою малую величину, обладает огромной ценностью. Шейх Махмуд Шабестари написал в своей книге не более одной тысячи бейтов (двустий), однако те стихи учат человека всему. Джалалиддин Руми составил свою книгу «Маснавий-э Маънави» из двадцати семи тысяч бейтов и двухсот различных сказаний, однако всякий, кто причитает ту книгу, может стать кафиром (т.е., неверным), ибо автор в своей книге ставит в один ряд все религии, утверждая их равенство между собою, говорит, что ни одна религия не обладает преимуществом перед другой, что противоречит ясному и недвусмысленному положению Корана, который более чем в двухстах аятах утверждает превосходство ислама над всеми остальными верованиями, а в одном из них прямо говорится, что наш пророк является последним посланником Бога и после него уже не будет других пророков. В тот день, когда я отправился в Шабестар, было пасмурно, началась осень, наступавшая в Азербайджане раньше, чем в других районах, и я думал, что оттуда мне следует направиться в Рей, затем в Хорасан, чтобы в конце-концов попасть в Кеш.

Я знал, что если поспешу, то попаду в Кеш до наступления зимы и не предполагал, что прежде, чем попаду в Мавераннахр, мне доведется ввязаться еще в одну войну.

Жители Шабестара, взрослые и дети, в знак приветствия вышли на дорогу, по которой я ехал, дети показывали на меня друг другу.

По прибытии в Шабестар шейх Масъуд пригласил меня откусать и привел ко мне своих детей.

После трапезы я отправился посетить могилу шейха Шабестари. Я нашел ее в жалком состоянии и поэтому приказал, чтобы незамедлительно соорудили на ней надгробие, подобающее славе и памяти этого правоверного и ученого человека, которое заслуженно отражало бы его выдающееся место в религии и науке. Прочитав фатиху над его могилой, я решил возвращаться и спросил шейха Масъуда, сколько жителей насчитывается в Шабестаре? Шейх Масъуд ответил, что около шести тысяч. Я сказал, что в это число наверное входят и дети. Он ответил утвердительно. Я сказал: «Господь говорил, что когда в каком-то из племён рождается добродетельный человек, который вершит добрые и благостные дела, то благодать Божья от его деяний непременно распространяется на всех его соплеменников. Твой предок был именно таким благодетельным человеком, велика его заслуга перед исламской религией, по этой причине предопределенное Богом благо распространяется так же и на всех остальных его сограждан.» Шейх Масъуд спросил: «Что имеет ввиду под этим великий эмир?» Я сказал: «Тебе, внуку шейха

Махмуда, я жалую тысячу золотых динаров, а каждому из здешних жителей, независимо от того, мужчина или женщина, достигшим совершеннолетия, я жалую по пять золотых динаров, это и есть то благо от деяний твоего славного предка, что снизошло на его соплеменников.»

Поручив своему казначею организовать должным образом раздачу золота среди жителей Шебестара, я покинул сей город и стал готовиться в путь через Ардебиль, расположенный у высокой горы Саблон, в старину его название было Базан-Фируз. У самого Ардебилля мне навстречу вышел сам шейх тамошней ханаки в сопровождении свиты, состоявшей из лиц духовного звания. Когда я вошел в город, он оказался большим, обнесенным в виде квадрата крепостной стеной, каждая сторона которого имела протяженность в четыре тысячи зауров. В Ардебиле для моего пребывания отвели большой сад и шейх-глава ханаки, просил оказать ему честь и быть его гостем. Однако я возразил, сказав, что не хочу, чтобы он утруждал себя и нес какие-либо расходы, связанные с моим приемом.

Я знал, что шейх - глава ардебильской ханаки, как и его приближенные являются шиитами, и если бы они не продемонстрировали свою покорность и смирение, я бы их всех истребил. Но их подчеркнутое смирение и почет, с которыми они препроводили меня в город, не давали повода обижать их, однако я не желал быть их гостем и давать им возможность считать себя моими гостеприимцами и угощать меня.

Вечером того же дня я велел, чтобы ко мне явились шейх-глава ардебильской ханаки и двое из наиболее выдающихся тамошних шейхов. Я желал беседовать с ними, хотел знать, что они скажут, каково их мнение по тем или иным религиозным вопросам. Когда они пришли, я пригласил их сесть, обратился с вопросом к старшему шейху: «Какой вере ты следуешь?» Тот ответил, что он мусульманин. Я спросил в чем заключаются основополагающие принципы исламской веры? Он ответил: «Основы исламской веры составляют следующие понятия: Тавхид (то есть монотеизм – единобожие), Адл (справедливость, умеренность, верность, правильность), Нубувват (посланничество, пророческая миссия), Имамат (исполнение обязанностей имама-духовного главы, руководство, водительство) и Маъад (место возвращения, загробный мир, страшный суд).»

Я сказал: «На мой взгляд основу исламской веры составляют три понятия, а именно Тавхид, Нубувват и Маъад, отчего это ты утверждаешь, что их пять?» Шейх ответил: «Два дополнительных принципа лишь подтверждают истинность трех основных принципов, еще более укрепляют их. Если бы эти два принципа противоречили трём остальным, ты был бы вправе порицать, но поскольку они

наоборот, подкрепляют те три принципа, не стоит относиться к ним с предубеждением, ставить их под сомнение. Я сказал: «То, что вы изрекаете есть ересь, она недопустима в исламе.» Шейх-глава ханаки, которого называли мюршидом, сказал: «О эмир, ересью является то, что противоречит истинному смыслу аятов Корана, кроме того, разве в Коране написано, что существует лишь три религиозных принципа?»

Я ответил: «В Коране о принципах религии изложено не в такой форме, однако из содержания аятов Корана вытекает доказательство того, что существует три принципа истинной веры: первый из которых – Тавхид, вторым является Нубувват и третьим – Маъад и всякий, считающий себя мусульманином должен быть глубоко убежден в истинности этих трех принципов.»

Мюршид ханаки сказал: «Мы же основываясь на содержании Корана, приходим к тому заключению, что существует пять принципов истинной веры: первый из которых – это Тавхид, второй – Адл, третий – Нубувват, четвертый – Имамат и пятый – Маъад, и если эмир позволит, я прочту аяты Корана, содержащие понятие Адля Господа (то есть справедливости Божьей).»

Я сказал: «О человек, я знаю наизусть весь Коран и знаю, в каких из его аятов говорится о познании Бога. В Коране есть множество аятов, где говорится о познании Бога, помимо того, есть в Коране аяты, в которых говорится о милосердии Божьей, и первый же из аятов Корана – «Бисмиллах-ур-Рахман ар-Рахим» (Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного) описывает два качества Бога: Рахман (Милостивый) Рахим (Милосердный), я могу привести тебе и другие аяты, где упоминаются другие многочисленные качества Бога, в частности – Каххар (Всемогущий, Всесильный). Должны ли мы делать из этого вывод о том, что существует шесть принципов истинной веры: первый из которых – это Тавхид, второй Ильм (Познание), третий – Рахм (Милосердие), четвертый – Кахр (Всемогущество, Всесилие), пятый – Нубувват и шестой – Маъад?»

Мюршид ханаки сказал: «О эмир, для нас доказательством существования пяти принципов является наш великий вождь его преподобие Али, носящий титул Амир-уль-Муъминин (Повелитель Правоверных), да будет мир с ним, но если ты не приемлешь те пять принципов, я не собираюсь с тобою спорить, ибо сказано: «Лакум динукум валий-йа дини» (Вам – ваша вера, а нам – наша», иными словами: «Вы следуйте своей вере, а мы будем следовать – своей» - (аят из суры 109 «Аль-Кафирун» – Неверные).

Я сказал: «Эй человек, оставим эту тему и перейдем к другой. Слышал я, что ты мюршид ханаки и духовный наставник здешних жителей, поэтому скажи, чему ты наставляешь людей и что в результате люди получают от тебя?»

Мюршид ханаки ответил: «О эмир, душа человека никогда не испытывает удовлетворения, не довольствуется тем, что имеет. Сколь обильно не предавался бы он еде, питию, вожделению, его страсти увеличиваются и натура требует все большего и большего, из этого проистекают все беды и несчастья человека, его чувственность никогда не насытится, поистине безграничны его алчность и похоть. Я учу людей обузданию страстей, чтобы для начала они проявляли умеренность в потреблении пищи. Когда человек меньше ест, он меньше спит, когда он мало ест, меньше испытывает нужду в бренных, мирских вещах и соответственно в меньшей степени он становится жертвой страсти и вожделения. Я говорю людям, что первым шагом в борьбе с собственными страстями является выработка привычки к умеренной еде.»

Я сказал: «Хвала тебе, о добрый человек. Я на собственном опыте познал ту истину. Всякий раз желая меньше спать и больше работать, я испытываю меньше желания есть.»

Мюршид ханаки продолжал: «Следующим наставлением для людей является необходимость воздерживаться от совершения греха, чтобы их существо не погрязло в печисти. Ибо каким образом человек себя воспитает, таким же образом он растет и развивается. Чем дальше он держится от греха, тем меньше вероятность того, что он впадет в него. Предавшись же грехам, человек не в состоянии будет жить безгрешно. Я убежден в том, что после умеренности в еде, ключом к спасению является стремление к воздержанию от греха.»

Я сказал: «О добрый человек, и это твое высказывание я подтверждаю как истинное. Я сам испытал – всякий кто желает обрести спасение, должен воздерживаться от греховных деяний и мыслей.» Затем я спросил, как его зовут. Мюршид ханаки ответил, что имя его Садриддин. Затем я спросил, каким образом он и другие, пребывающие в ханаке, добывают средства к существованию. Он ответил: «Некоторые люди проявляют к нам свою милость и жертвуют ханаке часть своих денег и имущества на богоугодные дела. Благодаря этому мы и другие дервиши в ханаке получаем возможность существовать, наши потребности скромны, мы привыкли жить, довольствуясь малым, не испытывая особой нужды в чем-либо.»

Я спросил, чем заняты дервиши в ханаке. Садриддин ответил, что они проводят время в молитвах и поклонении Всевышнему, погружаясь в свой внутренний мир для того, чтобы лучше познать Творца.

Хоть и были Садриддин и другие обитатели ханаки шиитами, я получил удовольствие, ощущая то, как чисты их души и их помыслы. Покидая Ардебиль, я передал четыре деревни из бывших владений султана Ахмада теперь уже после его смерти, принадлежавших мне, в вакуфное владение ханаке, и поскольку те деревни давали приличный доход, я был уверен, что начиная с того дня жизнь обитателей ардебильской ханаки станет намного лучше.

После того как Садриддин и его спутники ушли, я обошел сад, где мы находились, чтобы посмотреть на растущие в нем плоды. К удивлению, я не обнаружил в том саду ни одного плодового дерева. Я спросил, почему в том саду не было посажено ни одного плодового дерева. Мне ответили, что во всем Ардебиле, не только в том саду, нет плодовых деревьев. Будучи в Ардебиле я увидел также две достопримечательности, одной из них был, так называемый камень дождя, находившийся за городом. Жители Ардебиля объяснили мне, что если в сезон дождей, то есть начиная с осени и до весны, тот камень перенести и установить на центральной площади города, то сразу же после этого начинает идти дождь. Всякий раз, когда тот камень уносят за пределы города – дождь прекращается. Во время моего пребывания в Ардебиле (как я упоминал, стояла осень) тот камень несколько раз приносили из-за городской черты и устанавливали на центральной площади и всякий раз сразу же после этого начинал идти дождь, а когда уносили на старое место, дождь прекращался. Я так и не сумел понять причину того явления и горожане не сумели толком объяснить, в чем же заключается удивительное свойство того камня, вызывающего дождь когда его вносили в город и прекращающее дождь всякий раз, когда его уносили за пределы города.

Еще одной достопримечательностью Ардебиля, вызвавшим мое удивление было следующее – в полночь туман-баши Нусрат Алтун, командующий отряда, присланного для содействия султаном Сулейманом, правителем Рума, сообщил, что лагерь его войска подвергся нашествию огромных мышей, вид которых вызывал ужас, он прислал несколько из тех грызунов, чтобы я воочию убедился каковы они на вид. Туман-баши был прав, утверждая насколько ужасно те выглядят – каждая из тех тварей была величиной с доброго котенка.

Я подивился тому отчего те ужасные мыши избрали объектом своего нашествия именно лагерь румского, а не нашего войска, который был гораздо больше. До следующего дня этот вопрос оставался неясным, пока не наступил день и

ардебильцы объяснили мне почему нашествие тех мышей пришлось на лагерь именно румского (*то есть османского – Переводчик*) войска. Пищу воинов Рума в походе составляет вареная пшеница, которая предварительно вываривается в дуге (дуг – прохладительный напиток из сбитого кислого молока, смешанного с водой или молочной сывороткой) в который для аромата добавляют немного горной травы «Авишан» (т.е. тимьян – *Thymus*). В результате получается вязкая масса, из слипшихся между собой зерен пшеницы, которую скатывают в виде комков-шариков (кюфтэ), в среднем величиной с кулак и сушат.

Затем их складывают в мешки и везут в войсковом обозе и когда войско делает привал, ту вареную пищу помещают в котлы и кипятят, в результате очень быстро получается горячая и приятная на вкус еда для солдат Рума. Однако они не знали, что запах горной травы «Авишан» привлекает полчища ардебильских мышей и по этой причине жители того города никогда не употребляют ту траву, ее не найдешь даже в дуках-лавках аттаров (торговцев пряностями и благовониями) и торговцев лекарствами, ибо все знают, стоит той траве появиться в лавке или доме, они незамедлительно подвергнутся нашествию полчищ тех мышей.

В ту ночь до самого рассвета воины Рума истребляли тех огромных мышей, но ничто не могло остановить лавину грызунов, которые лишь с наступлением дня покинули лагерь ибо известно, что мыши избегают дневного света. При этом были истреблены почти все съестные припасы румского войска, пришлось туман-баши Нусрату Алтуну закупать недостающее продовольствие в Ардебиле.

Надвигалась зима и я не мог в холода возвращаться в Рум, чтобы брать Византию. Я знал, что зимой в Азербайджане и Руме стоят суровые морозы, которые парализуют любые передвижения войска и боевые действия, рассудок диктовал необходимость быстрее возвращаться на родину чтобы проведя зиму в Мавераннахре лишь весной возобновить поход на Византию.

Перенести войну с Византией на будущую весну таило в себе еще одну огромную выгоду – а именно, к тому времени должны были подоспеть корабли, которые я запросил у короля ференгов и завершиться строительство судов в портах Рума. В результате, к тому времени я получал в свое распоряжение достаточно плавучих средств, чтобы наступать на Византию.

Я написал султану Сулейману, чтобы строительство судов, начатое еще при его отце, Йилдириме Баязиде, не прекращалась, и он должен был проследить за тем, чтобы к весне вся та работа была завершена.

После того я отпустил Нусрата Алтуна и его отряд с тем, чтобы они смогли попасть в Рум ещё до наступления зимы, они уже не были нужны мне, каждому из румских воинов я уплатил по три динара, а самому Нусрату Алтуну я пожаловал целых триста динаров. Я выступил из Ардебиля по направлению Казвина и Рея. Когда мы пришли в Рей, осенняя погода там была настолько мягкой, что несмотря на желание скорей попасть на родину, я остановился там на целых два дня.

В день когда я выступил из Рея, направляясь в Хорасан, отряд, шедший впереди войска и отвечавший за заготовку продовольствия и корма, уже миновал развалины Нишапура и двигался в сторону Туса.

Идя мимо Сабзевара, я видел остатки башен, в свое время сложенных мною из отсеченных голов. Я знал, что до тех пор пока белеют те черепа, никто в Сабзеваре не осмелится поднять мятеж против моего владычества.

Подойдя к Тусу, я увидел его жителей, разбирающих развалины домов и вытаскивающих из под них тела погибших людей. Я узнал, что минувшей ночью в Тусе произошло сильное землетрясение, разрушившее весь город и поскольку в это время все жители спали, то многие погибли под обвалившимися на них крышами и стенами домов.

Я поручил одному из своих военачальников и двум представителям городской управы Туса возглавить работы по восстановлению разрушенных домов и распорядился, чтобы из окрестных деревень собрали строителей и рабочих, и за счет казны оплачивали их труд по восстановлению разрушенного жилья горожан.

В тот момент я подумал, что одной из выгод моей привычки к степной жизни является то, что мне не грозят опасные последствия землетрясения, ибо в этих случаях я всегда нахожусь в открытой местности под сенью полотняного шатра и потому в это время мне не грозит гибель вследствие подземных толчков.

Строительные работы в моем родном городе Кеш были полностью завершены, и как я уже упоминал, я намеревался пригласить всех правителей мира посетить его и быть принятыми в том городе в качестве моих почетных гостей, чтобы они получили возможность полюбоваться тем красивым городом. Я разослал письма с приглашениями сорока двум правителям, которые все, кроме китайского императора, являлись моими данниками и были подвластны мне. Я приглашал их прибыть в Кеш через два года в весеннюю пору.

Я потому разослал приглашения на два года раньше, чтобы те правители в течении оставшегося времени успели устроить все свои неотложные дела. А весну я выбрал потому, что это самое красивое время года в Кеше.

Все правители с благодарностью приняли мое приглашение и прислали свои ответы, заверяя в том, что в указанное время они непременно придут в Кеш.

И хотя в Кеше было уже построено много зданий, я велел построить еще сорок два дворца с садами в качестве резиденций для тех гостей, они должны были быть возведены в одном месте, которое будет носить название Белад-уль-Мулюк, то есть – город падишахов.

Китайский же император в ответ на мое приглашение прислал письмо следующего содержания, написанное на уйгурском языке:

«Пусть знает Тимур-бек, выставляющий себя более великим, чем это соответствует действительности, что я есть император Китая, простершегося от Джа-Белкаъ до Джа-Белсаъ, под властью которого подданных больше, чем песчинок в пустыне и рыб в море, и когда идет мое войско, земля содрогается от его тяжелой поступи и горы, будь у них ноги, в страхе бежали бы от него.

Как ты смеешь приглашать к себе такого великого падишаха, чтобы показать ему жалкую кучку камней и кирпичей, возложенных тобою друг на друга!

Я настолько велик, что правители мира, желающие удостоиться чести лицезреть мою особу, десять раз целуют землю, прежде чем я позволяю им приблизиться к подножию своего престола.

Возложив друг на друга несколько камней и кирпичей, ты возгордился и вообразил, что воздвиг великое строение. Между тем, если ты попадешь в Китай и увидишь Великую стену, которую воздвигли мои предки, то увидишь, что ее протяженность составляет тысячи и тысячи фарсангов, и тогда от удивления ты приложишь палец к своим губам.

Эй, Тимур-бек, любой из моих наместников, поставленных управлять провинциями в моей стране, является намного более могущественным и выдающимся, чем ты, и если когда-то тебе удастся сравниться с кем-либо из моих наместников по богатству и могуществу, лишь тогда ты вправе получить мое дозволение приглашать меня в свой дом. А пока ты не достиг тех высот, будет лучше если будешь знать свое место и считать себя одним из моих покорных слуг, а так же не

будешь и помышлять о том, чтобы превысить границы и рамки занимаемого тобой положения.»

Как только я получил то послание, учитывая, что впереди у меня целых два года до прибытия владык мира на празднества в Кеш, я решил выступить походом на Китай, чтобы доказать его императору мое превосходство над ним. И обо всех последующих событиях я напишу по завершении того похода.

*Конец повествования о жизни Тимурланга,
написанного им самим.*

Воспоминания епископа Султании о Тимурленге.

На этом заканчивается повествование о жизни и делах Тимурленга, написанное им самим. Оно заканчивается тем, что Тимурленг собирается идти в поход против китайского императора. Однако по пути в Китай, в точном соответствии с тем, что он видел во сне (он приводит в своем повествовании описание того сна), его поразила апоплексический удар (т.е. паралич). Прележав шесть дней, на седьмой он распрощался с жизнью, тело его привезли в Самарканд и похоронили в гробнице, которую он велел построить еще при своей жизни.

В своих воспоминаниях Тимурленг пишет что как-то он отправлял епископа Султании в качестве своего посланника к королю ференгов (т.е. Франции) с пожеланием, чтобы тот предоставил в его распоряжение морские суда. В свою очередь, епископ Султании собственноручно написал свои воспоминания о Тимурленге, и рукопись та ныне хранится в Национальной библиотеке Парижа и мы, как обещали, представляем взору читателя вышеупомянутые мемуары, в общем-то краткие по своему содержанию.

При этом заметим, что создается впечатление о том, что Тимурленг встречался с епископом Султании еще задолго до их встречи в Шаме, виделся с ним, как отмечает в начальной части своих воспоминаний, еще в самой Султании, из чего следует, что к тому времени, когда Тимурленг отправлял его в Европу в качестве своего посла, они уже знали друг друга в течении достаточно долгого времени.

х х х

Имя его Тимур-бек, Тимур означает «железо», бек – «властитель», враги же называют его Тимурленгом (то есть «Хромой Тимур») потому, что он хромает на одну ногу, а в Иране его называют еще и «Мири Табам», что означает «повелевающий».

У этого человека было много сыновей, к сегодняшнему же дню их осталось всего двое, одного из которых зовут Миран-шахом, к настоящему времени он прожил сорок лет. Второго сына зовут Сун Хари (епископ Султании употребляет такое написание имени Шахруха – Марсель Брион), которому исполнилось двадцать два года. Остальные же из сыновей Тимурленга погибли в различных боях и от болезней.

У Миран-шаха четыре жены и четверо сыновей. Сыновья его взрослые и каждый имеет в своем распоряжении войско, численностью от двадцати до тридцати тысяч человек, и каждый из тех четырех сыновей сам по себе является как бы отдельным правителем.

Тем не менее каждый из тех внуков боится своего грозного деда Тимурленга и знает, что будет строго наказан, если не будет исполнять его повелений.

Тимур-бек, хоть и пребывает сегодня в преклонном возрасте, тем не менее все еще обладает большой физической силой, неутомим в походах и сражениях, дни и ночи он проводит в степных просторах под открытым небом.

Говорят, что Тимур-бек в юности обладал красивой наружностью, да и сегодня, всякий, кто увидит его, согласится с тем утверждением.

Богатства, которыми обладает Тимурленг, столь неисчислимы, что его золотыми монетами можно покрыть всю земную поверхность, только затраты на нужды его личной кухни и шербет-ханэ (кладовая для напитков), составляют ежедневно тысячу мискалей золота.

Просторы подвластных ему земель столь необъятны, что путнику понадобится целый год, чтобы достичь от восточного до западного края его владений. На всем протяжении тех земель царит полнейшая безопасность для путешественников и торговых караванов. И если случится каравану подвергнуться разбою в какой-либо из подвластных ему земель, то незамедлительно, по приказу Тимурленга казнят наместника, управителя той земли, ибо Тимур-бек убежден – до тех пор, пока сам наместник не вступит в сговор с разбойниками, те никогда не посмеют грабить караваны на больших дорогах.

С самого первого дня, когда он пришел к власти и до сегодняшнего, во всех битвах этот человек одерживал одни лишь победы, ни одному правителю, ни одной крепости не удалось устоять перед ним. Не отыщется в мире человека более безжалостного, чем этот, и если на его глазах обезглавят сотню тысяч взрослых мужчин, женщин и малолетних детей, это не произведет на него ни малейшего впечатления – сердце его не дрогнет. Ему не раз и не в одном городе доводилось вырезать полностью все население, вплоть до последнего грудного младенца, и не случалось такого, чтобы он проявил жалости даже к столетнему старику не говоря уж о мужчинах или женщинах.

Тимур-бек внешне очень строго соблюдает предписания исламской веры, ежедневно и еженощно пятикратно он совершает намаз и в месяц поста (Рамазан) соблюдает рузу (то есть пост) и я никогда не видел его употребляющим вино, однако слышал, что иногда тайком он пьет хмельной напиток.

Тимурленг если захочет может десятки раз собрать всех боеспособных мужчин из числа своих подданных в сотысячное войско.

Число лошадей, принадлежащих ему, тех, что пасутся на бесчисленных лугах, достигают двадцати раз по сто тысяч, число его верблюдов невозможно сосчитать и с присоединением Хиндустана к его владениям, в его распоряжении постоянно имеется от пятнадцати до ста боевых слонов, однако тех слонов чаще используют для торжественных выездов и других церемоний.

Тимурленг знает арабский, персидский и тюркский языки, он настолько сведущ в науке Корана и исламского законоведения, что ни один мусульманский ученый не может сравниться с ним в научном споре.

Тимурленг владеет более чем двумястами дворцами: только в Самарканде их насчитывается восемнадцать, в Кеше – двадцать, в Багдаде – пятнадцать, в Исфагане у него имеется двенадцать дворцов, а в Ширазе – семь. Одержав победу над Багдадом, в числе трофеев он заполучил дерево из чистого золота, листья которого были изготовлены из драгоценных камней и никто так и не сумел назвать точную цену того дерева, что было изготовлено из золота и драгоценных камней.

Во время сражения Тимур-бек, подобно всем своим рядовым воинам, облачается в боевые доспехи и вступает на поле битвы. Он не страшится смерти, и несмотря на неоднократно полученные им тяжелые раны, приводившие его на грань смерти, он не перестает быть бесстрашным и самолично участвует во всех боях.

Он считает, что ненависть и противостояние не делают различий в рангах и званиях людей, поэтому он отдает повеления отрубать головы и вспаривать животы знатным сановникам с такой легкостью, словно это какие-то простолюдины.

Он высоко ценит лишь ученых и поэтов, относится к ним с должным почетом и уважением, и причина здесь в том, что сам он является ученым.

С самой первой встречи с Тимурленгом, я обратил внимание на то, что он постоянно живет в степи, на открытом воздухе, спит в походном шатре, и мне кажется, что причина его преимущественного нахождения в степи заключается в многочисленности его войска, которое столь огромно, что ни в каком из городов невозможно его расквартировать.

Тимур-бек ест сидя на земле, спит на земле и не имеет привычки есть сидя за столом.

Пищу его порою составляет рис, иногда простокваша из кобылье молоко, в число излюбленных напитков входят кобылье молоко, медовый шербет, но

по праздникам ему приготавливают кебаб (шашлык) из жеребятины, что является любимейшим блюдом жителей Хорезма.

Во время приема пищи в шатре, натянутом на пять столбов, расстилают дастархан, Тимурленг садится во главе дастархана. Остальные же, его сыновья, внуки, военнначальники садятся так, чтобы между Тимурленгом и ими сохранялось расстояние в несколько зарьов.

Вся посуда, выставленная на дастархане – из чистого золота, во время трапезы никому не дозволено разговаривать, за исключением случаев, когда сам Тимурленг обращается к кому-либо с вопросом.

Если Тимурленг принимает гостя из числа христиан, во время трапезы он позволяет тому употреблять вино, сам же воздерживается от этого, ни его сыновьям, ни внукам, ни приближенным не дозволено пить сей напиток.

Во всем мире нет такой дисциплины и порядка, как в войске Тимур-бека. Военские начальники в армии Тимурленга различаются один от другого по десятикратному соотношению, так старший над десятью воинами называется «ун-баши», сотник – «юз-баши», тысячник – «минг-баши», командующего десятью тысячами воинов называют «туман-баши».

Если тысячник (минг-баши) прикажет своим воинам броситься в огонь, те без колебаний исполнят его приказание, ибо каждый воин знает, что в качестве наказания за неисполнение приказа вышестоящего начальника с него живого сдерут кожу. Дисциплина в войске Тимурленга столь сильна, что воин, совершивший промах или ошибку, сам перерезает себе жилы не дожидаясь, когда его накажут.

Когда Тимур-бек велит вырезать всех жителей и разграбить все имущество в том или ином городе, над тем городом вывешивают черный флаг и это означает, что он будет стерт со страниц Книги Бытия.

Во время похода на Рум, Тимур-беку довелось осаждать некий город, расположенный между Арменией и Ангорой и когда он взял тот город, велел побросать всех его жителей в колодцы, все те колодцы были забиты до отказа людьми, которых бросали в них живыми.

В городах, которые добровольно сдавались на его милость, жизнь, имущество и честь их жителей оставались неприкосновенными и если в таком городе случалось женщине подвергнуться насилию или имело место ограбление, то виновного в том воина казнили вместе с его непосредственным начальником. По этой причине города, осаждаемые Тимур-беком, спешат добровольно сдаться, исключая те случаи, когда их правители намеренно не желают покоряться ему.

Одним из обстоятельств, способствовавших тому, что Тимурленг стал одним из самых могущественных людей мира, явилось применение им пороха.

Тимурленг владеет секретом изготовления пороха и во всех своих походах возит с собой определенное количество сырьевых материалов, необходимых для изготовления порохового заряда. Оказавшись у крепости, которую намерен взять, он быстро изготавливает те заряды для того, чтобы, устроив взрывы, разрушать укрепления.

Я не думаю, чтобы в мире нашелся человек более жестокий чем Тимурленг, возможно и в будущем не найдется такого, который превзошел бы его в этом отношении.

Осадив Дамаск, он отправил его населению послание с предложением сдаться и открыть городские ворота перед его войском, в противном случае он грозил перебить всех жителей.

Жители в страхе перед Кутул Хамзой, правителем Дамаска, не осмелились сдать город. Кутул Хамза же несмотря на имеющиеся у него огромные колесницы так и не сумел отеснить Тимурленга от стен города. Тимурленг с помощью пороховых зарядов разрушил крепостную стену и вошел в город. Возле мечети Умара один из выдающихся мусульманских ученых Низамуддин Шахи обратился с мольбой к Тимурленгу, заклиная его отказаться от намерения истребить население Дамаска. В ответ Тимурленг воскликнул: «Если бы ты не был ученым, я бы приказал содрать с тебя живую кожу!» В Дамаске он казнил столько жителей, что в живых не осталось никого, кроме тех, кто владел искусными ремеслами, ученых и литераторов. Из Дамаска в Мавераннахр, на свою родину он отправил на двух тысячах верблюдах огромную добычу, состоящую из золота, серебра, драгоценных камней, шитых золотом тканей, дорогих ковров. И этот кровожадный и жестокий властитель устроил в Дамаске симпозиум самых выдающихся ученых-знатоков ислама (улемов), на котором обсуждались различные аспекты содержания Корана.

Единственный человек, которому удалось перехитрить Тимурленга и остаться безнаказанным был Эдиг-бей, падишах Татаристана (*Татаристаном* называли местность, которая сегодня носит название Крымский полуостров, что расположен в южной части России – Марсель Брион).

Тимурленг, желая женить своего сына, отправил посла в Татаристан, чтобы посватать дочь Эдиг-бея за своего сына. Эдиг-бей ответил: «Я готов отдать свою дочь в жены сыну Тимурленга, однако не владею достаточным богатством и поэтому не в состоянии обеспечить за своей дочерью такое приданое, которое соответствовало бы чести и величию такого властителя,

как Тимур-бек. Ведь если я отправлю свою дочь в Мавераннахр не обеспечив её должным приданым, то покрою себя несмываемым позором!»

Тимурленг ответил: «Я сам обеспечу приданое для твоей дочери, которое отправлю тебе и ты его пришьешь вместе со своей дочерью. Все будут считать, что это ты обеспечил свою дочь необходимым приданым и таким образом, честь твоя будет сохранена.»

Тимурленг снарядил двадцать пять верблюдов, груженных золотом, серебром, драгоценными камнями, шитых золотом тканей, кашмирскими шальями и уполномочил восемь своих приближенных, чтобы они доставили Эдиг-бею те сокровища и привезли дочь татарского падишаха для его сына.

Вельможи Тимурленга вместе с караваном тех сокровищ отправились в город Сократ, столицу Татаристана (*Епископ Султании искажил название столицы Татаристана. Тот город назывался Судак – Марсель Брион*).

По прибытии каравана сокровищ в столицу Татаристана, Эдиг-бей, падишах страны, заключил в зиндан (тюрьму) посланцев Тимурленга, присвоил себе все то золото, серебро, драгоценности и дорогие ткани и не стал отправлять свою дочь в Мавераннахр. Тимурленгу так и не удалось возвратить те сокровища, освободить своих вельмож, томившихся в татарской неволе, и я сам слышал как он говорил, что никому не удавалось так бессовестно обмануть его, как это сделал Эдиг-бей.

Ни один из властителей не мог сравниться с Тимурбеком пышностью и великолепием своего двора.

Одной из достопримечательностей его двора, придававших ему особую пышность и великолепие, было наличие в нем заложников, всегда носивших свои национальные одежды.

Тимур-бек следует правилу держать в заложниках юных сыновей и младших братьев правителей, являвшихся его данниками и те живут при дворе Тимур-бека, никто их не беспокоит и каждый из тех принцев и отпрысков правящих семей имеет свою собственную свиту.

Тимур-бек держит заложников для того, чтобы подвластные ему правители не поднимали мятежа, зная, что если вздумают пойти на это, их сыновей или братьев умертвят по велению Тимур-бека.

Все правители Хиндустана, Ирана, Шама, Рума (то есть Турции) и страны кипчаков (то есть земель, расположенных на севере Кавказа) имеют своих близких заложниками при дворе Тимур-бека и часто случалось, что те

заложники принимали участие в войнах, которые вел Тимур-бек и даже гибли в их ходе.

Помимо богатств, добытых им в результате захвата таких больших государств, как Исфаган, Багад, Дамаск и других, Тимур-бек взимает со всех подвластных ему земель дань, в размере одной десятой части доходов, получаемых их правителями. Эти средства являются источниками, за счет которых он обеспечивает содержание своим воинам и приближенным.

Все воины и военачальники Тимур-бека своевременно и в полной мере получают причитающуюся им плату и если до него дойдет, что кто-то из них присвоив товар какого либо лавочника не уплатил за него, виновного неминуемо казнят.

Тимур-бек твердо следует своей вере и пятикратно совершает намаз, каждый день и где бы он не находился. У него имеется мечеть, которую в разобранном виде возят за ним повсюду, всякий раз, когда необходимо, ее собирают и Тимур-бек совершает в ней намаз.

Тимур-бек не употребляет вина и воздерживается от всего, считающегося запретным согласно предписаний ислама.

Несмотря на воздержание от всего, что считается запретным с точки зрения ислама, в отношении винопития и любострастия, он не настолько уж строг, однако питает отвращение к греху, присущему племени Лота, уличенных в том грехе он безжалостно велит казнить.

Тимур-бек обожает хрустальную посуду, любит пить из нее воду. Однако он не обжора, употребляя пищу, не преступает пределов умеренности, он любит, чтобы в некоторые блюда, особенно в рис, добавляли зафран (т.е. шафран).

Тимур-бек хромот на левую ногу и никто из лекарей мира так и не смог устранить то увечье, которое он получил в ходе одного из сражений, ибо в результате той раны были повреждены нервы его левой ноги.

Несмотря на свою хромоту и свой преклонный к сегодняшнему дню возраст, он несравнимо ловок, в его движениях не проявляется ни малейшего признака старости и немощи, лишь легкая седина проглядывает в его волосах. Наверняка в мире не рождалось человека, обладающего более сильной памятью, чем у Тимур-бека, одним из факторов успеха этой личности является сила и глубина его памяти. Если ему в течении дня приходится принять сотню своих приближенных и полководцев и возложить на каждого из них отдельное поручение, ни одно из которых не схоже с другими, он помнит обо всех тех указаниях, как и о том, когда их следует

исполнить, и если тот на кого было возложено поручение, не исполнит его к указанному сроку, провинившегося ждет неминуемая казнь.

Все люди из окружения Тимур-бека прекрасно осознают это, и понимают, что если на них возложили поручение и они не обеспечат его исполнение к указанному сроку, им не избежать скорой казни.

Однако, если при возложении на них поручений они приведут обоснованные доводы об имеющихся трудностях по их выполнению, Тимур-бек проявляет понимание и устанавливает более длительные сроки исполнения.

Поскольку все знают, что когда срок наступит, Тимур-бек не преминет спросить об исполнении задания и не потерпит малейших отлагательств, то всякий, получивший его, старается исполнить его к назначенной дате.

Пока по велению Тимур-бека строился город Кеш, были обезглавлены двое зодчих, - на них возлагалось завершение строительства определенных частей города в установленные сроки, с чем они не справились.

Возвратившись как-то из похода и заглянув в Кеш, Тимурленг обнаружил, что строительство отдельных сооружений не завершено, и двое, ответственных за то зодчих сказали, что если Амир Тимур даст им всего два месяца, то они непременно завершат то строительство.

Однако Тимур-бек не внял их просьбе и велел казнить их обоих и поручил другому зодчему завершить те работы.

Во время походов и сражений Тимурленг разделяет со своими полководцами и воинами все лишения и трудности, и они прекрасно знают об этом.

Каждый из военачальников и воинов знает, что проявив отвагу он будет вознагражден, а проявив малодушие – наказан. Трусость и малодушие в бою считаются таким тяжким позором в войске Тимур-бека, что ни один воин, ни один полководец не проявит их на поле сражения, и делает это не в страхе перед карой Тимур-бека, а боясь уронить свое достоинство перед своими же соратниками.

Во время всех своих больших и опасных сражений, Тимур-бек назначает кого-то из своих полководцев своим заместителем, а сам занимает место в первом ряду войска и непосредственно участвует в бою.

Ему много раз случалось получать опасные для жизни раны, когда окружающие уносили его из поля битвы, тем самым спасая его от опасности быть затоптанным копытами коней.

Тем не менее, снова и снова он вступал в новые бои, его отвага в бою настолько заразительна, что при виде ее кровь кипит в жилах его воинов и полководцев и они готовы совершать любые подвиги. Благодаря именно своей отваге, Тимурленгу удалось во главе пятисот добровольцев-смертников ворваться в такую, казалось бы, несокрушимую крепость, как Дели.

Однажды, мне довелось своими глазами видеть, как Тимур-бек участвовал в сражении и как он покидал поле битвы, успешно завершив её, и я должен сказать, что он входит в число самых отважных людей своей эпохи.

В тот день, возвратившись с поля битвы он, как я увидел, был с головы до ног забрызган кровью, а лезвие его сабли было покрыто настолько толстым слоем запекшейся крови, что уже не влезало в ножны. Когда он стянул с тела доспехи, на нем обнаружилось несколько ран, их стали перевязывать, а доспехи и оружие унесли к ручью, чтобы смыть с них кровь.

До моего отъезда к королю ференгов в качестве посла Тимур-бека, он еще имел привычку брить бороду. Однако, возвратившись из страны ференгов, я увидел, что он стал носить бороду и в ней проглядывают седые нити.

Когда на нем не надеты боевые доспехи, воинский шлем, Тимур-бек обычно носит на голове белую шапочку. Зимой эта белая шапочка сделана из войлока, летом для него шьют белую шапочку из шелка. Для того, чтобы она плотно сидела на голове, та шапочка снабжена подкладкой и на ней постоянно сверкают несколько рубинов и алмазов.

Тимурбек любит присутствие в одежде белого, желтого и красного цветов, он редко носит одежду из полосатой ткани, летом он носит одежду из белого и желтого шелка, весной и осенью он надевает одежду из плотной красной ткани, зимой – куртку-телогрейку из беличьего или горностаевого меха. Зимой, как и летом, местом его обитания является степь.

Тимур-бек равнодушен к благовониям, ему доставляют самые дорогие их разновидности со всего мира, и всякий, подошедший к его шатру, ощущает ароматы тех редкостных благовоний издали, еще до того как вступит в него.

Когда некоторые из иноземных правителей, попав к нему на аудиенцию, падали ниц и прикладывались челом к земле, Тимур-бек выражал свое отвращение к подобным действиям и говорил, что кланяться следует только Господу, и что никто кроме Господа не обладает величием в той мере, чтобы перед ним падали ниц.

После тех случаев, ниспращивающих аудиенцию у Тимур-бека предупреждают, чтобы они воздерживались от совершения глубоких

поклонов, а вместо того, просто преклоняли одну ногу, касаясь ее коленом земли. Такой способ выражения уважения касается также и иностранных послов, удостоившихся аудиенции у Тимур-бека, после чего он позволяет им сесть.

В сражениях шатер Тимура не отличается от шатра любого из его полководцев. Однако в местах, где устраивают привал, для его отдыха разбивают дорогой шатер или ставят юрту, и стоимость каждого из тех роскошных шатров и юрт может быть равной размеру дани, взимаемой с целого государства.

На верхушке шатра Тимурланга крепят золототканые и алые полотнища, наподобии знамен, и когда дует ветер и те полотнища развеваются, то возникает красивое зрелище. Внутренняя часть его шатра, в зависимости от погодных условий и времени года, украшают золотистыми и пурпурными тканями, кашмирскими шальями, коврами редкой красоты.

Я был в Самарканде, когда туда для встречи с Тимур-беком прибыл посол Генриха III правителя Кастилии, что расположена в Испании. Упомянутый посол носил имя Гонзалес Клавихо и был уже вторым по счету, которого Генрих III направлял ко двору Тимур-бека. Первый посол был отправлен, когда Тимур-бек находился в Руме, воюя с Йилдиримом Баязидом, и тот посол прибыв в Ангору в разгар военных действий застал Тимур-бека и его воинов сражающимися в боях. Когда тот посол собрался в обратный путь в Кастилию, Тимур-бек передал ему так много ценных и дорогих вещей в качестве даров для правителя Кастилии, что для их перевозки потребовалось двадцать мулов. В числе тех даров Тимур-бек через того посла отправил правителю Кастилии также двух своих наложниц-христианок, обладавших необычайной красотой.

Генрих III, правитель Кастилии, что в Испании, был настолько польщен величием и щедростью Тимур-бека, что направил к нему еще одного посла, которого звали Гонзалес Клавихо, и я сам видел того посла. Это произошло в 1403 году, за два года до смерти Тимур-бека (он умер вследствие апоплексического удара-паралича, случившегося с ним, когда он во главе войска приближался к границам Китая).

В понедельник, восьмого сентября 1403 года от Рождества Христова в городе Самарканде было договорено, что посол кастильского падишаха будет принят Тимур-беком.

В тот день Гонзалес Клавихо облачился в свои лучшие одежды, раздал сопровождающим его лицам дары, привезенные им от имени правителя Кастилии, эти сопровождающие шли впереди посла, пока то шествие не достигло места вблизи дворца Тимур-бека.

Там уже находилось несколько приближенных Тимур-бека, и они с почестями встретили посла Кастилии, помогли ему и его спутникам сойти с коней, приняли принесенные им дары и сами с почтением понесли их впереди процессии до вторых ворот дворца Тимур-бека.

В том месте процессию ожидали шесть индийских слонов, оснастка и сбруя которых была отделана золотом и пурпуром, на их спинах были установлены паланкины из дерева «фуфэл» (т.е. арека, капустная пальма – *Areca catechu*), что произрастает в Хиндустане, на них возложили дары кастильского владыки и слоны зашагали вместе с процессией, которая затем достигла третьих ворот дворца.

Там дары правителя Кастилии сняли с паланкинов и трое из внуков Тимур-бека с почетом встретили посла, один из высокопоставленных придворных, почтительно придерживая под руку Гонзалеса Клавихо, повел его к залу, где восседал сам Тимур-бек.

Слуги Тимур-бека пронесли вперед дары от правителя Кастилии, за ними шествовали трое из внуков Тимур-бека, за ними шагал посол Кастилии, почтительно придерживаемый под руки, таким образом процессия дошла до места, где восседал Тимур-бек.

В том месте посол Кастилии, опустившись на одно колено и приложив обе руки к груди, совершил поклон. Какое-то время он оставался в том положении, затем выпрямился и встал. После этого он сделал несколько шагов вперед и вновь, опустившись на одно колено, совершил поклон.

Таким образом, всего семь раз посол Кастилии опускался на одно колено и совершал поклон пока не приблизился к Тимур-беку.

К моменту, когда посол приблизился к Тимур-беку, поднесли и разложили перед Тимуром принесенные им дары.

Тимур-бек на арабском языке, который как он знал, был понятен Гонзалесу Клавихо, спросил: «Как здоровье и дела нашего любимого сына, правителя Кастилии, который как мы знаем является величайшим из правителей земли ференгов?»

Клавихо ответил: «Правитель Кастилии пребывает в добром здравии, дела его в хорошем состоянии, и он просит великого Господа ниспослать крепкого здоровья и долгих лет жизни для великого эмира.»

С этими словами посол вручил Тимур-беку послание от своего повелителя, тот, приняв послание, спросил, на каком языке оно писано. Гонзалес Клавихо ответил, что послание написано на испанском языке.

Тимур-бек сказал: «Здесь, кроме тебя самого и твоих спутников, нет никого, кто бы мог читать по-испански. Поэтому мы ознакомимся с содержанием послания после трапезы.»

Тем временем слуги Тимур-бека подняли дары, что были разложены перед тем великим человеком, чтобы унести их. Тимур-бек сказал послу Кастилии: «Даже если бы ты явился ко мне без этих даров, я был бы рад одной лишь вести о том, что правитель Кастилии пребывает в добром здравии.»

До того момента посол Кастилии и его спутники внимали Тимур-беку стоя, после того как дары унесли, он велел, чтобы посол и один из его сопровождающих, наиболее старший по своему рангу среди остальных, уселись справа от него. Остальным членам посольства было дозволено сесть слева от него, на расстоянии семи зарьов.

Сам Амир Тимур восседал на небольшом сидении о четырех ножках, голову его венчала белая шапочка, украшенная разноцветными драгоценными камнями и султаном.

Затем внесли кушания, и мне пришлось бы исписать множество страниц, чтобы описать количество и разнообразие яств, приготовленных для приема в честь посла Кастилии.

Несколько блюд, поданных в тот день состояли из баранины, жареной в собственном соку, и мяса молодых жеребцов, запеченных в углях костра, разожженного из степного хвороста.

Кебаб из жеребятины является одним из наиболее изысканных блюд степных жителей Мавераннахра. Жеребенка перед этим режут, свежуют (снимают кожу), извлекают внутренности, которые моют и очищают. Затем их снова помещают внутрь, добавляют туда немного масла, пахучих трав и зашивают разрез на брюхе. Затем тушу жеребенка помещают в его собственную кожу, которую также зашивают. Все это погребают под углями костра, разожженного из просушенного степного хвороста, я сам пробовал то блюдо и могу сказать, что оно очень вкусное.

Испеченную именно таким способом жеребятину на огромных подносах (каждый из которых несли несколько слуг) вносили в зал, клали наземь, разрезали на куски. Бедренную часть в блюдах располагали перед Тимурленгом, послом Кастилии и лицом, являвшимся первым после него по старшинству.

Им подносили также испеченные жеребьячи потроха. В тот день было зажарено свыше двухсот овец и жеребят, которых было бы достаточно, чтобы кормить то посольство в течении года, а может и дольше.

Во время трапезы гостям подавали напитки в золотых чашах и кувшинах. Тимурленг и его придворные пили из той посуды лишь кобылье молоко.

После трапезы посол Кастилии зачитал для Тимурленга послание своего правителя, и Амир Тимур выразил свое глубокое удовлетворение по поводу его содержания, сказав, что непременно направит в Испанию свое посольство с ответными дарами и посланием.

Начиная с той даты, в течении семи дней, то есть до 15 сентября 1403 года, Тимур-бек ежедневно в одном из своих дворцов устраивал приемы в честь посла Кастилии, и каждый раз церемонии, совершаемые в ходе тех приемов, отличались от предыдущих. В первый день гостей встречали со слонами, которые были богато украшены, на второй день их сменили кони, также изысканно украшенные, на третий день это были красивые мулы, на четвертый – породистые короткошерстные верблюды с оснасткой, усыпанной драгоценными камнями. И так, каждый день разнообразились условия и церемонии приемов, устраиваемых в честь Гонзалеса Клавихо. По окончании тех дворцовых приемов, Клавихо остался на зиму в Мавераннахре, и только весной он отбыл на свою родину. Я думаю, вряд ли в ближайшее время в мире может появиться властитель, который сумел бы сравняться с Тимур-беком по своему могуществу, богатству и щедрости.

**Конец воспоминаний епископа Султанин
о Тимурленге и конец этой книги.**